

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ЕЭК

ЕВРАЗИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION:
ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化：经济、法律、政治

Том 19 / Vol. 19

№4 (54) ————— 2025

16+

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Том 19, № 4 • 2025

Тема номера:
РОССИЯ СОСРЕДОТОЧИВАЕТСЯ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Решением Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов (от 09.09.2025 № ДС/22-пр) журнал отнесен ко второму уровню Единого государственного перечня научных изданий (доступен по адресу: <https://journalrank.rcsi.science/ru/record-sources/>). Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Все статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ: 119571 Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ: 199178 Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57/43

АДРЕС ТИПОГРАФИИ: 199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. www.eijournal.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2025
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

Vol. 19 No 4 • 2025

**Topic of the Issue:
RUSSIA IS FOCUSING ON THE EURASIAN SPACE**

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

FOUNDER: 119571 Moscow, internal territory of the city, municipal district Troparevo-Nikulino, Vernadsky Ave., 82, building 1
EDITORIAL: 199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61

PUBLISHER: 199178 St. Petersburg, Vasilievsky Island, Sredny Prospekt, 57/43

PRINTING HOUSE: 199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61

Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10. www.eijournal.ru

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2025
- © All rights reserved

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор проекта НИЛ стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Турғынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, кандидат политических наук, доцент

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдурашитович, директор Бишкекского филиала Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и защиты избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ), кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор Института Европы Российской академии наук, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КОЖОШЕВ Арзыбек Орзобекович, Член Коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, директор Института научной информации по общественным наукам (ИИОН) РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко (Россия, Москва), доктор экономических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундээв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, State Secretary of the Union State of Russia and Belarus, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Project of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPA, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHA Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, PhD in Political Sciences, Associate Professor

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Director of the Bishkek branch of the International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations (IPA CIS IIMDD), PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtiyor, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlis Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

GROMYKO Alexey, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KOZHOSHEV Arzybek, Member of the Board — Minister for Energy and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Kyrgyzstan, Bishkek), Doctor of Economics, Professor

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUZNETSOV Alexey, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MEZHEVICH Nikolay, Executive Director of the A. A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies (Russia, Moscow), Doctor of Economics, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Law" section, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
экономика, право, политика
Международный научно-аналитический журнал
Том 19, № 4 2025

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

О перспективах развития Союзного государства 9

ГЛАВНОЕ

Кефели И. Ф.

Судьба России — от поддержания политического равновесия в Европе к «собирателю» Большой Евразии 11

ЭКОНОМИКА

Крылова А. А.

Региональные меры поддержки инвестпроектов: проблемы и решения 22

Мосейко В. В.

Особенности национального регулирования самозанятых в странах ЕАЭС 34

Куклина Е. А.

Арктический макрорегион в потоке времени и смыслов
(к вопросу международного арктического сотрудничества) 47

Гвоздева М. А., Баринова В. А., Леваков П. А.

Трансформация туризма в парадигме устойчивого развития 59

ПРАВО

Сергевнин С. Л., Алексеев Г. В., Павлов Т. М.

Современная концепция агрессии и правовые принципы урегулирования региональных вооруженных конфликтов 71

Игнатьев А. С.

Проблемы единого (единообразного) толкования нормативных положений в рамках единой правовой системы Союзного государства 82

Агамагомедова С. А.

Правовое регулирование государственного контроля и надзора: евразийская повестка 90

Ковалёв В. С., Максимов С. В.

Фармацевтический сектор как драйвер технологической независимости ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН:
вопросы проконкурентного правового регулирования (Часть 1) 98

ПОЛИТИКА

Сердюков И. А.

ЕАЭС: достижения интеграции в социальной, культурной и научной сферах 108

Колобова Е. Ю.

Трансформация политического медиапространства в странах Евразийского экономического союза 117

Суточкин Р. С.

Роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана
через призму его участия в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ 129

Мохорова А. Ю., Черноземова Я. В., Демидова Е. Н.

Механизмы совершенствования межпарламентского сотрудничества на постсоветском
пространстве 139

Ровчак А. Ю.

Интегративно-симбиотическая модель формирования основ коллективного цифрового
сверненитета БРИКС 150

Веселова Д. Н., Пономарев М. Ю.

Участие российской газовой компании в проектах, реализуемых в рамках государственно-частного
партнерства (на примере ПАО «Газпром») 161

Арсентьева И. И.

БРИКС как новый центр силы в глобальном здравоохранении: вызовы и перспективы 172

Бушуев Е. С.

Доступ к ресурсно-сырьевой базе в оценке позиций государств на международных
сырьевых рынках: опыт становления нефтяной отрасли Саудовской Аравии 182

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

Расулзода Р.

Таджикистан в СНГ: направления, достижения и перспективы сотрудничества 193

Публикации журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2025 г 196

EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics
International scientific and analytical journal
Vol. 19, No. 4 2025

Contents

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

On the Prospects of the Union State Development..... 9

MAIN

Igor F. Kefeli

Russia's Fate: From Maintaining Political Balance in Europe to "Gatherer" of Greater Eurasia 11

ECONOMICS

Angelina A. Krylova

Regional Measures to Support Investment Projects: Problems and Solutions..... 22

Victoria V. Moseiko

Peculiarities of National Regulation of the Self-Employed in the EAEU Countries..... 34

Evgenia A. Kuklina

Arctic Macro-Region in the Flow of Time and Meanings (on the Issue of International Arctic Cooperation)..... 47

Margarita A. Gvozdeva, Vera A. Barinova, Pavel A. Levakov

Tourism Transformation within the Sustainable Development Paradigm..... 59

LAW

Sergey L. Sergeevnin, George V. Alexeyev, Timofey M. Pavlov

Modern Concept of Aggression and Legal Principles for the Settlement of Regional Armed Conflicts..... 71

Aleksandr S. Ignatiev

Problems of a Uniform (Similar) Interpretation of Normative Legal Provisions within the Framework of the Unified Legal System of the Union State..... 82

Saniyat A. Agamagomedova

Legal Regulation of State Control and Supervision: The Eurasian Agenda..... 90

Vladimir S. Kovalev, Sergey V. Maksimov

The Pharmaceutical Sector as a Driver of Technological Independence of the EAEU, BRICS, ASEAN: Issues of Pro-Competitive Legal Regulation (Part 1)..... 98

POLITICS

Igor A. Serdyukov

EAEU: Achievements of Integration in Social, Cultural and Scientific Spheres..... 108

Evgenia Yu. Kolobova

Transformation of the Political Media Space in the Countries of the Eurasian Economic Union 117

Ruslan S. Sutochkin

The Role of the Greater Eurasian Partnership Project in Kazakhstan's Politics through the Prism of Its Participation in the CIS, EAEU and CSTO 129

Anna Yu. Mokhorova, Yana V. Chernozemova, Elena N. Demidova

Mechanisms for Improving Interparliamentary Cooperation in the Post-Soviet Space 139

Aleksander Yu. Rovchak

An Integrative-Symbiotic Model for the Establishment of the Foundations of Collective Digital Sovereignty within BRICS 150

Darya N. Veselova, Mikhail Yu. Ponomarev

The Participation of the Russian Gas Company in Projects of a Public-Private Partnership (the Example of Gazprom PJSC) 161

Irina I. Arsentyeva

BRICS as a New Center of Power in Global Health: Challenges and Prospects 172

Evgeny S. Bushuev

Access to a Raw Resources Base as a Factor in Assessing the Position of States in International Commodities Markets: A Case of Forming the Oil Industry of Saudi Arabia 182

EURASIAN CHRONICLE

Rukhsora Rasulzoda

Tajikistan in the CIS: Directions, Achievements, and Prospects for Cooperation..... 193

Publications in the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" in 2025..... 196

О перспективах развития Союзного государства

В настоящее время реализуются научно-технические программы и проекты, осуществляется глубокое взаимодействие между ведомствами членов Союзного государства в соответствии с Основными направлениями реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг. Важнейшие из этих направлений: проведение согласованной структурной макроэкономической политики; создание общего финансового рынка; согласованная налоговая политика и сотрудничество в таможенной сфере; проведение единой промышленной политики и сотрудничество в области торговли; аграрная политика; функционирование объединенных энергетических рынков Союзного государства и обеспечение надежной и безопасной эксплуатации объектов использования атомной энергии; функционирование объединенной транспортной системы Союзного государства.

Программы Союзного государства — эффективный инструмент создания высокотехнологичной научно-коемкой продукции, которая отвечает требованиям нового технологичного уклада, а в сочетании с рациональной промышленной политикой становится элементом формирования и развития единого научно-технического и экономического пространства Союзного государства. Эти программы ограничиваются исследовательскими и опытно-конструкторскими разработками, возможный эффект от внедрения которых ожидается через несколько лет. Так, в сфере электронной и микроэлектронной промышленности были усовершенствованы конструкции и технологии производства перспективных полупроводниковых изделий специального применения для решения различных задач, в том числе по развитию автомобильной электроники. Реализация программ Союзного государства по космической тематике стала технологической основой Белорусской космической системы дистанционного зондирования Земли.

В настоящее время реализуются три научно-технические программы: разработка интеллектуальных высокотехнологичных цифровых и электронных компонентов систем для автотранспортных средств специального и двойного назначения («Интелавто»); разработка перспективных базовых технологических процессов получения функциональных материалов, структур, компонентов и модулей для высокоэффективных изделий фотоники в Союзном государстве («Компонент-Ф»); разработка базовых элементов орбитальных и наземных средств в интересах создания многоспутниковых группировок малоразмерных космических аппаратов наблюдения земной поверхности и околоземного космического пространства («Комплекс-СГ»).

Как уже было сказано, в Союзном государстве принятые Основные направления реализации Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 гг., Стратегия научно-технологического развития на период до 2035 г. и документы концептуального характера (Концепция безопасности Союзного государства, Концепция информационной безопасности Союзного государства). Для их реализации требуется программно-целевой подход, который предлагается формализовать посредством формирования системы стратегического планирования в Союзном государстве в составе: долгосрочного прогноза развития Союзного государства на 15-летний период; основных направлений развития Союзного государства на 5-летний период; целевых программ их реализации; концепций безопасности; стратегий развития по ключевым сферам интеграции (социально-экономической, научно-технологической, информационной, в области безопасности и военного сотрудничества); программ СГ по их реализации, включая научно-технические программы и проекты. Тем самым открываются новые возможности для развития экономики, расширения налоговой базы и решения задач обеспечения социальной безопасности.

В целях достижения значимых масштабов деятельности предлагается построение целеориентированной кредитно-инвестиционной платформы Союзного государства с использованием специальных инструментов рефинансирования центральных банков.

В качестве основы может быть использована белорусская модель поддержки инвестиционной активности. На первом этапе предлагается отработать механизм целевого низкопроцентного долгосрочного кредитования производства белорусских товаров, в том числе создаваемых в результате реализации проектов и программ Союзного государства. Планируется запустить специальный инструмент рефинансирования Национальным банком Республики Беларусь банков и институтов развития для предоставления ими инвестиционных кредитов под 3–5% годовых в пределах 10 млрд белорусских руб.

Специинструмент рефинансирования позволит привлечь дополнительные внебюджетные инвестиции в размере не менее 30 млрд белорусских руб. Общий эффект реализации инвестиционных проектов и производства товаров Союзного государства (прирост взаимной торговли, добавленной стоимости, дополнительные налоги, рост технического уровня) составит более 100 млрд руб. за пять лет.

После отработки предлагаемого механизма модель инвестиционной платформы Союзного государства может быть внесена на рассмотрение Высшего Государственного Совета с масштабированием в 5–10 раз и с использованием современных цифровых технологий (цифрового рубля, блокчейна, ИИ и др.) для целевого контроля жизненных циклов союзных проектов и программ.

Наряду с этим целесообразно организовать доступ предприятий каждого из государств к получению мер государственной поддержки, действующих в другом государстве. Для этого необходима гармонизация национальных систем стратегического планирования с выделением общей части на основе принципа равенства прав предприятий участвовать в национальных программах и проектах. То же касается частно-государственного партнерства, которое должно быть направлено на обеспечение общих стратегических приоритетов: специинвестконтракты и другие многосторонние инвестиционные соглашения, концессии и т. п. Для проведения этой работы целесообразно создать Комитет СГ по стратегическому планированию в составе руководителей экономических министерств и ведомств сторон под руководством Государственного секретаря.

Для отработки механизмов целевого кредитования наращивания производства товаров Союзного государства на формируемой инвестиционной платформе надлежит параллельно запустить пилотные инвестиционные проекты совместного производства станков и другого металлообрабатывающего оборудования, грузовых автомобилей, электробусов, микроэлектроники.

Создание специальных инструментов рефинансирования банков и институтов развития под кредитование совместных инвестиционных проектов следует привязать к производству товаров Союзного государства. Эти предложения прорабатываются по поручению Председателя Высшего Государственного Совета, Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко и, надо надеяться, позволят решить проблему валютной сбалансированности реализации инвестиционных проектов: если спрос на импорт при этом меньше валютной выручки, то кредитование такого проекта в национальных валютах не создает рисков для платежного баланса.

Недавно Белнешэкономбанк выступил с инициативой по созданию инвестиционной платформы Союзного государства. Мы сейчас работаем над ее наполнением конкретными инструментами. В частности, подготовили проект положения о предоставлении субсидий из бюджета Союзного государства по кредитам, выданным по льготной процентной ставке заемщикам для реализации совместных проектов государств — участников Договора о создании Союзного государства в целях импортозамещения и достижения технологического суверенитета. Запуск этой платформы может стать первым шагом на пути к формированию обозначенной системы институтов развития Союзного государства.

Сергей Глазьев,
главный редактор,
Государственный секретарь
Союзного государства России и Беларуси

специальность: 5.5.4.

оригинальная статья / original paper

EDN: MLDSYE

Судьба России — от поддержания политического равновесия в Европе к «собирателю» Большой Евразии

Кефели И. Ф.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

РЕФЕРАТ

В условиях продолжающейся глобальной трансформации международных отношений и мировой политики **цель** исследования — анализ путей формирования Большой Евразии как одного из полюсов глобальной geopolитики, уклада и цивилизационного мироустройства. Предметом исследования является сопоставление внешней политики Российской империи и современной России, строящей свои отношения с Европой и в рамках Большой Евразии. **Методология:** диалектический и сравнительно-исторический методы и подходы к объекту исследования. Дискуссия касается интерпретаций места и роли акторов образуемых союзов и объединений на евразийском пространстве и сохранение своей национальной обособленности. **Выводы** сводятся к признанию необходимости диалектического сочетания как интересов акторов создаваемых союзов, так и деятельности этих союзов в глобальном мироустройстве.

Ключевые слова: Большая Евразия, ЕАЭС, СНГ, Россия, Союзное государство, мировая политика, идеология

Для цитирования: Кефели И. Ф. Судьба России — от поддержания политического равновесия в Европе к «собирателю» Большой Евразии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 11–21. EDN: MLDSYE

Russia's Fate: From Maintaining Political Balance in Europe to "Gatherer" of Greater Eurasia

Igor F. Kefeli

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russia

e-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

ABSTRACT

Aim. Amid the ongoing global transformation of international relations and world politics, the aim of this study is to analyze the development of Greater Eurasia as a poles of global geopolitics, structure, and civilizational world order. The subject of this study is a comparison of the foreign policies of the Russian Empire and modern Russia, which is building its relations with Europe and within the framework of Greater Eurasia. **Methods.** The methodology utilizes dialectical and comparative historical methods and approaches to the object of study. The discussion concerns interpretations of the place and role of actors in emerging unions and associations in the Eurasian space and the preservation of national distinctiveness. **Conclusions** lead to the recognition of the need for a dialectical combination of both the interests of actors in emerging unions and the activities of these unions in the global world order.

Keywords: Greater Eurasia, EAEU, CIS, Russia, Union State, world politics, ideology

For citation: Kefeli I. F. Russia's Fate: From Maintaining Political Balance in Europe to "Gatherer" of Greater Eurasia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 11–21 (In Russ.). EDN: MLDSYE

Введение

Недавно В. В. Путин, встречаясь с представителями средств массовой информации (по завершении государственного визита в Республику Таджикистан), довольно четко определил современную роль Содружества Независимых Государств (СНГ, Содружество) — первого интеграционного образования на постсоветском пространстве — на будущее: «...какими бы ни были большими различия в культуре самых разных народов бывшего Советского Союза, но какой-то единый морально-нравственный код советского человека все-таки был. И это тоже имеет определенное значение. И сохранение всего того, что досталось от Советского Союза, — эту задачу СНГ и призвано решать»¹. Пришло время оценить наяву действие одного из законов диалектики — отрицания отрицания (или двойного отрицания).

Одно из таких решений — сохранять усилиями Содружества преемственность — было достаточно четко сформулировано в Заявлении министров иностранных дел государств — участников СНГ о принципах сотрудничества в обеспечении безопасности в Евразии, в частности, поддержки инициатив, «которые способствуют налаживанию прямого диалога между евразийскими цивилизациями, развитию региональных интеграционных экономических процессов и партнерств, реализации взаимовыгодных проектов, а также укреплению культурно-гуманитарного сотрудничества на континенте»². В блоке вопросов политического сотрудничества Советом глав государств СНГ подписаны решения об учреждении формата «Содружество Независимых Государств плюс» и предоставлении ШОС Наблюдателя при СНГ, что будет способствовать утверждению Содружества в качестве одного из центров силы в многополярном мире³.

Россия и Европа: экскурс в историю их взаимоотношений

Русь-Россия на всем протяжении своей истории так или иначе выступала если и не спасительницей, то уж во всяком случае сторонником обеспечения «генеральной тишины» в Европе. Н. М. Карамзин восторженно описывал роль Русского государства в политической жизни Европы в годы царствования Ивана III: «Образуется Держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической. Уже союзы и войны наши имеют важную цель: каждое особенное предприятие есть следствие главной мысли, устремленной ко благу отечества» [7, с. 5–6.]. Правда, в те времена достаточно было Ивану III взять в жены Софью Палеолог, дочь последнего греческого императора Константина Палеолога, чтобы «Европа с любопытством и с почтением обратила взор на Москву, дотоле едва известную» [Там же, с. 57–58].

Россия не принимала участия в Тридцатилетней войне 1618–1648 гг., но обрела статус самостоятельного geopolитического актора в Вестфальской системе международных отношений, что было признано современными европейскими историками [19, р. 24–28]. Геополитический статус России органично сочетался с принципом *политического равновесия*, заложенным, по ее инициативе, в Вестфальских соглашениях на последующие десятилетия вплоть до Французской революции, а потому, по заверению военного историка С. А. Жигарева, он реализовался во внешней политике России, «активное участие

¹ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 10.11.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78186> (дата обращения: 20.11.2025).

² Заявление министров иностранных дел государств — участников Содружества Независимых Государств о принципах сотрудничества в обеспечении безопасности в Евразии [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/upload/medialibrary/a0a/mv1w0so1hxoy21ok8qh2cnspua4zula4/2024-10-24_%D0%91%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C.pdf (дата обращения: 20.11.2025).

³ Итоги заседания Совета глав государств СНГ (10 октября 2025 года) [Электронный ресурс]. URL: https://eccis.org/news/30919/itogi_zasedaniya_soveta_glav_gosudarstv_sng (дата обращения: 20.11.2025).

которой в решении вопросов, возникавших на этой почве, сделалось неизбежным и необходимым уже в силу одного ее военного могущества» [6, с. 62–63]. Первым шагом на этом поприще было вступление России в Священную лигу (Австрия, Польша и Венеция) в 1686 г. (официально в 1697 г.) с целью отражения турецкой агрессии. Столь же активно обустройство европейской международной политики осуществлял Петр I, инициировавший в 1717 г. подписание союзного договора с Пруссией и Францией, в который собственноручно вписал: «А дабы мир и сию алианцию¹ толь твердее и постояннее учинить, того ради, — гласил пункт V Амстердамского трактата, — Царь Всероссийский, Король Христианнейший и Король Прусский не токмо допустят, но и призывать будут все державы и Статьи² в сей настоящий трактат вступить для содержания генеральной тишины во всей Европе и для общей пользы всех интересованных сторон» [5, с. 617]. Столь же твердая, национально-ориентированная внешняя политика была присуща и Екатерине II. По заверению русского историка А. С. Трачевского, «верная основным преданиям Петра Великого, Екатерина сразу, без колебаний, выдвинула озарившую ее славой идею, от которой она никогда не отступала. Это — живое участие в европейских делах в интересах России. Екатерина желала соединить в своих руках нити мировой политики, чтобы существование северного колоссачувствовалось везде... быть решительницей судей Европы (*l'arbitre de l'Europe*)» [17, с. 47].

«Россия сосредоточивается»

Признание современной России как геостратегической оси Евразии в сугубо геоцивилизационном смысле опирается на сложившийся еще в XIX в. «Европейский концепт», определивший существование Венской геополитической эпохи. Как известно, по предложению российского императора Александра I на Венском конгрессе в сентябре 1815 г. был образован Священный союз (La Sainte-Alliance) монархов России, Австрии и Пруссии с целью обеспечения устойчивого мира в Европе на предстоящие десятилетия. Но!.. Заключению этого союза предшествовал ряд событий, объединивших усилия Австрии, Франции и Англии против России. Более того, 3 января 1815 г. они в строжайшей тайне от Александра I заключили секретный договор и даже составили план намеченной на конец марта военной кампании против России и Пруссии, боясь, прежде всего, возросшего военно-политического влияния России в Европе. (Как это знакомо! В апреле 1945 г. У. Черчилль поручил Объединенному штабу планирования разработать операцию «Немыслимое» (*“Unthinkable”*) с целью нападения англо-американских войск на Советский Союз 1 июля 1945 г.)

Венский конгресс завершил свою работу 9 июня 1815 г. подписанием заключительного акта, а уже 14 сентября того же года в Париже был подписан акт о рождении Священного союза³. На одном из последующих конгрессов (в Троппау в октябре 1820 г.) был узаконен «принцип интервенции», согласно которому монархи получили «право вмешательства», т. е. военного вторжения, в любую страну, где произойдет революция, хотя бы правительство, свергнутое революцией, и не желало этого. Священный союз вскоре распался, что было связано и с неожиданной кончиной российского императора Александра I, однако он укрепил статус «великих держав»: поначалу это были Россия, Австрия и Великобритания, позже в их состав вошла Пруссия, а с 1818 г. — Франция.

Так в исторических рамках той эпохи сложилась политика коалиций, создававшихся на основе ситуационного объединения интересов тех или иных государств, имперского контроля географического пространства: Российская империя, Франция и Германская империя (с 1871 г.), Британская колониальная империя (провозглашенная в 1876 г.), Турецкая империя (турецкий султан принял титул «императора османов» в 1877 г.). Заключение в 1873 г. «Союза трех императоров» (России, Германии и Австро-Венгрии) укрепило влияние России на европейскую политику как «геополитического балансира» и активизацию внешней политики на Дальнем Востоке — противодействие проникновению Англии и Франции в Китай,

¹ Альянс (франц. *Alliance*) — союз, объединение.

² По всей видимости, штат (нем. *Staat* — «государство, правление») — в русском языке обозначает государства либо административно-территориальные объединения, обладающие определенным уровнем суверенитета.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 33. № 25943. С. 279–280.

которое привело к «опиумным» войнам (1840–1842 и 1856–1860 гг.) [9, с. 26–39]. И все же Российская империя в Венскую геополитическую эпоху стала одной из признанных ведущих великих держав, внешняя политика которой заключалась, во-первых, в расширении своих границ и в самостоятельном выборе геополитических партнеров; во-вторых, в освоении новых географических пространств («от моря до моря»), включении в состав империи новых народов; в-третьих, в формировании в недрах общественной мысли объединительных государствообразующих геостратегий («Москва — Третий Рим», «Православие, Самодержавие, Народность», «Геополитический балансир») [13, с. 97–107]. Своеобразная имплементация евразийской риторики во внешнюю политику России середины XIX в. выразилась в эволюции идеи о срединном положении России между Европой и Азией. На языке дипломатии эта идея заключалась в крылатой фразе «Россия не сердится; Россия сосредоточивается» канцлера А. С. Горчакова¹. С начала своей деятельности на посту министра иностранных дел он, будучи европоцентристом по своему умонастроению, стал укреплять дипломатические связи с Японией и Китаем, выстраивая восточный вектор внешней политики России.

Трансформация евразийской идеи в концепцию Большой Евразии

Вспомним «Статистические очерки России» К. И. Арсеньева, где однозначно утверждалось, что «Сибирь, Закавказье, Финляндия и Царство Польское суть такие страны, которые обеспечивают внешнюю безопасность Государства, не затрудняя внутреннего управления. Сии земли, полезные для России по уважениям военным, политическим и коммерческим, не составляют существа Империи... должны быть рассматриваемы как вспомогательные силы одной главной и великой силы, заключающейся в собственно Русских землях... сии страны суть истинное отечество Русских, твердейшая или главная основа державы Российской» [2, с. 24–26].

Обращает на себя внимание сам ход рассуждений автора «Очерков», связанный, во-первых, с определением местоположения России между Европой и Азией в части обеспечения ее внешней безопасности «колониями Русскими» и, во-вторых, с четким пониманием того, что эти «колонии», будучи внешним поясом безопасности, есть «истинное отечество Русских, твердейшая или главная основа державы Российской» как полюс военной силы и экономического могущества на Евразийском континенте, тот самый срединный мир, который в работах В. И. Ламанского и, следом за ним, основателей евразийского учения предстал как Россия-Евразия. Спустя полвека подобное позиционирование России определили основатели евразийского учения П. Н. Савицкий и Г. В. Вернадский [8; 13; 10; 14 и др.].

Постепенно евразийская риторика включилась в корпус официальных документов, регламентирующих внешнюю политику Российской Федерации. А этих документов как-никак за тридцать лет в постсоветской России было принято шесть — в 1993, 2000, 2008, 2013, 2016, 2023 гг.! Внешнеполитическая ориентация России должна была исходить из «фундаментальных общенациональных интересов», а не каких-либо идеологических установок, поскольку утверждался курс на развитие особых отношений:

- с государствами ближнего зарубежья;
- с «экономически мощными и технологически развитыми» странами Запада;
- с «новыми индустриальными странами в различных регионах».

Задачи обеспечения международной безопасности ограничивались поддержкой курса на сокращение вооружений и разоружение, а одной из приоритетных целей было заявлено достижение «устойчивого развития отношений с США с установкой на стратегическое партнерство, а в перспективе — на союзничество»². В Концепции внешней политики 2000 г. был провозглашен новый внешнеполитический курс страны в наступившем XXI в., четко сформулированный В. Путиным в «Мюнхенской речи» 2 февраля 2007 г.: «...для современного мира однополярная модель не только неприемлема, но и вообще невоз-

¹ «La Russie ne boude pas; elle se recueille», — так звучала эта фраза из циркуляра от 26 августа 1856 г., разосланного во все посольства Российской империи Горчаковым, назначенным министром иностранных дел Российской империи в апреле 1856 г. (АВПРИ, ф. Канцелярия, оп. 469, 1856 г., д. 42, л. 201–210, франц. яз. Доступ: <https://idd.mid.ru/>).

² Концепция внешней политики 1993 г. (утверждена распоряжением Президента РФ Б. Н. Ельцина от 23 апреля 1993 г. // Дипломатический вестник. Специальный выпуск (Январь 1993 г.).

можна... сама модель является неработающей, так как в ее основе нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации»¹.

Так постепенно в последующих стратегиях внешней политики Российской Федерации определялись контуры зон безопасности и на евразийском пространстве. Так, в Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. была недвусмысленно заявлена «главная цель российской внешней политики на европейском направлении» — «создание по-настоящему открытой, демократической системы общерегиональной коллективной безопасности и сотрудничества, обеспечивающей единство Евро-Атлантического региона — от Ванкувера до Владивостока ... Россия выступает за достижение подлинного единства Европы, без разделительных линий, путем обеспечения равноправного взаимодействия России, Европейского союза и США»². В очередной Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г. Россия все еще позиционировалась как «неотъемлемая, органичная часть европейской цивилизации», а потому должна утверждаться в статусе «связующего узла», ключевого транзитного направления по обеспечению торгово-экономических связей между Европой и Азиатско-Тихоокеанским регионом и продвижения к созданию «единого экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана» (ст. 44, 54, 56)³.

Пожалуй, впервые упоминание об официальном статусе Евро-Атлантического, Евразийского и Азиатско-Тихоокеанского регионов состоялось в Концепции внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. (прежде это было присуще научным и идеологическим разборкам и дискуссиям). Здесь же они указывались в связи с необходимостью соблюдения универсального принципа равной и неделимой безопасности применительно к этим регионам. Сохранилась та же риторика по поводу причастности внешней политики России к формированию общего пространства мира, безопасности и стабильности в Евро-Атлантическом и в Азиатско-Тихоокеанском регионах и «взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах»⁴. Сбывается идея П. Н. Савицкого и Г. В. Вернадского о роли России-Евразии как «срединном мире». В действующей Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. впервые зафиксировано местоположение России как «самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»⁵, что позволяет более четко интерпретировать геостратегическую ось Большой Евразии как установку на необходимость достижения общности евразийской политики государств — членов ЕАЭС.

В последние годы все более настоятельно эксперты, аналитики и политические лидеры заявляют о необходимости решения проблем идеологического порядка, смысла существования и направленности развития интеграционных объединений, евразийской безопасности, интерпретации исторического прошлого, аргументации происходящего и видения будущего [1; 4; 11; 12; 16]. Идеологическая интеграция в рамках межгосударственных объединений — довольно деликатная проблема, согласованное решение которой упирается, как показывает жизненная практика, в растущий национализм, пантюркизм и панисламизм, обращение к истории своих предков и земель, произвольное сочинение «историй» некогда существовавших «великих держав» в тех или иных регионах Евразии. Тенденции утверждения националистических настроений закладываются в системе образования и в культурной политике.

¹ См. подробнее: Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24034> (дата обращения: 30.10.2025).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации Д. А. Медведевым 12 июля 2008 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1670707/ (дата обращения: 30.10.2025).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г. (утратила силу)) [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/law/konseptsiia-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/> (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1> (дата обращения: 01.11.2025).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 03.11.2025).

Для этого достаточно было представить СССР «средоточием зла в современном мире» (политическое клише *“focus of evil in the modern world”* президента США Р. Рейгана в его выступлении перед Национальной ассоциацией евангелистов США в марте 1983 г.¹), то есть страной авторитарной, где весь спектр социальных процессов исчерпывался массовыми репрессиями против представителей каждой социальной страты. Раз СССР внутри себя якобы был империей зла, то, согласно формальной логике, и вовне он выступал в том же качестве, то есть оккупантом и разрушителем этнической идентичности народов окраин. Печально, но факт, — этот посыл деструктивной идеологии был активно подхвачен практически с начала распада Советского Союза в ряде государств — членов СНГ представителями и вдохновителями кампаний отчуждения от всего советского в хозяйственной жизни, быту и массовом сознании в угоду утверждения национальной самостоятельности и самодостаточности. Тогда сработал неизбежный «геополитический триггер» — переключение вновь образованных молодых государств на другой полюс силового подчинения. Сложилась парадоксальная ситуация: *Содружество Независимых Государств* создается решениями представителей их политической элиты, заверяющих друг друга в вечной дружбе, а в социальной сфере, образовании, культуре, массовом сознании образ России (некогда исполнявшийся даже в песнях — «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь») оказывается крайне негативным — оккупант, эксплуататор, еще и «империя зла». На этот когнитивный диссонанс обратили внимание еще в первые годы наступившего XXI в. отечественные ученые на примере школьных учебников по истории. В них советский период подается только в негативном ключе: «Отношения между народами в националистической историографии понимаются только как игра с нулевой суммой... В сознании народов бывшего СССР будет сформирован образ России как зловещей империи, которая веками уничтожала, подавляла и эксплуатировала их» [3, с. 11–12]. Первый президент независимого Казахстана Н. А. Назарбаев утверждал: «Россия просто самим фактом своего существования (и особенно фактом своего существования в статусе великой державы) действительно является фактором дестабилизации государственности для большинства своих постсоветских соседей»².

А теперь зададим себе вопрос: интеграция с «империей зла» может быть успешной? Ответ очевиден: нет. В большинстве случаев бывшие «оккупированные» окраины будут стремиться к компенсации надуманной социальной травмы поиском вариантов отказа от общей с Россией истории и поиском «нового старшего брата».

Вовсе не СССР сделал Казахстан развитым регионом. «Около 300 миллиардов американских долларов привлечено в виде прямых инвестиций. Это не кредиты. То есть — американские компании пришли, вложили свои деньги в нашу экономику, стали производить. [...] Именно благодаря таким инвестициям поднялся Казахстан. Потому что они принесли не только деньги, но и технологии»³. А как же создание сотен заводов в Казахстане во времена СССР? Только во время Великой Отечественной войны в республике появилось 460 промышленных объектов. С 1955 по 1985 г. «с нуля» построено 43 города, а также космодром, с которого стартовали первый искусственный спутник Земли и первый космонавт планеты⁴.

В то же время собственный вклад Казахстана в историю мира его первый президент Н. А. Назарбаев определяет следующими достижениями: одомашнивание лошади и связанное с этим изобретение сапог, штанов, высокого седла, стремян, сабли, композитного лука, пластинчатой защитной брони для коня и всадника, а также «производство новых, более прочных металлов», «искусство звериного стиля» (изображения животных на предметах быта), технология обработки золота (археологическая находка «Золотой человек»), территория Казахстана как колыбель тюркского мира, историческая родина яблок

¹ President Reagan's Speech before the National Association of Evangelicals [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20040609055415/http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm> (дата обращения: 04.11.2025).

² Антироссийские высказывания Назарбаева нельзя одобрить, но можно понять [Электронный ресурс] // Взгляд. Деловая газета. 07.12.2016. URL: <https://vz.ru/world/2016/12/7/848137.html> (дата обращения: 09.11.2025).

³ Н. Назарбаев: Я много раз слышал, что мы Родину продаем [Электронный ресурс] // zakon.kz. 12.12.2016. URL: <https://www.zakon.kz/redaktsiya-zakonkz/4834012-n.nazarbaev-ja-mnogo-raz-slyshal-cto.html> (дата обращения: 09.11.2025).

⁴ Досье: Достижения промышленности Казахстана в советский период [Электронный ресурс] // Евразия эксперт. 30.12.2023. URL: <https://eurasia.expert/dose-dostizheniya-promyshlennosti-kazakhstan-v-sovetskiy-period/> (дата обращения: 10.11.2025).

и тюльпанов¹. Правда, Н. А. Назарбаев политкорректно относит вышеперечисленные достижения не собственно к казахам, но к народам, жившим на территории современного Казахстана, «степнякам». И все-таки необходимо упомянуть о переходе межгосударственных отношений Российской Федерации и Республики Казахстан на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства и союзничества, который был зафиксирован в соответствующей Декларации во время первого государственного визита Президента Республики Казахстан К. К. Токаева в Российскую Федерацию 12 ноября 2025 г. Обратим внимание на три позиции данного документа.

«Фундаментальным интересам Сторон отвечает формирование надежной архитектуры равной и неделимой безопасности на Евразийском континенте. К ее системообразующим элементам относятся Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Содружество Независимых Государств (СНГ), Шанхайская организация сотрудничества и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии» (п. 3).

Обеспечить «совместное развитие транспортно-логистической инфраструктуры и другие вопросы экономического взаимодействия, в том числе в рамках идеи Большого Евразийского партнерства» (п. 12).

Необходимо «стимулировать диалог, позволяющий глубже понимать прошлое, традиции и культуру двух братских народов, содействовать их взаимообогащению на основе близких духовно-нравственных ценностей, цивилизационного единства славян и тюрков, братства “древней Руси и Великой степи”, союза православия и традиционного ислама» (п. 34).

Эти три позиции Декларации следуют, пожалуй, рассматривать как основные опорные пункты взаимодействия по линии «политика — экономика — идеология» между всеми государствами — членами СНГ. Причем Президент Казахстана К. Токаев подтвердил свою позицию в отношении цивилизационного единства славян и тюрков в своем заявлении для СМИ по завершении переговоров с Президентом России В. Путиным 12 ноября 2025 г.: «Критически важно то, что нас объединяют уходящая в глубь веков совместная история, активные культурно-духовные связи, общие ценности, схожие взгляды на современные вызовы и будущее развитие. Именно на таком прочном фундаменте стратегическое партнерство динамично развивается на всех направлениях»².

Почему так важно отношение подобного формата государств — членов СНГ и ЕАЭС именно к России? Очевидно, потому, что в любом объединении, тем более в объединении межгосударственном, всегда есть лидер, в данном случае — наиболее развитая страна, ядро, вокруг которого строится само по себе объединение. Россия — единственная в ЕАЭС страна, имеющая геополитический статус великой державы, четвертая экономика мира. Разрушить отношение к ядру, к лидеру — значит «по факту» в значительной степени разрушить и само данное объединение при его юридическом сохранении. И главное здесь не экономика, главное — идеология как таковая. «Мы на уровне страны сделали ставку на внешнюю политику невмешательства во внутренние дела, в том числе стран бывшего Советского Союза. Мы не заглядывали в их учебники, образовательные программы, университеты. Мы совсем не трогали эти сферы, в то время как Турция, Британия, Франция, США трогали их, не переставая, и готовили из них наших врагов. А мы не готовили из них наших друзей»³.

Вовсе не евразийская идеология является цементирующим моментом внутри ЕАЭС. Евразия огромный континент, там сосуществуют Казахстан и Франция, Белоруссия и Великобритания, Россия и Албания. Что их может объединять, кроме географии? На наш взгляд, идеологической основой интеграции стран ЕАЭС может и должно стать их единое прошлое в составе именно СССР, который являлся великой индустриальной цивилизацией и цивилизацией социального равенства.

¹ Статья Главы государства «Семь граней Великой степи» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 21.11.2018. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi (дата обращения: 09.11.2025).

² Заявления для прессы по итогам российско-казахстанских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). 12.11.2025. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78447> (дата обращения: 21.11.2025).

³ Прилепин: «Кто-то запустил мигрантов в Россию, но не сделал из них граждан» [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/aKSapkISNhw2ztz5> (дата обращения: 09.11.2025).

Рано или поздно остро встанет вопрос о совместности в рамках Союзного государства «идеологического многообразия» России и государственной идеологии Беларусь. В Конституции Российской Федерации четко указано, что в «Российской Федерации признается идеологическое многообразие... Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ст. 13, пп. 1, 2)¹. В свою очередь, 9 апреля 2025 г. Президент Республики Беларусь А. Лукашенко издал Директиву № 12 «Основы идеологии белорусского государства», в которой четко указано, что целью идеологической работы является «построение социально справедливого общества через формирование всесторонне развитой личности, отстаивающей национальные интересы»². Вопрос об идеологической совместности членов Союзного государства должен быть, очевидно, решен. О подобном разночтении государственной идеологической неустроенности предупреждал еще в 1927 г. Н. С. Трубецкой в работе «Общеевразийский национализм» [18, с. 26–30].

Заключение

Одним из вариантов формирования идеологии современного евразийства и концепции Большой Евразии может стать путь, который, очевидно, предполагался еще в «Договоре о Евразийском экономическом союзе» на основе сочетания, как это следует из ст. 2 «Определения», «единой политики» («политика, осуществляемая государствами-членами в определенных ими сферах, предусмотренных настоящим Договором, предполагающая применение государствами-членами унифицированного правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза в рамках их полномочий»), «скоординированной политики» («политика, предполагающая осуществление сотрудничества государств-членов на основе общих подходов, одобренных в рамках органов Союза, необходимых для достижения целей Союза, предусмотренных настоящим Договором») и «согласованной политики» («политика, осуществляемая государствами-членами в различных сферах, предполагающая гармонизацию правового регулирования, в том числе на основе решений органов Союза, в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, предусмотренных настоящим Договором»). Однако далее, в ст. 5 «Компетенция», мы встречаем упоминание лишь о скоординированной политике и согласованной политике: п. 2 «Государства-члены осуществляют скоординированную или согласованную политику в пределах и объемах, установленных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза» и п. 3 «В иных сферах экономики государства-члены стремятся к осуществлению скоординированной или согласованной политики в соответствии с основными принципами и целями Союза». В ст. 4 «Основные цели Союза» и ст. 5 «Компетенция» какого-либо упоминания об «единой политике», которая так или иначе должна была строиться на идеологии и принципах евразийства, мы не обнаруживаем. Это можно было бы объяснить «трагическим наследием ельцинизма», от которого было трудно оторваться еще десятилетие назад, но сейчас пришло время утверждения собственно евразийской идеологии как дальнейшей деятельности ЕАЭС [15]. По крайней мере, Беларусь, одно из ключевых звеньев Союза, тому пример.

Есть все основания полагать, что вопрос о России как геостратегической оси Большой Евразии, будучи весьма дискуссионным, будет решаться не только на поле сражений, но, в первую очередь, во внутренней политике, адекватно реагирующей на все неожиданности глобальной трансформации современного мира. Прислушаемся к словам российского канцлера А. М. Горчакова: «В какой области ни возьмись мы строить предположения, будь то Европа или Восток, мы приходим к одному выводу — для своей безопасности, равно и ради своего могущества на внешней арене, и в интересах народов, заботу о которых возложило на нас Провидение, а также в интересах мира и общего равновесия, наипервейший долг России есть завершение внутренних преобразований, от чего зависит будущее России и всех сла-

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#chapter_start (дата обращения: 09.11.2025).

² Директива № 12 «Основы идеологии белорусского государства» [Электронный ресурс]. URL: https://ivr.gsu.by/sites/default/files/documents/normativ/direktiva_ot_09.04.2025_№12_o_realizacii_osnov_ideologii_beloruskogo_gosudarstva.pdf (дата обращения: 11.11.2025).

вянских народов. Сие есть основа основ нашей политики»¹. Но при этом необходимо учитывать, что основой российской политики должна служить не только историческая память, но учет реалий сегодняшнего дня, в частности, четкое указание в новой Стратегии национальной безопасности США на необходимость «значительного дипломатического участия США» в регулировании отношений Европы с Россией «как для восстановления условий стратегической стабильности на евразийском континенте, так и для снижения риска конфликта между Россией и европейскими государствами»². Вот такое «стратегическое предложение» мы получаем от претендента на мировое господство... Но это уже тема новых размышлений и исследований.

Список литературы

1. Акаев А. А., Кефели И. Ф. Евразийская идентичность России: идеи и реалии // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 4 (85). С. 50–65. EDN: QPCVJT. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_4_50.
2. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1848. 503 с.
3. Бондаренко Д. Я., Вдовин А. И., Жуков А. Д. [и др.] Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. М. : Государственный клуб, Национальная лаборатория внешней политики, 2009, 389 с. URL: https://www.hse.ru/data/2010/07/01/1218886387/doclad_hist_02_light.pdf (дата обращения: 11.11.2025).
4. Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 1. С. 10–21. EDN: GXIUNF. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21.
5. Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России. В 15 томах. Т. 6 / под ред. Н. А. Полевого. Москва : Тип. Николая Степанова, 1838.
6. Жигарев С. А. Россия в среде европейских народов по данным истории международных общений и права в XVIII и XIX вв. : Ист.-юрид. очерки. Санкт-Петербург : тип. Мор. м-ва, 1910. 327 с.
7. Карамзин Н. М. История Государства Российского. Т. 6. Санкт-Петербург : в типографии Н. Гречи, 1819 г. 367 с.
8. Кефели И. Ф. Геополитика Евразии. СПб. : Петрополис, 2010. 326 с. ISBN: 978-5-9676-0192-9.
9. Кефели И. Ф. Россия и Франция: *controverse et entente* Венской геополитической эпохи // Россия и Франция: 125 лет дружбы и сотрудничества : Материалы международной научной конференции 18 мая 2018 г. / отв. ред. А. М. Судариков. СПб. : Изд-во РГГМУ, 2019. 288 с. ISBN: 978-5-86813-469-2. С. 26–38. EDN: ZBHSOD.
10. Кефели И. Ф. Россия — евразийская цивилизация, мировая держава / Россия в XXI веке: Программа Президента в действии. Екатеринбург : УрГАУ, 2018. С. 51–92.
11. Кефели И. Ф., Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Перспективы укрепления геополитического контура Союзного государства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 1. С. 19–31. EDN: JNENYU. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-19-31.
12. Кефели И. Ф., Комлева Н. А. Проекты Большой Евразии и «Великого Турана» — путь к объединению народов? // Проблемы национальной стратегии. 2023. № 4 (79). С. 82–105. EDN: GIOWWG. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_4_82.
13. Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Геополитика в историческом и философском ракурсе : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2016. 223 с. DOI: 10.18720/SPBPU/2/i16-71.
14. Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н. Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. СПб. : ИД «Петрополис», ООО «Геополитика и безопасность». 2018. 220 с. ISBN: 978-5-9676-0993-0.

¹ АВПРИ, ф. Секретный архив, оп. 467, д. 9, л. 3–34 об. [Электронный ресурс] // Историко-документальный департамент МИД России. URL: https://idd.mid.ru/informational_materials/rossiya-i-evropa-o-roli-rossii-v-podderzhaniu-politicheskogo-ravnovesiya-v-europе/ (дата обращения: 11.11.2025).

² National Security Strategy of the United States of America. November 2025. P. 25 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).

15. Пантин В. И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 17–29. EDN: XAKLBP. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29.
16. Преодолевая пределы роста. Доклад Римскому клубу : монография / под ред. В. А. Садовничего. М. : Изд-во Московского ун-та, 2024. 553 с.
17. Трачевский А. С. Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Иосифа II. 1780–1790 гг. Санкт-Петербург : тип. М. М. Стасюлевича, 1877. 528 с.
18. Трубецкой Н. С. Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. Выпуск IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж, 1927. С. 26–30.
19. Kort M. A Brief History of Russia. Oxford University Press, 2008. 310 p. ISBN: 9780816071135.

Об авторе:

Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, директор проекта НИЛ стратегического планирования и евразийской интеграции, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация), заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН, профессор; e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

References

1. Akaev, A. A., Kefeli, I. F. Russia's Eurasian Identity: Ideas and Realities // National Strategy Issues. 2024. No. 4 (85). P. 50–65 (In Russ.). EDN: QPCVJT. DOI: 10.52311/2079-3359_2024_4_50.
2. Arsenyev, K. I. Statistical Essays on Russia. St. Petersburg : Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1848. 503 p. (In Russ.).
3. Bondarenko, D. Ya., Vdovin, A. I., Zhukov, A. D. [et al.] Coverage of the General History of Russia and the Peoples of post-Soviet Countries in School Textbooks on the History of the New Independent States. Moscow : State Club, National Laboratory of Foreign Policy, 2009. 389 p. URL: https://www.hse.ru/data/2010/07/01/1218886387/doclad_hist_02_light.pdf (accessed: 11.11.2025) (In Russ.).
4. Glazyev, S. Yu., Kefeli, I. F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 1. P. 10–21 (In Russ.). EDN: GXIUNF. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21.
5. Golikov, I. I. Acts of Peter the Great, the Wise Reformer of Russia. In 15 volumes. Vol. 6 / ed. by N. A. Polevoy. Moscow : Nikolai Stepanov Publishing House, 1838 (In Russ.).
6. Zhigarev, S. A. Russia among European Nations According to the History of International Communication and Law in the 18th and 19th Centuries: Historical and Legal Essays. St. Petersburg : Printing house of the Naval Ministry, 1910. 327 p. (In Russ.).
7. Karamzin, N. M. History of the Russian State. Vol. 6. St. Petersburg : N. Grech Printing House, 1819. 367 p. (In Russ.).
8. Kefeli, I. F. The Geopolitics of Eurasia. St. Petersburg : Petropolis. 2010. 326 p. ISBN: 978-5-9676-0192-9 (In Russ.).
9. Kefeli, I. F. Russia and France: controverse et entente of the Vienna Geopolitical Era // Russia and France: 125 Years of Friendship and Cooperation : Proceedings of the international scientific conference may 18, 2018. St. Petersburg : Publishing house RSHU, 2019. 288 p. ISBN: 978-5-86813-469-2. P. 26–38 (In Russ.). EDN: ZBHSOD.
10. Kefeli, I. F. Russia — a Eurasian Civilization, a World Power / Russia in the 21st century: The President's program in action. Ekaterinburg : Ural State Agrarian University, 2018. С. 51–92.
11. Kefeli, I. F., Kogut, V. G., Nuryshev, G. N. Prospects for Strengthening the Geopolitical Contours of the Union State // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 19–31 (In Russ.). EDN: JNENYU. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-19-31.

12. Kefeli, I. F., Komleva, N. A. The Projects of Greater Eurasia and Greater Turan: Do They Unite or Divide Nations? // National Strategy Issues. 2023. No. 4 (79). P. 82–105 (In Russ.). EDN: GLOWWG. DOI: 10.52311/2079-3359_2023_4_82.
13. Kefeli, I. F., Kuznetsov, D. I. Geopolitics in the Historical and Philosophical Perspective : tutorial. St. Petersburg : Polytechnic University, 2016. 223 p. (In Russ.) DOI: 10.18720/SPBPU/2/i16-71.
14. Kefeli, I. F., Shevchenko, N. N. Great Eurasia: Civilizational Space, Unifying Ideology, Designing the Future. St. Petersburg : Petropolis; Geopolitics and Security. 2018. 220 p. ISBN: 978-5-9676-0993-0 (In Russ.).
15. Pantin, V. I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22, No. 1. P. 17–29 (In Russ.). EDN: XAKLBP. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29.
16. Overcoming the Limits of Growth. Report to the Club of Rome : monograph / ed. by V. A. Sadovnichy. Moscow : Moscow University Press, 2024. 553 p. (In Russ.).
17. Trachevsky, A. S. The Union of Princes and the German Policy of Catherine II, Friedrich II, Joseph II. 1780–1790. St. Petersburg : M. M. Stasyulevich Printing House, 1877. 528 p. (In Russ.).
18. Trubetskoy, N. S. Pan-Eurasian Nationalism // Eurasian Chronicle. Issue IX / ed. by P. N. Savitsky. Paris, 1927. P. 26–30 (In Russ.).
19. Kort, M. A Brief History of Russia. Oxford University Press, 2008. 310 p. ISBN: 9780816071135.

About the author:

Igor F. Kefeli, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Project of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia), Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of the Russian Academy of Sciences, Professor e-mail: geokefeli@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6889-8924

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кефели И. Ф., 2025

Региональные меры поддержки инвестпроектов: проблемы и решения

Крылова А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт экономики, математики и информационных технологий, Москва, Россия
e-mail: krylova-ana@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель. Выявление и систематизация региональных механизмов государственной поддержки инвестиционных проектов в Российской Федерации, а также разработка сравнительного подхода к их оценке. Особое внимание уделено анализу правовой, бюджетно-инфраструктурной и институционально-процессуальной составляющих инвестиционной политики трех субъектов Федерации — города Москвы, Республики Татарстан и Тульской области, обладающих различными моделями управления инвестиционной средой. **Методология.** Методологическую основу исследования составили сравнительный и структурно-функциональный анализ, метод систематизации нормативных актов, а также аналитическая группировка мер поддержки по трем блокам: налогово-правовые стимулы, бюджетно-инфраструктурные инструменты и институционально-процессуальное сопровождение. Для визуализации результатов использована авторская модель «таксономии мер поддержки», дополненная тепловой картой интенсивности применения инструментов в региональной политике. **Результаты.** Результаты исследования позволили установить, что каждый из рассматриваемых регионов выстроил собственную конфигурацию мер поддержки: в Москве преобладает комплексная правовая и цифровая инфраструктура сопровождения проектов; в Татарстане акцент сделан на интеграции правовых стимулов и кластерных механизмов ОЭЗ «Алабуга»; в Тульской области — на сочетании налоговых льгот и практик «одного окна» при более ограниченных инфраструктурных ресурсах. Сравнительный анализ показал, что институциональная зрелость и согласованность инструментов прямо коррелируют с инвестиционной привлекательностью региона. **Выводы.** В заключение отмечается, что разработанная методика трехблочной классификации и визуальной диагностики позволяет оценивать сбалансированность и результативность региональной инвестиционной политики. Полученные результаты могут быть использованы органами власти при корректировке нормативной базы и формировании адресных мер поддержки для повышения эффективности инвестиционного климата. Методика масштабируема на другие регионы и горизонты времени и может служить основой для мониторинговых панелей органов власти и бенчмаркинга между субъектами РФ. Ограничения исследования связаны с зависимостью от публичных данных и экспертного кодирования; они компенсируются единым рубрикатором критериев и возможностью чувствительных проверок (изменение весов и состава индикаторов), что открывает направления для дальнейших количественных оценок эффектов поддержки.

Ключевые слова: региональная инвестиционная политика, меры поддержки инвестиций, правовое регулирование, институциональные механизмы, сравнительный анализ

Для цитирования: Крылова А. А. Региональные меры поддержки инвестпроектов: проблемы и решения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 22–33.
EDN: LRSBDU

Regional Measures to Support Investment Projects: Problems and Solutions

Angelina A. Krylova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Economics, Mathematics and Information Technology, Moscow, Russia
e-mail: krylova-ana@ranepa.ru

ABSTRACT

Aim. The purpose of the study is to identify and systematize regional mechanisms of state support for investment projects in the Russian Federation, as well as to develop a comparative approach to their assessment. Special attention is paid to the analysis of the legal, budgetary, infrastructural, and institutional-procedural components of the investment policy of three subjects of the Federation — the city of Moscow, the Republic of Tatarstan, and the Tula Region, which have different models of investment environment management. **Methods.** The methodological basis of the study was a comparative and structural-functional analysis, a method of systematization of regulatory acts, as well as an analytical grouping of support measures into three blocks: fiscal and legal incentives, budgetary and infrastructural tools and institutional and procedural support. To visualize the results, the author's model of the "taxonomy of support measures" was used, supplemented by a heat map of the intensity of the use of tools in regional policy. **Results.** The results of the study allowed us to establish that each of the regions under consideration has built its own configuration of support measures: in Moscow, a comprehensive legal and digital infrastructure for project support prevails; in Tatarstan, the emphasis is on integrating legal incentives and cluster mechanisms of the Alabuga SEZ; in the Tula region a combination of tax incentives and "one-stop shop" practices with more limited infrastructure resources. Comparative analysis has shown that institutional maturity and consistency of instruments directly correlate with the investment attractiveness of the region. **Conclusions.** In conclusion, it is noted that the developed methodology of three-block classification and visual diagnostics makes it possible to assess the balance and effectiveness of regional investment policy. The results obtained can be used by the authorities in adjusting the regulatory framework and forming targeted support measures to improve the effectiveness of the investment climate.

Keywords: regional investment policy, investment support measures, legal regulation, institutional mechanisms, comparative analysis

For citation: Krylova A. A. Regional Measures to Support Investment Projects: Problems and Solutions // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 22–33 (In Russ.). EDN: LRSBDU

Введение

Региональная инвестиционная политика в России реализуется через широкий набор инструментов — бюджетные гранты и софинансирование капитальных вложений, субсидирование процентных ставок и лизинга, налоговые льготы, инфраструктурные решения (индустриальные парки, особые экономические зоны (далее — ОЭЗ), государственно-частное партнерство (далее — ГЧП), а также институциональные механизмы сопровождения («одно окно», проектные офисы, цифровые витрины проектов). Разнообразие практик призвано адаптировать государственную поддержку к отраслевой структуре и стартовым условиям субъектов РФ, однако сопоставимость этих практик между регионами остается ограниченной. Информация о правилах предоставления, критериях отбора, сроках рассмотрения, объемах и результатах поддержки часто фрагментирована между нормативными актами, ведомственными публикациями и разрозненными реестрами проектов. В результате у исследователей и практиков возникает затруднение: какие меры действительно доступны инвесторам «на местах», насколько предсказуемы процедуры, как сбалансирован «пакет мер» и где сосредоточены узкие места реализации.

На фоне роста значимости частных инвестиций и инфраструктурных проектов, а также усиления межрегиональной конкуренции за капитал возрастает потребность в сравнимой диагностике региональных мер поддержки — не столько в терминах каузальной эффективности, сколько в терминах качества институциональной настройки и операционной готовности. Практико-ориентированным акторам требуются инструменты, которые позволяют быстро «просветить» ландшафт мер: увидеть наличие и прозрачность правил, предсказуемость сроков, уровень цифровизации и сопровождения, а также масштаб фактического охвата. Такой подход должен быть простым, воспроизводимым и опираться на открытые источники, чтобы его можно было регулярно обновлять и тиражировать.

Цель данной статьи — систематизировать региональные меры поддержки инвестпроектов и предложить диагностическую методику их сопоставления. Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

- разработать таксономию мер по трем блокам — бюджетные, налогово-правовые, инфраструктурно-институциональные;
- сформировать чек-лист оценки качества настройки мер (прозрачность правил, предсказуемость сроков, конкурентность/таргетирование, софинансирование, сопровождение, цифровизация, мониторинг КПИ (ключевые показатели эффективности), масштаб охвата);
- определить индикаторный профиль региона на основе простой балльной шкалы (квартильной либо 0–1–2);
- выделить типологию подходов субъектов РФ.

Объект исследования — региональная инвестиционная политика субъектов РФ в части мер поддержки инвестпроектов. Предмет — институциональные и операционные характеристики рассматриваемых мер, поддающиеся наблюдению на основе открытых данных. Эмпирической основой служат официальные сайты региональных органов власти, утвержденные регламенты и методики отбора проектов, публичные реестры поддержанных проектов, данные о портфелях ГЧП/концессий, сведения о бюджетных капитальных расходах и отчетности их исполнения. Временной горизонт — 2019–2023 гг.

Научный и практический вклад исследования заключается в создании унифицированной рамки описания мер поддержки, позволяющей сопоставлять регионы по качеству институтов и процессов, а не только по объемам финансирования. Также вклад заключается в формировании определенной методики диагностики, основанной на открытых источниках и пригодной для регулярного мониторинга, самооценки и горизонтального обмена решениями. Полученная типология позволит адресно выделять «пакеты улучшений» для разных групп регионов — от базового наведения порядка в процедурах до тонкой настройки баланса между грантами, налоговыми льготами и инфраструктурной поддержкой.

В рамках данного исследования выделены три региона РФ: Москва, Республика Татарстан, Тульская область. Подборка отражает разные институциональные модели и режимы (ОЭЗ, индустриальная политика, «одно окно», ТОР ((территория опережающего развития) / Свободный порт), что позволяет показать спектр практик.

Материалы и методы

Обзор подходов и нормативно-политическая рамка

Прежде чем перейти к анализу налогово-правовой базы в каждом регионе, необходимо описать правовую инвестиционную рамку, сформированную на территории РФ.

Федеральный каркас по поддержке инвестиционных проектов носит многоуровневый характер. Базовые принципы и категории «инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений» закреплены в ФЗ № 39-ФЗ¹; он определяет субъектный состав, права/обязанности участников, формы и методы государственного регулирования и отсылает к иным отраслям права (налоговой, бюджетной, градостроительной и др.).

¹ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации в форме капитальных вложений» [Электронный ресурс] // Kremlin.ru. URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/13492> (дата обращения: 01.08.2025).

Типовой комплекс региональных мер поддержки инвестиционных проектов, как правило, включает взаимодополняющие группы инструментов, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика комплекса региональных мер поддержки инвестиционных проектов

Table 1. Characteristics of the complex of regional measures to support investment projects

Инструмент	Характеристика
Налого-правовые стимулы	Предоставляются в форме пониженных (или нулевых) региональных ставок налога на прибыль организаций в пределах доли, зачисляемой в бюджет субъекта; освобождения от налога на имущество организаций и (или) снижения ставок земельного налога; применения инвестиционного налогового вычета по налогу на прибыль и налогу на имущество; льгот по арендной плате за пользование государственным/муниципальным имуществом. Право на льготы, как правило, обусловлено заключением соглашения о реализации инвестиционного проекта (статуса «приоритетного»/«стратегического» проекта), соблюдением пороговых критерий (объем капитальных вложений, создание рабочих мест, отраслевой приоритет), а также ограничено во времени и сопровождается механизмами мониторинга выполнения обязательств (решением межведомственных комиссий и ежегодной отчетностью получателя)
Бюджетные инструменты прямой и условной поддержки	Включают субсидии/гранты на возмещение части капитальных затрат, компенсацию процентной ставки по кредитам, лизинговых платежей, затрат на технологическое присоединение и инженерную подготовку площадки; государственные гарантии субъекта РФ по заемным обязательствам инвестора на конкурсной основе в пределах утвержденных лимитов; со-финансирование инфраструктуры к границам проекта (дороги, сети, коммуникации). Распределение средств, как правило, осуществляется по утвержденным регламентам через конкурсные отборы с балльной матрицей критериев (результативность, мультипликатор занятости, налоговая отдача), установлением доли собственных средств инвестора и постконтролем целевого использования
Инфраструктурно-площадочные решения	Предоставление участков и готовых производственных площадей в составе индустриальных (промышленных) парков и технопарков, а также вовлечение в режимы особых экономических зон (ОЭЗ) регионального уровня. Поддержка реализуется через обеспеченную инженерно-транспортную инфраструктуру «под ключ», льготные условия размещения (ставки аренды/выкупа, поэтапные платежи), ускоренные процедуры согласований и техприсоединения, типовые сервисные пакеты (диспетчеризация, логистика, складская инфраструктура). Управление парками/ОЭЗ, как правило, регламентировано отдельными положениями (правила резидентства, KPI управляющей компании, порядок контроля и санкций)
Институционально-процессуальные меры сопровождения	Это создание и нормативное закрепление сервиса «одного окна», деятельность проектных оффисов и специализированных агентств по привлечению инвестиций, а также персональное кейс-менеджмент-сопровождение проектов (назначение куратора, межведомственная координация, чек-листы этапов). Ключевым элементом выступают цифровые инвестиционные порталы с личным кабинетом заявителя, публичными реестрами мер и поддержанных проектов, регламентами и SLA-сроками рассмотрения, отслеживанием статуса заявки и механизмами обратной связи/aftercare (поддержка на стадии эксплуатации). Подобная институциональная инфраструктура повышает предсказуемость процедур и снижает транзакционные издержки для инвестора
Присоединение к федеральным специальным режимам	Интеграция региональной поддержки с режимами территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), Свободного порта Владивосток (СПВ) и соответствующих федеральных ОЭЗ. На региональном уровне это подразумевает нормативную синхронизацию льгот и процедур, организацию сервисов входа и сопровождения резидентов (включая согласование с управляющими компаниями), а также возможное со-финансирование внешней инфраструктуры. В результате формируется единый пакет преференций, сочетающий федеральные и региональные меры в рамках единой административной траектории для инвестора

Источник: составлено автором по материалам официальных НПА (нормативных правовых актов) и порталов субъектов РФ¹

В совокупности указанные блоки образуют инструментальный микс, который должен быть институционально сбалансирован по четырем оси качества:

- прозрачность и полнота правил предоставления (включая публичные критерии и процедуры отбора);
- предсказуемость сроков и межведомственная координация;
- соотнесенность объема поддержки с целями и обязательствами инвестора (со-финансирование, KPI, санкции за неисполнение);
- уровень цифровизации и постпроектного сопровождения.

¹ ФЗ № 39-ФЗ; ФЗ № 116-ФЗ; ФЗ № 69-ФЗ; ФЗ № 488-ФЗ; ПП РФ № 1048; Закон г. Москвы № 54; ПП Москвы № 38-ПП; Законы г. Москвы № 64, № 74; ОЭЗ «Технополис Москва» (technomoscow.ru); Инвестиционный портал Москвы (investmoscow.ru); Законы РТ № 1872, № 53-3РТ, № 5-3РТ, № 87-3РТ, № 68-3РТ; Invest Tatarstan (invest.tatarstan.ru); ОЭЗ «Алабуга» (alabuga.ru); Законы Тульской области № 1181-ЗТО, № 1390-ЗТО, № 112-ЗТО, № 51-ЗТО, № 56-ЗТО, № 103-ЗТО; Инвестиционный портал Тульской области (invest-tula.com); ОЭЗ «Узловая» (uzlovaya.ru).

Именно по этим параметрам целесообразно проводить сравнительную диагностику и типологизацию региональных практик, что и представлено в данной статье.

Однако исходя из очерченной нормативно-политической рамки, правовые основания сами по себе не дают ответа на вопрос, какими именно инструментами оперируют регионы и как они институционально организованы на практике. Для перевода абстрактных норм в операциональные категории, со-поставимые между субъектами РФ, необходимо зафиксировать структуру пакета поддержки по каждому региону.

Для этого необходимо систематизировать меры в трех аналитических блоках — налогово-правовом, бюджетно-инфраструктурном и институционально-процессуальном — и тем самым сформировать таксономию мер, по которой затем будет возможна диагностика качества настройки инвестиционной политики регионов.

В данном исследовании будут сформированы три блока таксономии, каждый из которых отвечает на свой исследовательский вопрос (рис. 1).

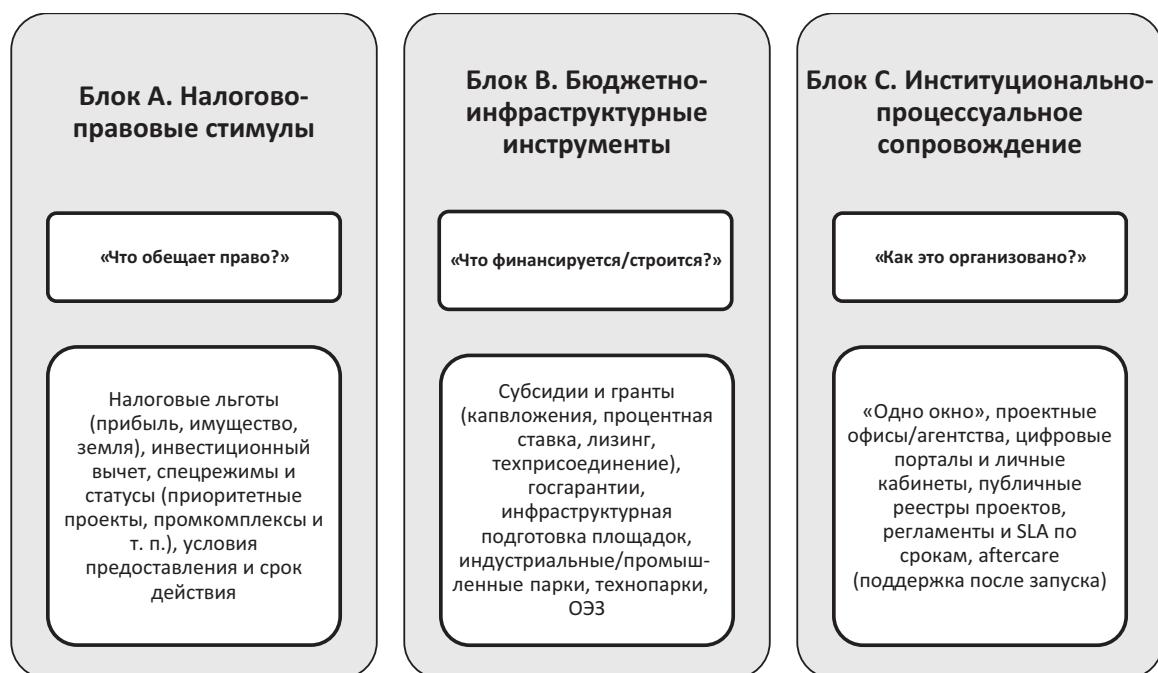

Рис. 1. Таксономия региональных мер поддержки инвестпроектов: три блока

Fig. 1. Taxonomy of regional investment project support measures: three blocks

Источник: разработано автором по материалам федеральных и региональных НПА и официальных инвестиционных порталов субъектов РФ¹

Рассмотрим более подробно каждый блок в разрезе регионов.

В анализе налогово-правовых стимулов необходимо и важно учесть федеральный уровень, оказывавший влияние на правовые факторы в регионах. В качестве основных нормативно-правовых актов можно выделить следующие:

- Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляющейся в форме капитальных вложений»;

¹ ФЗ № 39-ФЗ; ФЗ № 116-ФЗ; ФЗ № 69-ФЗ; ФЗ № 488-ФЗ; ПП РФ № 1048; Закон г. Москвы № 54; ПП Москвы № 38-ПП; Законы г. Москвы № 64 и № 74; ОЭЗ «Технополис Москва» (technomoscow.ru); Инвестпортал Москвы (investmoscow.ru); Законы РТ № 1872, № 53-ЗРТ, № 5-ЗРТ, № 87-ЗРТ, № 68-ЗРТ; Invest Tatarstan (invest.tatarstan.ru); ОЭЗ «Алабуга» (alabuga.ru); Законы Тульской области № 1181-ЗТО, № 1390-ЗТО, № 112-ЗТО, № 51-ЗТО, № 56-ЗТО, № 103-ЗТО; Инвестпортал Тульской области (invest-tula.com); ОЭЗ «Узловая» (uzlovaya.ru).

- Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая от 31.07.1998 № 146-ФЗ; часть вторая от 05.08.2000 № 117-ФЗ; в т. ч. ст. 286.1 «Инвестиционный налоговый вычет»);
- Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации»;
- Постановление Правительства РФ от 16.07.2020 № 1048 «Об утверждении Правил заключения, изменения и расторжения специальных инвестиционных контрактов»;
- Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях».

Результаты и обсуждение

Город Москва

Основной блок налогово-правовых стимулов в городе Москве составляют следующие акты.

1. Закон города Москвы от 07.10.2015 № 54 «Об инвестиционной политике города Москвы и государственной поддержке субъектов инвестиционной деятельности».
2. Постановление Правительства Москвы от 11.02.2016 № 38-ПП «О мерах по реализации промышленной и инвестиционной политики в городе Москве» (в т. ч. требования для присвоения статусов промышленного комплекса, технопарка, индустриального парка и др.).
3. Закон города Москвы от 05.11.2003 № 64 «О налоге на имущество организаций».
4. Закон города Москвы от 24.11.2004 № 74 «О земельном налоге».

Также в анализе данного блока стоит выделить правовое регулирование особой экономической зоны «Технополис Москва», имеющей особое значение в вопросе инвестиционной активности региона. Среди нормативно-правовых актов на уровне ОЭЗ стоит выделить следующие:

- Постановление Правительства РФ от 21.12.2005 № 779 «О создании на территории г. Москвы особой экономической зоны технико-внедренческого типа»;
- Распоряжение Правительства Москвы от 26.09.2017 № 507-РП (о присвоении наименования «Технополис Москва» ОЭЗ технико-внедренческого типа, созданной на территории города Москвы);
- Постановление Правительства Москвы от 29.09.2020 № 1589-ПП «Об утверждении проекта планировки территории особой экономической зоны технико-внедренческого типа „Технополис Москва“».

Налогово-правовой контур Москвы организован вокруг статусной индустриальной политики и интеграции с ОЭЗ «Технополис Москва»¹. Нормативная архитектура сочетает общий закон об инвестиционной политике с подзаконными актами, регламентирующими присвоение и ежегодное подтверждение статусов (промышленный комплекс, технопарк / индустриальный парк, инвестиционный приоритетный проект). Такой дизайн задает высокую предсказуемость входа: критерии отраслевой релевантности, пороги по капитальным вложениям и рентабельности, электронная подача документов и межведомственная экспертиза. Горизонты льгот, как правило, фиксированы на длительные периоды (включая «нулевые» ставки по имущественным налогам в ОЭЗ и ступенчатые ставки по прибыли), а ежегодная верификация дисциплинирует получателей. В результате формируется статусно-налоговая модель, ориентированная на крупные и технологичные проекты; ее сильная сторона — полнота инструментов и цифровизация процедур, потенциальный риск — пороговость доступа для субъектов малого и среднего предпринимательства.

¹ Официальный сайт ОЭЗ «Технополис Москва» [Электронный ресурс]. URL: <https://technomoscow.ru/> (дата обращения: 15.08.2025).

Республика Татарстан

Основу налогово-правовых стимулов в Республике Татарстан составляют следующие акты:

- Закон РТ № 1872¹ от 25.11.1998 «Об инвестиционной деятельности в Республике Татарстан» — базовая рамка поддержки, включая полномочия по региональным льготам и пониженным ставкам по налогу на прибыль;
- Закон РТ № 53-ЗРТ² от 02.08.2008 «Об установлении налоговой ставки по налогу на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков» — понижение региональной доли прибыли до 13,5% для определенных категорий (условия и периоды — по тексту закона);
- Закон РТ № 5-ЗРТ14 от 10.02.2006 «Об установлении налоговой ставки по налогу на прибыль организаций для организаций-резидентов особой экономической зоны промышленно-производственного типа» — спецставки по прибыли для резидентов ОЭЗ «Алабуга»³ в части, зачисляемой в бюджет РТ;
- Закон РТ № 87-ЗРТ⁴ от 02.12.2017 «Об установлении налоговой ставки по налогу на прибыль организаций для организаций — участников СПИК» — ставки по прибыли для участников специальных инвестиционных контрактов (СПИК) (в т. ч. 13,5%; для отдельных категорий проектов — 0% в установленные периоды);
- Закон РТ № 68-ЗРТ⁵ от 10.10.2011 «Об инвестиционном налоговом кредите в Республике Татарстан» — региональные правила предоставления ИНК сверх общих положений НК РФ;
- Закон РТ от 23.12.2024 «О регулировании отдельных вопросов налогообложения при реализации региональных инвестиционных проектов на территории РТ» — спецпорядок для РИП (региональных инвестиционных проектов) по налогу на прибыль (в развитие ранее принятого 11-ЗРТ от 21.03.2022).

Правовая база Татарстана опирается на общий закон об инвестиционной деятельности, дополненный ежегодным Инвестиционным меморандумом, который конкретизирует приоритеты и временные рамки. Налоговая линейка включает пониженные региональные ставки по налогу на прибыль (в т. ч. для РИП и СПИК), механизм инвестиционного налогового кредита, а также комплекс преференций, реализуемых через ОЭЗ промышленно-производственного типа. Условия предоставления льгот связываются с отраслевой релевантностью, объемами вложений и занятостью, что согласует налоговые стимулы с промышленной политикой региона. Границы действия льгот и «ступени» ставок заданы нормативно и привязаны к статусу (РИП / СПИК / резидент ОЭЗ) и календарю проекта. Таким образом, регион демонстрирует смешанную модель: общерегиональные налоговые инструменты дополняются мощным преференциальным режимом, что обеспечивает гибкость конфигурации пакета под тип проекта.

Тульская область

Налогово-правовые стимулы Тульской области представлены следующими актами:

- Закон Тульской области от 18.12.2008 № 1181-ЗТО «О государственном регулировании инвестиционной деятельности на территории Тульской области»;

¹ Закон Республики Татарстан от 25.11.1998 № 1872 «Об инвестиционной деятельности в Республике Татарстан» [Электронный ресурс] // Docs.CNTD. URL: <https://docs.cntd.ru/document/424031935> (дата обращения: 11.08.2025).

² Закон РТ от 02.08.2008 № 53-ЗРТ «О ставке по налогу на прибыль для отдельных категорий» [Электронный ресурс] // Invest Tatarstan (PDF). URL: https://invest.tatarstan.ru/upload/iblock/e5e/zakon-rt-ot-02.08.2008-n53_zrt-ob-ustanovlenii-nalogovoy-stavki-po-nalogu-na-pribyl-organizatsiyi-dlya-otdelnykh-kategorii-nalogoplatelshchikov.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

³ Официальный сайт ОЭЗ «Алабуга», раздел «Льготы» [Электронный ресурс]. URL: <https://alabuga.ru/ru/incentives/> (дата обращения: 18.08.2025).

⁴ Закон РТ от 02.12.2017 № 87-ЗРТ «О ставке по налогу на прибыль для участников СПИК» [Электронный ресурс] // Normativ.kontur.ru. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?documentId=5949&moduleId=140> (дата обращения: 02.09.2025).

⁵ Закон РТ от 10.10.2011 № 68-ЗРТ «Об инвестиционном налоговом кредите» [Электронный ресурс] // Invest Tatarstan (PDF). URL: https://invest.tatarstan.ru/upload/iblock/cba/u31jf8mqs82i0fhxh15gkrm8z2uiw1k6/Zakon-Respubliki-Tatarstan-ot-10-oktyabrya-2011-g.-N-68_ZRT-Ob-investitsionnom-nalogovom-kredite-v-Respublike-Tatarstan.pdf (дата обращения: 30.08.2025).

- Закон Тульской области от 06.02.2010 № 1390-ЗТО¹ «О льготном налогообложении при осуществлении инвестиционной деятельности в форме капитальных вложений на территории Тульской области»;
- Закон Тульской области от 28.11.2019 № 112-ЗТО² «Об установлении пониженной налоговой ставки налога на прибыль организаций для организаций — участников региональных инвестиционных проектов»;
- Закон Тульской области от 01.07.2019 № 51-ЗТО³ «Об инвестиционном налоговом вычете» (в актуальной редакции);
- Закон Тульской области от 27.04.2017 № 33-ЗТО «О льготном налогообложении налогоплательщиков — участников специальных инвестиционных контрактов»;
- Закон Тульской области от 15.07.2016 № 56-ЗТО⁴ «Об установлении пониженной налоговой ставки налога на прибыль организаций для организаций — резидентов особой экономической зоны на территории Тульской области»;
- Закон Тульской области от 18.12.2017 № 103-ЗТО⁵ «О льготном налогообложении налогоплательщиков — резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, созданных на территории Тульской области».

Институциональная конструкция Тульской области сочетает базовый закон о регулировании инвестиционной деятельности со специализированными актами о льготном налогообложении капитальных вложений, статусе регионального инвестиционного проекта, инвестиционном налоговом вычете и СПИК. Якорной площадкой выступает ОЭЗ промышленно-производственного типа, где действуют длительные «нулевые» имущественные ставки и льготные параметры по прибыли. Вне ОЭЗ льготы структурированы вокруг пониженной региональной ставки по прибыли для РИП (с четкими порогами по объему и срокам инвестиций), а также инвестиционный налоговый вычет (ИНВ) по закону субъекта. Процедуры подачи и сопровождения стандартизированы: заявитель проходит через региональный инвестпортал и профильные ведомства, резиденты ОЭЗ — через управляющую компанию. В совокупности формируется проектно-преференциальная модель, в которой общий режим (РИП + ИНВ) тесно сцеплен с преференциями ОЭЗ.

Агрегируя анализ первого блока, можно отметить институциональную зрелость во всех трех субъектах: нормы прозрачны, инструменты разнесены по статусам и режимам, горизонты действия предсказуемы, а процедуры — оцифрованы. При этом стоит отметить разную ориентацию регионов в применении стимулов: Москва опирается на статус-драйверы и строгую ежегодную аттестацию; Татарстан — на комбинацию общих льгот с ОЭЗ и ежегодной приоритизацией; Тульская область — на связку РИП/ИНВ и «якорь» в виде ОЭЗ.

С учетом данных различий необходимо теперь рассмотреть второй блок — Бюджетно-инфраструктурные инструменты в каждом регионе (табл. 2).

Сопоставление трех регионов показывает, что бюджетно-инфраструктурная поддержка повсеместно опирается на площадочные якоря (ОЭЗ/технопарки/промпарки) и сервисное сопровождение управляющих структур, при этом различаются глубина пакета и степень его институциональной зрелости.

Блок бюджетно-инфраструктурных инструментов в Москве институционально «зрел»: ОЭЗ «Технополис Москва» и сеть технопарков обеспечивают готовые производственные и инженерные решения «под ключ», а бюджетные инструменты используются как адресное дополнение к инфраструктурному пакету.

¹ Закон Тульской области от 06.02.2010 № 1390-ЗТО «О льготном налогообложении при осуществлении инвестиционной деятельности» [Электронный ресурс] // Docs.CNTD. URL: <https://docs.cntd.ru/document/895234439> (дата обращения: 14.09.2025).

² Закон Тульской области от 28.11.2019 № 112-ЗТО «О пониженной ставке налога на прибыль для участников РИП» [Электронный ресурс] // publication.pravo.gov.ru. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/7100201912020012> (дата обращения: 16.09.2025).

³ Закон Тульской области от 01.07.2019 № 51-ЗТО «Об инвестиционном налоговом вычете» [электронный ресурс] // publication.pravo.gov.ru. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/7100201907030006> (дата обращения: 06.09.2025).

⁴ Закон Тульской области от 15.07.2016 № 56-ЗТО «О ставке налога на прибыль для резидентов ОЭЗ» [Электронный ресурс] // ФНС по Тульской области. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn71/about_fts/docs/6156223/ (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ Закон Тульской области от 18.12.2017 № 103-ЗТО «О льготном налогообложении налогоплательщиков — резидентов ТОР» [Электронный ресурс] // ФНС по Тульской области. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn71/about_fts/docs/7253192/ (дата обращения: 17.08.2025).

Бюджетно-инфраструктурные инструменты: сравнительный анализ по регионам

Table 2. Budgetary and infrastructural instruments: a comparative analysis by region

Москва	
Инфраструктура и площадки	Ключевая роль ОЭЗ «Технополис Москва»: готовая производственная и инжиниринговая инфраструктура, сниженные издержки размещения (аренда/выкуп земли), сопровождение проектов управляющей компанией. На уровне города — сеть технопарков как площадок «под ключ»
Бюджетные инструменты	Для резидентов ОЭЗ — пакет преференций + практики грантов/субсидий на НИОКР и развитие (по официальным коммуникациям города)
Организация доступа	Навигация и подача — через инвест-портал Москвы; единная витрина мер и сервисов сопровождения
Республика Татарстан	
Инфраструктура и площадки	ОЭЗ ППТ «Алабуга» (инженерная готовность, сервис резидентства, режим свободной таможенной зоны (СТЗ)); дополнительно — индустриальные/промышленные парки и технопарки
Бюджетные инструменты	Региональные субсидии (в т. ч. на инфраструктуру управляющим компаниям индустриальных/промышленных парков, компенсацию затрат, расширение площадей), инструментальная витрина — на Invest Tatarstan
Организация доступа	«Единое окно» и цифровой гид для инвестора (структурированные разделы «Инфраструктура»/«Меры поддержки»)
Тульская область	
Инфраструктура и площадки	ОЭЗ ППТ «Узловая» (готовые площадки, инженерные сети, сервис управляющей компании); интеграция с региональными площадками
Бюджетные инструменты	Регион реализует Инвестиционный фонд Тульской области и субсидирование затрат на создание/модернизацию инфраструктуры (а также иные формы компенсаций по проектам) — все агрегировано в разделе «Меры поддержки»
Организация доступа	Подача/сопровождение через инвест-портал; структурированные карточки мер для заявителя

Источник: составлено автором по материалам инвестиционных региональных порталов¹

В Республике Татарстан «Алабуга» выступает системным ядром: инфраструктурная готовность, режим СТЗ и сервис резидентства дополняются региональными субсидиями и поддержкой индустриальных площадок. Однако важно отметить риск данного устройства — секторальная селективность и потенциальная зависимость от якорной зоны, требующая диверсификации площадок и локальных цепочек.

Пакет в Тульской области выстроен вокруг ОЭЗ «Узловая»² и региональных инструментов (инвест-фонд, субсидии на инфраструктуру). Модель pragmatична и воспроизводима, но менее диверсифицирована, чем в Москве и Татарстане; управлеченческий приоритет заключается в масштабировании сети площадок за пределами ОЭЗ и расширении набора сервисов для проектов среднего масштаба.

Во всех трех регионах блок бюджетно-инфраструктурных инструментов снижает транзакционные издержки входа за счет стандартизованных площадок и сервисов, однако баланс между «якорной зоной» и остальной инфраструктурой различается. Москва и Татарстан демонстрируют «инфраструктурно-якорную» модель с высокой степенью институционализации; Тульская область — «проектно-якорную» конфигурацию, требующую дальнейшего наращивания диверсификации.

В завершение анализа важно рассмотреть третий блок — институционально-процессуальное сопровождение инвестиционных проектов в выбранных регионах (табл. 3).

Во всех трех регионах институционально оформлены «воронки» входа и сопровождения: Москва — через инвестиционный портал и управляемую траекторию резидентства ОЭЗ; Татарстан — посредством модели one-stop shop (TIDA / Invest Tatarstan) с цифровой подачей; Тульская область — через формальный Регламент сопровождения и интеграцию портала/CRM с площадками. Это означает, что различия между регионами смещаются не столько в плоскость наличия процедур, сколько в глубину их цифровизации и степень связки с площадочными институтами (ОЭЗ и т. п.).

¹ Инвестиционный портал Тульской области (invest-tula.com); Инвестиционный портал города Москвы (investmoscow.ru); сайт ОЭЗ ППТ «Алабуга» (alabuga.ru).

² Официальный сайт ОЭЗ «Узловая» [Электронный ресурс]. URL: <https://uzlovaya.ru/> (дата обращения: 12.09.2025).

Таблица 3

Институционально-процессуальное сопровождение

Table 3. Institutional and procedural support

Москва	
Организационная модель	Сопровождение сконцентрировано на инвестиционном портале города и институтах управления ОЭЗ «Технополис Москва». Для ключевых статусов и режимов предусмотрен унифицированный маршрут входа
Цифровизация и открытость	Заявки на присвоение статусов (промкомплекс, технопарк / индустриальный парк, МПТ и др.) подаются в электронной форме через разделы «Онлайн-сервисы» инвестиционного портала; доступна также онлайн-подача на резидентство в ОЭЗ. Портальные страницы содержат описания требований, пошаговые инструкции и видеогид
Процедурная определенность	Для ОЭЗ опубликован перечень документов, этапы рассмотрения и FAQ («как стать резидентом»), подчеркивающие низкие административные барьеры и сервисную роль управляющей компании (помощь на ранних стадиях и дальнейшее сопровождение). Наличие таких регламентированных траекторий снижает транзакционные издержки на коммуникацию и повышает предсказуемость сроков
Оценка	Москва демонстрирует высокий уровень процессной зрелости: «одно окно» + цифровая подача + детализированные публичные регламенты (включая резидентство ОЭЗ)
Республика Татарстан	
Организационная модель	Республика институционально закрепляет принцип one-stop shop: сопровождение инвестора выстроено через Invest Tatarstan (TIDA) как «единый центр» входа и координации
Цифровизация и открытость	На официальном портале доступен электронный формат подачи заявки на сопровождение проекта (сервис для инвесторов; англоязычная навигация с описанием шагов). Наличие онлайн-канала фиксирует формальную цифровую «воронку» входа
Процедурная определенность	«Дорожная карта» шагов (guide) стандартизирует взаимодействие с органами власти и институтами развития; для ОЭЗ «Алабуга» дополнительно действует устоявшийся порядок резидентства с функцией сопровождения управляющей компании, что обеспечивает единый сервис на площадках
Оценка	Татарстан сочетает институциональное «одно окно» на уровне республики и процессную инфраструктуру на площадках (прежде всего в ОЭЗ), что обеспечивает сопоставимый с Москвой уровень предсказуемости траекторий
Тульская область	
Организационная модель	Регион утвердил специальный Регламент сопровождения инвестиционных проектов (приказ Минэкономразвития ТО от 28.07.2022 № 34-осн), формально закрепляющий модель «от заявки до запуска» и роли участников. Функции «первого окна» и координации выполняет единый институт развития / корпорация
Цифровизация и открытость	Инвест-портал агрегирует меры и сервисы для заявителя (в т. ч. калькулятор поддержки); в корпоративных материалах отражено применение CRM-сопровождения и формирование регулярной отчетности по проектам, что повышает управляемость кейс-менеджмента
Процедурная определенность	На портале и в блоке «Меры поддержки» структурированы условия доступа и формы взаимодействия; для крупных площадок якорем выступает ОЭЗ «Узловая» со своим порядком резидентства, интегрированным в региональную траекторию. Дополнительно приняты акты, обеспечивающие стандартные формы проектных документов (напр., декларации для инициирования)
Оценка	Тульская область институционально зафиксировала процессное сопровождение (регламент + CRM) и связала его с площадочным сервисом ОЭЗ, обеспечив прозрачный маршрут для заявителя

Источник: составлено автором по материалам инвестиционных региональных порталов¹**Заключение**

Настоящее исследование показало, что региональные режимы поддержки инвестпроектов в России представляют собой многоуровневую конструкцию, где налогово-правовые стимулы (Блок А), бюджетно-инфраструктурные инструменты (Блок В) и институционально-процессуальное сопровождение (Блок С) работают как взаимосвязанная «цепочка создания условий»: от нормативного права на льготы — к реальным ресурсам и площадкам — к качеству процедур, определяющему фактическую доступность мер для инвестора. На примере Москвы, Республики Татарстан и Тульской области установлено, что во всех трех юрисдикциях сформированы полные наборы инструментов, однако различается их конфигурация и глубина институционализации.

¹ Инвестиционный портал Тульской области (invest-tula.com); Инвестиционный портал города Москвы (investmoscow.ru); сайт ОЭЗ ППТ «Алабуга» (alabuga.ru)

Москва демонстрирует статусно-налоговую модель с сильным инфраструктурным якорем (ОЭЗ) и высокой процедурной зрелостью (цифровые каналы, формализованные регламенты и ежегодная аттестация статусов). Татарстан реализует смешанную модель: общерегиональные налоговые стимулы и инвестиционный кредит сочетаются с «якорной» ОЭЗ, one-stop shop и устойчивым сервисом резидентства. Тульская область выстраивает проектно-преференциальную конфигурацию (РИП + инвестивычет) вокруг ОЭЗ «Узловая»; процедурный контур институционализирован, но именно здесь заложен наибольший потенциал дальнейшего усиления.

Для сопоставимости регионов была использована трехблочная таксономия и единый кодировочный протокол. Единицы наблюдения: три региона; срез — действующие меры и процедуры по состоянию на момент анализа. Критерии определены следующие: А1–А5 — налогово-правовые стимулы (прибыль, имущество/земля, инвестишноговый вычет, статусы/режимы, горизонты льгот), В1–В6 — бюджет и инфраструктура (субсидии, процент/лизинг, гарантии, инфраструктурная подготовка, парки/ОЭЗ, публичный реестр поддержанных проектов), С1–С5 процессы («одно окно» / ЛК, SLA, комиссия / проектный офис, aftercare, открытые данные / API).

Шкала оценки: 0 — отсутствует, 1 — базово действует, 2 — действует и формализовано/масштабно (цифровизация, публичные регламенты, отчетность). Присвоение баллов опиралось на официальные документы и порталы (нормативные акты, регламенты, описания процедур/режимов). Для каждого региона рассчитаны «профили» по блокам (средние значения А, В, С) и построена теплокарта с цветовым градиентом, визуализирующем степень институциональной готовности по каждой ячейке «критерий — регион» (рис. 2).

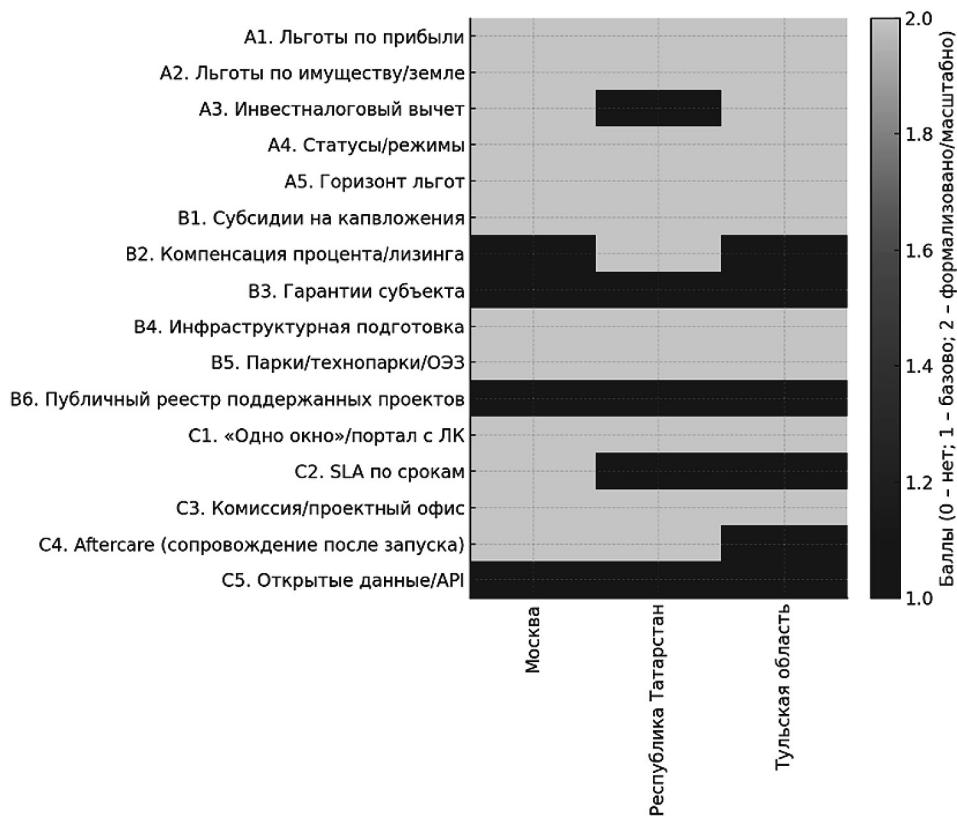

Рис. 2. Теплокарта критериев институциональной готовности

Fig. 2. Heatmap of institutional readiness criteria

Источник: составлено автором

Высокие значения по А фиксируют полноту и предсказуемость правового пакета (Москва и Тула — 2 по всем А1–А5; Татарстан — 2 по большинству А-критериев при более сдержанной оценке инвестивчата). По В лидируют юрисдикции с институционализированными площадками и прозрачной связкой субсидий с инфраструктурой (Москва, Татарстан), тогда как Тула опирается на ОЭЗ и инвестфонд, демонстрируя достаточный, но более «узкий» набор по В2–В3. По С во всех регионах формально присутствуют «одно окно» и проектная координация; различия проявляются в глубине цифровизации и публичности SLA / открытых данных. Таким образом, общая готовность высока, но траектории разных регионов различаются по сочетанию «право — ресурсы — процессы».

Об авторе:

Крылова Ангелина Андреевна, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт экономики, математики и информационных технологий, кафедра национальной экономики (Москва, Россия);
e-mail: krylova-ana@ranepa.ru

About the author:

Angelina A. Krylova, PhD Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Economics, Mathematics and Information Technology, Department of National Economy (Moscow, Russia);
e-mail: krylova-ana@ranepa.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Крылова А. А., 2025

Особенности национального регулирования самозанятых в странах ЕАЭС

Мосейко В. В.

Калининградский государственный технический университет, Калининград, Россия

e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

РЕФЕРАТ

Цель. Рассмотреть институты самозанятых в странах ЕАЭС, выявить особенности их функционирования для дальнейшего совершенствования. **Методы.** Для исследования институтов самозанятости и их развития в странах ЕАЭС использовался историко-правовой метод; для выявления общего и особенного в функционировании институтов самозанятости в странах ЕАЭС применялся сравнительно-правовой анализ. **Задачи.** В статье представлен сравнительный анализ институтов самозанятых в странах ЕАЭС. Рассмотрены правовые основы регулирования индивидуальной деятельности сквозь призму таких критерии, как отрасль права, регламентирующая самозанятость; субъект самозанятости; виды самостоятельной деятельности; предельный доход; субъекты, кому самозанятые оказывают услуги или реализуют товары; возможность распространения налогового режима для самозанятых на граждан ЕАЭС; участие самозанятых в финансировании программ социального и пенсионного страхования и другие. **Результаты.** Выявлено, что только в трех странах — Беларуси, Казахстане и России — предприняты попытки формализации индивидуальной деятельности в самостоятельный институт. В Армении, в Казахстане после 1 января 2024 г. и Киргизстане самостоятельная деятельность регулируется нормами предпринимательского права. **Выводы.** Показано, что страны ЕАЭС избрали оригинальные подходы в регламентации деятельности самозанятых. Обнаружены существенные отличия в институтах самозанятых и в регулировании их деятельности в казахском и российском налоговых экспериментах, начавшихся в одно время; выявлены уникальные особенности подхода в Беларуси, который некоторыми экспертами считается аналогом российского варианта формализации самозанятых. По-разному решается вопрос о распространении статуса самозанятых на граждан ЕАЭС. В работе показано, что только в одной стране (Россия) законом разрешено использовать налоговый режим для самозанятых гражданам стран ЕАЭС; в Беларуси и Казахстане деятельность в качестве предпринимателей и самозанятых существенно ограничена для иностранных граждан; в Армении и Киргизии гражданство не имеет значения.

Ключевые слова: самозанятые, самозанятость, налог на профессиональный доход, налогообложение самозанятых

Для цитирования: Мосейко В. В. Особенности национального регулирования самозанятых в странах ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 34–46. EDN: LXBUTA

Peculiarities of National Regulation of the Self-Employed in the EAEU Countries

Victoria V. Moseiko

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

e-mail: vimoseiko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8574-222X

ABSTRACT

Aim. To examine the institutions of self-employment in the EAEU countries and identify the features of their functioning for further improvement. **Methods.** To study the institutions of self-employment and their development in the EAEU countries, the historical and legal method was used; to identify the general and specific in the functioning of the institutions of self-employment in the EAEU countries, a comparative legal analysis was used. **Tasks.** The article presents a comparative analysis of the institutions of the self-employed in the EAEU countries. The legal framework for regulating individual activities is considered through the prism of such criteria as the branch of law regulating self-employment; self-employment entity; types of independent activities; marginal income; entities to whom the self-employed provide services or sell goods; the possibility of extending the tax regime for the self-employed to citizens of the EAEU; participation of the self-employed in financing social and pension insurance programs, etc. **Results.** It was revealed that only three countries: Belarus, Kazakhstan and Russia have attempted to formalize individual activity into an independent institution. In Armenia, Kazakhstan after January 1, 2024, and Kyrgyzstan, independent activity is regulated by the norms of business law. **Conclusions.** It is shown that the EAEU countries have chosen original approaches to regulating the activities of the self-employed. Significant differences were found in the institutions of the self-employed and in the regulation of their activities in the Kazakh and Russian tax experiments, which began at the same time; Unique features of the approach in Belarus, which some experts consider to be an analogue of the Russian version of the formalization of the self-employed, are revealed. The issue of extending the status of the self-employed to citizens of the EAEU is resolved in different ways. The work shows that only in one country (Russia) is the law allowing citizens of EAEU countries to use the tax regime for the self-employed; in Belarus and Kazakhstan, activities as entrepreneurs and self-employed are significantly limited for foreign citizens; in Armenia and Kyrgyzstan, citizenship is of no importance. The author expresses the opinion that today it is possible to sum up only the interim results of the functioning of the institutions of the self-employed.

Keywords: self-employed, self-employment, tax on professional income, taxation of the self-employed

For citation: Moseiko V. V. Peculiarities of National Regulation of the Self-Employed in the EAEU Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 34–46 (In Russ.). EDN: LXBUTA

Введение

Рост численности занимающихся индивидуальной деятельностью в странах ЕАЭС актуализировал вопрос их институционализации. Наиболее часто употребляются понятия «самозанятость» и «самозанятый». Реформы налогообложения самозанятых проводятся в РФ, Казахстане и Беларуси. Армения и Кыргызстан не выделяют индивидуальную деятельность в отдельный налоговый режим.

Особенности институтов самозанятости чаще анализируются в границах национальных правовых систем стран ЕАЭС, главным образом в Беларуси [3], Казахстане [22] и России [4; 5]: исследуются проблемы легализации самозанятых [2; 19]; возможности вовлечения самозанятых в программы социального страхования [8; 15]; анализируются особенности налогообложения [3; 13; 19] и др. В Армении и Кыргызстане самозанятость обычно изучается в контексте более общих вопросов, например, неформальной экономики [9] и политики занятости [1].

Есть работы, сравнивающие институты самозанятых России и Казахстана [12; 13; 18], России и Беларуси [3]. Реже встречаются труды, где анализируется самозанятость в государствах ЕАЭС [10], в других постсоветских странах [19]. Данная статья призвана дополнить указанные исследования [10; 19] анализом современных институтов самозанятости стран ЕАЭС.

Материалы и методы

Фактографической базой статьи послужили международные соглашения; нормативно-правовые акты (НПА): действующие, утратившие силу и не вступившие в силу; подзаконные НПА; комментарии к законам; разъяснения налоговых служб стран ЕАЭС; статистические данные, представленные официальными органами ЕАЭС и стран ЕАЭС.

Для исследования самозанятости использовались методологические разъяснения Международной организации труда (МОТ), а также рассматривались теоретические подходы ученых.

Отличительным признаком самозанятости в науке называется исключение наемного труда [8]. Вместе с тем высказываются сожаления о запрете найма работников самозанятыми [13, с. 70], что противоречит природе самозанятости, не предполагающей подчинения работодателю и использование наемного труда.

Другие признаки самозанятости относятся к определению субъекта (физические лица (ФЛ) и/или индивидуальные предприниматели (ИП)); видов деятельности; тех, кому самозанятые могут оказывать услуги / реализовывать товары; предельного дохода. Выявление сущностных черт самозанятости ведет к пониманию ее экономико-правовой природы [11; 16; 17; 18].

Также в работе рассматривается отрасль права, регулирующая самозанятость; возможность участия самозанятых в социальном страховании; особенности распространения статуса самозанятого на граждан других государств.

В процессе выполнения работы использовались методы исследования НПА, статистический анализ, сравнительный анализ.

Результаты и обсуждение

Институционализация самозанятости стимулирует создание рабочих мест [21]; сокращает теневой сектор и увеличивает бюджетные доходы [6; 7]; распространяет социальную защиту на население, которое прежде не было им охвачено [8; 20]; содействует снижению безработицы [4; 5].

Страны ЕАЭС, характеризующиеся высокой долей неформальных самозанятых [14; 22], предприняли попытки регламентировать индивидуальную деятельность.

На долю самозанятых, учтенных в соответствии с методологией МОТ¹, в 2021 г. в ЕАЭС приходилось 7,6% численности занятого населения; в Армении на их долю приходилось 30,7%, Кыргызстане — 26,6%, Казахстане — 22,1%, в Беларуси — 3,8% и России — 5,1%².

Далее в работе самозанятость будет рассматриваться с точки зрения признаков, указанных в национальных законодательствах стран ЕАЭС.

Институт самозанятых в Республике Армения

В условиях высокой безработицы, распространения неполной и сезонной занятости армянские экономисты наибольшее внимание уделяют вопросам активной политики занятости [1, с. 161]. При этом игнорируются проблемы регламентации индивидуальной деятельности в налоговом и гражданском законодательстве.

Индивидуальная занятость регулируется нормами о микропредпринимательстве. Среди субъектов микропредпринимательства, помимо организаций, выделяются ИП, а также ФЛ, не являющиеся ИП, обоз-

¹ К самозанятости, согласно методологии МОТ, относятся: «индивидуальные предприниматели, не использующие наемный труд (own-account workers)», «предприниматели некорпоративного бизнеса, использующие наемный труд (employers)», члены производственных кооперативов (members of producers' cooperatives) и неоплачиваемые работники семейных предприятий (contributing family workers).

² О рынке труда в Евразийском экономическом союзе. 2021. Аналитический обзор 24.10.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/labourmarket_2021.pdf (дата обращения: 16.02.2025).

рот по реализации которых не превышает 24 млн драмов (п. 3 ст. 267 Налогового кодекса Республики Армении (НК РА))¹. Микропредприниматели могут иметь наемных работников.

В п. 5. ст. 267 НК РА перечислены виды деятельности, которые не могут оказываться микропредпринимателями, а приложением 3 к НК РА для ФЛ, не являющимися ИП, установлены возможные виды деятельности². Из него видно, что разрешенные виды деятельности ограничены сферами ремонта, туризма, спорта, творчества и частного обучения.

В настоящее время микропредприниматели освобождены от большинства налогов для предпринимателей, но на них возложена уплата подоходного налога (20%), таможенных пошлин, а также акцизного налога, природоохранного налога и дорожного налога³. Все ФЛ уплачивают социальный сбор, а также рожденные позже 1974 г. — 5-процентный пенсионный взнос.

Налоговая реформа, произошедшая в Армении в 2023 г. и отменившая целый ряд налоговых льгот, увеличила налоговое бремя микропредпринимателей почти вчетверо⁴, что может стать причиной роста теневого сектора.

Численность микропредпринимателей незначительна: на конец 2022 г. действовало около 53 тыс. субъектов микропредпринимательства⁵, из них около 36% занимались торговлей, 21% — предоставлением услуг и 16% были заняты в перерабатывающей промышленности⁶. Поскольку микропредприниматели — физические лица, не являющиеся ИП, допускаются только к сфере предоставления услуг, то нетрудно подсчитать численность легальной самозанятости: в 2022 г. она составила чуть более 11 тыс. чел.

Для иностранцев действуют одинаковые правила регистрации предпринимательской деятельности, для граждан ЕАЭС преференций не предусмотрено.

Институт самозанятых в Республике Беларусь

В 2023 г. в Беларуси введен налог на профессиональный доход (НПД) для ФЛ, получающих доход от деятельности, при ведении которой они не имеют нанимателя и не привлекают наемных работников. Иностранные граждане также вправе применять данный налоговый режим⁷.

Есть мнение, что система налогообложения самозанятых граждан в Беларуси намного более гибкая и вариативная, чем в России [3, с. 177].

К видам деятельности, в отношении которых применяется НПД, относятся: ремесленная деятельность; услуги в сфере агротуризма; виды самостоятельной профессиональной деятельности, перечень которых установлен законодательством Беларуси⁸. По сути, к самозанятости в Беларуси относятся те виды деятельности, которые не считаются предпринимательством [3, с. 174].

Ставки НПД бывают двух видов: 10% в отношении профессионального дохода, полученного от ФЛ (независимо от размера), иностранных организаций и иностранных ИП (независимо от размера) и организаций и ИП, состоящих на учете в налоговых органах Республики Беларусь в размере, не превышающем 60 тыс. белорусских руб. в целом за год; 20% в отношении профессионального дохода, полученного

¹ Налоговый кодекс Республики Армения от 04.10.2016 НО-165-Н (С изменениями и дополнениями по состоянию на 11.04.2024 НО-145-Н) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arlis.am/DocumentView.aspx?DocID=173427> (дата обращения: 14.05.2025).

² Приложение 3. Налоговый кодекс Республики Армения от 04.10.2016 НО-165-Н.

³ Ст. 269. Налоговый кодекс Республики Армения от 04.10.2016 НО-165-Н.

⁴ Большие проблемы малого бизнеса: с какой дилеммой столкнулись микропредприятия в Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240309/bolshie-problemy-malogo-biznesa-s-kakoy-dilemoy-stolknulis-mikropredpriyatiya-v-armenii-73059991.html> (дата обращения: 14.05.2025).

⁵ Это около 5% занятого населения.

⁶ Сфера деятельности, отличающиеся высокой степенью доходности, могут быть лишены права считаться субъектами микропредпринимательства — Минфин [Электронный ресурс]. URL: https://finport.am/full_news.php?id=48660 (дата обращения: 12.02.2025).

⁷ Об отнесении иностранных граждан к плательщикам налога на профессиональный доход (письмо МНС от 20.02.2023 № 3-1-13/00576) [Электронный ресурс]. URL: <https://nalog.gov.by/clarifications/clarifications/16905/> (дата обращения: 12.02.2025).

⁸ Приложение 2 к постановлению Совета Министров Республики Беларусь от 28.06.2024 № 457 «О видах индивидуальной предпринимательской деятельности» (в редакции постановления Совета Министров Республики Беларусь 30.08.2024 № 637) [Электронный ресурс]. URL: https://nalog.gov.by/professional_income_tax/ (дата обращения: 17.01.2025).

от организаций и ИП, состоящих на учете в налоговых органах Республики Беларусь, в размере, превышающем 60 тыс. белорусских руб. в целом за год.

Если плательщик НПД является пенсионером, то ставка налога уменьшается до 4% (8%) за счет освобождения от уплаты обязательных страховых взносов. Ставки НПД в отношении ремесленной деятельности и услуг в сфере агротуризма устанавливаются отдельно¹.

С 2024 г. не признаются объектом НПД доходы, полученные ФЛ от юридического лица (ЮЛ) — бывшего нанимателя в течение трех лет после увольнения (ст. 379 Налогового кодекса Республики Беларусь (НК РБ)). Эта норма призвана предохранить от перевода трудовых отношений в гражданско-правовые с меньшим налоговым бременем.

Помимо НПД предусмотрена также уплата единого налога для ИП и ФЛ при осуществлении самостоятельной профессиональной деятельности (ст. 337 НК РБ).

Физические лица, за исключением иностранных граждан и лиц без гражданства, временно пребывающих и временно проживающих в Республике Беларусь, вправе осуществлять реализацию потребителям товаров, а также выполнение работ (оказание услуг) при осуществлении по заказам потребителей ряда видов деятельности (п. 3 ст. 337 НК РБ).

Отличительной особенностью этого режима является то, что реализация товаров/услуг осуществляется ФЛ для личных, бытовых, семейных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Физические лица, не осуществляющие индивидуальную предпринимательскую деятельность, являющиеся иностранными гражданами и лицами без гражданства, временно пребывающими и временно проживающими в Республике Беларусь, вправе осуществлять по специальным разрешениям разовую реализацию (не более пяти дней в календарном месяце) произведений живописи, графики, скульптуры; изделий народных художественных ремесел; продукции растениеводства и пчеловодства.

Ставки единого налога устанавливаются за месяц в зависимости от вида деятельности. С октября 2024 г. плательщики единого налога обязаны вносить страховые взносы в размере 29% от минимальной заработной платы. От уплаты взносов освобождаются получатели пенсий.

Институт самозанятых в Республике Казахстан

В период с 2019 г. по 2024 г. проводился эксперимент, по которому появилась возможность осуществлять предпринимательскую деятельность без регистрации ИП. В условиях высокой доли неформального сектора на рынке труда [22] эта реформа позитивно оценивалась экспертами [13; 18].

Налоговый кодекс Республики Казахстан (НК РК) не использовал понятие «самозанятые». Был предусмотрен специальный налоговый режим для ФЛ — граждан Казахстана, не использующих наемный труд и самостоятельно оказывающих услуги / реализующих сельскохозяйственную продукцию лично-го подсобного хозяйства, что важно, только физическим лицам, и если размер дохода не превышал 1175-кратный размер месячного расчетного показателя (МРП) (4 млн тенге в год).

Было предложено уплачивать Единый совокупный платеж (ЕСП)². Ежемесячный размер ЕСП составлял: 1,0 МРП — для ФЛ, проживающих в столице, городах республиканского значения и областного значения; 0,5 МРП — для ФЛ, проживающих в других населенных пунктах³.

Низкий размер ЕСП (он составлял, к примеру, четвертую часть платы ИП, находящихся на упрощенной системе налогообложения⁴) был призван стимулировать неформально занятых легализовать свои доходы. Думается, эта задача не была решена. В первый год плательщиками ЕСП стали 277 тыс. чел.; в 2020 г.

¹ Комментарий к Закону Республики Беларусь от 13.12.2024 № 47-3 «Об изменении законов» (в части налогообложения доходов от предпринимательской деятельности физических лиц, в том числе зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей) [Электронный ресурс]. URL: <https://nalog.gov.by/clarifications/comments/28627/> (дата обращения: 17.01.2025).

² Гл. 89 (исключена). Налоговый кодекс Республики Казахстан от 25.12.2017 № 120-VI ЗРК.

³ В 2019 г. МРП был равен 2525 тенге, а в 2023 г. — 3450 тенге.

⁴ Все налоги ИП на «упрощенке» в 2023 году [Электронный ресурс] // GOV.KZ. Акимат Карабусского района. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/kostanai-karasy-akimat/press/article/details/121956?lang=ru> (дата обращения: 25.01.2025).

их количество выросло более чем в 12 раз, превысив 3,5 млн чел., что объяснялось получением помощи от государства в период пандемии при условии хотя бы единоразовой оплаты ЕСП¹; в 2021 г. количество плательщиков ЕСП уменьшилось до 345 тыс. чел.²

Поскольку количество самозанятых в Казахстане к началу введения ЕСП оценивалось в диапазоне от 1,5 млн чел. [13, с. 65] до примерно 2,5 млн чел.³, а в 2019 г. и в 2021–2023 гг. численность плательщиков ЕСП не превышала и полумиллиона, то эксперимент следует считать неудачным. Это подтверждается значительным увеличением плательщиков ЕСП в 2020 г. и данными обследования, по которому к началу 2021 г. насчитывалось 1,2 млн трудоспособных граждан, работающих неофициально⁴.

Еще одной задачей налогового режима ЕСП являлось включение самозанятых в систему социального страхования. Сумма ЕСП делилась в следующей пропорции: 10% — индивидуальный подоходный налог; 20% — социальные отчисления; 30% — обязательные пенсионные взносы; 40% — отчисления на обязательное медицинское страхование. Эта мера была воспринята положительно и оценена как более успешная в сравнении с российской практикой, исключающей самозанятых из системы социального страхования [18, с. 126].

Налоговый режим по уплате ЕСП перестал действовать с 2024 г.: всем самозанятым следовало перерегистрироваться и оформиться либо как ИП, либо как наемный работник. Предпринимательским кодексом Республики Казахстан (ПК РК) (п. 3 ст. 35) предусматривались возможности для деятельности ФЛ, не использующих наемный труд, без образования ИП⁵.

В ст. 30 ПК РК указано, что субъектами ИП являются граждане Казахстана и кандасы (этнические казахи, ранее не состоявшие в гражданстве Республики Казахстан). Одновременно существует норма, позволяющая заниматься предпринимательской деятельностью лицам, имеющим вид на жительство⁶.

С 2026 г. ожидается возвращение налогового режима для самозанятых, когда вступят в силу поправки в НК РК⁷. Ст. 718 НК РК наделяет самозанятых следующими характеристиками: только граждане Казахстана и кандасы; не являются ИП; занимаются разрешенными видами деятельности⁸; имеют доход, не превышающий 300-кратный размер МРП. В связи с этим изменения коснутся и ПК РК.

Специальный налоговый режим для самозанятых устанавливает нулевую ставку индивидуального подоходного налога и предполагает уплату социальных платежей (4%). Отчетность формируется по чекам в специальном мобильном приложении.

Институт самозанятых в Республике Кыргызстан

Существование теневой занятости в Кыргызской Республике [9] предопределило пути развития налогового администрирования граждан, занимающихся индивидуальной деятельностью.

¹ Пособие в 42 500 тенге на время чрезвычайного положения. Все, что нужно знать [Электронный ресурс] // Informburo.kz (сайт). URL: <https://informburo.kz/cards/kto-i-kak-mozhet-poluchit-posobie-v-42-500-tenge-na-vremya-chrezvychaynogo-polozheniya.html> (дата обращения: 02.11.2024).

² В Казахстане перестанет действовать ЕСП. Что делать самозанятым? [Электронный ресурс]. URL: <https://taj.report/esp#:~:text> (дата обращения: 02.11.2024).

³ В Казахстане более 2 миллионов самозанятых граждан. Почему это проблема для экономики? [Электронный ресурс]. URL: <https://informburo.kz/stati/v-kazahstane-bolee-2-millionov-samozanyatyh-grazhdan-pochemu-eto-problema-dlya-ekonomiki.html> (дата обращения: 11.02.2025).

⁴ Определение стратегии действий профсоюзов Казахстана в отношении нестандартных форм занятости (неформальной, самостоятельной и платформенной занятости) [Электронный ресурс]. URL: <https://kasipodaq.kz/wp-content/uploads/OTCHET-po-proektu-FPRK-i-MOT-Opredelenie-strategii-dействий-профсоюзов-Казахстана-в-отношении-нестандартных-форм-занятости.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).

⁵ Предпринимательский кодекс: Кодекс Республики Казахстан от 29.10.2015 № 375-В, ст. 35 [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375> (дата обращения: 19.05.2025).

⁶ Договор «О правовом статусе граждан одного государства, постоянно проживающих на территории другого государства» от 28.04.1998 [Электронный ресурс] // Законодательство. URL: https://zakon.uchet.kz/rus/docs/Z990000020_ (дата обращения: 25.01.2025); Договор о ЕАЭС от 29.05.2014 [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 25.01.2025).

⁷ Налоговый кодекс Республики Казахстан от 18 июля 2025 года № 214-VIII ЗРК [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K2500000214> (дата обращения: 19.10.2025).

⁸ ОКЭДы для самозанятых 2026 (проект) [Электронный ресурс]. URL: <https://uchet.kz/news/okedy-dlya-samozanyatykh-2026> (дата обращения: 19.10.2025).

Налоговым кодексом Кыргызской Республики (НК КР) установлено, что ФЛ может осуществлять индивидуальную трудовую деятельность на основе патента (ст. 27)¹. В ст. 416 НК КР указано, что налогоплательщики на основе патента осуществляют индивидуальную трудовую деятельность (без наемных работников) или индивидуальную предпринимательскую деятельность. Этот оригинальный подход вскрывает амбивалентную природу самозанятости, одновременно представляющую собой трудовую и предпринимательскую деятельности, допуская для второй использование наемного труда.

В ст. 27 НК КР отмечены виды деятельности: научная, педагогическая (преподавательская), творческая и иная деятельность, а также обозначено, что она осуществляется без привлечения наемного труда².

Не имеют право на применение режима уплаты налога на основе патента: 1) ФЛ, у которого совокупный объем выручки за 12 месяцев, следующих подряд, превышает 8 млн сомов; 2) ФЛ, осуществляющее импорт и/или экспорт товаров; 3) с 1 июля 2024 г. — ФЛ, осуществляющее торговую деятельность.

Налогообложение основано на вмененном подходе. Отмечается, что в условиях слабой цифровизации бизнес-процессов и низкой налоговой культуры налоги, основанные на вмененном подходе, обладают явным преимуществом как более простые в администрировании [19, с. 95].

Сумма налога является фиксированной и не подлежит пересчету после приобретения патента. В целях определения экономически обоснованного размера вмененного дохода для расчета базовой суммы налога на самозанятых проводятся хронометражные обследования [19, с. 87]. Уплаченная сумма налога не подлежит возврату после приобретения патента. Это является проблемным местом, поскольку доходы самозанятых нерегулярны. Осуществляющие индивидуальную деятельность на основе патента должны уплачивать страховые взносы³.

Законодательство Кыргызстана позволяет заниматься предпринимательской деятельностью иностранным гражданам.

Институт самозанятых в России

В законодательстве РФ легальные определения «самозанятости» и «самозанятых» отсутствуют, однако в риторике чиновников и в научном сообществе эти дефиниции сегодня активно используются применительно к уплачивающим НПД.

В период с 2019 по 2028 гг. в России проводится эксперимент по уплате НПД: с 1 января 2019 г. он начал реализовываться в четырех российских регионах: Москве, Московской области, Калужской области и Республике Татарстан; в 2020 г. к эксперименту присоединилось еще 19 регионов; с 1 июля 2020 г. внедрение НПД началось в других субъектах РФ; в настоящее время НПД распространен также на федеральной территории Сириус и в городе Байконур.

НПД могут уплачивать ФЛ (95% всех налогоплательщиков) и ИП (5% налогоплательщиков) с дохода, не превышающего 2,4 млн руб. в год⁴, от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также с дохода от использования имущества.

Законом установлены исключения, не распространяющиеся на самозанятость, по видам деятельности⁵ и по видам доходов⁶.

¹ Налоговый кодекс Кыргызской Республики от 18.01.2022 № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112340/edition/13809/ru> (дата обращения: 22.01.2025).

² Конкретизированные виды деятельности утверждаются Кабинетом Министров.

³ Инструкция о порядке начисления и уплаты страховых взносов по государственному социальному страхованию. Приложение к постановлению Кабинета Министров Кыргызской Республики от 03.12.2024 № 729 [Электронный ресурс]. URL: https://sti.gov.kg/section/view-pdf?filePath=websti%2F2024%2F12%2F23%2Fstdocument_a08948dd-ba83-409c-9251-b2a9904799e8.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

⁴ Ожидается повышение максимального дохода в 2025 г. до 3,6 млн; в 2026 г. — до 3,8 млн; в 2027 г. — до 4 млн; в 2028 г. — до 4,2 млн.

⁵ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (с изм. и доп. 15.12.2019, 01.04.2020, 08.06.2020, 11.06.2021, 02.07.2021, 28.06.2022, 21.11.2022, 28.12.2022, 19.12.2023, 08.08.2024, 29.11.2024). Ст. 4.

⁶ Там же. Ст. 6.

ФНС дает данные о рейтинге отраслей деятельности самозанятых. В 2019 г. в топ-5 отраслей вошли ремонт, авто, IT-сфера, прочее, аренда; в 2020–2024 гг. топ-5 сфер практически не менялся, в рейтинг входили: ремонт, авто, IT-сфера, красота, информационные услуги¹.

Благодаря удобному сервису и низким налоговым ставкам (4% при взаимодействии с ФЛ и 6% — с ЮЛ) налоговый режим для самозанятых оказался довольно привлекательным и позволил за пять лет легализовать доходы более 12 млн россиян². По данным ФНС, 50% самозанятых — это новые лица в правовом поле, ранее они не декларировали доходы³. Учитывая, что количество самозанятых до проведения реформы оценивалось примерно в 16–20 млн чел. [15, с. 67]⁴, можно сказать, что большая часть самозанятых легализовали свои доходы.

С 2019 г. во всех регионах России наблюдается рост численности самозанятых, однако он носит неравномерный характер [4, с. 343; 5]: наибольшее количество самозанятых в 2024 г. насчитывалось в Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Краснодарском крае и в Республике Татарстан⁵.

Следует сделать одну важную оговорку: ФНС России в численности самозанятых учитывает всех лиц, зарегистрированных в приложении «Мой налог», следовательно, их фактическая величина значительно ниже. Известно, что на 1 июля 2023 г. 49,6% самозанятых не имели дохода за период с начала года, у 26,6% доход меньше 50 тыс. руб. [4, с. 349].

Сумма выручки самозанятых также имеет устойчивую положительную тенденцию: она увеличилась с 6132 млн руб. в 2019 г. до 217 031 млн руб. в 2024 г.⁶, однако обращается внимание на колебания доходов самозанятых, незадекларированные доходы [4, с. 349], низкий уровень доходов⁷ [4, с. 349; 5].

Самозанятые участвуют только в финансировании обязательного медицинского страхования: 37% доходов от уплаты НПД зачисляются в фонд медицинского страхования, а остальные 63% — в региональный бюджет⁸.

Вопрос о включении самозанятых в программы обязательного социального страхования в настоящее время является самым обсуждаемым. Высказывается озабоченность низкой социальной защищенностью самозанятых. В связи с этим рассматриваются возможности распространения на них страхования от старости [8], временной нетрудоспособности⁹ и других социальных рисков.

Поскольку в РФ самозанятые могут оказывать услуги юридическим лицам, то эксперты обращают внимание на возникающие переводы наемного труда в самозанятость [2, с. 80]. В Казахстане, к примеру, эта проблема устранилась правилом, по которому самозанятые могли взаимодействовать только с ФЛ. В России пошли по пути усиления контроля за работодателями. Так, установлен запрет на работу самозанятых с текущим или бывшим работодателем, после увольнения должно пройти не менее двух лет¹⁰, а также осуществляется дополнительный контроль за трансакциями, заключаемыми между самозанятыми

¹ Самозанятые. Платформа поставки данных ФНС России [Электронный ресурс]. URL: <https://geocheki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment> (дата обращения: 04.01.2025).

² Там же.

³ Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения: 05.01.2025).

⁴ Соцопрос РАНХиГС: в России около 17 млн самозанятых — четверть от работающего населения [Электронный ресурс]. URL: https://prim.ranepa.ru/news/novosti_510.html (дата обращения: 05.01.2025).

⁵ Самозанятые. Платформа поставки данных ФНС России [Электронный ресурс]. URL: <https://geocheki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment> (дата обращения: 04.01.2025).

⁶ Там же.

⁷ В России зарегистрировалось 3 млн самозанятых [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/11275333/ (дата обращения: 25.01.2025); Стасенко Н. Самозанятость 2024: что изменилось за пять лет действия налогового режима [Электронный ресурс] // RB: (сайт). URL: <https://rb.ru/interview/samozanyatost-2024/> (дата обращения: 11.11.2024).

⁸ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 31.07.2025) [Электронный ресурс] // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 19.10.2025).

⁹ Минтруд предложил провести эксперимент с 2026 года по выдаче больничных самозанятым [Электронный ресурс] // Известия. 27 декабря 2024. URL: <https://iz.ru/1815273/2024-12-27/mintrud-predlozhil-provesti-eksperiment-s-2026-goda-po-vydache-bolничnykh-samozanatyim> (дата обращения: 05.01.2025).

¹⁰ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (с изм. и доп. 15.12.2019, 01.04.2020, 08.06.2020, 11.06.2021, 02.07.2021, 28.06.2022, 21.11.2022, 28.12.2022, 19.12.2023, 08.08.2024, 29.11.2024). Ст. 6.

и юридическими лицами¹. При возникновении несоответствия характера фактической деятельности природе самозанятости возможна переквалификация отношений из гражданских в трудовые².

В России самозанятыми могут быть не только граждане РФ, но также граждане Украины и стран ЕАЭС. По данным ФНС России, за девять месяцев 2023 г. в стране зарегистрировалось свыше 183 тыс. самозанятых граждан из государств ЕАЭС³, а к концу 2024 г. их количество составило более 293 тыс. чел.⁴ Вместе с тем высказываются предложения по расширению практики НПД на других иностранных граждан [23].

В таблице представлен сравнительный анализ рассмотренных институтов самозанятых в странах ЕАЭС.

Таблица

Сравнительный анализ институтов самозанятых в странах ЕАЭС
Table. Comparative analysis of self-employed institutions in the EAEU countries

Критерий сравнения	Страны ЕАЭС						
	Армения	Беларусь		Казахстан		Кыргызстан	Россия
Период	С 2020 г.	С 2023 г.		2019—2024 гг.	2024—2026 гг.	С 2015 г.	2019—2029 гг.
Субъекты	ФЛ, ИП	ФЛ	ИП, ФЛ	ФЛ	ИП	ФЛ, ИП	ФЛ, ИП
Виды деятельности	Определены виды деятельности для микропредпринимателей без регистрации ИП	Определены виды деятельности	Реализация потребителям товаров / оказание потребителям услуг только для ФЛ	Реализуют с/х продукцию ЛПХ для ФЛ и, если размер дохода не превышал 1175-кратный размер МРП только для ФЛ	В соответствии с видами деятельности, предусмотренными для ИП	Индивидуальная трудовая деятельность; индивидуальная предпринимательская деятельность	Доход не более 2,4 млн руб.; есть исключения из видов деятельности
Налоги	Подоходный налог (ставка 20%)	НПД (10% и 20%). Сбор за осуществление ремесленной деятельности. Сбор за осуществление деятельности в сфере агротуризма	Единый налог	Единый совокупный платеж	В соответствии с выбранным налоговым режимом	Налог на основе патента (фиксированный платеж в зависимости от срока)	НПД
Участие в системе социальной защиты и социального страхования	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Только медицинское
Распространение специального налогового режима на граждан ЕАЭС / граждан других иностранных государств	Распространен на всех иностранных граждан	Распространен на всех иностранных граждан	Да, только в течение 5 дней в месяц	Нет	Нет, но есть исключение для иностранных граждан, имеющих вид на жительство	Ограничений нет	Распространен на граждан стран ЕАЭС, Украины, ДНР, ЛНР

Источник: составлено автором

¹ Приказ Минтруда России от 28.11.2024 № 640н «О внесении изменений в перечень индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 ноября 2021 г. № 838н» (зарегистрировано в Министерстве России 25.12.2024 № 80775) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494490/ (дата обращения: 25.01.2025).

² Как исключить риски переквалификации договоров ГПХ с самозанятыми в трудовые [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15446623/ (дата обращения 05.01.2025).

³ В ЕЭК обсудили вопросы пребывания в России «самозанятых» из стран ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eeek-obsudili-voprosy-prebyvaniya-v-rossii-samozanyatyh-iz-stran-eaes/> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴ Более 12 млн самозанятых зарегистрировались в России [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/15487019/ (дата обращения: 25.01.2025).

Заключение

Все страны ЕАЭС избрали оригинальные подходы к регулированию самозанятости. При фактическом признании самозанятости легальные определения отсутствуют, они конструируются по признакам, указанным в национальных законодательствах.

Отрасль права. Во всех странах ЕАЭС самозанятость регулируется гражданским законодательством. В Беларуси, Казахстане (до 2024 г.) и РФ выделяется самостоятельная категория самозанятых как плательщиков специального налога. В Армении, Казахстане (после 2024 г.) и Кыргызстане созданы условия налогообложения ФЛ без образования ИП. В Кыргызстане допускается два вида деятельности для самозанятых: предпринимательская и трудовая.

Субъект самозанятости. В Армении, Беларуси и Кыргызстане определены виды деятельности, которыми могут заниматься только ФЛ без регистрации ИП. Одновременно в этих странах допускается участие ИП. Казахстан вначале самозанятыми признавал только ФЛ без регистрации ИП, а позднее предложил всем самозанятым перерегистрироваться в ИП. В России равными правами обладают ФЛ и ИП.

Виды деятельности. Исчерпывающий перечень видов деятельности для самозанятых ФЛ без регистрации ИП характерен для Армении, Беларуси, Кыргызстана (список в последние годы сокращался). В Казахстане в период действия ЕСП перечня конкретизированных видов деятельности не было. В РФ установлены исключения видов деятельности и видов доходов. Исключения по видам деятельности для микропредпринимателей есть также и в Армении.

Возможность применения наемного труда. В Армении и в Кыргызстане (для индивидуальной предпринимательской деятельности на основе патента) сохраняется возможность иметь наемных работников. Законодательством Беларуси, Казахстана и РФ наемный труд для самозанятых запрещен.

Предельный доход. Во всех странах ЕАЭС существуют нормы предельного дохода. Особенностью подхода в Беларуси является дифференциация налоговых ставок в зависимости от получаемого дохода.

Кому могут оказывать услуги / реализовывать товары. Законодательством Казахстана времен 2019–2024 гг. предусмотрено оказание услуг самозанятым только ФЛ. Есть подобные ограничения в Беларуси при осуществлении самостоятельной профессиональной деятельности. Во всех остальных странах возможно взаимодействие с организациями.

Налоговое регулирование. В Казахстане в период налогового эксперимента (2019–2023 гг.), в настоящее время в Кыргызстане и в Беларуси (для агротуризма и ремесленной деятельности) при налогообложении используется правило вмененного дохода, которое в условиях слабой цифровизации экономики может быть намного более эффективным. Одновременно опора на предполагаемый доход может стать основанием для дискриминации имеющих нерегулярный доход.

Участие в социальном страховании. По-разному решается вопрос о распространении на самозанятых защиты от социальных рисков. Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан включили самозанятых в финансирование программ социального страхования и пенсионирования. В РФ самозанятые финансируют только обязательное медицинское страхование.

Распространение налогового режима на иностранных лиц. В Армении и Кыргызстане гражданство не имеет значения. В Беларуси для иностранных граждан есть ограничения. В Казахстане в настоящее время предпринимательством могут заниматься только те иностранные граждане, которые имеют вид на жительство.

В РФ перейти на специальный налоговый режим могут граждане всех стран ЕАЭС, Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

Регулирование самозанятости определяется спецификой рынков труда стран ЕАЭС, и некоторые оригинальные решения могут быть оправданы национальными институциональными особенностями. Вместе с тем странам ЕАЭС следует изучать опыт друг друга для поиска наиболее эффективных решений.

Также в условиях существования ЕАЭС существует потребность хотя бы частичной гармонизации национальных законодательств в части регулирования деятельности самозанятых. Остается непонятным,

почему в Казахстане и Беларуси есть ограничения к предпринимательству и/или самозанятости для граждан стран ЕАЭС.

Осенью 2025 г. в Кыргызстане были предприняты попытки регламентирования платформенной занятости, в результате чего у курьеров, водителей такси и некоторых других категорий самозанятых появилась возможность уплачивать подоходный налог через цифровые платформы. В период с 2025 по 2028 гг. его размер составляет всего 1%.

Список литературы

1. Аветисян Т., Мкртчян Т., Матевосян Д., Давтян К., Мкртчян Г. Политика труда и занятости и пенсионная политика в контексте формирования социального государства = Կենսաթոշակային, աշխատանքի եւ գքաղվածության բաղաքանությունները սոցիալական պետության ձեվավորման համարերսություն. 2023. URL: <https://asue.am/upload/files/amberd/amberd-64.pdf> (дата обращения: 14.02.2025). DOI: 10.52174/978-9939-61-272-0 (На армянском яз.)
2. Анисимов Р. И. Динамика занятости в России (2018 — середина 2023 г.) // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 73–84. EDN: FQITDE. DOI: 10.31857/S0132162524010078.
3. Бозиев Р. М. Налогообложение самозанятых в Республике Беларусь // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 1(146). С. 172–182. EDN: WSZDDZ. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.172-182.
4. Бычков Д. Г., Гришина Е. Е., Феоктистова О. А., Локтюхина Н. В. Профили самозанятости и платформенной занятости в России // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20, № 3. С. 339–355. EDN: QMJLYF. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355.
5. Виленский А. В. Российский институт самозанятости: развитие в контексте пространственных особенностей // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 3. С. 7–29. EDN: AWEHCR. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_3_7_29.
6. Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Налог на профессиональный доход: риски и потенциал // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 5. С. 131–140. EDN: XODSDF. DOI: 10.26794/1999-849X2019-13-5-131-1400.
7. Грабова О. Н., Суглобов А. Е. Проблемы выхода «из тени» самозанятых лиц в России: риски и пути их преодоления // Экономика. Налоги. Право. 2017. Т. 10, № 6. С. 108–116. EDN: YMUASW.
8. Жукова Т. В. Международный опыт финансирования пенсий самозанятых // Финансы: теория и практика. 2022. Т. 26, № 1. С. 169–185. EDN: MOHAGW. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-169-185.
9. Калманбетова Г. Т. Экономические условия развития теневой занятости населения Кыргызстана // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17, № 15. С. 1795–1806. EDN: WIOFTV. DOI: 10.18334/rp.17.15.36088.
10. Латыпова Ю. Самозанятость в странах ЕАЭС [Электронный ресурс] // Всероссийская академия внешней торговли. 2021. URL: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2021/08/Monitoring_72text3.pdf (дата обращения: 25.05.2025).
11. Мосейко В. В. К вопросу о развитии института самозанятых в России // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1. С. 90–103. EDN: WKDMIC. DOI: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-84-97.
12. Мосейко В. В., Головацкая В. С. Развитие институтов самозанятых в Казахстане и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 1. С. 44–55. EDN: JSDTUC. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-44-55.
13. Мыктыбаев Т. Д., Иванова Е. С. Налоговые особенности статуса самозанятых по законодательству России и Казахстана // Вестник МГПУ. Серия «Экономика». 2021. № 3 (29). С. 63–71. EDN: JSdjow. DOI: 10.25688/2312-6647.2021.29.3.6.
14. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Динамика теневой занятости российского населения // Экономическая политика. 2021. Т. 16, № 2. С. 60–87. EDN: RIGILL. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-60-87.
15. Покида А. Н., Зыбунская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 1. С. 60–85. EDN: PAXTQP.

16. Пьянова М. В. Зарубежный опыт налогового регулирования самозанятости // Налоги и налогообложение. 2022. № 2. С. 47–71. EDN: DSFAWR. DOI: 10.7256/2454-065X.2022.2.37727.
17. Сараков А. А. О правовом регулировании трудовых отношений с самозанятыми стран — участников ЕАЭС // Государственная служба и кадры. 2024. № 2. С. 159–163. EDN: INLRNZ. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-2-159-163.
18. Серова А. В., Серов С. И. Проблемы правового статуса самозанятых в Российской Федерации и Республике Казахстан: налогово-правовое и социально-трудоправовое исследование // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4. С. 118–132. EDN: SKPFPE. DOI: 10.34076/2410-2709-2020-4-118-132.
19. Тихонова А. В. Ключевые вопросы налогообложения самозанятых в странах СНГ // Финансовый журнал. 2021. Т. 13, № 6. С. 81–97. EDN: RZVAMII. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-6-81-97.
20. Barrio A., Schoukens P. The Changing Concept of Work: When Does Typical Work Become Atypical? // European Labour Law Journal. 2017. Vol. 8, No. 4. P. 306–332. DOI: 10.1177/2031952517743.
21. Cowling M. L., Wooden M. Does Solo Self-Employment Serve as a 'Stepping Stone' to Employership? // Labour Economics. 2021. Vol. 68. DOI: 10.1016/j.labeco.2020.101942.
22. Khassenov M. Flexibilization of Labour in Kazakhstan: New Legal Framework and Institutional Decisions // E-Journal of International and Comparative Labour Studies. 2016. Vol. 5, No. 1. P. 130–142.
23. Ryabova E. V., Machechkin V. A. Taxation of the Self-Employed in Russia: Potential Discrimination // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 3. P. 149–172 DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.149.172.

Об авторе:

Мосейко Виктория Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и инструментальных методов Калининградского государственного технического университета (Калининград, Россия), доцент; e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222X

References

1. Avetisjan, T., Mkrtchjan, T., Matevosjan, D. [et al.] Labor and Employment Policy and Pension Policy in the Context of the Formation of a Welfare State [Electronic resource]. 2023. URL: <https://asue.am/upload/files/amberd/amberd-64.pdf> (accessed: 14.02.2025). DOI: 10.52174/978-9939-61-272-0 (In Armenian).
2. Anisimov, R. I. Dynamics of Employment in Russia (2018 – mid-2023) // Sociological Studies. 2024. No. 1. P. 73–84 (In Russ.). EDN: FQITDE. DOI: 10.31857/S0132162524010078.
3. Boziev, R. M. Taxation of the Self-Employed in the Republic of Belarus // Actual Problems of Russian Law. 2023. Vol. 18, No. 1 (146). P. 172–182 (In Russ.). EDN: WSZDDZ. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.146.1.172-182.
4. Bychkov, D. G., Grishina, E. E., Feoktistova, O. A., Loktyukhina, N. V. The Profiles of the Self-employed and Platform Workers in Russia // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2024. Vol. 20, No. 3. P. 339–355 (In Russ.). EDN: QMJLYF. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_2_339_355.
5. Vilensky, A. V. Self-employment in Russia: Spatial Aspect of Its Development as an Institution // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 3. P. 7–29 (In Russ.). EDN: AWEHCR. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_3_7_29.
6. Goncharenko, L. I., Advokatova, A. S. Professional Income Tax: Risks and Potential // Economics, Taxes & Law. 2020. Vol. 13, No. 5. P. 131–140 (In Russ.). EDN: XODSDF. DOI: 10.26794/1999-849X2019-13-5-131-1400.
7. Grabova, O. N., Suglobov, A. E. The Problems of "De-Shadowing" of Self-Employed People in Russia: Risks and Coping Mechanisms // Economics, Taxes & Law. 2017. Vol. 10, No. 6. P. 108–116 (In Russ.). EDN: YMUASW.

8. Zhukova, T. V. International Experience in Financing Pensions of the Self-Employed // Finance: Theory and Practice. 2022. Vol. 26, No. 1. P. 169–185 (In Russ.). EDN: MOHAGW. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-169-185.
9. Kalmanbetova, G. T. The Economic Conditions for the Development of Kyrgyzstan Population's Shady Employment // Russian Journal of Entrepreneurship. 2016. Vol. 17, No. 15. P. 1795–1806 (In Russ.). EDN: WIOFTV. DOI: 10.18334/rp.17.15.36088.
10. Latypova, J. Self-employment in the EAEU Countries // All-Russian Academy of Foreign Trade. 2021. [Electronic resource]. URL: https://www.vavt-imef.ru/wp-content/uploads/2021/08/Monitoring_72text3.pdf (accessed: 25.05.2025) (In Russ.).
11. Moseiko, V. V. On the Development of the Self-Employed Institution in Russia // Baltic Economic Journal. 2025. No. 1. P. 90–103 (In Russ.). EDN: WKDMIC. DOI: 10.46845/2073-3364-2025-0-1-84-97.
12. Moseiko, V. V., Golovatskaja, V. S. Development of Self-Employed Institution in Kazakhstan and Russia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 44–55 (In Russ.). EDN: JSDTUC. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-44-55.
13. Myktybaev, T. D., Ivanova, E. S. Tax Features of the Status Self-Employed According to the Legislation of Russia and Kazakhstan // MCU Journal of Economic Studies. 2021. No. 3 (29). P. 63–71 (In Russ.). EDN: JSDJOW. DOI: 10.25688/2312–6647.2021.29.3.6.
14. Pokida, A. N., Zybunovskaya, N. V. Dynamics of Shadow Employment of the Russian Population // Economic Policy. 2021. Vol. 16, No. 2. P. 60–85 (In Russ.). EDN: RIGILL. DOI: 10.18288/1994-5124-2021-2-60-87.
15. Pokida, A. N., Zybunovskaya, N. V. Regulation of Self-Employed Citizens' Activity // Public Administration Issues. 2020. No. 1. P. 60–85 (In Russ.). EDN: PAXTQP.
16. Pjanova, M. V. Foreign Experience of Tax Regulation of Self-Employment // Taxes and Taxation. 2022. No. 2. P. 47–71 (In Russ.). EDN: DSFAWR. DOI: 10.7256/2454-065X.2022.2.37727.
17. Sarakov, A. A. On the Legal Regulation of Labor Relations with Self-Employed Countries of the EAEU Member//Civil Service and Personnel. 2024. No. 2. P. 159–163 (In Russ.). EDN: INLRNZ. DOI: 10.24412/2312-0444-2024-2-159-163.
18. Serova, A. V., Serov, S. I. The Issues of the Legal Status of the Self-Employed in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: Tax-Legal and Socio-Labor Law Research // Russian Law: Education, Practice, Research. 2020. No. 4. P. 118–132 (In Russ.). EDN: SKPFPE. DOI: 10.34076/2410-2709-2020-4-118-132.
19. Tihonova, A. V. Key Issues of Taxation of the Self-Employed in the CIS Countries // Financial Journal. 2021. Vol. 13, No. 6. P. 81–97 (In Russ.). EDN: RZVAMI. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-6-81-97.
20. Barrio, A., Schoukens, P. The Changing Concept of Work: When Does Typical Work Become Atypical? // European Labour Law Journal. 2017. Vol. 8, No. 4. P. 306–332. DOI: 10.1177/2031952517743.
21. Cowling, M. L., Wooden, M. Does Solo Self-Employment Serve as a 'Stepping Stone' to Employership? // Labour Economics. 2021. Vol. 68. DOI: 10.1016/j.labeco.2020.101942.
22. Khassenov, M. Flexibilization of Labour in Kazakhstan: New Legal Framework and Institutional Decisions // E-Journal of International and Comparative Labour Studies. 2016. Vol. 5, No. 1. P. 130–142.
23. Ryabova, E. V., Machekhin, V. A. Taxation of the Self-Employed in Russia: Potential Discrimination // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. No. 3. P. 149–172. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.3.149.172.

About the author:

Victoria V. Moseiko, PhD in Economics, Associate Professor, Kaliningrad State Technical University (Kaliningrad, Russia);
e-mail: vimoseiko@gmail.com; ORCID: 0000-0001-8574-222X

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Мосейко В. В., 2025

Арктический макрорегион в потоке времени и смыслов (к вопросу международного арктического сотрудничества)¹

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: jeakuklina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0457-2658

РЕФЕРАТ

В статье исследуются вопросы международного сотрудничества в Арктике, современное состояние которого стало результатом как эволюционного процесса прохождения определенных этапов, так и современной трансформации геополитического ландшафта мира. **Цель.** Изучение эволюции международного арктического сотрудничества, современного состояния и перспектив развития Северного морского пути как доминанты и драйвера развития Арктической зоны РФ. **Задачи.** Выявить этапы, описать элементы современной модели и предложить классификацию направлений международного арктического сотрудничества. Акцентировать роль Китая и Индии как государств-цивилизаций в управлении развитием Арктического макрорегиона. Сформулировать принципы успешности получившего статус Трансарктического транспортного коридора маршрута по Северному морскому пути, связывающему Европу и Азию. **Методология.** Системный подход, логический анализ, синтез, контент-анализ открытых источников, моделирование. **Результаты.** Эволюция международного сотрудничества в Арктике насчитывает пять этапов, начиная с 1648 г.; с февраля 2022 г. идет пятый этап, который имеет свою специфику и формирует современную модель сотрудничества, реализуемую через международные организации, интеграционные объединения, государственные инициативы, научные исследования и экологические проекты. Направления международного арктического сотрудничества целесообразно классифицировать по виду, сфере, цели, типу и полномочиям его участников. Доминантой и драйвером развития российского сегмента Арктики является Северный морской путь, принципиальная успешность прохождения маршрута по которому обусловлена скоростью, безопасностью и выгодой. В условиях обновления институтов глобального управления актуализируется роль государств-цивилизаций, являющихся членами интеграционного объединения Форум БРИКС, в управлении развитием Арктики (Россия, Китай, Индия). **Выводы.** Обоснована целесообразность включения в Арктическую повестку интеграционного объединения Форум БРИКС. Целевой аудиторией исследования являются ученые, занимающиеся проблемами региональной экономики, преподаватели и аспиранты, а также представители органов власти и управления. Перспективы исследования связаны с анализом рисков арктического судоходства и оценкой эффективности создания независимой страховочной инфраструктуры Форума БРИКС для международной торговли, включая страхование грузов, товаров и услуг независимо от санкционных ограничений.

Ключевые слова: Арктика, международное сотрудничество, Северный морской путь, арктическое судоходство, модель, БРИКС

¹ Статья подготовлена в рамках инициативной НИР Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации «Оценка перспектив сотрудничества государств Форума БРИКС в экономическом пространстве Арктики (в контексте обновления институтов глобального управления)»: номер в системе ЕГИСУНИКОТР № 125022002759-З от 20.02.2025. Статья подготовлена по результатам экспертного мнения автора по двум сессиям ПМЭФ-2025. URL: <https://roscongress.org/speakers/kuklina-evgeniya-/materials/>.

Для цитирования: Куклина Е. А. Арктический макрорегион в потоке времени и смыслов (к вопросу международного арктического сотрудничества) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19. № 4. С. 47–58. EDN: LXCZOU

Arctic Macro-Region in the Flow of Time and Meanings (on the Issue of International Arctic Cooperation)

Evgenia A. Kuklina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management of RANEPA, Saint Petersburg, Russia

e-mail: jeakuklina@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0457-2658

ABSTRACT

The article examines the issues of international cooperation in the Arctic macro-region, the current state of which is the result of both the evolutionary process of passing certain stages and the modern transformation of the world geopolitical landscape. **Aim.** Substantiation of proposals for improving the organizational forms of development of the tourism industry of the PRC based on the analysis of its current state and the implementation of the practical experience of the Russian Federation. **Tasks.** To identify the stages, describe the elements of the modern model, and propose a classification of areas of international Arctic cooperation. To emphasize the role of China and India as civilizational states in managing the development of the Arctic macro-region. To formulate the principles for the success of the NSR route, which has received the status of the Trans-Arctic Transport Corridor, linking Europe and Asia.

Methods. Systems approach, logical analysis, synthesis, content analysis of open sources, modeling.

Results. Study of the evolution of international Arctic cooperation, the current state and development prospects of the Northern Sea Route as a dominant and driver for the development of the Arctic zone of the Russian Federation. Materials and methods. Systems approach, logical analysis, synthesis, content analysis of open sources, modeling. Results. The evolution of international cooperation in the Arctic has five stages, starting in 1648; since February 2022 the fifth stage has been underway, which has its own specifics and forms a modern model of cooperation implemented through international organizations, integration associations, government initiatives, scientific research and environmental projects. It is advisable to classify the areas of international Arctic cooperation by type, sphere, purpose, type and powers of its participants. The dominant feature and driver of the development of the Russian segment of the Arctic is the Northern Sea Route, the fundamental success of the route along which is due to speed, safety and benefit. In the context of the renewal of global governance institutions, the role of states-civilizations that are members of the BRICS Forum integration association in managing the development of the Arctic (Russia, China, India) is becoming more important.

Keywords: Arctic, international cooperation, Northern Sea Route, Arctic shipping, model, BRICS

For citation: Kuklina E. A. Arctic Macro-Region in the Flow of Time and Meanings (on the Issue of International Arctic Cooperation) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 47–58 (In Russ.). EDN: LXCZOU

Введение

Актуальность темы исследования. Процессы, реализуемые в экономическом пространстве Арктического макрорегиона, можно охарактеризовать как «своеобразный конфликт» [2, с. 612]: все акторы, имея собственные экономические интересы, объединены также общим интересом — сохранением человека как биологического вида и сохранением среды его обитания как первичного ресурса жизнеобеспечения.

Анализ протекающих процессов, определение перспектив развития Арктического макрорегиона как циркумполярного региона на основе принципов взаимовыгодного сотрудничества и учета интересов всех акторов формирует выбор инструментов государственной стратегии и политики в современных условиях формирования многополярного, полицентричного мира [23]. К сожалению, сегодня Арктика перестала быть территорией политической стабильности и успешного развития международного сотрудничества, но будущее сотрудничества в Арктической зоне Российской Федерации (далее — АЗРФ) может и должно стать ответом на глобальный вызов необходимости сбалансирования экономических интересов государства с сохранением уникальной природной среды макрорегиона. Необходимым условием того, что Арктика сможет стать моделью ответственного и устойчивого развития, является равноправный диалог и объединение компетенций разных стран, а стратегическая неопределенность является пространством для гибкости, в котором возможны переформатирование и перезагрузка отношений.

Цель исследования состояла в изучении эволюции международного арктического сотрудничества, а также состояния и перспектив развития Северного морского пути (далее — СМП) как доминанты и драйвера развития АЗРФ.

Поставленная цель определила задачи исследования: выявить этапы, описать элементы современной модели и предложить классификацию направлений международного арктического сотрудничества; сформулировать принципы успешности маршрута по СМП, получившего статус Трансарктического транспортного коридора.

Теоретико-методологическая и практическая значимость исследования заключается в развитии теоретико-методических подходов к обоснованию предложений по совершенствованию международного сотрудничества в Арктическом макрорегионе. Практическая значимость исследования определяется возможностью использования обоснованных предложений в целях формирования модели ответственного и устойчивого развития АЗРФ.

Выводы и результаты. Реализация потенциала международного арктического сотрудничества в рамках Форума БРИКС позволяет сформировать предпосылки создания модели ответственного и устойчивого развития Арктического макрорегиона на основе равноправного диалога и объединения компетенций.

Материалы и методы

Теоретической и методологической основой исследования явились труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам развития Арктики и международного арктического сотрудничества. В качестве методической основы исследования использовались общепринятые методы и методологические подходы: системный подход, логический анализ, синтез, контент-анализ открытых источников, моделирование.

Результаты

Современное состояние международного арктического сотрудничества является результатом как эволюционного процесса прохождения этапов (периодов) развития, так и современной трансформации геополитического ландшафта мира.

А. Н. Пилясов выделяет три этапа «международного сотрудничества в российской Арктике (первый этап: 1992–1997 гг.; второй этап: 1998–2002 гг.; третий этап: с 2002 г.) [16, с. 9–10], ассоциируя его с современной Россией — Российской Федерацией как суверенным государством и субъектом международного права.

Э. В. Пешина и А. С. Захаров [15] начало *первого этапа* относят почти на 3,5 века ранее и датируют 1648 г. («Вестфальский мир»), а его завершение — 1916 г., когда Российская империя объявила о принадлежности ей земель и островов, прилегающих к ее арктическому побережью, в ответ на претензии Канады и Дании. Нам ближе эта точка зрения, так как именно в этот период проявляются первые элементы международного сотрудничества в Арктике в современном понимании.

Сравнение датировок этапов международного арктического сотрудничества разными исследователями приведено в табл. 1.

Таблица 1

Сравнительная таблица этапов международного сотрудничества

Table 1. Comparative table of stages of international cooperation

Этап/период	Пилясов А. Н.	Пешина Э. В., Захаров А. С.	Куклина Е. А.
Первый	1992–1997 гг.	1648–1916 гг.	1648–1916 гг.
Второй	1998–2002 гг.	1917–1990 гг.	1917–1990 гг.
Третий	2002 г.– ... (2015 г.)	1990–2000 гг.	1991–2000 гг.
Четвертый	—	2001 г.–... (2018 г.)	2001–2022 гг.
Пятый	—	—	2022 г.–...

Источник: составлено автором по [15; 16]

Второй этап (1917–1990 гг.) характеризуется процессами промышленного освоения с целью обеспечения военно-экономической безопасности Российского государства; это также период активного военного строительства в АЗРФ.

Третий этап включает десятилетие перестройки социально-экономической системы России и характеризуется смещением фокуса и ослаблением внимания к Арктике. Так, в 1990 г. на вооружение была принята концепция, согласно которой «Российскую Арктику осваивать оказалось невыгодно и неперспективно, поскольку экономические выгоды неочевидны, а издержки велики» [14], поэтому наиболее вероятной альтернативой арктическому шельфу считался вариант освоения трудноизвлекаемых запасов нефти на суше [10].

На протяжении *четвертого этапа* Правительством РФ были приняты стратегические документы, определяющие освоение Арктики до 2025 г., разработан и утвержден план мероприятий реализации Стратегии развития Арктики¹. Финансирование мероприятий — федеральными органами исполнительной власти в пределах бюджетных ассигнований, предусмотренных им в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год, и собственные средства государственных корпораций². Забегая вперед, приведем динамику финансирования государственной программы развития Арктического макрорегиона, отметим отсутствие расходов на развитие международного экономического сотрудничества в 2024 г. (рис. 1) и согласимся с тезисом, что «обеспечение общей безопасности Арктики при развитии взаимо-выгодного сотрудничества является одним из знаковых направлений устойчивого развития арктических финансов» [13, с. 59].

После начала специальной военной операции на Украине начался *пятый этап*, который, в силу понятных причин, имеет свою специфику и формирует современную модель сотрудничества в Арктике (рис. 2).

В настоящее время, когда обновляются институты глобального управления, актуализируется роль государств-цивилизаций в управлении развитием Арктики; речь идет о трех государствах — членах интеграционного объединения Форум БРИКС [11].

Сотрудничество в рамках Арктического совета постепенно возобновляется после частичного замораживания в 2022 г., сейчас уже можно наблюдать осторожный интерес его членов к перезапуску форматов взаимодействия при участии всех восьми государств, включая Россию; в многостороннем формате обсуждаются научные и экологические проекты.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 15.04.2021 № 996-р «Об утверждении Единого плана мероприятий по реализации Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/133920/> (дата обращения: 25.09.2025).

² Финансовые аспекты реализации программы рассмотрены также в работе [12].

Три страны, входящие в Арктический совет (Россия, Китай Индия), являются великими державами, государствами-цивилизациями (Civilization State — в терминологии А. Г. Дугина) и, в силу этого, главными акторами многополярного миропорядка. И они вполне могут совместно вырабатывать решения по развитию АЗРФ — как альтернативу рекомендациям Арктического совета, которые в последнее время стали слишком политизированными.

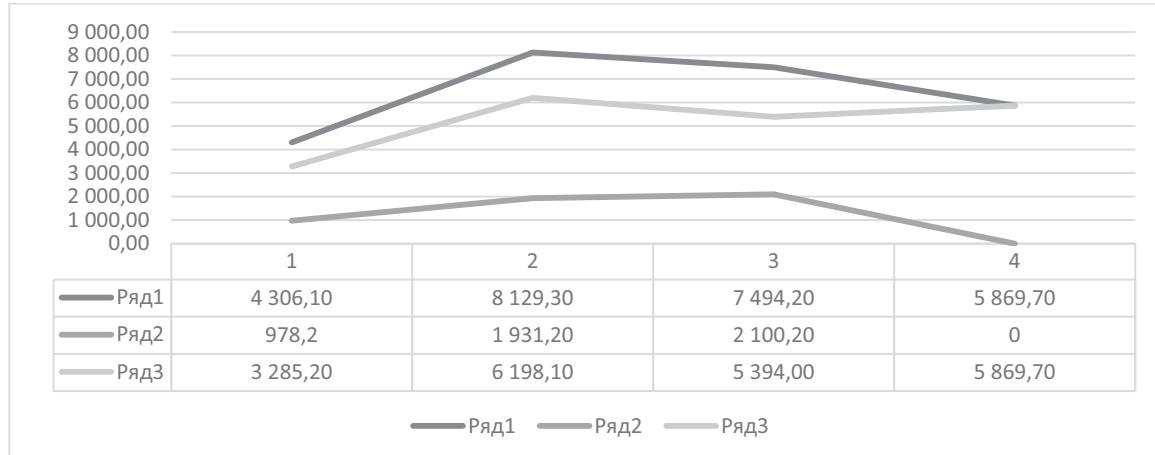

Рис. 1. Динамика финансирования Государственной программы развития макрорегиона, федеральных и ведомственных проектов развития Арктической зоны Российской Федерации в 2021–2024 гг., млн руб. (составлено автором¹)

Fig. 1. Dynamics of financing of the State Program for the Development of the Macreregion, federal and departmental projects for the development of the Arctic zone of the Russian Federation in 2021–2024, million rubles (compiled by the author)

Примечание: ряд 1 — общий объем финансирования госпрограммы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны России»; ряд 2 — финансирование международного экономического сотрудничества; ряд 3 — объем государственной поддержки реализации инвестиционных проектов на территории АЗРФ

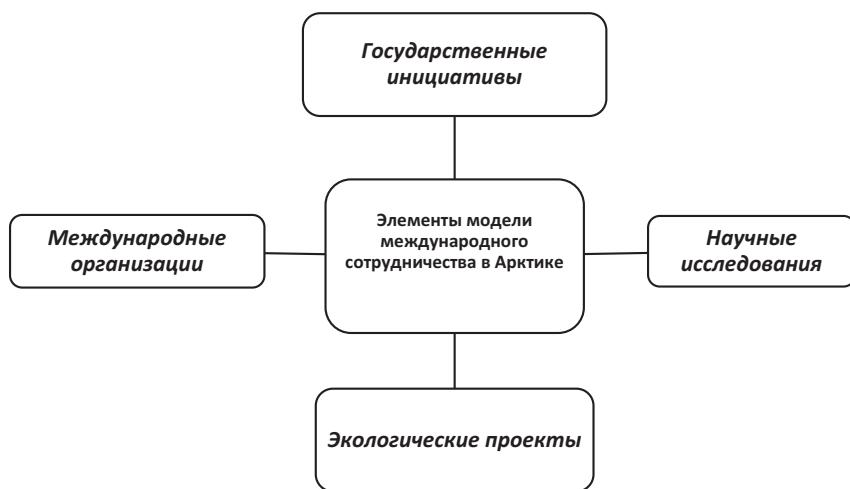

Рис. 2. Элементы модели международного арктического сотрудничества (составлено автором)

Fig. 2. Elements of the model of international Arctic cooperation (compiled by the author)

¹ Составлено автором по материалам Пояснительной записки к проекту 1258295-7 Федерального закона «О Федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1258295-7> (дата обращения: 25.09.2025). В табличке на рисунке четыре точки динамики: 1 — 2021 г., 2 — 2022 г., 3 — 2023 г., 4 — 2024 г.

В качестве модели международного сотрудничества можно рассматривать созданную в КНР платформу глобального сбалансированного и устойчивого развития, реализующую механизм государственно-частного партнерства, которая позволила решить проблемы финансирования строительства «Одного пояса — одного пути», разумно распределить риски, повысить эффективность, а также стать образцом для дальнейшего использования государственно-частного партнерства в подобных проектах [19; 21; 22].

Результаты анализа этапов и элементов модели международного арктического сотрудничества позволяют предложить пять классификационных признаков его направлений (табл. 2).

Таблица 2

Классификация направлений международного арктического сотрудничества

Table 2. Classification of areas of international Arctic cooperation

Классификационный признак	Направление сотрудничества
Вид сотрудничества	<ul style="list-style-type: none"> • Узкое / двустороннее • Широкое / многостороннее
Сфера сотрудничества	<ul style="list-style-type: none"> • Универсальные • Региональные
Цель сотрудничества	<ul style="list-style-type: none"> • Общая • Специальная
Тип сотрудничества по составу участников	<ul style="list-style-type: none"> • Открытое • Закрытое
Полномочия участников	<ul style="list-style-type: none"> • Арктические государства (в т. ч. государства-наблюдатели в Арктическом совете) • Межправительственные • Международные неправительственные организации

Источник: составлено автором

Полностью согласны, что сейчас «...международное сотрудничество превратилось из вспомогательного инструмента решения отдельных проблем между государствами в самостоятельный сегмент международной жизни с вовлечением широкого круга участников, помимо суверенных государств» [15, с. 630]. В полной мере это относится и к сотрудничеству в Арктике, которая стала «ближе» не столько по причине таяния льда, сколько из-за достижений научно-технологического прогресса.

Доминантой и драйвером развития АЗРФ является СМП, который становится мощной альтернативой глобальному морскому сообщению; роль и значимость СМП актуализировали его статус: от внутреннего морского северного маршрута — до Трансарктического транспортного коридора, связывающего Европу и Азию. Так как СМП является стержнем развития всей транспортно-логистической системы Арктики, он не может существовать, а его будущее развитие рассматривается в отрыве от промышленных и инфраструктурных проектов [17]. Важно отметить, что применение цифровых технологий с элементами искусственного интеллекта обеспечивает экономическую эффективность и рентабельность разработки месторождений полезных ископаемых в Арктическом макрорегионе, обеспечивая конкурентоспособность проектов. Анализ результатов международных исследований позволяет сделать вывод о том, что транспортные и энергетические проекты увеличивают валовой региональный продукт в долгосрочной перспективе на 12–15% [21, р. 80–91]. Поэтому логично, что на XVI саммите БРИКС Президент РФ В. В. Путин пригласил все страны, участвующие в Форуме, принять участие в развитии СМП. Сейчас пока еще объем перевозок по СМП невелик, но изменение климата постепенно продлевает судоходный период, а достижения военно-морских технологий расширяют возможности работы в арктических условиях. Согласно имеющимся прогнозам, в будущем количество навигационных дней по СМП увеличится по сравнению с 2020 г. в 2 раза без ледокольной поддержки и в 2,3 раза с ледокольной поддержкой [4]. Таким образом, в будущем этот маршрут вполне может стать одним из важнейших каналов морского сообщения.

Заинтересованность в развитии Арктики как трансарктического маршрута мировой логистики становится все более отчетливой, что проявляется в традиционных международных двусторонних форматах

взаимодействия и в рамках международных правовых форматов. Так, в августе 2024 г. Россия и Китай подписали протокол об учреждении подкомиссии по сотрудничеству по СМП в рамках механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая. В октябре 2024 г. на первом заседании рабочей группы по сотрудничеству по СМП обсудили проект межправительственного меморандума о взаимопонимании в области развития сотрудничества по морским перевозкам в акватории СМП.

Вопросы развития Арктического макрорегиона и СМП являются предметом актуальных научных исследований, и библиография по этой тематике достаточно представительна. Так, в монографии Института Европы РАН [17] выполнен анализ вызовов развитию Арктики, оценены возможности обеспечения безопасности в кратко- и среднесрочной перспективе. А. И. Изотовым выполнен анализ актуальных проблем логистической деятельности в Арктике и сделан вывод о том, что «перспективы развития логистических схем связаны с использованием цифровых технологий, новейших разработок и инноваций» [3, с. 52]. А. В. Котов обосновал вывод о том, что в краткосрочной перспективе СМП будет решать внутриэкономические задачи и ключевые нефтегазовые проекты, формирующие грузовую базу СМП, «могут сдвинуться по срокам “вправо” из-за прекращения поставок импортного оборудования» [9, с. 19]. В работе [8] выполнен анализ развития российско-китайских отношений в контексте совместного экономического сотрудничества в Арктике в энергетической сфере и позитивно оценены их перспективы. В работе [5] исследованы международный и национальный аспекты СМП, рассматриваемого в качестве одного из транзитных маршрутов в рамках китайской инициативы «Один пояс — один путь». В работе [7] выполнен анализ «Плана развития СПМ до 2035 года»¹ (утв. распоряжением Правительства РФ от 01 августа 2022 г. № 2115 «Об утверждении плана развития Северного морского пути на период до 2035 года») и обоснован вывод о том, что в перспективе СМП может укрепить существующие партнерские отношения России с другими заинтересованными странами, но проблемы СМП требуют новых технологических решений для снижения сопутствующих рисков и повышения эффективности круглогодичного функционирования.

СМП может не только сократить транспортные риски и повысить надежность грузопотоков, но одновременно «стимулировать экономическое развитие Арктического региона и его интеграцию с ведущими мировыми торговыми направлениями, прежде всего с рынками Южной Азии» [1]. Вследствие кардинальных изменений в экономическом пространстве Арктики исторически сложившаяся модель арктического судоходства не работает. Если раньше риски судоходства были обусловлены техническим несовершенством транспортных средств и экстремальной сложностью природно-климатических условий, то теперь это новые риски, генезис которых — в трансформации глобального geopolитического ландшафта, разрушении архитектуры мирохозяйственных связей и реалиях ESG-повестки.

Включение государств-цивилизаций КНР и Индии в арктический диалог превращает его в неотъемлемую часть системы международных отношений в Арктическом макрорегионе. Их активное участие в развитии Арктики может привести к «снижению общего градуса напряженности... между Россией и “коллективным Западом” по вопросам безопасности, продажи углеводородов» [6, с. 89].

Сейчас сложно и проблемно пишется глава новейшей истории арктических перевозок. Диалектика развития диктует необходимость нового подхода к формированию ледокольно-транспортной модели СМП как Трансарктического транспортного коридора, решаящего четыре стратегические задачи: обеспечение независимости транспортных потоков; повышение энергетической безопасности государства; ликвидация проблемы недостаточной пропускной способности портовой и трубопроводной инфраструктуры; диверсификация поставок [18]. Таким образом, можно определить три краеугольных камня / принципа фундамента успешности маршрута по СМП: скорость (быстро); безопасность (наименьшая рискованность); выгодность (наибольшая эффективность).

Логистическая инфраструктура СМП, интегрированная с цифровой инфраструктурой, обеспечивает связанность региона и формирует предпосылки получения синергетического эффекта. Именно поэтому авторы работы [13] как отдельную задачу выделяют интеграцию логистической и цифровой инфраструктур региона. Значительное ускорение процесса цифровизации, смещение фокуса внимания бизнеса

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 01.08.2022 № 2115-р [Электронный ресурс] // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202208040008?ysclid=mdiwrixk6172752001> (дата обращения: 25.09.2025).

к «последней милю» в цепочке создания ценностей (самое ресурсоемкое и ответственное звено транспортной логистики как в потребительском сегменте, так и в корпоративных цепях поставок) стало следствием пандемии COVID-19.

Цифровизация, кастомизация, оптимизация и повышение устойчивости стали основными требованиями к бизнес-процессам промышленных предприятий, особенно высокотехнологичных [20]. Оптимизация бизнес-процессов с использованием современных информационных технологий с элементами искусственного интеллекта позволяет снизить затраты и повысить эффективность производственной деятельности компаний в АЗРФ.

Обсуждение

Форум БРИКС не имеет устойчивой институциональной структуры, постоянными институтами являются только Новый банк развития и Деловой совет БРИКС — бизнес-площадка объединения и ключевой канал коммуникаций. В структуре Делового совета функционируют национальные секции, представленные компаниями ведущих отраслей экономики стран — участников БРИКС (как правило, на уровне CEO); в настоящее время при Деловом совете БРИКС работают девять отраслевых рабочих групп, каждая из которых имеет своего куратора (табл. 3).

Таблица 3

Актуальная структура Делового совета БРИКС
Table 3. Current structure of the BRICS Business Council

Рабочая (отраслевая) группа	Примечание	Российский куратор
Инфраструктура (в т. ч. все виды транспорта и логистики)	С 2024 г. в рамках Рабочей группы начата деятельность Подгруппа по транспорту и логистике	ОАО «РЖД»
Промышленная кооперация (включая фармацевтическое производство, высокие технологии, добывчу, обработку, обогащение полезных ископаемых, металлургическую промышленность и др.)	—	Госкорпорация «Ростех»
Финансовые услуги (включая банковский сектор, страхование и инвестиционное сотрудничество)	—	Российский фонд прямых инвестиций
Энергетика и зеленая экономика	—	En+Group
Профессиональная подготовка кадров	—	WorldSkills Russia
Дeregуляция	с 2015 г.	Агентство стратегических инициатив (АСИ)
Сельское хозяйство	с 2015 г.	ПАО «ФосАгро»
Региональная авиация	с 2018 г.	Госкорпорация «Ростех»
Цифровая экономика и развитие искусственного интеллекта	с 2024 г.	ПАО «Сбербанк»

Источник: составлено автором по материалам официального сайта Делового совета БРИКС

Структура Делового совета БРИКС меняется, адаптируясь под изменения внешней среды, он представляет собой живой и развивающийся организм, гибко реагирующий на вызовы и угрозы меняющегося мира. По нашему мнению, уже пришло время в структуру Делового совета БРИКС включить Рабочую группу по вопросам развития Арктического макрорегиона, куратором группы с российской стороны может быть госкорпорация «Ростатом».

Но есть и более радикальный вариант, который предполагает создание параллельной структуры, которая будет защищать и отстаивать не только свои национальные интересы в регионе, но и интересы стран Форума БРИКС. Таким органом может быть Арктический совет БРИКС (рабочее название *Arctic Bridge BRICS*), работающий по природно-ресурсному, транспортно-логистическому и туристско-рекреационному трекам [11].

Эффективной деятельности в Арктике будет способствовать создание независимой страховой инфраструктуры, предоставляющей услуги по страхованию грузов, товаров и услуг независимо от санкционных ограничений, — компании BRICS (Re)Insurance, концепция которой была разработана в 2024 г. Это необходимо для России и других стран, которые хотят отвязаться от страховой монополии Запада, особенно в сфере судоходства, где традиционно доминируют страховые компании Великобритании.

Заключение

В качестве заключения считаем целесообразным сформулировать актуальное направление исследования на перспективу, а именно — классификация рисков арктического судоходства и обоснование рекомендаций по их минимизации. Принятие и реализация решения о создании перестраховочной компании BRICS (Re)Insurance имеет как сильные (сокращение зависимости от западных компаний, гибкость и адаптивность, укрепление сотрудничества и др.), так и слабые (значительные инвестиции, риски недостаточной капитализации, необходимость конкуренции с западными компаниями и др.) стороны. Таким образом, представляется актуальным выполнение оценки эффективности создания перестраховочной компании BRICS (Re)Insurance.

Список литературы

1. Афанасьев С. Н., Фадеев А. М. Северный морской путь как драйвер развития транспортно-логистической системы в Арктике // Арктика 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. 2025. № 1 (21). С. 23–33. EDN: ZNZXJQ.
2. Иватанова Н. П., Стоянова И. А. ESG-инвестирование — новый подход к устойчивому развитию Арктических регионов России // Известия ТулГУ. Науки о Земле. 2021. Вып. 4. С. 610–619. EDN: MIMKSG. DOI: 10.46689/2218-5194-2021-4-1-610-620.
3. Изотов А. И. Эффективные логистические схемы доставки грузов и реализация потенциала Арктики // Холодная наука. 2024. № 5. С. 45–53. EDN: YCBPIO.
4. Ин Ч., Ву Ю., Чжан В. [и др.] Китайско-российское сотрудничество в развитии Северного морского пути // Вестник международных организаций. 2024. Т. 20, № 1. С. 46–74 (на русском и английском языках). EDN: FCZXHM. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-03.
5. Журавель В. П. Развитие Северного морского пути: национальный и международный аспекты // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 2 (8). С. 119–125. EDN: KAYDZQ. DOI: 10.15211/vestnikieran22019119124.
6. Журавель В. П. Арктическая политика России, сотрудничество с Китаем и Индией на арктическом направлении // Научно-технологическое и инновационное сотрудничество стран БРИКС: Материалы международной научно-практической конференции. Вып. 1 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В. И. Герасимов. М., 2023. С. 84–89. EDN: MDMPOG.
7. Журавель В. П. Северный морской путь: оценки и прогнозы // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 2 (32). С. 125–135. EDN: HYFJPB. DOI: 10.15211/vestnikieran22023125135.
8. Зайков К. С., Спиридовон А. А., Фадеев А. М. Сотрудничество России и Китая в Арктике в энергетической сфере: стратегический взгляд // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 22–37. EDN: RCCVXK. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.22.
9. Котов А. В. Перспективы развития ключевых арктических проектов РФ в условиях санкций // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. № 5. С. 113–123. EDN: QJNBZQ. DOI: 10.15211/vestnikieran52022113123.
10. Куклина Е. А. Проблемы освоения углеводородных ресурсов Арктического шельфа России / Государство и бизнес. Современные тенденции и проблемы развития экономики : материалы XIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 21–22 апреля 2021 г.: в трех частях. Ч. 1. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2021. 318 с. С. 102–111. EDN: ZUFFNA.

11. Куклина Е. А. Государства-цивилизации и управление развитием Арктики (в контексте обновления институтов глобального управления) / Цивилизационные аспекты развития Арктических регионов России: материалы VI научно-практической конференции (12 декабря 2024 г.) : сборник статей / отв. ред. М. А. Булавина, В. И. Герасимов, Т. В. Сичкарь. М. : Издательский дом «УМЦ», 2025. 484 с. С. 137–147. EDN: WNMUHN.
12. Лазарева Н. В. Финансы устойчивого развития Арктической зоны // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 7 (57). С. 56–62. EDN: ISTJMJ. DOI: 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.09.
13. Левина А. И., Дубгорн А. С., Фадеев А. М., Калязина С. Е. Цифровая и логистическая инфраструктуры Арктической зоны: современное состояние исследований и пути развития // Арктика и Север. 2024. № 56. С. 128–145. EDN: MDBSMB. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.56.128.
14. Минакир П. А., Леонов С. Н. Методологические проблемы прогнозирования развития Арктики Дальнего Востока России // Вестник МГТУ. М., 2014. Т. 17, № 3. С. 540–551. EDN: SNGAYX.
15. Пешина Э. В., Захаров А. С. Этапы и виды международного сотрудничества в Арктике // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13. Часть 2. ИНИОН РАН; отв. ред. В. И. Герасимов, 2018. С. 625–630. EDN: YPKHZB.
16. Пилисов А. Н., Котов А. В. Потенциал российской Арктики для международного сотрудничества: доклад № 17/2015. Российский совет по международным делам (РСМД). М. : Спецкнига, 2015. 120 с. ISBN: 978-5-91891-434-2. EDN: TAONHYW.
17. Политика, экономика и безопасность современной Арктики (к 25-летию Арктического совета) : монография / Ц. Ван, Ц. Янь, Б. Е. Власов [и др.]. М. : Институт Европы РАН, 2022. 150 с. ISBN: 978-5-98163-196-2. EDN: YVGEHY. DOI: 10.15211/report112022_397.
18. Ушакова Е. Г. Арктические рубежи: Ледяной шелковый путь и его роль в продвижении Китая в Арктику // Арктика и Север. 2021. № 43. С. 128–143. EDN: TMTYFI. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.128.
19. Чжоу Ц. Анализ проекта «Один пояс, один путь», основанного на модели ГЧП // Инновации и инвестиции. 2021. № 2. С. 46–50. EDN: UBODOD.
20. Щеголева Т. В., Жердев С. С. Логистические принципы развития бизнес-процессов высокотехнологичных предприятий в условиях цифровой трансформации // Цифровая и отраслевая экономика. 2022. № 1 (26). С. 40–48. EDN: APTCKI.
21. Chen Z. H., Haynes K. E. Impact of High-Speed Rail on Regional Economic Disparity in China // Journal of Transport Geography. 2017. Vol. 65. P. 80–91. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2017.08.003.
22. Chu, J., Muneeza, A. Belt and Road Initiative and Islamic Financing: The Case in Public Private Partnership Infrastructure Financing // International Journal of Management and Applied Research. 2019. Vol. 6, No. 1. P. 24–40. DOI: 10.18646/2056.61.19-002.
23. Schach M., Madlener R. Impact of an Ice-Free Northeast Passage on LNG Markets and Geopolitics // Energy Police. 2018. Vol. 122. P. 433–448. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.07.009.

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, кафедра бизнес-информатики (Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор; e-mail: jeakuklina@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0457-2658

References

1. Afanasev, S. N., Fadeev, A. M. The Northern Sea Route as a Driver of the Development of the Arctic Transport and Logistics System // Arctic 2035: Current Issues, Problems, Solutions. 2025. No. 1 (21). P. 23–33 (In Russ.). EDN: ZNZXJQ.

2. Ivatanova, N. P., Stoyanova, I. A. ESG Investing — a New Approach to the Sustainable Development of the Arctic Regions of Russia // Bulletin of the Tula State University. Earth Sciences. 2021. Iss. 4. P. 610–619 (In Russ.). EDN: MIMKSG. DOI: 10.46689/2218-5194-2021-4-1-610-620.
3. Izotov, A. I. Effective Logistics Schemes for Cargo Delivery and Realization of the Arctic Potential // Cold Science. 2024. No. 5. P. 45–53 (In Russ.). EDN: YCBPIO.
4. Ying, Q., Wu, Yu., Zhang, W. [et al.]. Sino-Russian Cooperation in the Development of the Northern Sea Route // Bulletin of International Organizations. 2024. Vol. 20, No. 1. P. 46–74 (In Russ. and English). EDN: FCZXHM. DOI: 10.17323/1996-7845-2025-01-03.
5. Zhuravel, V. P. Development of the Northern Sea Route: National and International Aspects // Scientific and Analytical Herald of Institute of Europe Russian Academy of Sciences. 2019. No. 2 (8). P. 119–125 (In Russ.). EDN: KAYDZQ. DOI: 10.15211/vestnikieran2019119124.
6. Zhuravel, V. P. Russia's Arctic Policy, Cooperation with China and India in the Arctic // Scientific, Technological, and Innovative Cooperation of the BRICS Countries: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Issue 1 / RAS. INION. Scientific Cooperation Department; ed. V. I. Gerasimov. Moscow, 2023. P. 84–89 (In Russ.). EDN: MDMPOG.
7. Zhuravel, V. P. The Northern Sea Route: Assessments and Forecasts // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 2 (32). P. 125–135 (In Russ.). EDN: HYFJPB. DOI: 10.15211/vestnikieran2023125135.
8. Zaikov, K. S., Spiridonov, A. A., Fadeev, A. M. Cooperation between Russia and China in the Arctic Energy Sector: A Strategic Perspective // Arctic and North. 2024. No. 54. P. 22–37 (In Russ.). EDN: RCCVXK. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.22.
9. Kotov, A. V. Prospects for the Development of the key Arctic Projects of the Russian Federation under the Conditions of Sanctions. // Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS. 2022. No. 5. P. 113–123 (In Russ.). EDN: QJNBZQ. DOI: 10.15211/vestnikieran52022113123.
10. Kuklina, E. A. Problems of Developing of Hydrocarbon Resources of the Arctic Shelf of Russia / State and Business. Current Trends and Problems of Economic Development: Proceedings of the XIII International Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, April 21–22, 2021: in three parts. Part 1. St. Petersburg: IPC SIZU RANEPA, 2021. 318 p. P. 102–111 (In Russ.). EDN: ZUFFNA.
11. Kuklina, E. A. Civilization-States and Management of the Arctic Development (in the Context of Renewal of Global Governance Institutions) / Civilizational Aspects of the Development of the Arctic Regions of Russia : Proceedings of the VI Scientific and Practical Conference (December 12, 2024): Collection of Articles / eds. by M. A. Bulavina, V. I. Gerasimov, T. V. Sichkar. Moscow : Publishing House "UMC", 2025. 484 p. P. 137–147 (In Russ.). EDN: WNMUHN.
12. Lazareva, N. V. Finance for Sustainable Development of the Arctic Zone // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. 2021. No. 7 (57). P. 56–62 (In Russ.). EDN: ISTJMJ. DOI: 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.09.
13. Levina, A. I., Dubgorn, A. S., Fadeev, A. M., Kalyazina, S. E. Digital and Logistical Infrastructures of the Arctic Zone: Current State of Research and Ways of Development // Arctic and North. 2024. No. 56. P. 128–145 (In Russ.). EDN: MDBSMB. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.128>.
14. Minakir, P. A., Leonov, S. N. Methodological Problems of Development of the Russian Far East Arctic Zone // Vestnik of MSTU. M., 2014. Vol. 17, No. 3. P. 540–551 (In Russ.). EDN: SNGAYX.
15. Peshina, E. V., Zakharov, A. S. Stages and Types of International Cooperation in the Arctic // Russia: Development Trends and Prospects. Yearbook. Issue 13. Part 2. INION RAS; ed. by V. I. Gerasimov, 2018. P. 625–630 (In Russ.). EDN: YPKHZB.
16. Pilyasov, A. N. Kotov, A. V. The Russian Arctic: Potential for International Cooperation: Report No. 17/2015. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow : Spetskniga, 2015. 120 p. ISBN: 978-5-91891-434-2 (In Russ.). EDN: TAOHYW.

17. Politics, Economics and Security of the Modern Arctic (to the 25th Anniversary of the Arctic Council) : monograph / Q. Wang, Q. Yan, B. E. Vlasov [et al.]. Moscow : Institute of Europe of RAS, 2022. 150 p. ISBN: 978-5-98163-196-2 (In Russ.). EDN: YVGEHY. DOI: 10.15211/report112022_397.
18. Ushakova, E. G. Arctic Frontier: Ice Silk Road and Its Role in China's Advance to the Arctic // Arctic and North. 2021. No. 43. P. 128–143 (In Russ.). EDN: TMTYFI. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.128.
19. Zhou, T. Analysis of the “One Belt, One Road” Project Based on the PPP Model // Innovation & Investment. 2021. No. 2. P. 46–50 (In Russ.). EDN: UBODOD.
20. Shchegoleva, T. V., Zherdev, S. S. Logistics Principles of High-Tech Enterprises Business Process Development under Conditions of Digital Transformation // Digital and Industrial Economics. 2022. No. 1 (26). P. 40–48 (In Russ.). EDN: APTCKI.
21. Chen, Z. H. & Haynes, K. E. Impact of High-Speed Rail on Regional Economic Disparity in China // Journal of Transport Geography. 2017. Vol. 65. P. 80–91. DOI: 10.1016/j.jtrangeo.2017.08.003.
22. Chu, J. and Muneeza, A. Belt and Road Initiative and Islamic Financing: The Case in Public Private Partnership Infrastructure Financing // International Journal of Management and Applied Research. 2019. Vol. 6, No. 1. P. 24–40. DOI: 10.18646/2056.61.19-002.
23. Schach, M., Madlener, R. Impact of an Ice-Free Northeast Passage on LNG Markets and Geopolitics // Energy Police. 2018. Vol. 122. P. 433–448. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.07.009.

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Doctor of Economics, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Department of Business Informatics (Saint Petersburg, Russia), Professor;
e-mail: jeakuklina@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0457-2658

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Куклина Е. А., 2025

специальность: 5.2.3

оригинальная статья / original paper

EDN: LXYKHL

Трансформация туризма в парадигме устойчивого развития¹

Гвоздева М. А.^{1, 2, *}, Баринова В. А.¹, Леваков П. А.¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических исследований, Москва, Россия

² Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Москва, Россия

* e-mail: gvozdeva@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-4574-0486

РЕФЕРАТ

На фоне внешних ограничений в России активно развивается внутренний туризм, что, с одной стороны, формирует новые возможности для развития регионов, а с другой — создает определенные риски для устойчивого развития туристических направлений, в том числе в сфере экологии. В некоторых зарубежных странах развитие туризма происходит по траектории устойчивого развития, в рамках которой часть средств, полученных от экономического развития, простимулированным туризмом, направляется на снижение негативного влияния туристической сферы на экологию и качество жизни местных сообществ. **Цели.** Дать характеристику современного состояния развития туризма в России с точки зрения принципов устойчивого развития. Провести анализ зарубежных практик в сфере устойчивого туризма и определить ограничения развития устойчивого туризма в России. По результатам исследования предложить ряд мер по поддержке развития устойчивого туризма в России. **Методология.** Для оценки развития туризма в России был реализован комплексный системный подход, интегрирующий методы сравнительного, статистического и пространственно-географического анализа. Для оценки практик устойчивого туризма был осуществлен критический и ретроспективный анализ научных публикаций по данной тематике, а также детальный разбор зарубежных и российских нормативно-правовых документов, регламентирующих процессы формирования и развития туристской сферы. **Выводы.** При выработке мер господдержки туризма учитывать влияние увеличения турпотока на устойчивое развитие дестинаций, с расчетом их пропускной способности; перераспределять туристические потоки; развивать туристическую инфраструктуру и повышать транспортную доступность; расширять перечень инструментов для развития устойчивого туризма и др.

Ключевые слова: устойчивый туризм, устойчивое развитие, развитие дестинаций, туристический поток, пропускная способность дестинаций

Для цитирования: Гвоздева М. А., Баринова В. А., Леваков П. А. Трансформация туризма в парадигме устойчивого развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 59–70. EDN: LXYKHL

Tourism Transformation within the Sustainable Development Paradigm

Margarita A. Gvozdeva^{a, b, *}, Vera A. Barinova^a, Pavel A. Levakov^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Moscow, Russia

^b Ye. T. Gaidar Institute for Economic Policy (The Gaidar Institute), Moscow, Russia

* e-mail: gvozdeva@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-4574-0486

¹ Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС, тема 7.7-2025-1, ID2875 «Оценка потенциала регионов для развития устойчивого туризма в новых социально-экономических условиях в России».

ABSTRACT

Amidst the external restrictions, domestic tourism in Russia is actively developing. While this creates new opportunities for regional development, it also poses certain risks to the sustainable development of tourism destinations, particularly in the areas of ecology and environmental protection. In some countries, tourism development is moving along a sustainable tourism trajectory, under which a portion of the funds generated by tourism-driven economic development is directed toward reducing the negative impact of tourism on the environment and local communities. **Aim.** Firstly, to characterize current state of tourism industry in Russia, in terms of sustainable development. Secondly, to analyze international practices in sustainable tourism and identify limitations to sustainable tourism development in Russia. Finally, to propose a series of measures to support the development of sustainable tourism in Russia. **Methods.** To assess tourism development in Russia, a comprehensive systematic approach was implemented, integrating comparative, statistical, and spatial-geographical methods. To assess sustainable tourism practices, a critical and retrospective analysis of scientific publications on the topic was conducted, along with a detailed review of international and Russian regulatory documents governing the formation and development of the tourism and recreation industry. **Conclusions.** When developing measures, we should: consider the impact of the increased tourist flow on the sustainable development of destinations, while assessing their capacity; redistribute tourist flows; develop tourism infrastructure and improve transport accessibility; expand the range of tools for developing sustainable tourism, etc.

Keywords: sustainable tourism, sustainable development, destination development, tourist flow, destination capacity

For citation: Gvozdeva M. A., Barinova V. A., Levakov P. A. Tourism Transformation within the Sustainable Development Paradigm // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 59–70 (In Russ.). EDN: LXYKHL

Введение

Туризм оказывает комплексное влияние на пространственное и социально-экономическое развитие территорий, стимулируя экономический рост, привлечение инвестиций, развитие инфраструктуры [3, с. 522] и диверсификацию региональной экономики [8, с. 1929]. Также способствует снижению неравенства и бедности, сглаживая межрегиональные диспропорции [2, с. 617; 6, с. 4].

Эмпирические исследования показывают, что на начальном этапе рост турпотока способствует территориальному развитию [1, с. 143], однако превышение пропускной способности региона вызывает негативные последствия — от деградации экосистем [4, с. 1923] до снижения туристической привлекательности [9, с. 5]. Синхронное развитие инфраструктуры и баланс интересов всех участников туротрасли позволяют минимизировать эти риски, сохраняя позитивный вклад туризма в социально-экономическое развитие [10, с. 155].

Для реализации всех позитивных эффектов туризма и минимизации его негативных последствий необходима комплексная государственная политика, направленная на развитие устойчивого туризма [5, с. 215]. Такой подход предполагает интеграцию мер, учитывающих социально-экономические, экологические и культурные приоритеты, а также создание сбалансированной институциональной среды с участием всех стейкхолдеров. Политика должна основываться на принципах инклюзивности, партнерства и сохранения наследия, что обеспечит устойчивое развитие и конкурентоспособность туристической отрасли на всех уровнях¹.

¹ Стратегия пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/; Стратегия развития туризма на период до 2035 года (от 20.09.2019 № 2129-р) [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/strategiya_razvitiya_turizma_v_rossiyskoy_federaci_ia_period_do_2035_goda_utverzhdena_rasporyazheniem_ot_20_sentyabrya_2019_g_2129_r.html (дата обращения: 15.10.2025).

На данном этапе в России уделяется особое внимание развитию туризма, в том числе разработана и реализуется «Стратегия развития туризма в Российской Федерации до 2035 года»¹, в рамках которой запланировано развитие нескольких направлений туризма внутри государства — детский туризм, культурно-познавательный туризм, горнолыжный туризм и др. Наряду с этим реализуется национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства»², в состав которого входят пять федеральных проектов, в том числе по созданию номерного фонда и инфраструктуры, подготовке кадров и производству отечественной продукции для туротрасли и др.

В настоящее время приоритетным направлением отечественной стратегии в сфере развития туризма является формирование условий, способствующих увеличению объемов туристического потока. Так, например, в Национальном проекте «Туризм и гостеприимство» основными целями заявлены:

- увеличение туристской отрасли в ВВП до 5% (по состоянию на 2023 г. — 2,9%);
- увеличение количества туристских поездок по территории РФ до 140 млн;
- увеличение объема экспорта туристских услуг до 10,75 млрд долл.

Национальные и региональные программные документы в основном ориентированы на количественный рост туризма, уделяя недостаточное внимание аспектам устойчивого пространственного развития и территориального баланса. Это приводит к концентрации туристических потоков в наиболее популярных регионах, увеличивая антропогенную нагрузку на них, тогда как менее известные территории остаются вне поля интересов бизнеса и туристов.

Предпринимается ряд шагов для более равномерного распределения нагрузки на популярные у туристов направления. Так, например, в Национальном проекте «Туризм и гостеприимство» предусмотрено создание круглогодичных морских курортов³.

Требуются дополнительные механизмы диверсификации внутреннего турпотока и продвижения малоосвоенных направлений, а также формирования новых центров притяжения. Приоритетом становится создание привлекательного туристического имиджа регионов с уникальными ресурсами, но низкой популярностью. Маркетинговое продвижение и развитие инфраструктуры в этих регионах позволит сбалансировать туристические потоки и обеспечить их устойчивое развитие.

Обзор исследований показывает, что, несмотря на популярность концепции устойчивого туризма, в научной литературе отсутствует единое содержательное определение этого термина. Это приводит к формальному и некритическому использованию понятия, часто без обеспечения баланса между экономическими, социокультурными и экологическими аспектами развития [6, с. 215; 7, с. 1934].

В данном исследовании термин «устойчивый туризм» трактуется согласно подходу Глобального совета по устойчивому туризму и определяется как интеграция принципов устойчивого развития во все виды туризма, что способствует развитию и управлению туризмом так, чтобы его воздействие не подрывало потенциал территорий и сообществ для будущих поколений. Таким образом, устойчивый туризм — это стратегия минимизации негативных и максимизации позитивных эффектов туризма в долгосрочной перспективе.

Целью данного исследования является характеристика современного состояния развития туризма в России с точки зрения принципов устойчивого развития.

Развитие внутреннего туризма в России

Согласно данным Росстата⁴, в период с 2022 по 2024 г.⁵ совокупное количество совершенных россиянами туристических поездок возросло на 20%, увеличившись со 155,5 млн до 186,9 млн поездок. Примечательно, что подавляющее большинство этих поездок (около 86%) пришлось на внутренние

¹ Стратегия развития туризма в РФ на период до 2035 года.

² Национальный проект «Туризм и гостеприимство» [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_turizm_i_gostepriimstvo/ (дата обращения: 15.10.2025).

³ Национальный проект «Туризм и гостеприимство» [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_turizm_i_gostepriimstvo/ (дата обращения: 15.10.2025).

⁴ ФСГС. Раздел «Туризм» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 15.10.2025).

⁵ Росстат рассчитывает туристический поток с 2022 г. При оценке турпотока учитываются данные отчетности КСР, турфирм, обследований домашних хозяйств, административные данные [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 15.10.2025).

маршруты. Туристический поток внутри страны характеризуется значительным преобладанием российской аудитории: резиденты страны составляют 94,6% общего числа внутренних туристов.

За 2022–2024 гг. численность иностранных туристов выросла на 10,3%, с 8,2 млн до 9,1 млн чел., однако осталась ниже докризисных значений (рис. 1). Анализ структурных изменений въездного туристического потока демонстрирует значительное перераспределение: так, доля туристов из стран Европейского союза сократилась в 2024 г. по сравнению с 2019 г. в четыре раза — с 17,6% до 4,2% в связи с усложнением процесса оформления виз. Вместе с тем отмечается существенное увеличение числа путешественников из Китая: их доля за указанный период выросла с 7,7% до 13,4%, то есть более чем в два раза. Росту в значительной степени способствовало введение в 2023 г.¹ безвизового режима для организованных туристических групп из Китая, что повысило привлекательность России как направления для китайских туристов и отразилось на общем объеме и структуре въездного туризма.

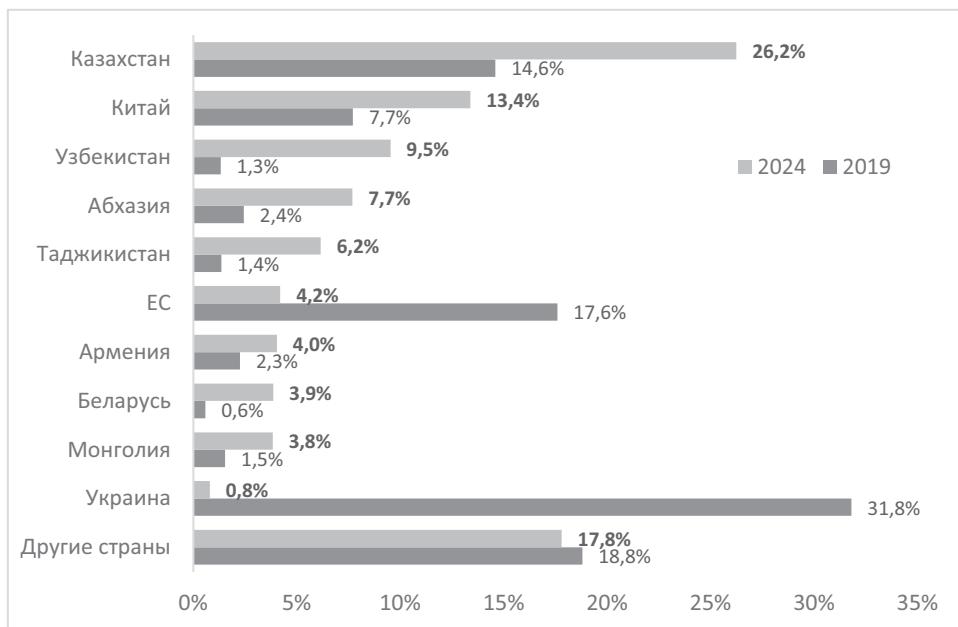

Рис. 1. Структура въездного туризма в России в 2019 г. и 2024 г.

Fig. 1. Structure of inbound tourism in Russia in 2019 and 2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Объем выездного туризма в 2024 г. по сравнению с 2022 г. вырос на 22%, однако остался на 40% ниже докризисного 2019 г. Кроме количественных изменений выездной туризм также характеризуется трансформацией географической структуры туристических потоков. Наиболее заметное сокращение наблюдается в сегменте поездок в страны Европейского союза: их доля среди всех зарубежных направлений снизилась в семь раз — с 26% в 2019 г. до 3,7% в 2024 г. Одновременно фиксируется значительный рост популярности ряда других направлений. Так, доля Турции увеличилась с 14,9% до 21,9%, Абхазии — с 10,6% до 21%, Казахстана — с 7% до 9,5%, Объединенных Арабских Эмиратов — с 2,1% до 7,0% (рис. 2). Эти сдвиги отражают изменение туристических предпочтений россиян, обусловленное как внешнеполитическими факторами, так и трансформацией международных транспортно-визовых условий.

Структура турпотока по России в 2022–2024 гг. не претерпела существенных изменений — самыми популярными направлениями остаются Москва, Краснодарский край, Московская область, Санкт-Петербург, Ленинградская область. В 2024 г. совокупная доля этих субъектов РФ в общем туристическом

¹ С 1 августа российские туристы смогут осуществлять безвизовые групповые поездки в Китай [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/s_1_avgusta_rossiyskie_turisty_smogut_osushchestvlyat_bezvizovye_groupovye_poezdkи_v_kitay.html (дата обращения: 15.10.2025).

потоке составила 52%, что на 5 п. п. ниже значения 2022 г. Уменьшение совокупной доли этих субъектов произошло преимущественно за счет сокращения доли Краснодарского края с 14% до 11%.

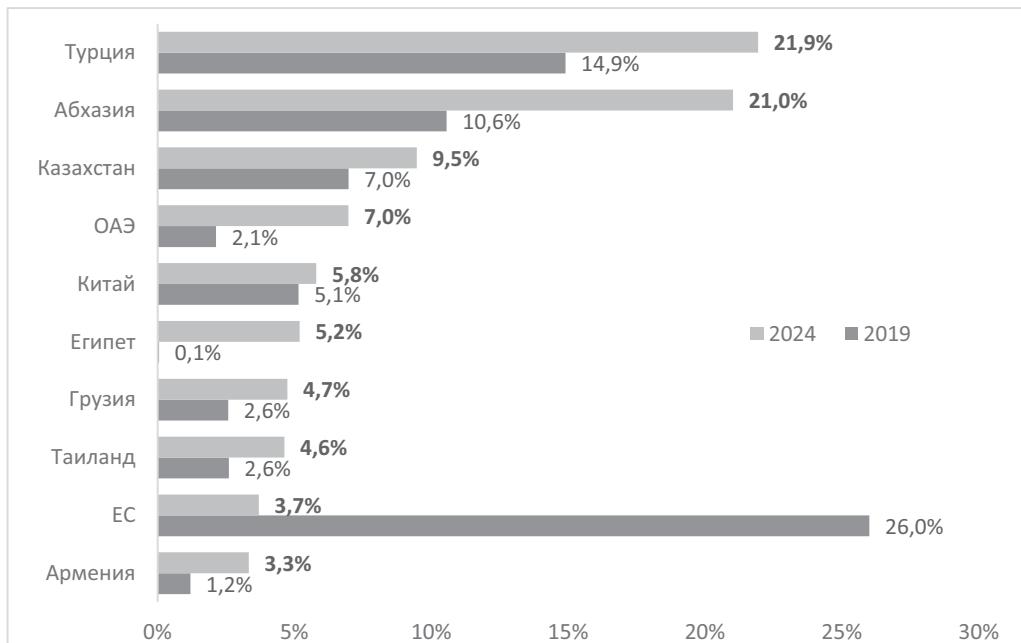

Рис. 2. Структура выездного туризма в России в 2019 г. и 2024 г.

Fig. 2. Structure of outbound tourism in Russia in 2019 and 2024

Источник: составлено авторами по данным Росстата

Наибольшие темпы прироста объемов туризма отмечаются в Республике Адыгея (+185%), Чеченской Республике (+181%), Республике Дагестан (+161%). При этом одновременно имело место сокращение числа туристических посещений сразу в 19 субъектах РФ; наиболее существенное уменьшение турпотока было отмечено в Курганской области (−49%), Ленинградской области (−41%) и Камчатском крае (−34%).

Ускоренный рост турпотока в ряде субъектов сопровождался возникновением разногласий между гостями региона и местным населением, в частности, в Республике Алтай¹, Республике Дагестан² и иных субъектах Северо-Кавказского федерального округа.

Также стоит отметить, что в ряде субъектов РФ численность туристских прибытий существенно превышает размер постоянного населения. Такая ситуация отмечается в 20 субъектах РФ. Наиболее выражена эта тенденция в Ленинградской области, где на одного жителя приходится более пяти туристов, в Республике Алтай — 4,8 туриста, в Краснодарском крае — 3,3 туриста. Концентрация временного населения может приводить к увеличению антропогенной нагрузки на экосистемы и инфраструктуру региона, что может затребовать значительных затрат на санитарно-экологическое обслуживание и модернизацию инфраструктуры.

Наряду с этим интенсивное освоение уникальных природных территорий, к числу которых относятся Байкальский регион, Якутия и Камчатка, с целью развития массового туризма сопряжено с риском значительного ухудшения экологической ситуации, в том числе деградации экосистем, утраты биоразнообразия и необратимых изменений природных ландшафтов данных регионов³.

¹ Конфликт разгорелся между жителями Алтая и туристом из-за озера [Электронный ресурс] // ALTAPRESS.RU. URL: <https://altapress.ru/turizm/story/konflikt-razgorelsya-mezhdyu-zhitelyami-altaya-i-turistom-iz-za-ozera-364127> (дата обращения: 15.10.2025).

² После «голой» фотосессии у водопада в Дагестане заговорили о наказаниях для туристов [Электронный ресурс] // TOUTDOM.RU. URL: <https://www.tourdom.ru/news/posle-goloy-fotosessii-u-vodopada-v-dagestane-zagovorili-o-nakazaniyakh-dlya-turistov.html> (дата обращения: 15.10.2025).

³ В Госдуме выступили против массового туризма на Байкале [Электронный ресурс] // MK.RU. URL: <https://ulan.mk.ru/economics/2025/02/25/v-gosdume-vystupili-protiv-massovogo-turizma-na-baykale.html> (дата обращения: 15.10.2025).

Существенные изменения наблюдаются также в динамике и структуре численности лиц, размещенных в коллективных средствах размещения (КСР). В 2024 г. по сравнению с 2019 г. численность лиц, размещенных в КСР, увеличилась на 18% — с 76,1 млн чел. до 90 млн чел. Наибольший вклад в рост показателя внесли преимущественно республики Северного Кавказа, в том числе Республика Ингушетия (рост численности лиц, размещенных в КСР, составил 406% — с 8,8 тыс. до 44,7 тыс.), Адыгея (+249%, с 144 тыс. до 502,9 тыс.), Карачаево-Черкесская Республика (+227%, с 105,2 тыс. до 344,6 тыс.). В некоторых случаях такой прирост объясняется эффектом низкой базы.

В 2024 г. по сравнению с 2019 г. наблюдается существенное изменение соотношения между национальным и иностранным контингентом. Так, если размещение российских граждан в КСР выросло за анализируемый период на треть (30%), то аналогичный показатель иностранных туристов, напротив, сократился более чем в два раза (-52%), что обусловлено как изменением структуры туристических потоков, так и внешнеполитическими и транспортно-логистическими ограничениями.

Согласно данным Росстата, по итогам 2023 г.¹ вклад индустрии туризма в формирование валового внутреннего продукта (ВВП) страны составил 2,91% (рис. 3). Данный показатель оказался ниже уровня, зафиксированного в 2019 г. (3,01%). При этом численность лиц, воспользовавшихся услугами КСР в 2023 г., превысила соответствующие значения докризисного периода. Подобная диспропорция может указывать на изменение качественных параметров внутреннего туризма, в том числе свидетельствовать о сокращении средних расходов одного путешественника вследствие трансформации структуры туристического спроса в пользу более бюджетных видов отдыха и краткосрочных поездок, а также о сокращении доли иностранных туристов, размещенных в КСР с 16,7% в 2019 г. до 6% в 2024 г.

Ввиду того, что среди целей развития туристического сегмента в России указывается также увеличение доли туризма в ВВП до 5% к 2030 г.², необходимо стимулировать не только рост туристического потока в целом, но и увеличение иностранного туризма, так как «средний чек» иностранного туриста, как правило, выше «среднего чека» отечественного туриста³.

Рис. 3. Ключевые показатели турпотока (млн поездок), 2019–2023 гг.

Fig. 3. Key indicators of tourist flow (million trips), 2019–2023.

Источник: составлено авторами по данным Росстата

¹ Более поздних данных нет.

² Минэкономразвития России [Электронный ресурс] // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_predstavilo_strukturu_obnovленного_nacoproekta_turizm_igostepriimstvo_do2030_goda.html (дата обращения: 10.10.2025).

³ Сколько в среднем российские и иностранные туристы тратят в Петербурге? [Электронный ресурс] // РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/12/2024/676c010e9a794770b223af2d (дата обращения: 15.10.2025).

Внутренний туризм выступает ключевым движущим фактором развития туристического рынка в России. Несмотря на позитивную динамику интереса со стороны путешественников к новым, недостаточно освоенным направлениям, значительная часть турпотока по-прежнему сосредоточена в пределах пяти субъектов РФ, что свидетельствует о сохраняющемся дисбалансе в развитии отрасли.

Зарубежный опыт развития устойчивого туризма

Вызовы для развития устойчивого туризма можно систематизировать по экономическим, экологическим, социокультурным и управлением направлениям¹. Таблица, обобщающая наилучшие зарубежные практики, представлена ниже (табл. 1).

Таблица 1

Наилучшие зарубежные практики формирования и развития устойчивого туризма

Table 1. Best international practices for the formation and development of sustainable tourism

Виды	Проблемы	Примеры практических решений
Экономические	Недостаточный объем добавленной стоимости от туризма	Маркировка товаров, произведенных местными сообществами (Лика, Хорватия; Леоганг, Австрия); организация транспортировки и магазинов представителей местных сообществ (Босния и Герцеговина)
	Ориентация бизнеса на краткосрочное планирование	Создание объединений для продвижения принципов устойчивого туризма (Лика, Хорватия; Беррен, Ирландия; Скалы Мохе, Ирландия)
	Снижение сезонности туризма	Развитие потенциала для туристической деятельности в непиковый сезон (Леоганг, Австрия); переориентация на культурные мероприятия в непиковый сезон (Таллин, Эстония)
	Необходимость повышения привлекательности устойчивого туризма для потребителей	Создание калькуляторов оценки воздействия туризма на окружающую среду (Гётеборг, Швеция); разработка руководства для туристов (Копенгаген, Дания); создание возможностей для устойчивого туризма (Копенгаген, Дания); разработка программы поощрения за устойчивость (Копенгаген, Дания); создание инновационных турсов (Караванкен, Словения)
	Недостаточный уровень цифровизации сектора	Применение технологий VR и AR (Турин, Италия; Любляна, Словения); цифровизация экологических маршрутов (Турин, Италия); создание ИИ-сервисов (Ваграйн, Австрия); сбор данных о показателях устойчивого туризма (Барселона, Испания); использование QR-кодов (Виану-ду-Каштелу, Португалия)
	Чрезмерное повышение привлекательности туристического места	Ограничение численности туристов или турсов (Лион, Франция; Дубровник, Хорватия; Брюгге, Бельгия); увеличение часов работы и создание ночных турсов (Флоренция, Италия; Беррен, Ирландия; Скалы Мохе, Ирландия); применение дифференцированного ценообразования (Беррен, Скалы Мохе, Ирландия)
Экологические	Значительный объем выбросов парниковых газов	Сбор данных о выбросах за счет туристической деятельности (Валенсия, Испания); введение ограничений на транспорт (Бохинь, Словения; Бовец, Словения; Краньска-Гора, Словения); запуск и развитие устойчивых способов транспортировки (Блед, Бохинь, Бовец, Краньска-Гора, Словения); улучшение городской инфраструктуры (Дубровник, Хорватия)
	Подверженность климатическим рискам	Создание систем мониторинга рисков (Хельсинки, Финляндия; Киль, Германия); создание инфраструктуры, обеспечивающей климатическую безопасность (Киль, Германия; Пешт, Венгрия)
	Ограниченностю водных ресурсов	Цифровизация систем управления водными ресурсами и внедрение ИИ (Бенидорн, Испания)
	Отходы туристической деятельности	Сокращение использования пластика (Мадонна-ди-Кампильо, Италия; Блед, Словения); использование умных контейнеров (Локрум, Хорватия)
	Разрушение экосистем и снижение биоразнообразия	Участие туристов в природоохранных мероприятиях (Миддельфарт, Дания); проведение мероприятий по восстановлению экосистем при помощи представителей местных сообществ (Валонгу, Португалия); формирование местных парков (Целе, Словения); восстановление популяций местных видов (Быдгощ, Польша; Любляна, Словения)

¹ What are the Sustainable Development Goals [Электронный ресурс] // United Nations Development Programme. URL: <https://www.undp.org/sustainable-development-goals> (дата обращения: 15.10.2025).

Окончание табл. 1

Виды	Проблемы	Примеры практических решений
Социокультурные	Недостаток квалифицированных кадров	Частичная замена сотрудников на роботов (Турин, Италия); улучшение условий для текущих сотрудников — организация мероприятий, предоставление скидок (Кайзеровские горы, Австрия); повышение квалификации (Кайзеровские горы, Австрия); привлечение новых сотрудников (Кайзеровские горы, Австрия); софинансирование зарплат молодым сотрудникам (Юрмала, Латвия)
	Ухудшение отношения местных сообществ к туристам	Опросы местного населения (Ваграйн, Австрия)
	Недоступность туризма для всех категорий граждан	Создание инфраструктуры для людей с ограниченными возможностями (Лиепая, Латвия); разработка специальных туров и приложений для людей с ограниченными возможностями (Любляна, Словения; Лиепая, Латвия); публикация информации о доступных туристических активностях для людей с ограниченными возможностями (Бордо, Франция); развитие лоукостеров (ирландская авиакомпания Ryanair); волонтерские туры (Белиз)
	Необходимость охраны культурного наследия местных сообществ	Внедрение объектов нематериального культурного наследия в туристические маршруты (Маремма, Италия); установка особого режима регулирования на таких объектах (Виана-ду-Каштелу, Португалия); проведение культурных фестивалей (Мантова, Италия)
Управленческие	Недостаточный уровень проработки местного законодательства	Регулирование на муниципальном уровне (Дубровник, Хорватия; Брюгге, Бельгия)
	Недостаточное участие местных сообществ в туризме	Создание некоммерческих организаций, объединяющих заинтересованных лиц (Лика, Хорватия; Беррен, Скалы Мохе, Ирландия); участие представителей местных сообществ в принятии управленческих решений (Ваграйн, Австрия; Барселона, Испания; Азорские острова)
	Недостаточный уровень взаимодействия между туристами и местными сообществами	Участие представителей местных сообществ в проведении туров (Лион, Франция); передача знаний о принципах устойчивого туризма через представителей местных сообществ (Блед, Словения); привлечение туристов к участию в управленческом процессе (Юист, Германия)
	Недостаточный уровень знаний о принципах организации устойчивого туризма	Образовательные мероприятия (Лика, Хорватия); проведение фестивалей (Миддельфарт, Дания); сотрудничество с исследовательскими центрами (Таранто, Италия); установка образовательных стендов (Караванген, Словения)
	Недостаток финансирования	Повышение налога на посещение (Прага, Чехия; Барселона, Испания); предоставление грантов для проектов устойчивого туризма (Юрмала, Латвия)

Источник: составлено авторами

Часть проблем устойчивого туризма связана с институализацией концепции и необходимостью ее широкой интеграции среди всех участников отрасли. Некоторые вызовы обусловлены объективными особенностями функционирования туристической экономики, включая выбросы парниковых газов транспортом и гостиничным бизнесом. Международный и национальный опыт показывает универсальность базовых барьеров устойчивого туризма, хотя они проявляются по-разному в зависимости от специфики регионов. Например, кадровый дефицит характерен для периферийных и сельских туристических зон, в то время как экологический туризм на особо охраняемых территориях, как правило, регулируется более строго для обеспечения баланса между развитием и сохранением природных комплексов.

Нормативно-правовое регулирование устойчивого туризма осуществляется на нескольких уровнях. Международный уровень задает основные определения, критерии и индикаторы (например, Всемирная туристская организация ООН). На национальном уровне разрабатываются стратегии и программы интеграции принципов устойчивости в управлении туризмом, а также механизмы реализации целевых показателей. Региональный и национальный уровни отвечают за конкретные управленческие решения и локальные проекты, включая развитие инфраструктуры, нормативы пользования ресурсами, образовательные инициативы и общественный контроль. Сводная типология зарубежных подходов к формированию такой системы приведена в табл. 2.

Выводы и рекомендации

Расширение внедрения принципов устойчивого туризма в России может стать эффективным инструментом достижения целей устойчивого развития, снижая антропогенное воздействие на природные

комплексы и способствуя реализации национальных проектов в туризме и экологии. Развитие устойчивого туризма также поддерживает малые города и села, способствует демографической стабильности и росту отраслевых доходов за счет диверсификации туристических продуктов.

Таблица 2

Формирование нормативно-правовой системы на различных уровнях

Table 2. Formation of the regulatory system at various levels

Уровень	Прорабатываемые вопросы	Примеры
Международный	Установка ключевых определений и развитие существующих концепций	Всемирная туристская организация и др.
Межстрановый (союзы стран)	Формирование стратегий по развитию устойчивого туризма	Sustainable EU Tourism — Shaping the Tourism of Tomorrow
Национальный	Изменение налоговой системы	Введение налога на устойчивость: для всех туристов — Фарерские острова, Бутан; адресный — Аруба (для прибывающих на самолете)
	Введение ограничений на посещение	Решают местные сообщества — Фарерские острова
	Формирование национальных стратегий	Стратегии развития именно устойчивого туризма — Мальта, Испания, Индия и др.
Региональный / муниципальный	Изменение налоговой системы	Налог на посещение: Прага, Барселона
	Введение ограничений на посещение	Уменьшение числа приезжающих туристов — Дубровник
	Городское планирование	Ограничение на застройку исторического центра — Дубровник, Брюгге
	Формирование региональных / муниципальных планов	Стратегия развития устойчивого туризма на территории города — Парк-Сити

Источник: составлено авторами по данным сайтов городов и отчетов о развитии туризма

Однако в России пока недостаточно проработана нормативно-правовая база, определяющая понятие и принципы устойчивого туризма. В отличие от зарубежной практики, в отечественном законодательстве не в полной мере детализированы соответствующие механизмы и стандарты, а действующая Стратегия развития туризма до 2035 г. не уточняет определения устойчивого туризма и уделяет недостаточное внимание вопросам ресурсной емкости и экологических рисков.

В тех случаях, когда вопросы допустимого рекреационного воздействия и меры минимизации экологических рисков затрагиваются в стратегии, они, как правило, ограничиваются преимущественно экологическим туризмом, тогда как подобные подходы должны интегрироваться практически во все виды туристической активности. Необходимо доработать критерии и индикаторы оценки предельной нагрузки на природные комплексы и инфраструктурные объекты, за исключением мест размещения. Наряду с этим необходимо развивать транспортную инфраструктуру, особенно автомобильных дорог, в отдаленных, но перспективных с точки зрения развития туризма направлениях.

Возможные последствия развиваемых в Стратегии развития туризма направлений с точки зрения устойчивого туризма отражены в табл. 3.

На сегодняшний день стратегические ориентиры развития отрасли включают вариативные сценарии повышения ее конкурентоспособности и потенциала. Однако, рассматривая их сквозь призму устойчивого развития, очевидна дилемма: с одной стороны, увеличение потока туристов способствует экономическому росту, но одновременно усиливает экологические и социальные нагрузки, а с другой — регулирование, перераспределение или ограничение турпотоков позволяет поддерживать баланс между экономическими выгодами и сбережением природных и социокультурных ресурсов. Данное обстоятельство требует интеграции гибких управленческих решений и регулярной корректировки стратегических приоритетов отрасли с акцентом на устойчивость и долгосрочную сбалансированность развития.

Возможные последствия развиваемых в Стратегии направлений с позиций устойчивого туризма

Table 3. Possible consequences of the directions developed in the Strategy, from the standpoint of sustainable tourism

Положение	Позитивные последствия с позиций устойчивого туризма	Негативные последствия с позиций устойчивого туризма
Повышение качества туристской и магистральной инфраструктуры, развитие транспортной доступности	Снижение нагрузки на инфраструктуру, как следствие — снижение ее износа и социальной напряженности	Повышение нагрузки на природную среду, существующие ландшафты, биогеоценозы — их потенциальная деградация и снижение привлекательности
Увеличение уровня загрузки и снижение влияния фактора сезонности в использовании туристской инфраструктуры	Уменьшение пиковой нагрузки на инфраструктуру и территорию в целом, что позволяет им работать без перегрузок и без деградации	Повышение нагрузки в «низкий» сезон снижает возможности самовосстановления территории, поскольку пониженная нагрузка на него почти не будет оказываться
Увеличение инвестиционной привлекательности туристской отрасли, снижение сроков окупаемости, что, в свою очередь, снимет ограничения темпов развития и модернизации туристской инфраструктуры; продолжение работы по снятию административных барьеров и совершенствование отраслевого законодательства Российской Федерации	Рост благосостояния населения и экономики территории, улучшение качества жизни	Рост количества туристов, рост нагрузки на окружающую среду, инфраструктуру, местное население через увеличение плотности застройки, плотности населения, увеличение отходов
Повышение уровня сервиса и кадрового обеспечения развития туризма, развитие языковой подготовки работников в сфере туризма, активное вовлечение бизнеса в формирование образовательных программ для туристской отрасли	Улучшение качества предоставляемых услуг, в том числе большее внимание к окружающей среде через повышение осведомленности о лучших мировых практиках в сфере устойчивого развития и устойчивого туризма	Рост количества туристов и нагрузки на территории
Достижение уровня мировых лидеров в развитии цифровой инфраструктуры и сервисов, развитие цифровых платформ продвижения туристских продуктов и брендов, цифровых средств навигации и формирования туристского продукта	Цифровизация процессов способствует повышению эффективности работы инфраструктуры, снижению отходов	Рост популярности отдельных локаций — рост количества туристов при недостаточно быстром развитии инфраструктуры, в результате — рост нагрузки на окружающую среду, инфраструктуру, местное население
Преодоление ограничений безопасности туристской деятельности, связанных с недостаточной информированностью туристов о рисках, а также с устаревшими требованиями к безопасности отдельных видов туризма, состоянию окружающей среды туристских территорий	Снижение нагрузки на систему здравоохранения путем снижения заболеваемости и травматизма	Ограничение развития туристских объектов

Источник: составлено авторами на базе анализа «Стратегии развития туризма в РФ на период до 2035 года»

Заключение

Для минимизации негативных последствий развития туризма необходимо внедрение комплексных подходов и технологий, соответствующих международным стандартам устойчивого туризма. Эффективное планирование требует идентификации рисков и их отражения в отраслевых и стратегических программах, что позволяет своевременно предусматривать механизмы предотвращения и смягчения неблагоприятных эффектов. Такой подход способствует интеграции принципов устойчивости на всех этапах реализации туристских проектов и обеспечивает их сбалансированное развитие с сохранением природных, культурных и социальных ресурсов.

Также потребуется дополнительная институционализация концепции устойчивого туризма на нормативно-правовом уровне. В действующем российском законодательстве рассматриваются отдельные аспекты устойчивого туризма. Например, в Стратегии развития туризма до 2035 г. особое внимание уделено экологическому туризму как «комплексному направлению, обеспечивающему взаимосвязь туризма, культуры и экологии».

Закрепление понятия «устойчивый туризм» на законодательном уровне позволит сформировать эффективные механизмы государственного регулирования и контроля в сфере туризма, а также будет стимулировать интеграцию экологических, социально-экономических и культурных критериев устой-

чивости в практику управления туристскими потоками и развитием соответствующей инфраструктуры. В результате реализуемые мероприятия будут ориентированы на долгосрочные приоритеты и минимизацию негативных экстерналий, препятствующих гармоничному развитию территорий.

Для минимизации вероятности возникновения конфликтных ситуаций между туристами и местными жителями необходимо формирование эффективных просветительских программ, направленных на ознакомление туристов с этнокультурными особенностями, нормами и правилами поведения в различных регионах страны.

Помимо этого, при разработке программ развития туризма необходимо учитывать принципы устойчивого туризма, а именно — ориентироваться не только на экономические выгоды, но и на социальное благо — получение местных сообществ, а также сохранение окружающей среды и культурно-исторического наследия.

Список литературы / References

1. Bronzini, R., Ciana, E., Montaruli, F. Tourism and Local Growth in Italy // Regional Studies. 2022. Vol. 56 (1). P. 140–154. DOI: 10.1080/00343404.2021.1910649.
2. Mahadevan, R., Amir, H., Nugroho, A. Regional Impacts of Tourism-Led Growth on Poverty and Income Inequality: A Dynamic General Equilibrium Analysis for Indonesia // Tourism Economics. 2017. Vol. 23, No. 3. P. 614–631. DOI: 10.5367/te.2015.0534.
3. Neuts, B. Tourism and Urban Economic Growth: A Panel Analysis of German Cities // Tourism Economics: The Business and Finance of Tourism and Recreation. 2020. Vol. 26, No. 3. P. 519–527. DOI: 10.1177/1354816619833553.
4. Ozturk, I., Al-Mulali, U., Saboori, B. Investigating the Environmental Kuznets Curve Hypothesis: The Role of Tourism and Ecological Footprint // Environmental Science and Pollution Research. 2015. Vol. 23. P. 1916–1928. DOI: 10.1007/s11356-015-5447-x.
5. Redclift, M. 2005. Sustainable Development (1987–2005): An Oxymoron Comes of Age // Sustainable Development. 2005. Vol. 13. P. 212–227. DOI: 10.1002/sd.281.
6. Romao, J. Tourism, Smart Specialisation, Growth, and Resilience // Annals of Tourism Research. 2020. Vol. 84. P. 1–15. DOI: 10.1016/j.annals.2020.102995.
7. Sharpley, R. Tourism, Sustainable Development and the Theoretical Divide: 20 Years on // Journal of Sustainable Tourism. 2020. Vol. 28, No. 11. P. 1932–1946. DOI: 10.1080/09669582.2020.1779732.
8. Danish, Wang, Z. Dynamic Relationship between Tourism Economic Growth and Environmental Quality // Journal of Sustainable Tourism. 2019. Vol. 26 (11). P. 1928–1943. DOI: 10.1080/09669582.2018.1526293.
9. Xu, N., Li, H. Towards Management of Sustainable Tourism Development in Coastal Destinations of the Bohai Rim: Insights from a Tourism Carrying Capacity Analysis // Discover Sustainability. 2025. Vol. 168. P. 1–19. DOI: 10.1007/s43621-025-00951-1.
10. Zuo, B., Huang, S. Revisiting the Tourism-Led Economic Growth Hypothesis: The Case of China // Journal of Travel Research. 2018. Vol. 57. P. 151–163. DOI: 10.1177/0047287516686725.

Об авторах:

Гвоздева Маргарита Александровна, научный сотрудник, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических исследований, лаборатория исследований экономики развития; аспирант, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара (Москва, Россия);
e-mail: gvozdeva@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4574-0486

Баринова Вера Александровна, кандидат экономических наук, заместитель руководителя по науке, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических исследований, лаборатория исследований экономики развития (Москва, Россия);
e-mail: barinova-va@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-9596-4683

Леваков Павел Александрович, младший научный сотрудник, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт прикладных экономических исследований, лаборатория исследований экономики развития (Москва, Россия);
e-mail: levakov-pa@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4731-5766

About the authors:

Margarita A. Gvozdeva, Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Development Economics Research Laboratory; postgraduate student, Ye. T. Gaidar Institute for Economic Policy (The Gaidar Institute) (Moscow, Russia);
e-mail: gvozdeva@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4574-0486

Vera A. Barinova, PhD in Economics, Deputy Head of Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Development Economics Research Laboratory (Moscow, Russia);
e-mail: barinova-va@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-9596-4683

Pavel A. Levakov, Junior Research Fellow, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Applied Economic Research, Development Economics Research Laboratory (Moscow, Russia);
e-mail: levakov-pa@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4731-5766

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гвоздева М. А., Баринова В. А., Леваков П. А., 2025

специальность: 5.1.5

оригинальная статья / original paper

EDN: NOWPMF

Современная концепция агрессии и правовые принципы урегулирования региональных вооруженных конфликтов

Сергевнин С. Л.*, Алексеев Г. В., Павлов Т. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4023

РЕФЕРАТ

Легитимность реагирования государств на акты агрессии в контексте современного международного права тесно связана с институтом гуманитарной интервенции и правом на самооборону в соответствии со ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций. **Цель.** Сформулировать принципы правового взаимодействия государств для преодоления военной напряженности в Евразийском регионе. **Методология.** Диахронический анализ института агрессии в международном праве направлен на формирование адекватных современным реалиям норм гуманитарного права, удружающим государства от безосновательного и неоправданного применения силы. **Результаты.** Совет Безопасности Организации Объединенных Наций остается главным легитимным элементом международно-правового механизма привлечения государства и его военного и политического руководства к ответственности за агрессию. **Выводы.** Прямая и косвенная агрессия существенно различаются по формальному характеру легитимации недружественных действий, но используют одни и те же военные и политические средства ведения войны. Стремления неолиберальных элит к формированию нового международного правопорядка, где в компетенцию Международного уголовного суда будет входить преследование политических лидеров за совершение международных преступлений, направлены против суверенного статуса государств и не получили широкого международного признания. Ограничение государственного суверенитета в результате признания действий его военно-политического руководства актом агрессии требует консенсуса постоянных членов Совета Безопасности Организации Объединенных Наций, который, как правило, наблюдается по завершении вооруженного противостояния при выработке мер по поддержанию доверия и безопасности.

Ключевые слова: война, косвенная агрессия, объявление войны, международно-правовая ответственность, безопасность, экстремизм, территориальная целостность, Устав ООН, Женевские конвенции

Для цитирования: Сергеевнин С. Л., Алексеев Г. В., Павлов Т. М. Современная концепция агрессии и правовые принципы урегулирования региональных вооруженных конфликтов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 71–81. EDN: NOWPMF

Modern Concept of Aggression and Legal Principles for the Settlement of Regional Armed Conflicts

Sergey L. Sergevnin*, George V. Alexeyev, Timofey M. Pavlov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4023

ABSTRACT

The legitimacy of states' responses to acts of aggression in the context of modern international law is closely linked to the institution of humanitarian intervention and the right to self-defense in accordance with Article 51 of the United Nations Charter. **Aim.** To formulate principles of legal interaction between states to overcome military tensions in the Eurasian region. **Methods.** A diachronic analysis of the institution of aggression in international law aims to develop norms of humanitarian law that are adequate to contemporary realities and that deter states from the unfounded and unjustified use of force. **Results.**

The United Nations Security Council remains the primary legitimate element of the international legal mechanism for holding states and their military and political leadership accountable for aggression.

Conclusions. Direct and indirect aggression differ significantly in the formal nature of the legitimization of unfriendly actions, but they utilize the same military and political means of waging war. The aspirations of neoliberal elites to form a new international legal order, where the International Criminal Court would have jurisdiction to prosecute political leaders for international crimes, are aimed at undermining the sovereign status of states and have not received widespread international recognition. Limiting a state's sovereignty by recognizing the actions of its military and political leadership as an act of aggression requires consensus among the permanent members of the United Nations Security Council, which typically occurs at the end of an armed conflict when confidence- and security-building measures are being developed.

Keywords: war, indirect aggression, declaration of war, international legal responsibility, security, extremism, territorial integrity, UN Charter, Geneva Conventions

For citation: Sergeevn S. L., Alexeyev G. V., Pavlov T. M. Modern Concept of Aggression and Legal Principles for the Settlement of Regional Armed Conflicts // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 71–81 (In Russ.). EDN: NOWPMF

Введение

По завершении саммита Евразийского экономического союза в Минске 27 июня 2025 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин на вопрос журналиста о том, насколько агрессивна позиция современной Европы, ответил тремя аргументами: «(1) нас ... обманули грубо ... по поводу нерасширения НАТО на восток, (2) коллективный Запад поддерживал и сепаратизм в нашей стране, и такой инструмент борьбы с Россией, как терроризм, (3) мы с целью положить конец этой войне [на Украине] вынуждены были в конечном итоге применить Вооруженные Силы, признав независимость обеих республик в строгом соответствии с уставом ООН»¹.

Задолго до начала вооруженного конфликта на Украине известные российские ученые, профессора В. П. Кириленко и С. В. Коростелев, обоснованно полагали, что «право государств на упреждающие [военные] действия в различных формах [суверенных односторонних актов] является обоснованным в рамках Устава ООН, однако ... рамки [этого права] не могут быть жестко формализованы ввиду отсутствия единой объективной основы для [юридической] квалификации действий государств» [11, с. 56]. Объекты применения силы в истории человечества со времен появления первых государств неизменно сопряжены с войнами, но лишь с относительно недавнего по историческим меркам времени перестали быть справедливым и легитимным инструментом политики, а в международное право вошло понятие состава преступления «развязывание и ведение агрессивной войны» [9].

Становление концепции «агgression» в международном гуманитарном праве

Римские юристы полагали, что справедливые войны являются следствием противоправных действий неприятеля, и если варвары, например, чинили препятствия для торговли, то доктрина *jus ad bellum* (право начала войны) использовалась для защиты интересов Рима.

¹ Ответы на вопросы журналистов. По завершении саммита ЕАЭС в Минске Владимир Путин ответил на вопросы российских журналистов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77316> (дата обращения: 17.11.2025).

В средневековом международном праве до Вестфальских соглашений¹ состояние войны считалось средством проведения внешней политики, обычным и необходимым явлением в жизни государств, но и после 1648 г. запрет и ограничения на акты агрессии касались лишь суверенного статуса монархов. Концептуальная идея регламентировать акты агрессии на международно-правовом уровне не входила в повестку дня Вестфальской системы. На тот момент не существовало никакой международной организации, которая могла бы квалифицировать определенные действия как агрессию или необходимую самооборону государства.

Актуальность формализации понятия агрессии в международном праве впервые стала обсуждаться в ходе согласования условий Версальского мирного договора 1919 г. после Первой мировой войны, когда сформировалось широкое международное признание факта необходимости ограничения политики агрессивных войн ввиду того, что человечество ставит себя под угрозу самоистребления в бессмысленных вооруженных конфликтах. Ситуация в международной системе меняется в процессе понимания политическими лидерами экзистенциальной необходимости института военно-политической безопасности [10, с. 8]. Методы уголовного права малоэффективны при разрешении международных конфликтов, так как в случае совершения и даже признания акта агрессии в уголовном праве существует известная проблема «неисполнимости норм» [14, с. 65]. Уголовное право может применяться с обратной силой в отношении составов международных преступлений, в том числе и к «преступлений агрессии» [3, с. 101]. За рамками доктрины международного уголовного права [15] существует упреждающее применение силы государствами.

Исторически Устав Лиги Наций² включал в себя осуждение посягательства на территориальную целостность и политическую независимость всех государств — членов Лиги Наций (ст. 10), что не привело к отказу государств от силового разрешения конфликтов [4]. Антивоенные положения Устава Лиги Наций оказали влияние на формирование понятия международной агрессии. В целях конкретизации положений Устава Лиги Наций по противодействию ведения агрессивных войн СССР в 1923 г. предложил Проект договора о взаимной помощи. В первой статье проекта содержалось понятие агрессивной войны как международного преступления, к недопущению которого стремиться все члены Лиги Наций [17, с. 16–21].

Парижский пакт Бриана — Келлога 1928 г. (The Kellogg — Briand Pact, или Pact of Paris)³ был инициирован министром иностранных дел Франции и госсекретарем США, по именам которых и получил свое название. Основной идеей данного международного договора стал отказ от войны как инструмента мировой политики [8, с. 167–168]. Инициаторы планировали достичь присоединения большинства государств к пакту, посредством которого эти страны отказались бы от ведения агрессивных войн [16]. Заключение договора об отказе от войны могло стать важным шагом к формированию системы коллективной безопасности в Европе. В Лондонских конвенциях об определении агрессии 1933 г.⁴ дефиниция агрессии могла быть сформулирована лишь благодаря комплексному толкованию Лондонских соглашений, которые широкого международного признания не получили и никогда не применялись.

Дальнейшая конкретизация юридического термина «агрессия» в предвоенные годы происходила в рамках двусторонних соглашений, но приводила к фактическому и умышленному (*actus reus*) их нарушению сторонами [19, р. 489]. Соглашения о ненападении в принципе являлись неопределенно-срочными актами доверия. В тексте Договора о ненападении и о мирном урегулировании конфликтов между СССР и Финляндией 1932 г. было указано: «Будет рассматриваться как нападение всякое насилиственное действие, нарушающее целость и неприкосновенность территории или политическую независимость другой высокой договаривающейся стороны, даже если бы оно было совершено без объявления войны

¹ Peace of Westphalia. World History Encyclopedia [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldhistory.org/Peace_of_Westphalia (дата обращения: 17.11.2025).

² The Covenant of the League of Nations. The Treaty of Versailles on 28 June 1919.

³ Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Париж. 1928 г.

⁴ Конвенции об определении агрессии, подписанные в Лондоне 3–5 июля 1933 г. / СССР. Народный Комиссариат по Иностранным Делам. М., 1933 (на русск. и англ. яз.); История внешней политики СССР. Т. 1. М., 1976.

и с избежанием ее проявлений» (п. 2 ст. 1)¹. В Договоре о ненападении между Германией и Советским Союзом (Пакт Молотова — Риббентропа) 1939 г. утверждалось: «Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения...» (ст. 1)². Аналогичные договоры заключались и другими государствами, формально с целью предотвратить начало новой мировой войны, которая по факту неизбежно надвигалась из-за усиливающихся противоречий между странами, и начало которой показало реальное отсутствие правовых гарантий мирного сосуществования и механизмов по профилактике преступлений агрессии [21].

Дальнейшее развитие концепции агрессии в международном праве было связано с деятельностью военных трибуналов в Нюрнберге и Токио. Представителем СССР в военном трибунале в Нюрнберге был профессор А. Н. Трайнин, который внес значительный вклад в создание Устава трибунала³, создав классификацию международных преступлений, где в первую группу предлагалось включить посягательство на мир, то есть «агрессивные действия, пропаганда агрессии, заключение соглашений с целью агрессии» [20, р. 497], а ко второй группе относились преступления, связанные с нарушением Женевских и Гаагских конвенций. По справедливому выводу профессоров А. А. Дорской и А. Ю. Дорского, «...накануне Второй мировой войны в советской юридической науке была обоснована идея о том, что ответственность за международные преступления должны нести не государства, а официальные лица, отдававшие или исполнявшие преступные приказы» [7, с. 30].

Понимание агрессии, заложенное Нюрнбергским и Токийским трибуналами, нашло отражение в Уставе ООН⁴. Устав ООН называет недопустимым вооруженное нападение и применение силы в отношениях между государствами за исключением случаев самообороны (ст. 51). Реагирование на агрессию со стороны ООН тем самым открывает возможность для формирования консенсуса в отношении юридической оценки прямой или косвенной агрессии в современной международной системе. Международные конфликты в результате косвенной агрессии не ведут к прямому военному столкновению государств и к масштабным боевым действиям, однако гибридные войны затягиваются на длительный срок, ведут к терроризму и экстремизму, истощают экономику участников данных конфликтов.

Инструментом косвенной агрессии становятся не только армии, оружие и другие атрибуты классических войн, сколько недружественные действия и средства воздействия на медиапространство [2], где развивается социально-культурный конфликт, — информационные и когнитивные войны [10; 12; 13]. Стороны в таких конфликтах стремятся использовать экстремистскую идеологию, дезинформацию и риторику ненависти как инструменты достижения своей цели по ослаблению противника. В когнитивных войнах формируется образ врага, создается сложная и запутанная для объективного восприятия информационная картина, вводящая граждан в заблуждение в отношении противника и международного правопорядка в целом.

Косвенная агрессия порождает право на превентивную самооборону, так же как системное нарушение прав человека властями государства ведет к гуманитарной интервенции в соответствии с Уставом ООН [11; 17]. Избежать злоупотреблений правом на самооборону государства и взаимных обвинений сторон конфликта в агрессии позволяют формальные критерии противоправности акта агрессии и наличие авторитетного *арбитра* по международным военно-политическим спорам, решения которого будут являться *обязательными* и подлежать исполнению для любого государства; таким институтом в современных международно-правовых условиях стал *Совет Безопасности ООН* (СБ ООН) (ст. 25 Устава ООН).

Общепризнанное определение агрессии утверждено Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 3314 от 14 декабря 1974 г.⁵ В соответствии с Резолюцией 3314 агрессией является «применение

¹ Договор о ненападении и о мирном улажении конфликтов, заключенный между Союзом Советских Социалистических Республик и Финляндией [21 января 1932 г.] // Договор и Протокол подписания печат. по «Собранию законов...», отд. II, № 23, 19 ноября 1932 г., стр. 314–318 [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/288616> (дата обращения: 17.11.2025).

² Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом // Правда. 24 августа 1939 г.

³ Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге. Лондон, 8 августа 1945 г.

⁴ United Nations Charter signed on 26 June 1945 came into force on 24 October 1945 [Электронный ресурс] // United Nations. URL: <https://unonline.org/en/about-us/un-charter.html> (дата обращения: 17.11.2025).

⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № A/RES/3314(XXIX) «Определение агрессии».

вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости...» (ст. 1), но СБ ООН может определить, какие «акты представляют собой агрессию...» (ст. 4) и толковать понятие «агрессия» расширительно и с обратной силой. Решение о квалификации действий государства как агрессии всегда основаны на уважении принципов суверенного равенства и территориальной целостности государств, а равно всеобщем признании компетенции СБ ООН. Современное определение агрессии открыто для толкования и включает в себя «блокаду портов», «засылку государством или от имени государства вооруженных банд...» (п. с, г ст. 3) и другие проявления косвенной агрессии. Косвенный характер агрессии применительно к морской блокаде характеризует ее известное сходство с режимом карантина в отношении приморской инфраструктуры неприятеля.

Различные проявления косвенной агрессии, такие как «информационная война», «пропаганда экстремизма» или «вмешательство в электоральные процессы» [5; 10; 12], могут провоцировать применение силы, однако их квалификация как пособничество преступлению агрессии может получить юридическое признание только в результате работы международно-признанного трибунала по завершению войны или этнополитического конфликта, что и продемонстрировала работа Нюрнбергского трибунала и Международного трибунала по Руанде¹.

Несостоятельность политики Международного уголовного суда по квалификации действий военно-политического руководства государства

В 1998 г. в ходе работы над Статутом *Международного уголовного суда* (МУС)² правовая квалификация актов агрессии была необоснованно отнесена к компетенции Международного уголовного суда — международной неправительственной организации в статусе постоянного органа, уполномоченного осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, «ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества...» (ст. 1), в том числе «преступление агрессии» (п. д ч. 1 ст. 5).

Статут МУС всегда возлагает «индивидуальную уголовную ответственность» (ст. 25) на лицо, которое руководило политическими или военными действиями государства и могло совершить серьезные преступления. Политические лидеры в соответствии со Статутом МУС несут такую ответственность за действия государств вне зависимости от повестки дня и доминирующей под их юрисдикцией идеологии, а также дипломатического иммунитета (ст. 27), но на практике такое маловероятно и происходит крайне редко только в странах «третьего мира» [18], точнее с отстраненным от власти руководством развивающихся государств.

Гипотетически на основании положений своего Статута МУС правомочен выдавать ордера на арест лиц, которые подозреваются и могут быть признаны виновными в преступлении агрессии, а также в совершении военных преступлений, непосредственно связанных с агрессией. Например, конголезский полевой командир Томас Лубанга (Thomas Lubanga Dyilo) в 2012 г. был приговорен к 14 годам лишения свободы за вербовку детей для ведения ими боевых действий. По запросу МУС был арестован бывший президент Кот-д'Ивуара Лоран Гбагбо (Koudou Laurent Gbagbo), однако в 2019 г. суд снял с него все обвинения³.

В результате политизации своей работы МУС не получил широкого международного признания и «едва ли заслуживает репутацию независимой судебной инстанции, зачастую ордера МУС не исполняются и прямо игнорируются правительствами многих стран, в том числе постоянными членами Совбеза ООН» [6, с. 87]. В международно-правовом смысле МУС пытается работать за рамками переговорного

¹ United Nations. International Residual Mechanism for Criminal Tribunals [Электронный ресурс] // Legacy website of the International Criminal Tribunal for Rwanda. URL: <https://unictr.irmct.org> (дата обращения: 17.11.2025).

² Римский статут Международного уголовного суда. Документ A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 г. (с изм.) Заключительный акт Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда. 2002.

³ Что известно о МУС и преследовании им лидеров государств [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/23367297> (дата обращения: 17.11.2025).

процесса и договорного права, что приводит к недоверию суверенных государств к его работе и реализации государствами своего права на самооборону без учета правовой позиции МУС.

Эволюция понятия агрессии в международном праве может привести к конкретным прецедентам международного признания компетенции МУС, однако при этом потребуется реорганизация и переформатирование суда для координации его работы с Советом Безопасности ООН. Восприятие МУС в качестве наднационального авторитета в его современном формате несет в себе системные угрозы суверенному статусу государств, когнитивной безопасности граждан [13] и может приводить к необоснованному уголовному преследованию политических лидеров и эскалации международных конфликтов.

Тематический анализ феномена косвенной агрессии в региональных этнополитических вооруженных конфликтах

На практике всякий международный конфликт сопровождается актом агрессии, однако признание того или иного государства агрессором зависит от предпосылок конфликта и его результатов. Показательными примерами в плане действенных методов разрешения региональных этнополитических вооруженных конфликтов стали: карабахский конфликт, вооруженный конфликт в Приднестровье и операция Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в Казахстане.

Конфликт на территории Нагорного Карабаха обусловлен геополитическими условиями и сложным этническим и конфессиональным составом населения региона¹. На начало XIX в. большую часть населения региона составляли азербайджанцы, однако после присоединения данной территории к России армяне стали активно переселяться из Персии и Османской империи в Карабах. Различия в культуре и вероисповедании мешали общению двух народов, которые жили преимущественно обособленно. Население Карабаха и прилегавших территорий составляло собой подобие лоскутного одеяла с поочередным преобладанием азербайджанского и армянского населения, при этом в самом Карабахе население было преимущественно армянским. В СССР регион имел статус автономной области в составе Азербайджанской Советской Социалистической Республики (АзССР).

После начала вооруженного конфликта, когда армяне организованно выступили против властей Азербайджана, власти последнего, основываясь на закрепленных границах АзССР, назвали происходящие действия «армянской агрессией»² против своей международно-признанной территории, однако признание мировым сообществом ситуации как «армянской агрессии» не последовало, так как ситуация развивалась по сценарию провозглашения независимости Нагорно-Карабахской Республики (НКР) 2 сентября 1991 г. в границах существовавшей в составе АзССР автономной области, в чем, по мнению властей Армении и НКР, проявилось закрепленное в Уставе ООН право на самоопределение народов. В связи с этим, по мнению представителей Республики Армения, боевые действия на всех этапах не представляется возможным рассматривать как международную агрессию. За все время конфликта СБ ООН не принимал резолюций, которые называли бы действиях какой-либо из сторон международной агрессией. В 1993 г. Резолюция ГА ООН № 822 требовала незамедлительного прекращения огня и возобновления переговоров, впрочем, ни один из ее пунктов так и не был выполнен.

Юридически события следует квалифицировать как внутриполитический конфликт на территории НКР в Азербайджане, поскольку армянская армия официально не принимала участия в боевых действиях. Население НКР в одностороннем порядке воспользовалось правом на самоопределение и провело референдум о своей независимости, вместе с тем суверенитет НКР не получил дипломатического и военно-политического обеспечения. НКР не была признана ни одним государством мира, включая Армению. Заявления об армянской военной агрессии на территории Азербайджана за все годы конфликта от официальных лиц Азербайджана также не были юридически обоснованы, поскольку не было принято соответствующей резолюции СБ ООН. Свои действия против Армии обороны НКР азербайджанские власти

¹ История нагорно-карабахского конфликта [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/8979501> (дата обращения: 17.11.2025).

² ОИС приняла резолюции в связи с армянской агрессией против Азербайджана [Электронный ресурс]. URL: <https://report.az/ru/karabakh/ois-prinyla-rezolyuci-v-svyazi-s-armianskoj-agressiej-protiv-azerbajdzhana> (дата обращения: 17.11.2025).

в официальных заявлениях и правовых актах называли «антитеррористическими мероприятиями»¹ для восстановления конституционного строя.

При этом в ходе конфликта в Карабахе проявились не только противоположные трактовки сторонами конфликта международной агрессии, но и другое, более глубинное противоречие между правом на самоопределение и принципом территориальной целостности. Положения Декларации о принципах международного права 1970 г.² признают недопустимость нарушения территориальной целостности при условии соблюдения государством принципа самоопределения народов. После урегулирования конфликта, когда «Армения признала Нагорный Карабах частью территории Азербайджана», определено «не следует перекладывать ответственность за судьбу армянского населения Карабаха на третьи страны»³.

Конфликт в Приднестровье был спровоцирован событиями 1989 г., когда в процессе горбачевской «перестройки» в Молдавии парламент утвердил государственным языком молдавский. Депутаты не отреагировали на ходатайства о закреплении статуса русского языка как второго государственного, и права как минимум трети населения были нарушены. Молдавские власти взяли курс на объединение с Румынией, а «возражавших против такой политики демонстранты избили прямо у входа в парламент»⁴.

Применением силы в ходе приднестровского конфликта изначально сопровождались столкновения в Дубоссарах 1990–1992 гг., которые привели к эскалации до уровня открытия военных действий 14 марта 1992 г. 19 июня 1992 г. молдавские военнослужащие вошли в Бендеры, где до этого произошла очередная стычка между молдавской полицией и приднестровскими ополченцами. Совместное решение молдавских депутатов и депутатов из Приднестровья о прекращении противостояния и решения конфликта миром игнорировалось комбатантами.

Урегулировать приднестровский конфликт удалось летом 1992 г. благодаря решительному применению сил и средств 14-й гвардейской общевойсковой армии, которая в 1995 г. была преобразована в Оперативную группу российских войск в Приднестровском регионе Республики Молдова⁵. Успешное применение силы в рамках доктрины «вооруженного нейтралитета» обеспечило дипломатический успех в деле защиты прав русскоязычного населения Приднестровья. Голубые каски миротворцев в Приднестровье поддерживают мир между Кишиневом и Тирасполем на основании Соглашения «О принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова» от 28 июля 1992 г. и Протокола о количественном составе и размещении миротворческих сил⁶, Резолюция ГА ООН № 72/282 от 22 июня 2018 г.⁷ не имеет императивного характера и не может быть выполнена, так как именно миротворческий контингент обеспечивает мир и безопасность в регионе.

Январские события в Казахстане 2022 г. продемонстрировали необходимость оперативного применения силы против экстремистов для восстановления правопорядка. Число участников антиправительственных протестов и начавшихся с Нового года погромов и захватов зданий достигло 50 тыс. чел. Ночью 5 января 2022 г. террористы захватили здание акимата города Алматы и международный аэропорт «Алматы»⁸. Назревал серьезный этнополитический конфликт.

¹ Азербайджан объявил о начале «антитеррористических мероприятий» в Карабахе [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230919/karabakh-1897195661.html> (дата обращения: 17.11.2025).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 17.11.2025).

³ Заявление МИД России в связи с ситуацией вокруг Нагорного Карабаха [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1897041 (дата обращения: 17.11.2025).

⁴ Приднестровский гамбит. Кому была нужна война на берегах Днестра [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14968557> (дата обращения: 17.11.2025).

⁵ Директива Министра обороны Российской Федерации от 18.4.1995. № 314/2/0296.

⁶ A/RES/72/282 Приднестровское урегулирование [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/conflicts/1524976 (дата обращения: 17.11.2025).

⁷ Complete and unconditional withdrawal of foreign military forces from the territory of the Republic of Moldova.

⁸ Кантар 2022: хронология событий [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inform.kz/ru/kantar-2022-hronologiya-sobitiy-5fe729> (дата обращения: 17.11.2025).

По официальному заявлению ОДКБ: «На основании обращения Президента Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаева и ввиду угрозы национальной безопасности и суверенитету Республики Казахстан, вызванной в том числе вмешательством извне, Совет коллективной безопасности ОДКБ в соответствии со ст. 4 Договора о коллективной безопасности 6 января 2022 г. принял решение направить Коллективные миротворческие силы ОДКБ в Республику Казахстан на ограниченный по времени период с целью стабилизации и нормализации обстановки в этой стране»¹. Конституционный правопорядок в Республике Казахстан был восстановлен с применением силы против экстремистов на основании международных соглашений и договоренностей.

Совет Безопасности ООН обоснованно отказывается от использования понятий «агрессор» и «агрессия» и в своих резолюциях относительно региональных этнополитических конфликтов, так как стремится по возможности примирять противоборствующие стороны. Обычные нормы международного права, в соответствии с которыми региональные конфликты решаются на основе реальной силы и дипломатии, могут различным образом толковаться в контексте Устава ООН сторонами конфликта и СБ ООН. Позиция органов ООН во время карабахского конфликта косвенно продемонстрировала, что принципы территориальной целостности государств и самоопределения народов взаимосвязаны, а региональный правопорядок обеспечивается дипломатическими и военно-политическими инструментами.

Радикальные действия властей Молдавии в Приднестровье и преступления экстремистов в Казахстане демонстрируют необходимость своевременного превентивного применения силы для предотвращения эскалации региональных этнополитических конфликтов. Пропаганда экстремизма несет в себе угрозу международной безопасности и, по авторитетному утверждению профессора А. Х. Абашидзе, «в процессе воссоздания нового международного правопорядка нам придется не только корректировать многие основы международного сотрудничества, но и избавиться от многих “хламов”, препятствующих перестроению межгосударственного взаимодействия в гуманитарной сфере на подлинно общечеловеческих ценностях» [1, с. 74].

Заключение

В соответствии с международным правом и согласно положениям Устава ООН, общепризнанная формулировка понятия агрессии дана в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. № 3314 «Определение агрессии». Правом признания односторонних действий государств агрессией, как на универсальном, так и на региональном уровнях, обладает только Совет Безопасности ООН. Совет Безопасности ООН уполномочен квалифицировать противоправные действия государств как косвенную агрессию, если нарушения договоренностей привели к тяжким последствиям, однако консенсус постоянных членов СБ ООН для этого необходим, и за рамками такого консенсуса юридическая квалификация международного преступления агрессии не может быть обоснована.

Путь к международному консенсусу по урегулированию региональных этнополитических вооруженных конфликтов на евразийском пространстве и применению принципов международного гуманитарного права к боевым действиям лежит через понимание причин косвенной агрессии и уважение естественных прав и свобод индивида. Региональные этнополитические вооруженные конфликты не предусматривают объявления состояния войны, но несут в себе глобальную угрозу миру и международной безопасности.

Список литературы

1. Абашидзе А. Х. Изменение современного международного права в условиях цивилизационного противостояния // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9, № 4. С. 69–74. EDN: NURNJX. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9.

¹ Заявление Председателя Совета коллективной безопасности ОДКБ — Премьер-министра Республики Армения Н. Пашиняна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/KZ/events/67557> (дата обращения: 17.11.2025).

2. Алексеев Г. В., Харина О. Н. Правовое регулирование взаимодействия государства и международных журналистских организаций в евразийском медиапространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 1 (51). С. 118–129. EDN: MNRIW. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-118-129.
3. Багандова Л. З. Придание обратной силы уголовному закону в отношении преступлений агрессии: исторический и международный аспекты // Международное право и международные организации. 2024. № 4. С. 101–110. EDN: WURIQE. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.4.72886.
4. Вершинин А. А. Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции версальской системы международных отношений в 1930-е гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 2. С. 108–140. EDN: FDPIAY. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140.
5. Глобальный индекс экстремизма / под ред. А. И. Баstryкина, В. П. Кириленко, А. Д. Хлуткова, В. А. Шамахова. СПб. : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2023. 416 с. EDN: JTDRWY.
6. Глотова С. В. Преступление агрессии: Некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском уставе и Римском Статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. 2017. № 2 (106). С. 87–96. EDN: ZMQBJB.
7. Дорская А. А., Дорский А. Ю. Вклад советской академической науки в разработку института международной уголовной ответственности в 1930–1940-е годы // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 5. С. 28–40. EDN: LXRECK. DOI: 10.61205/S160565900030393-6.
8. Ильинская О. И. Формирование принципа запрещения агрессивных войн до создания Организации Объединенных Наций // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 8 (129). С. 167–176. EDN: ZFBVZR. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176.
9. Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Преступления против мира и безопасности человечества. СПб., 2004. 385 с. EDN: RXGVST.
10. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Международная интеграция, демократия и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 3 (99). С. 8–15. EDN: YRLGCT.
11. Кириленко В. П., Коростелев С. В. К вопросу о праве государств на упреждающее применение военной силы // Военная мысль. 2011. № 9. С. 55–60. EDN: OFFKMN.
12. Кириленко В. П., Шамахов В. А., Алексеев Г. В. Противодействие экстремистской идеологии и медиабезопасность государства // Управленческое консультирование. 2023. № 11 (179). С. 9–24. EDN: NLRVPZ. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-11-9-24.
13. Пролегомены когнитивной безопасности : монография / под ред. И. Ф. Кефели. СПб. : ИД Петрополис, 2023. 488 с. С. 423–461. EDN: MRECBE.
14. Рарог А. И. О неисполнемых и неисполнимых уголовно-правовых нормах // Научный портал МВД России. 2022. № 1 (57). С. 65–72. EDN: KNMRIO.
15. Саяпин С. В. Определение преступления агрессии и национальные уголовно-правовые системы // Международное правосудие. 2012. № 1 (2). С. 87–97. EDN: OZQLIF.
16. Смирнов М. Г. Пакт Бриана — Келлога и его международно-правовое значение // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13, № 3-1. С. 583–590. EDN: SADXUS. DOI: 10.34670/AR.2023.52.61.078.
17. Тимошков С. Г. Агрессия как международное преступление : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2017. 27 с. EDN: ZQBRFF.
18. De Bock Charles. The Crime of Aggression: Prospects and Perils for the Third World // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13, Iss. 1. P. 91–131. DOI: 10.1093/chinesejil/jmt042.
19. Hajdin N. R. The Actus Reus of the Crime of Aggression // Leiden Journal of International Law. 2021. No. 34 (2). P. 489–504. DOI: 10.1017/S0922156521000042.
20. Heller K. J. Retreat from Nuremberg: The Leadership Requirement in the Crime of Aggression // European Journal of International Law. 2007. Vol. 18. P. 477–497. DOI: 0.1093/ejil/chm025.

21. *Jia Bing Bing*. The Crime of Aggression as Custom and the Mechanisms for Determining Acts of Aggression // The American Journal of International Law. 2015. No. 109. P. 569–582. DOI: 10.5305/amerjintlaw.109.3.0569.

Об авторах:

Сергеевнин Сергей Львович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, декан юридического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: sergeevnin-sl@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4023

Алексеев Георгий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Павлов Тимофей Михайлович, магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: tpavlov-20@edu.ranepa.ru

References

1. Abashidze, A. Kh. The Changing of Contemporary International Law in the Context of Civilizational Confrontation // Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University. 2022. Vol. 9, No. 4. P. 69–74 (In Russ.). EDN: NURNJX. DOI: 10.18522/2313-6138-2022-9-4-9.
2. Alekseev, G. V., Kharina, O. N. Legal Regulation of States and International Journalistic Organizations Interaction in the Eurasian Media Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 1 (51). P. 118–129 (In Russ.). EDN: MNRIWIW. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-118-129.
3. Bagandova, L. Z. Retroactive Application of Criminal Law in Relation to Crimes of Aggression: Historical and International Aspects // International Law and International Organizations. 2024. No. 4. P. 101–110 (In Russ.). EDN: WURIQE. DOI: 10.7256/2454-0633.2024.4.72886.
4. Vershinin, A. A. Contradictions of Collective Security Model: Modern Historiography on the Evolution of the Versailles System of International Relations in the 1930s // MGIMO Review of International Relations. 2022. Vol. 15, No. 2. P. 108–140 (In Russ.). EDN: FDPIAY. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-2-83-108-140.
5. Global Extremism Index / ed. by A. I. Bastrykin, V. P. Kirilenko, A. D. Khlutkov, V. A. Shamakhov. St. Petersburg : Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2023. 416 p. (In Russ.). EDN: JTDRWY.
6. Glotova, S. V. Crime of Aggression: Some Legal Issues of the Definition in the Nuremberg Statute and Rome Statute of International Criminal Court // Moscow Journal of International Law. 2017. No. 2 (106). P. 87–96 (In Russ.). EDN: ZMQBJB.
7. Dorskaya, A. A., Dorskii, A. Yu. The Contribution of Soviet Academic Science to the Development of the International Criminal Liability Institution in the 1930s and 1940s // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28, No. 5. P. 28–40 (In Russ.). EDN: LXRECK. DOI: 10.61205/S160565900030393-6.
8. Ilinskaya, O. I. The Formation of the Principle Prohibiting Wars of Aggression before the Establishment of the United Nations Organization // Lex Russica (Russian Law). 2017. No. 8 (129). P. 167–176 (In Russ.). EDN: ZFBVZR. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.167-176.
9. Kibalnik, A. G., Solomonenko, I. G. Crimes Against the Peace and Security of Mankind. St. Petersburg, 2004. 385 p. (In Russ.). EDN: RXGVST.

10. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. International Integration, Democracy and Information Security of the State // Administrative Consulting. 2017. No. 3 (99). P. 8–15 (In Russ.). EDN: YRLGCT.
11. Kirilenko, V. P., Korostelev, S. V. On the Right of States to Preemptive Use of Military Force // Military Thought. 2011. No. 9. P. 55–60 (In Russ.). EDN: OFFKMN.
12. Kirilenko, V. P., Shamakhov, V. A., Alekseev, G. V. Countering Extremist Ideology and Media Security of the State // Administrative Consulting. 2023. No. 11(179). P. 9–24 (In Russ.). EDN: NLRVPZ. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-11-9-24.
13. Prolegomenon of Cognitive Security. Monograph / ed. by I. F. Kefeli. St. Petersburg : ID Petropolis, 2023. 488 p. P. 423–461 (In Russ.). EDN: MRECBE.
14. Rarog, A. I. On Unexecutable and Impracticable Criminal Law Norms // Scientific Portal of the Russia Ministry of the Interior. 2022. No. 1 (57). P. 65–72 (In Russ.). EDN: KNMRIO.
15. Sayapin, S. V. The Definition of the Crime of Aggression and National Systems of Criminal Justice // International Justice. 2012. No. 1 (2). P. 87–97 (In Russ.). EDN: OZQLIF.
16. Smirnov, M. G. The Briand — Kellogg Pact and Its International Legal Significance // Matters of Russian and International Law. 2023. Vol. 13, No. 3–1. P. 583–590 (In Russ.). EDN: SADXUS. DOI: 10.34670/AR.2023.52.61.078.
17. Timoshkov, S. G. Aggression as an International Crime : Abstract of a PhD Dissertation. Moscow, 2017. 27 p. (In Russ.). EDN: QBRFF.
18. De Bock, Charles. The Crime of Aggression: Prospects and Perils for the Third World // Chinese Journal of International Law. 2014. Vol. 13, Iss. 1. P. 91–131. DOI: 10.1093/chinesejil/jmt042.
19. Hajdin, N. R. The Actus Reus of the Crime of Aggression // Leiden Journal of International Law. 2021. No. 34 (2). P. 489–504. DOI: 10.1017/S0922156521000042.
20. Heller, K. J. Retreat from Nuremberg: The Leadership Requirement in the Crime of Aggression // European Journal of International Law. 2007. Vol. 18. P. 477–497. DOI: 0.1093/ejil/chm025.
21. Jia, Bing Bing. The Crime of Aggression as Custom and the Mechanisms for Determining Acts of Aggression // The American Journal of International Law. 2015. No. 109. P. 569–582. DOI: 10.5305/amerjintelaw.109.3.0569.

About the authors:

Sergey L. Sergevnin, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4023

George V. Alexeyev, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Timofey M. Pavlov, Master Program Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: tpavlov-20@edu.ranepa.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Сергеевнин С. Л., Алексеев Г. В., Павлов Т. М., 2025

Проблемы единого (единообразного) толкования нормативных положений в рамках единой правовой системы Союзного государства

Игнатьев А. С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: ignatiev_as@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5533-6295

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Статья посвящена рассмотрению проблематики толкования нормативно-правовых актов органов Союзного государства в контексте формирования единой правовой системы данного интеграционного объединения. Поскольку количество соответствующих нормативно-правовых актов постоянно увеличивается и они все больше начинают касаться регулирования отношений с участием физических и юридических лиц (в частности, 6 декабря 2024 г. Декретом Высшего Государственного Совета Союзного государства были утверждены Единые правила в области защиты прав потребителей), решение обозначенных проблем становится все более актуальным. **Методология.** Исследование было проведено с использованием общенаучных (анализ, синтез и др.) и частнонаучных (формально-юридический и др.) методов и структурировано, исходя из необходимости нахождения ответов на следующие вопросы: кто, в каких случаях и как может (должен) осуществлять официальную нормативную интерпретацию нормативно-правовых актов Союзного государства, а также каково ее юридическое значение. **Результаты и выводы.** До создания Суда Союзного государства, к функционалу которого отнесено толкование актов Союзного государства, предлагается использовать компенсирующий механизм, ключевая роль в котором, по-видимому, должна отводиться Постоянному Комитету Союзного государства. В решениях национальных судов все чаще начинают упоминаться нормативно-правовые акты Союзного государства, но их применение нередко вызывает вопросы, поэтому официальная нормативная интерпретация данных актов уполномоченными органами Союзного государства должна осуществляться на перманентной основе. Данный процесс осложняется тем, что при толковании нужно учитывать соотношение правовой системы Союзного государства с правовыми системами входящих в него государств и с правовой системой Евразийского экономического союза, членами которого являются Республика Беларусь и Российская Федерация, а также перспективу принятия общесоюзной Конституции. Юридическое значение официальной нормативной интерпретации нормативно-правовых актов Союзного государства также требует прояснения как минимум в части ее соотношения с конституционными актами государств — участников Союзного государства. Несмотря на сложность поставленных вопросов (большинству из которых должны быть посвящены специальные исследования), от их решения в конечном счете будет зависеть успех союзного строительства.

Ключевые слова: официальная нормативная интерпретация, прямое действие и непосредственное применение, Совет Союзного государства по защите прав потребителей, рамочные правовые основы, соотношение правовой системы Союзного государства с правовыми системами его государств-участников и Евразийского экономического союза

Для цитирования: Игнатьев А. С. Проблемы единого (единообразного) толкования нормативных положений в рамках единой правовой системы Союзного государства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 82–89. EDN: NXBDUN

Problems of a Uniform (Similar) Interpretation of Normative Legal Provisions within the Framework of the Unified Legal System of the Union State

Aleksandr S. Ignatiev

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

e-mail: ignatiev_as@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5533-6295

ABSTRACT

Aim and tasks. The article is devoted to the consideration of the problems of interpretation of normative legal acts of the Union State bodies in the context of the formation of a unified legal system of this integration association. As the number of relevant regulatory legal acts is constantly increasing and they are increasingly beginning to relate to the regulation of relations involving individuals and legal entities (in particular, on December 6, 2024 The Decree of the Supreme State Council of the Union State approved Uniform Rules in the field of consumer protection), the solution of these problems is becoming more relevant. **Methods.** The research was conducted using general scientific (analysis, synthesis, etc.) and private scientific (formal legal, etc.) methods and structured based on the need to find answers to the following questions: who, in what cases and how can (should) carry out the official normative interpretation of the normative legal acts of the Union State, as well as what is its legal significance. **Results and conclusions.** Before the creation of the Court of the Union State, whose function includes the interpretation of acts of the Union State, it is proposed to use a compensatory mechanism, in which, apparently, the Standing Committee of the Union State should play a key role. The decisions of national courts increasingly begin to mention the normative legal acts of the Union State, but their application often raises questions, therefore, the official normative interpretation of these acts by the authorized bodies of the Union State should be carried out on a permanent basis. This process is complicated by the fact that the interpretation must take into account the relationship between the legal system of the Union State and the legal systems of its member States and the legal system of the Eurasian Economic Union, of which the Republic of Belarus and the Russian Federation are members, as well as the prospect of adopting a Union-wide Constitution. The legal significance of the official normative interpretation of the normative legal acts of the Union State also requires clarification, at least in terms of its relationship with the constitutional acts of the member States of the Union State. Despite the complexity of the issues raised (most of which should be the subject of special research), the success of Union construction will ultimately depend on their solution.

Keywords: official normative interpretation, direct effect and direct application, Council of the Union State for Consumer Protection, legal framework, relationship of the legal system of the Union State with the legal systems of its member States and the Eurasian Economic Union

For citation: Ignatiev A. S. Problems of a Uniform (Similar) Interpretation of Normative Legal Provisions within the Framework of the Unified Legal System of the Union State // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 82–89 (In Russ.). EDN: NXBDUN

Введение

Толкование международно-правовых норм, особенно если они направлены на регулирование отношений с участием физических и юридических лиц, — один из актуальных вопросов международного права в целом и сближения национальных правовых систем в частности.

Сближение, осуществляемое путем унификации или гармонизации права, должно приводить к созданию единого или единообразного режима регулирования в той или иной сфере, и эта цель очевидно не может быть достигнута, если применение соответствующих положений во всех государствах — участниках процесса не будет одинаковым или схожим [1].

Следует иметь в виду, что Союзное государство (далее также — СГ) — международное объединение интеграционного типа [4]. По крайней мере, основные признаки последнего отражены в Договоре о создании Союзного государства 1999 г.¹ (далее — Договор):

- во-первых, в ст. 1 Договора однозначно заявлена цель создания СГ — единение народов двух стран в общее государство;
- во-вторых, в п. 2 ст. 3, п. 1 ст. 6, ст. 17, ст. 18 и других положениях Договора говорится о передаче на уровень СГ отдельных государственных полномочий, большинство из которых касается отношений с участием физических и юридических лиц. Унификация, в частности, должна коснуться областей гражданского и международного частного права (см. п. 2 и п. 3 ст. 8, абз. второй и четвертый ст. 17 Договора);
- в-третьих, согласно ст. 58–60 Договора, нормативно-правовые акты, принимаемые органами СГ, должны иметь прямое действие на территориях Республики Беларусь и Российской Федерации (далее — РБ и РФ соответственно), то есть не предполагают их последующего одобрения органами государственной власти государств — участников СГ, причем законы, декреты и, по всей видимости, постановления и резолюции органов СГ подлежат непосредственному применению.

Практика функционирования интеграционных организаций в различных регионах мира свидетельствует о том, что толкование положений актов подобных объединений может иметь свои особенности по сравнению с интерпретацией иных источников международного права, что надлежит учитывать при проведении анализа.

Основные проблемы официального нормативного толкования актов в рамках единой правовой системы СГ

Проблематика толкования международно-правовых, в том числе интеграционных, норм предполагает нахождение ответов на следующие вопросы: 1) кто, 2) в каких случаях и 3) как может (должен) осуществлять их официальную нормативную интерпретацию, а также 4) каково ее юридическое значение.

1. Субъект(ы) официального нормативного толкования актов СГ

В ст. 50 и п. 1 ст. 54 Договора установлено, что обеспечить единообразное толкование и применение Договора и нормативно-правовых актов СГ должен Суд СГ.

Это, по-видимому, лучшее решение даже с учетом тех сложностей, которые неизбежно сопровождают деятельность международных судебных учреждений.

Однако Суд СГ пока не создан, а количество декретов, постановлений и иных актов, принимаемых Высшим Государственным Советом СГ (далее — ВГС) и Советом Министров СГ (далее — СМ СГ), постоянно растет.

До декабря 2024 г. проблематика их толкования не была столь острой, поскольку данные акты почти не касались отношений с участием физических и/или юридических лиц: в качестве адресатов в них чаще всего указаны государственные органы РБ и РФ, а также органы СГ, хотя среди исполнителей поручений иногда упоминаются и экономические акторы (например, в РБ — это Белорусский государственный концерн по нефти и химии «Белнефтехим», ОАО «Гипросвязь», ОАО «Промсвязь»; в РФ — госкорпорация «Росатом»²).

В этом смысле несколько выделяется Декрет ВГС от 29 января 2024 г. № 3 «Об отдельных вопросах реализации единой промышленной политики и Правилах подтверждения производства промыш-

¹ Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46990/ (дата обращения: 01.11.2025).

² См. Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024–2026 годы, утвержденные Декретом ВГС СГ от 29 января 2024 г. № 2 [Электронный ресурс] // Постоянный Комитет Союзного государства. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/238636/> (дата обращения: 01.11.2025).

ленной продукции на территории Союзного государства»¹, которым торгово-промышленные палаты РБ и РФ уполномочены выдавать и верифицировать документы, подтверждающие производство промышленной продукции на территории СГ, поскольку заявителями здесь, очевидно, должны являться хозяйствующие субъекты.

Ситуация, на наш взгляд, серьезно изменилась с принятием Декрета ВГС от 6 декабря 2024 г. № 6², утвердившего Единые правила в области защиты прав потребителей (далее — Единые правила), непосредственно затрагивающие как представителей бизнеса, так и рядовых граждан.

Таким образом, как минимум декреты ВГС уже регулируют отношения с участием физических и юридических лиц, поэтому вопросы интерпретации их положений выходят за рамки исключительно межгосударственного политического взаимодействия.

В настоящее время в отсутствие Суда СГ единое понимание и применение данных актов, как представляется, должно базироваться либо на аутентичном толковании, либо на официальном разъяснении, осуществляемом другими органами СГ с учетом их компетенции, что можно проиллюстрировать на примере Единых правил.

ВГС как высший орган, решающий важнейшие вопросы развития СГ (ст. 34 и ст. 35 Договора), едва ли будет целенаправленно заниматься вопросами интерпретации Единых правил. Он, конечно, может вносить изменения и дополнения в свои декреты, но аутентичное толкование в данном случае будет являться побочным эффектом конкретизации.

В Договоре указано, что СМ СГ должен обеспечивать контроль за выполнением положений Договора и актов СГ, а Постоянный Комитет СГ (далее также — Комитет) — контролировать выполнение принятых ВГС и СМ СГ решений (абз. пятый п. 1 ст. 46 и п. 3 ст. 48 Договора).

В Положении о Постоянном Комитете Союзного государства, утвержденном Постановлением ВГС от 27 июня 2000 г. № 13³ (далее — Положение о Комитете), к функциям Комитета отнесены, кроме прочего, подготовка и представление в СМ СГ предложений об унификации законодательств государств-участников и при необходимости о принятии дополнительных мер по обеспечению выполнения решений ВГС и СМ СГ (абз. второй и двенадцатый п. 4 Положения о Комитете).

Таким образом, гипотетически Комитет может готовить проекты официальных разъяснений декретов ВГС, в том числе Единых правил, а СМ СГ — утверждать их своими постановлениями.

Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь по обеспечению равных прав потребителей, вступившим в силу 27 мая 2025 г., (далее — Соглашение 2025 г.)⁴ предусмотрено создание Совета Союзного государства по защите прав потребителей (далее также — Совет СГ по защите ПП).

Согласно п. 4 Положения о Совете Союзного государства по защите прав потребителей (далее — Положение о Совете), утвержденного Соглашением 2025 г., к основным направлениям деятельности данного органа отнесены, кроме прочего, проведение анализа правоприменительной практики Единых правил и принятие соответствующих решений по итогам указанного анализа, а также подготовка информационно-аналитических обзоров о практике применения Единых правил.

Однако следует иметь в виду, что Совет СГ по защите ПП является межгосударственным консультативно-совещательным органом и что он может принимать решения только рекомендательного характера (п. 1 и п. 16 Положения о Совете), поэтому его подходы к толкованию тех или иных

¹ Об отдельных вопросах реализации единой промышленной политики и Правилах подтверждения производства промышленной продукции на территории Союзного государства [Электронный ресурс] // Постоянный Комитет Союзного государства. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/238638/> (дата обращения: 01.11.2025).

² Этот Декрет вступил в силу со дня подписания (см. п. 3), а был опубликован 18 декабря 2024 г.: О единых правилах в области защиты прав потребителей [Электронный ресурс] // Постоянный Комитет Союзного государства. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/241307/> (дата обращения: 01.11.2025).

³ Постановление Высшего Государственного Совета № 13 от 27.06.2000 «О Положении о Постоянном Комитете Союзного государства» [Электронный ресурс] // Постоянный Комитет Союзного государства. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/236195/> (дата обращения: 01.11.2025).

⁴ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь по обеспечению равных прав потребителей [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62785/ (дата обращения: 01.11.2025).

положений Единых правил, выраженные в обзорах и анализах практики, могут служить лишь ориентиром для правоприменителей, но сами по себе не будут для них обязательными.

Вместе с тем материалы Совета СГ по защите ПП могут быть использованы Комитетом¹ при подготовке проектов официальных разъяснений Единых правил. Это способствовало бы повышению качества и предсказуемости соответствующих постановлений СМ СГ.

Системная работа Совета СГ по защите ПП, Комитета и СМ СГ по выработке решений о надлежащем толковании Единых правил, по-видимому, могла бы стать механизмом, в какой-то мере компенсирующим отсутствие в настоящее время интерпретационных актов Суда СГ.

2. Необходимость официального нормативного толкования актов СГ

Согласно п. 1 ст. 54 Договора, инициировать разбирательство в Суде СГ могут только государства-участники и органы СГ. Ни преюдициальные запросы государственных судов РБ и РФ, ни тем более обращения частных лиц не предусмотрены.

Представляется, что для целей толкования нормативно-правовых актов СГ, регулирующих отношения с участием физических и юридических лиц, такая схема, рассчитанная на разрешение споров международного характера, является неработоспособной.

В дополнение к сказанному можно обратить внимание и на терминологию.

В п. 1 ст. 54 Договора говорится о *передаче* на рассмотрение в Суд СГ вопросов толкования и применения Договора и иных актов СГ. Передача, вероятно, означает, что изначально эти вопросы должны решаться в переговорном порядке между государствами-участниками и органами СГ, что, в свою очередь, ориентирует на то, что судебное разбирательство выступает как крайнее средство, если не будет достигнуто согласие. Из этого логически вытекает, что, во-первых, интерпретация положений Судом СГ не мыслится как обычный рутинный процесс, а во-вторых, ее предметом едва ли могут стать нормы частноправового характера.

Вместе с тем потребность в их надлежащем понимании и применении национальными судами РБ и РФ возрастает, что можно проиллюстрировать на примере Единых правил.

Так, в Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 мая 2025 г. № 88-8584/2025 указано, что доводы кассационной жалобы о неприменении Единых правил были отклонены судебной коллегией, так как были основаны на субъективном ошибочном толковании заявителем норм права и не свидетельствовали о незаконности оспариваемых судебных актов, поскольку нижестоящие суды правильно определили правоотношения и подлежащие применению нормы права.

Из текста судебного акта не понятно, чем руководствовался суд кассационной инстанции: тем, что спорные правоотношения сложились до вступления в силу Единых правил, или тем, что декрет ВГС вообще не подлежит применению (не имеет прямого действия либо по юридической силе уступает национальным законам). Во втором случае напрашивается соответствующая реакция со стороны органов СГ, поскольку речь идет о нарушении п. 1 и п. 2 ст. 60 Договора.

В трех определениях кассационных судов общей юрисдикции (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.05.2025 № 88-10225/2025, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15.08.2025 № 88-18665/2025, Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 29.09.2025 № 88-15644/2025) констатировано, что норма п. 4 ст. 12 Единых правил не является основанием для освобождения истца от уплаты государственной пошлины, потому что Единые правила представляют собой лишь рамочные правовые основы, направленные на сближение национальных законодательств РБ и РФ, и не отменяют действие национальных законов, а в законодательстве РФ есть специальные нормы по этому вопросу.

Вместе с тем в п. 4 ст. 12 Единых правил четко установлено, что потребители, иные истцы по искам, связанным с нарушением прав потребителей, освобождаются от уплаты государственной пошлины; и никаких ограничений или изъятий из действия данной нормы в этом акте нет.

¹ На Постоянный Комитет СГ возложены обязанности, в том числе по изучению, анализу и координации работы отраслевых и функциональных органов СГ (п. 3 ст. 48 Договора, абз. пятый и шестой п. 4 Положения о Комитете).

О том, что Единые правила являются рамочными правовыми основами, которые должны конкретизироваться правовым регулированием РБ и РФ, также говорится в двух других делах, уже при рассмотрении споров по существу (см. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 28.04.2025 № 33-6527/2025 по делу № 2-2412/2024 и Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15.07.2025 № 88-12367/2025 по тому же делу; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 28.04.2025 № 33-6520/2025).

Однако что такое рамочные правовые основы, о чем заявлено в абзаце первом преамбулы Единых правил, и как это может влиять на их действие, явно требует разъяснения, имея в виду, что декреты ВГС обязательны во всех своих частях, подлежат непосредственному применению и имеют преимущественную силу перед национальными законами РБ и РФ (п. 1 и п. 2 ст. 60 Договора).

В отсутствие Суда СГ официальную интерпретацию Единых правил могут (должны) осуществлять иные уполномоченные органы СГ, о чем уже было сказано ранее.

3. Основные вопросы, возникающие в процессе официального нормативного толкования актов СГ

Вопрос о том, как должно производиться толкование нормативных положений в рамках правовой системы СГ, пока выглядит как формула со многими неизвестными.

Прежде всего, нужно понять, каково должно быть соотношение правовой системы СГ с правовыми системами РБ и РФ [3; 8].

Вряд ли здесь применим дуалистический подход, согласно которому международное право и внутрисоударственное право позиционируются как самостоятельные системы права и правовые системы, предметно-объектные сферы регулирования которых строго разделены, а вместо взаимодействия происходит, скорее, воздействие одного на другое.

Положения Договора, особенно ст. 17–19, позволяют выдвинуть гипотезу, что правовая система СГ и правовые системы входящих в него государств могут рассматриваться как подсистемы одной общей системы. Соответственно, их взаимодействие должно быть более тесным.

Если правовая система СГ будет строиться не автономно, а на базе фундаментальных ценностей, целей и принципов, лежащих в основах правопорядков РБ и РФ, а также с учетом правовых концепций и понятий, используемых в правовых системах обоих государств, то и толкование должно быть взаимосвязанным. В этом случае при выработке Судом СГ и иными органами СГ единой интерпретации как унифицированных норм, так и гармонизирующих положений, содержащихся в Договоре и других актах СГ, должны приниматься во внимание все компоненты национальных правовых систем, а при толковании гармонизированных норм национальные правоприменители должны стремиться к достижению/сохранению единства.

В связи с этим можно отметить, что словосочетание «единство толкование» употреблено в ст. 50 Договора не совсем корректно, так как Суд СГ должен обеспечивать единство толкование.

Следующая проблема — это соотношение права СГ с правом Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), участниками которого являются РБ и РФ.

Например, в Декрете ВГС от 6 декабря 2024 г. № 7 «Об отдельных мерах по противодействию незаконному импорту товаров на территорию Союзного государства»¹ содержатся ссылки на правовые акты ЕАЭС, что предполагает их совместное применение. И более того, в п. 4 данного Декрета установлено, что он применяется до истечения 10 календарных дней с даты вступления в силу решения Евразийской экономической комиссии о введении отслеживания перевозок в соответствии с п. 5 ст. 18 Соглашения о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок от 19 апреля 2022 г.

Соответственно, было бы очень желательно производить, насколько это возможно, взаимосвязанное толкование нормативных положений актов СГ и актов ЕАЭС, но все это требует отдельного изучения [6; 7, с. 66–68].

¹ Об отдельных мерах по противодействию незаконному импорту товаров на территорию Союзного государства [Электронный ресурс] // Постоянный Комитет Союзного государства. URL: <https://посткомср.рф/docs/item/241309/> (дата обращения: 01.11.2025).

Еще одна проблема — это соотношение будущей Конституции СГ с Договором и другими международными договорами, связывающими РБ и РФ, а также с Конституциями государств — участников СГ [5, с. 68–72].

Очевидно, что выработка единого и единообразного толкования нормативных положений в рамках СГ в значительной мере может быть обусловлена содержанием конституционных норм.

Перечисленные проблемы можно считать лишь основными, поскольку ими процесс толкования не исчерпывается.

4. Правовые последствия официального нормативного толкования актов СГ

Юридическое значение толкования Договора и иных актов СГ, которое может быть дано Судом СГ (когда он будет создан) или другими органами СГ, также до конца не ясно.

Это можно рассмотреть на примере правовой системы РФ.

Нормой ч. 4 ст. 15 Конституции РФ решения международных судов, как и иные акты органов международных межгосударственных организаций (далее — ММГО), в правовую систему РФ прямо не включены.

Даже если исходить из того, что внутригосударственная юридическая обязательность актов органов ММГО производна от обязательств, вытекающих из международных договоров РФ, являющихся учредительными актами ММГО, все равно остается ряд вопросов:

- 1) как интерпретационные акты органов СГ будут соотноситься с решениями Конституционного Суда РФ [9], учитывая сделанную в п. 2 ст. 60 Договора оговорку о том, что положение о приоритете актов СГ не применяется к коллизии норм закона или декрета СГ и норм, содержащихся в конституциях и конституционных актах государств-участников;
- 2) должно ли толкование Договора и иного акта СГ Судом СГ или другим органом СГ иметь ретроспективный эффект, то есть подлежат ли пересмотру ранее вынесенные в РФ правоприменительные решения, если они были основаны на ином толковании соответствующих положений;
- 3) должны ли интерпретационные акты органов СГ, прежде всего Суда СГ, иметь прецедентный характер, если, скажем, толкование будет переходить в конкретизацию нормы, то есть в правотворчество.

Заключение

Подводя некоторый итог, можно отметить, что обозначенные проблемы имеют прикладной характер, но вопросов о толковании актов СГ пока больше, чем ответов. Вместе с тем формирование единой правовой системы СГ требует нахождения данных ответов, причем от их качества в значительной мере будет зависеть будущее союзного строительства [2; 10].

Список литературы

1. Бахин С. В. Проблемы толкования унифицированного права // Российский ежегодник международного права. 2002. С. 127–140. EDN: UVGKHP.
2. Глазьев С. Ю. Союзное государство как оптимальная форма нового мирохозяйственного уклада // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 9–11. EDN: RFLKVI.
3. Егоров А. В. «Союзное нормотворчество» как разновидность наднационального правотворчества // Право в современном белорусском обществе : сборник научных трудов. 2022. Вып. 17. Минск : Калорград. С. 34–41. EDN: DUPVQD.
4. Кашкин С. Ю., Блажеев В. В., Калиниченко П. А. [и др.] Интеграционное право. М. : Проспект, 2023. 720 с. ISBN: 978-5-392-39067-0. EDN: LCVQBQ.
5. Курбанов Р. А., Баланюк Л. Л., Белялова А. М. [и др.] Право Союзного государства Беларуси и России : учебник в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Р. А. Курбанов. М. : Проспект, 2018. 400 с. ISBN: 978-5-392-27393-5. EDN: TJUNFB. DOI: 10.31085/9785392273935-2018-400.
6. Курбанов Р. А., Белялова А. М. Единое правовое пространство Союзного государства: сущность, пути формирования и дальнейшего развития // Право.бю. 2019. № 2 (58). С. 91–95. EDN: MHFCXX.
7. Михалева Т. Н. Юридические аспекты сопряжения интеграционных объединений с участием Республики Беларусь // Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве : Материалы международного

- круглого стола по инновациям в международных исследованиях. Минск : Белорусский государственный университет, 2022. С. 64–70. EDN: INCOOT.
8. Морозов А. Н. Реализация актов Союзного государства в национальных правовых системах Российской Федерации и Республики Беларусь // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 1 (74). С. 75–82. EDN: YZJXJB. DOI: 10.12737/art.2019.1.8.
 9. Сергеевнин С. Л. Нормотворческие и интерпретационные аспекты конституционно-контрольной деятельности // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2012. Т. 3, № 1. С. 198–209. EDN: PDXBYD.
 10. Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Союзное государство на новом этапе экономической и социально-политической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 1. С. 11–18. EDN: JKKHL. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-11-18.

Об авторе:

Игнатьев Александр Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра международного права (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: ignatiev_as@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5533-6295

References

1. Bakhin, S. V. Problems of Interpretation of Unified Law // Russian Yearbook of International Law. 2002. P. 127–140 (In Russ.). EDN: UVGKHP.
2. Glazhev, S. Yu. Union State as the Optimal Form of a New World Economic Order // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 9–11 (In Russ.). EDN: RFLKVI.
3. Egorov, A. V. “Union rule-making” as a type of supranational law-making // Law in modern Belarusian society: Collection of scientific papers. 2022. Iss. 17. Minsk : Kolorgrad. P. 34–41 (In Russ.). EDN: DUPVQD.
4. Kashkin, S. Yu., Blazheev, V. V., Kalinichenko, P. A. [et al.] Integration law. Moscow : Prospect, 2023. 720 p. ISBN: 978-5-392-39067-0 (In Russ.). EDN: LCVQBQ.
5. Kurbanov, R. A., Balanyuk, L. L., Belyalova, A. M. [et al.] Law of Union State of Belarus and Russia : textbook in 2 volumes. Vol. 1 / ed. by R. A. Kurbanov. Moscow : Prospekt, 2018. 400 p. ISBN: 978-5-392-27393-5 (In Russ.). EDN: TJUNFB. DOI: 10.31085/9785392273935-2018-400.
6. Kurbanov, R. A., Belyalova, A. M. Union State’s Common Legal Space: Essence, Ways of Formation and Further Development // Pravo.by. 2019. No. 2 (58). P. 91–95 (In Russ.). EDN: MHFCXX.
7. Mikhaliava, T. N. Legal Aspects of Conjugation of Integration Organizations to which the Republic of Belarus Is a Party // Harmonization of Integration Processes in the Eurasian Space : Proceedings of the International Round Table on Innovations in International Studies. Minsk : Belarusian State University, 2022. P. 64–70 (In Russ.). EDN: INCOOT.
8. Morozov, A. N. The Union State Acts’ Implementation in the National Legal Systems of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2019. No. 1 (74). P. 75–82 (In Russ.). EDN: YZJXJB. DOI: 10.12737/art.2019.1.8.
9. Sergeevnин, S. L. Norm-making and Interpretative Aspects of Constitutional Control Activities // Scientific works of the North-West Academy of Public Administration. 2012. Vol. 3, No. 1. P. 198–209 (In Russ.). EDN: PDXBYD.
10. Khlutkov, A. D., Mezhevich, N. M. The Union State at a New Stage of Economic and Socio-Political Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 11–18 (In Russ.). EDN: JKKHL. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-11-18.

About the author:

Aleksandr S. Ignatiev, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, St. Petersburg University, Department of International Law (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: ignatiev_as@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5533-6295

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Игнатьев А. С., 2025

Правовое регулирование государственного контроля и надзора: евразийская повестка

Агамагомедова С. А.

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

e-mail: saniyat_ag@mai.l.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

РЕФЕРАТ

Цель. Целью статьи является обоснование правового регулирования государственного контроля и надзора с точки зрения евразийской экономической интеграции. Рассмотрение контрольно-надзорной деятельности в контексте интеграционных процессов позиционируется автором в качестве одного из подходов к исследованию государственного контроля и надзора. **Методология.** В статье использованы такие научные методы, как методы системного и сравнительно-правового анализа, методы классификации, юридической формализации.

Результаты. Автором проведен анализ правового регулирования государственного контроля и надзора в Евразийском экономическом союзе. На основе проведенного анализа выделены следующие особенности контроля и надзора в ЕАЭС: публичный характер подобного воздействия (включение в него государственного, общественного контроля, а также контроля наднациональных органов); воздействие исключительно на экономические и смежные с ними отношения; позиционирование контроля и надзора в качестве условий обеспечения базовых целей интеграции; многоуровневость правового регулирования и различия в степени унификации контрольно-надзорного воздействия. Перспективы правового регулирования контроля и надзора в ЕАЭС связаны автором с усложнением их структурного содержания, увеличением их разновидностей; постепенным расширением интеграционного уровня регулирования, унификацией контрольно-надзорного воздействия; процессами цифровизации. **Выводы.** На основе проведенного анализа автором выделены тенденции правового регулирования государственного контроля и надзора в ЕАЭС, среди которых: цифровизация контрольно-надзорных процедур и развитие свойства доверительности контрольно-надзорного взаимодействия; развитие классификации видов контрольно-надзорной деятельности в ЕАЭС. При этом сделан вывод о том, что новые виды контроля и надзора изначально регулируются на интеграционном уровне и их контрольно-надзорные механизмы максимально унифицированы. В качестве тенденции в развитии научных исследований контроля и надзора в рамках евразийской экономической интеграции выделена возможность рассмотрения контрольно-надзорных процедур в качестве сдерживающих факторов для развития отдельных товарных рынков либо, наоборот, мер их поддержки. Сделан вывод о том, что развитие единого экономического пространства в ЕАЭС влечет за собой постепенное формирование единых контрольно-надзорных механизмов, призванных воздействовать на экономические и связанные с ними отношения в рамках евразийской интеграции.

Ключевые слова: государственный контроль и надзор, евразийская интеграция, унификация, таможенный контроль, обязательные требования, товарный рынок, цифровизация

Для цитирования: Агамагомедова С. А. Правовое регулирование государственного контроля и надзора: евразийская повестка // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 90–97. EDN: OHYVCR

Legal Regulation of State Control and Supervision: The Eurasian Agenda

Saniyat A. Agamagomedova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: saniyat_ag@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8265-2971

ABSTRACT

Aim. The purpose of the article is to substantiate the legal regulation of state control and supervision from the perspective of Eurasian economic integration. The author positions the consideration of control and supervisory activities in the context of integration processes as one of the approaches to the study of state control and supervision. **Methods.** The article utilizes such scientific methods as systems and comparative legal analysis, classification, and legal formalization. **Results.** The author analyzed the legal regulation of state control and supervision in the Eurasian Economic Union. Based on the analysis, the following features of control and supervision in the EAEU are highlighted: the public nature of such influence (including state, public control, as well as control by supranational bodies); impact exclusively on economic and related relations; positioning control and supervision as conditions for achieving the basic goals of integration; multi-level legal regulation and differences in the degree of unification of control and supervision impact. The author associates the prospects for the legal regulation of control and supervision in the EAEU with the increasing complexity of their structural content and the increase in their variety; the gradual expansion of the integration level of regulation, the unification of supervisory and control measures, and digitalization processes. **Conclusions.** Based on the analysis, the author identifies trends in the legal regulation of state control and supervision in the EAEU, including: the digitalization of control and supervision procedures and the development of a trust-based approach to control and control interactions; and the development of a classification of types of control and control activities in the EAEU. It is concluded that new types of control and supervision are initially regulated at the integration level, and their control and control mechanisms are as unified as possible. As a trend in the development of scientific research on control and supervision within the framework of Eurasian economic integration, the author highlights the possibility of considering control and supervision procedures as constraints on the development of individual commodity markets or, conversely, as support measures for them. It is concluded that the development of a single economic space in the EAEU entails the gradual formation of unified control and supervisory mechanisms designed to influence economic and related relations within the framework of Eurasian integration.

Keywords: state control and supervision, eurasian integration, unification, customs control, mandatory requirements, commodity market, digitalization

For citation: Agamagomedova S. A. Legal Regulation of State Control and Supervision: The Eurasian Agenda // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 90–97 (In Russ.). EDN: OHYVCR

Введение

Государственный контроль и надзор в современной юридической науке рассматривается с самых разных сторон. Он позиционируется в качестве универсальной функции публичного управления, базовой государственной функции, правовой деятельности (ее формы), административно-правового режима, административного барьера, традиционного средства обеспечения законности и дисциплины, управлеченческой ценности, средства защиты прав и законных интересов граждан и организаций, публично-правового института, административной процедуры (процесса), цифровой экосистемы и др. Этот

перечень вариантов научного понимания контрольно-надзорной деятельности в современных условиях может быть дополнен еще одним. Речь идет о рассмотрении государственного контроля и надзора с точки зрения межгосударственной экономической интеграции, одним из условий функционирования которой может выступать контроль и надзор в области формирующейся единой экономики, складывающейся общего рынка товаров, услуг, капитала, рабочей силы. При этом с терминологической (понятийной) стороны в этом смысле можно констатировать определенное смысловое противоречие: контрольно-надзорное воздействие в межгосударственном образовании на основе сближения (постепенного объединения) экономики является уже не вполне «государственным», оно выходит за пределы национального правового регулирования, осуществляется на наднациональном или интеграционном (макроэкономическом) уровне регуляции, а в систему осуществляющих его субъектов могут входить органы наднациональной компетенции.

В данной статье нами предпринята попытка рассмотреть государственный контроль и надзор с точки зрения евразийской экономической интеграции, определить особенности правового регулирования и осуществления такой деятельности в контексте интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Особенности контрольно-надзорной деятельности в контексте экономической интеграции

Считаем нужным выделить несколько особенностей государственного контроля и надзора с учетом евразийской повестки. Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС), в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики¹, становится сегодня пространством контроля и надзора в отношении экономической и смежной с ней деятельности в рамках формируемой единой экономической территории ЕАЭС.

Во-первых, более корректным в современных условиях, на наш взгляд, следует признать понятие не государственного, а публичного контроля и надзора применительно к евразийской экономической территории. Представляется, что в данном случае используется широкое понимание публичного контроля, включающее и государственный контроль органов государств — участников интеграции, и общественный контроль, и контроль со стороны наднациональных институтов ЕАЭС. Безусловно, в подавляющем большинстве случаев речь идет о внешненаправленном контроле в отношении граждан и организаций, их деятельности, при этом применительно к структуре органов ЕАЭС также выделяют внешний аудит (контроль)².

Договор о Евразийском экономическом союзе (далее — Договор о ЕАЭС) упоминает самые разные направления контрольно-надзорной деятельности, среди которых: авторский контроль за разработкой проектной документации объектов капитального строительства; авторский надзор за строительством, реконструкцией и капитальным ремонтом объектов капитального строительства соответствующими авторами; контроль в сфере закупок; осуществление общественного контроля и общественного обсуждения закупок; услуги по техническому и коммерческому контролю, направленные на обеспечение безопасности движения поездов; транспортный (автомобильный) контроль на внешней границе ЕАЭС; контроль деятельности субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики; контроль за соблюдением общих правил конкуренции и другие виды контроля.

Во-вторых, с учетом того, что евразийское интеграционное образование базируется на проведении скоординированной, согласованной или единой политики в различных отраслях эконо-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 05.06.2014. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ef8/ixygbob0o9pvcm5vjrbo5l4vij4pgoiq7/dogovor_o_eaes_2024.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

² Решение Высшего Евразийского экономического совета от 16.10.2015 № 33 (ред. от 09.12.2022) «Об утверждении Положения о внешнем аудите (контроле) в органах Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/ef6/zga3861zynerb3t9wvurn52to92u0sm/_scd_19102015_33_.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

мики, контрольно-надзорное воздействие в рамках ЕАЭС направлено исключительно на экономические и смежные с ними отношения. К последним, к примеру, можно отнести отношения в сфере создания, оборота, использования и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (Приложение № 26 к Договору о ЕАЭС¹). При этом следует признать, что контрольно-надзорная деятельность в экономической сфере неразрывно связана с иными областями социального взаимодействия, например, с областью обеспечения национальной, интеграционной и международной безопасности.

Так, правовое регулирование таможенного контроля, максимально и хронологически раньше унифицированное в рамках ЕАЭС [2], закономерно затрагивает как чисто экономические, включая финансовые, аспекты, так и вопросы безопасности, суверенитета, профилактики нарушений таможенного и иных отраслей законодательства. Подобная экономическая подоплека контроля и надзора в ЕАЭС подтверждает их схожесть с так называемым централизованным контрольно-надзорным воздействием, регулируемым Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»². К данной сфере относится и активно используемое сегодня понятие «обязательных требований», которые устанавливаются и на уровне ЕАЭС, выступают частью административно-правового регулирования и составляют важный элемент системы контроля и надзора в рамках ЕАЭС [9]. При этом нельзя забывать, что в большинстве своем виды контроля, постепенно унифицируемые в ЕАЭС, выведены из сферы действия данного закона, то есть представляют собой самостоятельные виды государственного контроля и надзора (налоговый, таможенный, экспортный, валютный и иные виды контроля).

В-третьих, контроль и надзор в рамках формирующихся единых рынков товаров и услуг в ЕАЭС выступают условиями обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала, рабочей силы как базовых целей интеграционных процессов на постсоветском пространстве. При этом равное контрольно-надзорное воздействие — гарантия равенства правовых статусов хозяйствующих субъектов на единой экономической территории, условие здоровой конкуренции между ними. Свобода предпринимательской и иной экономической деятельности у субъектов-резидентов разных государств — членов ЕАЭС должна быть одинаковой (хотя бы сопоставимой) [3], а административные барьеры при прохождении различных видов государственного контроля и надзора при экономическом взаимодействии в рамках ЕАЭС не должны существенным образом различаться [1].

В-четвертых, правовому регулированию государственного контроля и надзора на территории ЕАЭС присуща многоуровневость, многослойность регулирования. Имеет место международный универсальный уровень (несмотря на снижение влияния Всемирной торговой организации, установленные ею базовые универсальные стандарты торговых связей и контроля за ними продолжают действовать), интеграционный уровень, постепенно расширяющий свою сферу, и сохраняющийся национальный уровень регулирования. Не случайно в Таможенном кодексе ЕАЭС (далее — ТК ЕАЭС) при характеристике функций таможенных органов разграничивается проведение таможенного контроля и осуществление иных видов государственного контроля (надзора) (экспортного, радиационного и др.) в соответствии с законодательством государств-членов (ч. 2 ст. 351 ТК ЕАЭС³).

В-пятых, правовое регулирование контроля и надзора в рамках ЕАЭС существенным образом различается по уровню унификации для разных видов контрольно-надзорного воздействия. Причем дифференцировать все контрольно-надзорное внимание можно как на основе традиционных критериев (валютный, транспортный, радиационный, миграционный, технический и др.), так и на основе выделения рынков определенных товаров, например, фармацевтического рынка ЕАЭС [13] или определенной

¹ Приложение № 26 к Договору о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/212/Prilozhenie-26-IS-k-Dogovoru-o-EAES.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

² Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 18.11.2025).

³ Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3de/kb56d0a7r0vh65bur3qjcoi7ux5xnafn/itia_12042017_doc.pdf (дата обращения: 18.11.2025).

деятельности с такими товарами, например, операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями в ЕАЭС [11].

Публичный контроль и надзор в Евразийском экономическом союзе: тенденции и перспективы правового регулирования

На основе анализа особенностей публичного контроля и надзора в ЕАЭС можно выделить следующие тенденции развития его правового регулирования.

Устойчивой, безусловной и продолжающей нарастать тенденцией развития публичного контроля в ЕАЭС выступает его стремительная цифровизация. Представляется, что евразийская и цифровая повестки в развитии правового регулирования и осуществления контрольно-надзорной деятельности в ЕАЭС тесно связаны и взаимообусловлены. С учетом современных трендов развития системы государственного контроля и надзора сегодня можно говорить о формировании «цифровой среды доверия» в ЕАЭС [8], о развитии контрольно-надзорных механизмов, основанных на определенной доверительности (фидуциарности) отношений между экономическими субъектами и контролерами.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает развитие (углубление) классификации видов контрольно-надзорной деятельности в контексте ЕАЭС. Специфика интеграционных контрольно-надзорных механизмов позволяет ученым обосновывать модели горизонтального контроля, к примеру, параллельный горизонтальный уровень финансового контроля [4, с. 111].

Одним из критериев таргетизации контрольно-надзорного воздействия на бизнес выступает даже определение совместных задач (объединение задач) отдельных административных органов государств — членов ЕАЭС. Так, нередко ученые констатируют наличие единого механизма таможенного, налогового администрирования и валютного контроля на основе интегрированных инновационных технологий [12] или характеризуют совместные проверки или аудиты контрольных органов стран — участниц ЕАЭС в рамках государственного бюджетного контроля [4, с. 111]. Вполне закономерной нам видится тенденция, заключающаяся в том, что относительно новые виды контроля и надзора унифицируются сразу, их правовое регулирование возникает как регулирование интеграционного уровня изначально. Наглядно это можно проследить на постепенном формировании регулирования международной электронной торговли в рамках ЕАЭС [10].

Что касается тенденций в развитии научных исследований контроля и надзора в рамках евразийской экономической интеграции, то контрольно-надзорные процедуры, их правовое регулирование закономерно рассматриваются учеными в качестве сдерживающих факторов для развития отдельных товарных рынков (к примеру, государственный контроль над ценами для фармацевтического сектора ЕАЭС). С другой стороны, реформирование системы контроля и надзора, упрощение контрольно-надзорных формальностей обоснованно позиционируются в качестве мер поддержки (стимулирования) обособленных товарных рынков (к примеру, разработка мероприятий в сфере контроля качества фармацевтических препаратов [13]).

Перспективы правового регулирования публичного контроля и надзора в ЕАЭС связаны: 1) с усложнением структурного содержания публичного контроля и надзора в рамках ЕАЭС, увеличением их разновидностей; 2) с расширением интеграционного уровня регулирования и, соответственно, унификацией контрольно-надзорного воздействия; 3) со стремительной цифровизацией контрольно-надзорных процедур. При этом следует отметить тот факт, что контрольно-надзорные механизмы обеспечивают полноценное развитие экономических и связанных с ними отношений, выступают средством оценки применения обязательных требований в экономической сфере. С учетом кардинальных изменений в современном экономическом взаимодействии, связанном с увеличением значения в нем информации, знаний, интеллектуальных ресурсов, можно с уверенностью говорить не просто о евразийской экономической интеграции, а о научно-технологической евразийской экономической интеграции, которую ученые справедливо рассматривают в контексте становления нового мирохозяйственного уклада [5; 7], а ключевым направлением экономической политики на ближайшую перспективу видят осуществление промышленного прорыва на основе нового технологического уклада [6].

Заключение

Развитие единого экономического пространства в ЕАЭС влечет за собой постепенное формирование идентичных и (или) единых контрольно-надзорных механизмов, призванных воздействовать на экономические и связанные с ними отношения в рамках евразийской интеграции. Несмотря на разный уровень унификации различных видов государственного контроля и надзора в ЕАЭС, процесс такого сближения продолжается, что позволяет говорить о контрольно-надзорном пространстве ЕАЭС. Эффективность создания и функционирования подобного пространства связана с оптимизацией экономических процессов в рамках интеграционного образования, обеспечением равенства участников экономического взаимодействия, достижением свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на единой экономической территории.

Контроль и надзор в рамках ЕАЭС, носящие публичный характер, регулируются на нескольких уровнях, среди которых интеграционный уровень постепенно становится преобладающим, могут выступать в качестве барьеров экономического развития или, напротив, его катализаторов. В последнем случае необходимо учитывать национальную специфику контрольно-надзорных механизмов в государствах — членах ЕАЭС, приоритеты экономического развития как государств — участников интеграции, так и всего интеграционного образования в целом, а также современные тренды реформирования системы государственного контроля и надзора в мире.

Список литературы

1. Агамагомедова С. А. Административные барьеры для бизнеса: минимизация в условиях реформы государственного контроля и надзора // Российская юстиция. 2021. № 2. С. 6–9. EDN: WEGYSI. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-2-6-9.
2. Агамагомедова С. А. Понятие и пределы контрольно-надзорных полномочий таможенных органов // NB: Административное право и практика администрирования. 2016. № 5. С. 1–7. EDN: XBASLB. DOI: 10.7256/2306-9945.2016.5.20352.
3. Агамагомедова С. А. Свобода предпринимательства и ее ограничение при осуществлении государственного контроля и надзора // Безопасность бизнеса. 2022. № 2. С. 8–12. EDN: ZVKSOM. DOI: 10.18572/2072-3644-2022-2-8-12.
4. Бексултанов А. А., Абдыкадырова Б. У., Тойбаева Н. Р. Совершенствование системы государственного бюджетного контроля // Известия Кыргызского государственного технического университета им. И. Рazzакова. 2020. № 1 (53). С. 105–112. EDN: TBBXBW.
5. Глазьев С. Ю. Евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада // Экономическое возрождение России. 2024. № 2 (80). С. 34–45. EDN: EQMYQN. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45.
6. Глазьев С. Ю. Ключевым направлением экономической политики на ближайшую перспективу должно стать осуществление промышленного прорыва на основе нового технологического уклада // Вестник ФИПС. 2025. Т. 4, № 2 (12). С. 108–111.
7. Глазьев С. Ю. Научно-технологическая евразийская экономическая интеграция в контексте становления нового мирохозяйственного уклада // Перспективные интеграционные процессы в мировой экономике: нооподход : сборник материалов IX Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2024), Санкт-Петербург, 4–5 апреля 2024 года. Москва : Институт нового индустриального развития им. С. Ю. Витте, 2024. С. 60–74. EDN: YHGGYS.
8. Зырянов С. М., Калмыкова А. В. Формирование цифровой среды доверия в рамках ЕАЭС // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2021. № 2. С. 22–27. EDN: OIIICQX.
9. Калмыкова А. В. Обязательные требования Евразийского экономического союза в системе административно-правовых норм // Черные дыры в Российском законодательстве. 2022. № 4. С. 10–15. EDN: QLEGLF.

10. Лебедев А. С. Особенности регулирования международной электронной торговли в таможенном законодательстве ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 4. С. 76–81. EDN: ENJFAZ.
11. Панкрайкин А. Ю., Сажин П. А., Трусов Р. Е. Государственный контроль в сфере операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями в государствах — членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС): сравнительный анализ // Юридический факт. 2018. № 38. С. 32–38. EDN: YTHBUT.
12. Рыльская М. А., Шохин С. О., Боброва О. Г. [и др.] Администрирование таможенных платежей: международные стандарты взаимодействия налоговых и таможенных органов // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23, № 1 (109). С. 106–121. EDN: WLQLHK. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-1-106-121.
13. Сапир Е. В., Каракеев И. А. Общий фармацевтический рынок ЕАЭС и евразийская интеграция // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 121–134. EDN: ZBMDPX. DOI: 10.15211/soveurope22017121134.

Об авторе:

Агамагомедова Саният Абдулганиевна, доцент, доктор юридических наук, Институт государства и права Российской академии наук, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса (Москва, Россия);
e-mail: saniyat_ag@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

References

1. Agamagomedova, S. A. Administrative Barriers to Business: Minimization in the Context of the Reform of State Control and Supervision // Russian Justice. 2021. No. 2. P. 6–9 (In Russ.). EDN: WEGYSI. DOI: 10.18572/0131-6761-2021-2-6-9.
2. Agamagomedova, S. A. The Concept and the Limits of Oversight Functions of Customs Agencies // NB: Administrative Law and Administration Practice. 2016. No. 5. P. 1–7 (In Russ.). EDN: XBASLB. DOI: 10.7256/2306-9945.2016.5.20352.
3. Agamagomedova, S. A. The Freedom of Entrepreneurship and the Restriction Thereof in Carrying out of State Control and Supervision // Business Security. 2022. No. 2. P. 8–12 (In Russ.). EDN: ZVKSOM. DOI: 10.18572/2072-3644-2022-2-8-12.
4. Beksultanov, A. A., Abdykadyrova, B. U., Toybaeva, N. R. Improving the System of State Budget Control // The Bulletin of I. Razzakov Kyrgyz State Technical University. 2020. No. 1 (53). P. 105–112 (In Russ.). EDN: TBBXBW.
5. Glazyev, S. Yu. Eurasian Economic Integration in the Context of the Emergence of a New World Economic Structure // Economic Revival of Russia. 2024. No. 2 (80). P. 34–45 (In Russ.). EDN: EQMYQN. DOI: 10.37930/1990-9780-2024-2-80-34-45.
6. Glazyev, S. Yu. The key trend of economic policy in the near future should be the implementation of an industrial breakthrough based on a new technological paradigm // Bulletin of Federal Institute of Industrial Property. 2025. Vol. 4, No. 2 (12). P. 108–111 (In Russ.).
7. Glazyev, S. Yu. Eurasian Economic Integration in the Context of the Emergence of a New World Economic Structure // Promising Integration Processes in the Global Economy: A Noo-Approach: Collection of Materials from the IX St. Petersburg International Economic Congress (SPEK-2024), St. Petersburg, April 4–5, 2024. Moscow : S. Yu. Witte Institute for New Industrial Development, 2024. P. 60–74 (In Russ.). EDN: YHGGYS.
8. Zyryanov, S. M., Kalmykova, A. V. Formation of a Digital Environment of Trust within the EAEU // Actual Problems of Administrative Law and Process. 2021. No. 2. P. 22–27 (In Russ.). EDN: OIICQX.
9. Kalmykova, A. V. Mandatory Requirements of the Eurasian Economic Union in the System of Administrative Legal Norm // Black Holes in Russian Legislation. 2022. No. 4. P. 10–15 (In Russ.). EDN: QLEGLF.
10. Lebedev, A. S. Features of the International E-Commerce Regulation in the EAEU Customs Legislation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2019. No. 4. P. 76–81 (In Russ.). EDN: ENJFAZ.

11. Pankrashkin, A. Yu., Sazhin, P. A., Trusov, R. E. State Control in the Sphere of Operations with Precious Metals and Precious Stones in the Member States of the Eurasian Economic Union (EEU): A Comparative Analysis // Legal fact. 2018. No. 38. P. 32–38 (In Russ.). EDN: YTHBUT.
12. Ryl'skaya, M. A., Shokhin, S. O., Bobrova, O. G. [et al.] Administration of Customs Payments: International Standards for the Interaction of Tax and Customs Authoritie // Finance: Theory and Practice. 2019. Vol. 23, No. 1 (109). P. 106–121 (In Russ.). EDN: WLQLHK. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-1-106-121.
13. Sapir, E. V., Karachev, I. A. Common Pharmaceutical Market and Eurasian Integration // Contemporary Europe. 2017. No. 2 (74). P. 121–134 (In Russ.). EDN: ZBMDPX. DOI: 10.15211/soveurope22017121134.

About the author:

Saniyat A. Agamagomedova, Associate Professor, Doctor of Science (Jurisprudence), Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; senior researcher of the sector of administrative law and administrative process (Moscow, Russia);
e-mail: saniyat_ag@ mail.ru; ORCID: 0000-0002-8265-2971

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Агамагомедова С. А., 2025

Фармацевтический сектор как драйвер технологической независимости ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН: вопросы проконкурентного правового регулирования (Часть 1)

Ковалёв В. С.^{1, 2, *}, Максимов С. В.^{3, 4}

¹ МГИМО МИД России, Москва, Россия

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

³ Евразийская экономическая комиссия, Москва, Россия

⁴ Институт экономики РАН, Москва, Россия

* e-mail: v.s.kovalev@my.mgimo.ru

РЕФЕРАТ

Статья подготовлена в двух частях, первая из которых публикуется в настоящем номере журнала.

В статье исследованы современное состояние и проблемы правового регулирования фармацевтического сектора Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз), а также БРИКС и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в сфере конкуренции и влияние такого регулирования на обеспечение технологической независимости данных международных объединений и отдельных стран, входящих в их состав. **Цель.** Предложить возможные пути развития правового регулирования фармацевтического сектора ЕАЭС, а также перспективные направления правовой регламентации взаимодействия ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН в данной сфере. **Задачи.**

Оценить современное состояние правового регулирования фармацевтического сектора ЕАЭС на наднациональном уровне применительно к созданию условий для развития конкуренции на общем рынке лекарственных средств. Изучить механизмы ценового регулирования в фармсекторах стран Союза. Изучить национальные практики обеспечения доступности лекарственных средств для населения. Сравнить подходы к регулированию фармацевтических рынков Индии, Китая, Бразилии, АСЕАН. **Методология.** Использовано сочетание общенаучных и специальных научных методов познания (включая контентный и сравнительный анализ правовых текстов), оптимально отвечающих содержанию и структуре предмета исследования. **Результаты.**

Сформировано целостное представление об актуальном состоянии правового регулирования фармацевтического сектора ЕАЭС для целей обеспечения конкуренции. Проведен анализ актуального состояния процесса формирования общего рынка лекарственных средств в ЕАЭС, выделены его преимущества и недостатки. Изучены механизмы ценового регулирования в фармсекторах на национальном уровне, подготовлены предложения по гармонизации соответствующих подходов на уровне Союза и подключения к данной работе государств-наблюдателей при ЕАЭС. Проанализированы институты принудительного лицензирования и дистанционной продажи лекарственных средств как инструменты повышения доступности лекарственных средств. Дан сравнительный обзор правового регулирования фармацевтических рынков Индии, Китая, Бразилии, АСЕАН. Сформулированы предложения по возможным направлениям взаимодействия ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН в рассматриваемой сфере. **Выводы.** Перспективы развития правовых основ фармацевтического сектора ЕАЭС связаны не только с гармонизацией страновых подходов к ценовому регулированию, внедрением эффективных («бесшовных») и прозрачных механизмов регулирования фармацевтического сектора в рамках Большого Евразийского партнерства (ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН), но и с созданием механизмов превенции антконкурентного поведения субъектов рынка, вовлечением в эту работу уполномоченных органов государств-наблюдателей при

ЕАЭС. Решение этих задач будет способствовать росту инвестиционной активности и технологической независимости региона в целом.

Ключевые слова: интеграция, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), БРИКС, АСЕАН, Большое Евразийское партнерство (БЕП), конкуренция, конкурентное право, антимонопольное регулирование, фармацевтический рынок, лекарства, технологическая независимость

Для цитирования: Ковалёв В. С., Максимов С. В. Фармацевтический сектор как драйвер технологической независимости ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН: вопросы проконкурентного правового регулирования (Часть 1) // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 98–107. EDN: OJLPEP

The Pharmaceutical Sector as a Driver of Technological Independence of the EAEU, BRICS, ASEAN: Issues of Pro-Competitive Legal Regulation (Part 1)

Vladimir S. Kovalev^{a, b, *}, Sergey V. Maksimov^{c, d}

^a MGIMO-University, Moscow, Russia

^b Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

^c Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

^d Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

* e-mail: v.s.kovalev@my.mgimo.ru

ABSTRACT

The article was prepared in two parts, the first of which is published in this issue of the journal.

The article examines the current state and problems of legal regulation of the pharmaceutical sector of the Eurasian Economic Union (EAEU, Union), as well as BRICS and the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) from the point of competition and the impact of such regulation on ensuring the technological independence of these international associations and their member states. **Aim.** To offer possible ways to develop competition in the pharmaceutical sector of the EAEU, as well as promising areas of interaction between the EAEU, BRICS and ASEAN in this area. **Tasks.** To assess the current state of legal regulation of the pharmaceutical sector of the EAEU at the supranational level in terms of forming conditions for the development of competition in the common market of medicines. To study the mechanisms of price regulation in the pharmaceutical sectors of the member states of the Union. To analyze national practices of ensuring the availability of medicines for the population. To compare approaches to regulating the pharmaceutical markets of India, China, Brazil, ASEAN. **Methods.** A combination of general scientific and special scientific methods (including content and comparative analysis of legal texts) are applied, which optimally correspond to the content and structure of the subject of research. **Results.** Based on the analysis, a comprehensive understanding of the current state of legal regulation of the pharmaceutical sector of the EAEU from the point of view of competition is submitted. An analysis of the actual status of the forming of common market for medicines in the EAEU is conducted, its advantages and disadvantages are highlighted. The mechanisms of price regulation in the pharmaceutical sectors at the national level are studied, proposals for the harmonization of relevant issues at the Union level and the involvement of observer states of the EAEU in this activity are prepared. Compulsory licensing and buying medicines online as tools for increasing the availability of medicines are analyzed. A general overview of the regulation of the pharmaceutical markets of India, China, Brazil, ASEAN is presented. Proposals for possible areas of interaction between the EAEU, BRICS and ASEAN in this area are prepared. **Conclusions.** Further development of legal regulation of the pharmaceutical sector of the EAEU are associated not only with harmonization of national approaches to price regulation and introduction of effective ("seamless") and transparent mechanisms for regulating the pharmaceutical sector within the framework of the Greater Eurasian Partnership (EAEU, BRICS and ASEAN).

ASEAN), but also with establishment of mechanisms for preventing anti-competitive behavior of market participants, and the involvement of authorized bodies of observer states of the EAEU in this work. The solution of these problems will contribute to the growth of investment activity and technological independence of the region as a whole.

Keywords: integration, Eurasian Economic Union (EAEU), BRICS, ASEAN, Greater Eurasian Partnership, competition, competition law, antitrust regulation, pharmaceutical market, medicines, technological independence

For citation: Kovalev V. S., Maksimov S. V. The Pharmaceutical Sector as a Driver of Technological Independence of the EAEU, BRICS, ASEAN: Issues of Pro-Competitive Legal Regulation (Part 1) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 98–107 (In Russ.). EDN: OJLPEP

Введение

Фармацевтический сектор является одним из ключевых в экономике Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) как с точки зрения обеспечения роста уровня жизни населения, так и целенаправленных усилий по достижению технологической независимости государств — членов Союза.

Его экономическая значимость подтверждается, в частности, статистическими показателями. Так, объем фармацевтического сектора (объем продаж в ценах реализации) в 2024 г. составил 2,86 трлн руб., (30,9 млрд долл. США), из которых 66% пришлись на аптечный (розничный) сегмент, 34% — на государственные закупки. Продемонстрирован рост объема сектора в рублях в 12%.

Аптечный сегмент занимает 3% от общего объема розничных продаж всех товаров в Союзе, а государственные закупки лекарств составляют 7% от общего объема госзакупок в ЕАЭС. Объем производства фармпродукции в ценах производителя в 2024 г. в Союзе составил 948 млрд руб. (10,2 млрд долл. США). Темп прироста объема производства в рублях зафиксирован на уровне +18%¹.

В ЕАЭС принято решение о поэтапном формировании общего рынка лекарственных средств, реализуются инициативы, направленные на стимулирование собственного производства фармпродукции. Эффективность реализации данного решения обусловлена обеспечением должного уровня конкуренции, что стимулирует научно-технический прогресс и экономическую эффективность, гарантирует баланс интересов производителей и потребителей.

Данный подход актуален и для других региональных интеграционных и межгосударственных объединений, таких как БРИКС и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), страны которых наравне с государствами — членами ЕАЭС относятся к развивающимся фармацевтическим рынкам (Pharmerging Markets). Особенность таких рынков заключается в их опережающем росте (совокупный среднегодовой темп роста (CAGR) в период с 2025 по 2034 г. прогнозируется на уровне 8,6%) и возрастающей роли на глобальном фармрынке. Так, уже по итогам 2024 г. рынки стран Азиатско-Тихоокеанского региона заняли его долю в 63%². Удельный вес фармацевтики в ВВП Индии составляет порядка 3%, Китая — почти 2,5%, Бразилии — более 1,5%, Ирана — 1,2%³.

В этой связи в первой части статьи представлены некоторые результаты исследования состояния конкуренции в фармацевтическом секторе ЕАЭС.

¹ По данным исследования фармацевтического сектора ЕАЭС, проведенного Департаментом антимонопольного регулирования ЕЭК в 2025 г. См. подробнее: Максим Ермолович: «Создание общего рынка лекарств в ЕАЭС требует выравнивания уровня конкуренции через гармонизацию ценового регулирования» [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/maksim-ermolovich-sozdanie-obshchego-ryntka-lekarstv-v-eaes-trebuet-vyraavnivaniya-urovnya-konkurentsi/> (дата обращения: 30.07.2025).

² По данным международной аналитической компании Precedence Research [Электронный ресурс]. URL: <https://www.precedenceresearch.com/pharmerging-market> (дата обращения: 30.07.2025).

³ Рабочая группа БРИКС по фармацевтическим рынкам: «Сокращение регуляторных барьеров — мировой тренд» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bricscompetition.org/ru/ournews/brics-working-group-on-pharmaceutical-markets-reducing-regulatory-barriers-is-a-global-trend> (дата обращения: 30.07.2025).

Регулирование фармсектора в ЕАЭС: на стыке наднационального и национального права

Ввиду прямого влияния лекарств на жизнь и здоровье людей государство в лице его уполномоченных органов традиционно определяет «правила игры» в фармацевтическом секторе, реализуя весь арсенал регуляторных практик (лицензирование, сертификация, локализация производств и т. д.), а также применяя инструменты таргетного воздействия на рынок (государственное ценовое регулирование) [2]. В рамках же ЕАЭС ряд из этих полномочий, в первую очередь нормотворческого характера, переданы на наднациональный уровень.

Современное состояние и основные направления развития общего рынка лекарственных средств в ЕАЭС сформулированы в Концепции развития общего рынка лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза (Концепция)¹.

Отправной точкой в нормативном регулировании общего рынка стало подписание в 2014 г. Соглашения о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС, вступившего в силу в 2016 г.² Страны ЕАЭС «на старте» обладали изолированными национальными системами регулирования и регистрации лекарственных препаратов. С утверждением Правил регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения начался процесс поэтапной унификации³. По состоянию на сентябрь 2025 г. нормативный массив данного общего рынка включает более 80 актов ЕЭК⁴.

Для регистрации новых лекарственных препаратов в странах Союза применяются процедуры взаимного признания (сначала регистрация в референтном государстве, затем — в государстве признания) и децентрализованная процедура (процесс осуществляется одновременно референтным государством и несколькими государствами признания) по правилам ЕАЭС, а также процедура приведения в соответствие ранее зарегистрированных лекарственных препаратов. Однако полученное регистрационное удостоверение действует только в выдавшем его государстве.

В Концепции отмечается, что страной приоритетного обращения за регистрацией является Российская Федерация, а количество лекарственных препаратов, получивших регистрационные удостоверения или заявленных для регистрации на общий рынок нескольких государств (как в государствах признания) незначительно⁵.

Таким образом, в ЕАЭС пока не внедрена процедура, позволяющая одновременно обеспечить доступ необходимых лекарств на рынок всего Союза сразу без дополнительных контрольных процедур на национальном уровне, что может свидетельствовать о том, что с точки зрения конкуренции общий рынок лекарственных средств в ЕАЭС в полной мере не сформирован ввиду отсутствия правового механизма прямого действия регистрации лекарственных средств по правилам ЕАЭС.

В качестве достижения наднациональной регуляторики в ЕАЭС необходимо выделить создание собственной Фармакопеи Союза, которая является второй региональной фармакопеей в мире из более 90 национальных фармакопей, включенных в перечень мировых фармакопей, который ведет Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ)⁶.

¹ Решение Совета ЕЭК от 21 февраля 2025 г. № 19 «О проекте распоряжения Евразийского межправительственного совета “О Концепции развития общего рынка лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза”» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/20b/y7t0sqjxyi9p3wxqrfg3gx100u1ph7de/Reshenie-Soveta-_19-ot-21-fevralya-2025-goda.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

² Соглашение о единых принципах и правилах обращения лекарственных средств в рамках ЕАЭС. Подписано 23 декабря 2014 г. Вступило в силу 12 февраля 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/d1b/Sogl_LS_ltog.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

³ Решение Совета ЕЭК от 3 ноября 2016 г. № 78 «О Правилах регистрации и экспертизы лекарственных средств для медицинского применения» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/cf0/9pi8f6zal9za9xhhcz1lt5aq6nxd7gvi/cncd_21112016_78_doc.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

⁴ См. подробнее: Формирование общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/deptexreg/formirovanie-obshchikh-rynkov> (дата обращения: 30.07.2025).

⁵ В соответствии с Концепцией развития общего рынка лекарственных средств в рамках Евразийского экономического союза.

⁶ См. подробнее: Фармакопея Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/department/deptexreg/formirovanie-obshchikh-rynkov/pharmacopoeia> (дата обращения: 30.07.2025), Утверждена новая часть Фармакопеи ЕАЭС союза [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdena-novaya-chast-farmakopei-eaes> (дата обращения: 30.07.2025).

В Союзе выработаны общие подходы к определению взаимозаменяемости лекарственных средств посредством утверждения Правил проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов в рамках Евразийского экономического союза¹.

Вместе с тем имеющее существенное значение для конкуренции определение взаимозаменяемости лекарственных средств в целях государственных закупок все еще регламентируется национальным правом. Данное положение предусмотрено решением Совета ЕЭК от 3 ноября 2016 г. № 92 «Об отдельных вопросах обращения лекарственных препаратов»².

Ценовое регулирование в фармсекторе ЕАЭС: от разрозненности к гармонизации

Одним из ключевых механизмов целевого воздействия на фармрынок является ценовое регулирование. Соответствующие вопросы сегодня относятся к национальной компетенции стран ЕАЭС. Однако в ходе формирования общего рынка следует обратить внимание на различия в регулировании цен и приоритизации лекарственных препаратов. Ведь в современных условиях, обусловленных совокупностью экономических факторов (структурные изменения в экономике), внешних ограничений (нарушения логистических цепочек, ограничения поставок), пока еще имеющим место несовершенством административных процессов внутри Союза (различия в налогообложении, отсутствие электронного документооборота), фармотрасль Союза требует обеспечения стабильности своего развития [1]. Сегодня в государствах — членах ЕАЭС регулирование цен в фармсекторе осуществляется в отношении различных объектов.

В Республике Армения отсутствует действующий механизм ценового регулирования, однако попытки подготовки соответствующих нормативных правовых актов предпринимались. Так, был разработан и опубликован на Едином сайте для публикации проектов правовых актов проект порядка определения цены производителя лекарственных препаратов³.

В Республике Беларусь регулирование применяется в отношении достаточно узкого перечня лекарственных средств. С 1 марта 2025 г. вступила в силу новая редакция перечня лекарственных средств, подлежащих ценовому регулированию (Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2024 г. № 1023 данный перечень расширен до 54 международных непатентованных наименований (МНН) лекарственных средств)⁴. В соответствии с Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2012 г. № 56 «О перечне лекарственных средств, производимых организациями Республики Беларусь, цены на которые регулируются Министерством здравоохранения» (в ред. Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2024 г. № 1023⁵) также регулируются цены на 26 МНН лекарственных средств, классифицированных по 11 группам анатомо-терапевтико-химической классификации (АТХ) 1-го уровня, производимых организациями Республики Беларусь. С апреля 2023 г. возвращено требование о регистрации предельных отпускных цен производителей на отдельные лекарственные средства (необходимость регистрировать предельные отпускные цены производителей впервые была введена Указом Президента Республики Беларусь от 22 августа 2018 г. № 345 «О регистрации цен на лекарственные средства»⁶).

¹ Решение Совета ЕЭК от 3 ноября 2016 г. № 85 «Об утверждении Правил проведения исследований биоэквивалентности лекарственных препаратов в рамках Евразийского экономического союза» (с учетом изменений, внесенных Решением Совета ЕЭК от 12 апреля 2024 г. № 30) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/173/tlnlx9kt775tdok5ei36i2rmmvlgqoj49/err_14052024_30_doc.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

² Решение Совета ЕЭК от 3 ноября 2016 г. № 92 «Об отдельных вопросах обращения лекарственных препаратов» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/b9e/naxx3h8fu48lj7lh527u2e7gs0gyka1a/cncc_21112016_92_doc.pdf (дата обращения: 30.07.2025).

³ Об определении порядка государственного регулирования цен на лекарственные препараты, порядка формирования комиссии, осуществляющей работу в целях государственного регулирования цен на лекарственные препараты, предельной количественной численности комиссии и порядка ее деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-draft.am/projects/1020/about> (дата обращения: 31.07.2025).

⁴ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2024 г. № 1023 «Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2012 г. № 56 и от 31 октября 2018 г. № 776» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22401023> (дата обращения: 01.08.2025).

⁵ Там же.

⁶ Указ Президента Республики Беларусь от 22 августа 2018 г. № 345 «О регистрации цен на лекарственные средства» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31800345&p1=1> (дата обращения: 01.08.2025).

Механизм расчета предельных отпускных цен основан на анализе цен препаратов, которые имеют одинаковое действующее вещество и представлены на международном рынке (референтное ценообразование).

В Республике Казахстан регулируются цены широкого круга лекарственных препаратов отечественного и иностранного производства (рецептурные и безрецептурные). В соответствии с приказом и. о. министра здравоохранения Республики Казахстан от 1 декабря 2022 г. № КР ДСМ-150 «Об утверждении перечня лекарственных средств, подлежащих ценовому регулированию для оптовой и розничной реализации» (в ред. приказа министра здравоохранения Республики Казахстан от 5 ноября 2024 г. № 91) регулированию подлежат более 6000 торговых наименований лекарственных препаратов¹. Агентством по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан в рамках совершенствования ценового регулирования было инициировано внесение изменений в Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения», а также утверждена Дорожная карта по развитию конкуренции в сфере здравоохранения, в рамках которой инициировано поэтапное дерегулирование цен на лекарственные средства с сохранением регулирования цен на препараты, закупаемые в рамках ГОБМП, и обеспечением их транспарентного ценообразования. С января 2023 г. реализован первый этап дерегулирования, в конкурентную среду отпущено 302 безрецептурных лекарственных средства (376 торговых наименований), имеющих более трех аналогов и более трех производителей.

По инициативе Министерства здравоохранения Республики Казахстан второй этап дерегулирования, предполагаемый к реализации с начала 2024 г., перенесен. Министерством здравоохранения Республики Казахстан 27 июня 2024 г. внесены изменения в Правила по критериям отбора лекарственных средств, 5 ноября 2024 г. утвержден Перечень лекарственных средств, подлежащих госрегулированию. Второй этап дерегулирования планировалось начать с января 2025 г., что предполагало дерегулирование 952 безрецептурных лекарственных средств, имеющих более двух аналогов и производителей в рамках одного МНН. В 2026 г. на третьем этапе планируется дерегулирование всех лекарственных средств, реализуемых в коммерческом сегменте².

В Кыргызской Республике регулируются цены на лекарственные препараты отечественного и иностранного производства, которые включены в Национальный перечень жизненно важных лекарственных средств. В соответствии с Постановлением Кабинета министров Кыргызской Республики от 31 июля 2024 г. № 432 «Об утверждении национальных перечней жизненно важных лекарственных средств и медицинских изделий» регулирование распространяется на более чем 520 МНН лекарственных средств³.

В Российской Федерации регулируются цены на препараты, включенные в перечень жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖНВЛП) в отношении референтных препаратов и воспроизведенных, биоаналоговых (биоподобных) препаратов отечественного и иностранного производства. В соответствии с Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 октября 2019 г. № 2406-р (ред. Распоряжения Правительства Российской Федерации от 15 января 2025 г. № 10-р) «Об утверждении перечня жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов, а также перечней лекарственных препаратов для медицинского применения и минимального ассортимента лекарственных препаратов, необходимых для оказания медицинской помощи», регулирование распространяется на более чем 800 МНН лекарственных средств⁴.

¹ Приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 5 ноября 2024 года № 91 «О внесении изменения в приказ исполняющего обязанности министра здравоохранения Республики Казахстан от 1 декабря 2022 года № КР ДСМ-150 «Об утверждении перечня лекарственных средств, подлежащих ценовому регулированию для оптовой и розничной реализации»» [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400035336/history> (дата обращения: 01.08.2025).

² В соответствии с Анализом состояния конкуренции на рынке оптовой реализации лекарственных средств по Республике Казахстан за период 2022–2023 гг., проведенным Агентством по защите и развитию конкуренции Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memlekет/entities/zk/documents/details/784987?lang=ru> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Постановление Кабинета министров Кыргызской Республики от 31 июля 2024 г. № 432 «Об утверждении национальных перечней жизненно важных лекарственных средств и медицинских изделий» [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/7-32014/edition/16231/ru> (дата обращения: 01.08.2025).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 января 2025 г. № 10-р [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202501200014> (дата обращения: 01.08.2025).

Необходимо констатировать, что применительно к механизму ценового регулирования в странах Союза сегодня отсутствует гармонизированный подход. Среди основных можно выделить различия:

в объектах государственного ценового регулирования и, следовательно, объема перечней лекарств, применяемых для его целей. Так, как отмечалось выше, в Беларуси такой перечень включает 54 МНН, в Казахстане — более 6000 торговых наименований, в Кыргызстане — более чем 520 МНН, в России — более чем 800 МНН;

в методиках расчета зарегистрированных предельных цен производителей и соответствующих оптовых/розничных надбавках;

в перечнях референтных стран (как по их количеству, так и по географии: Беларусь — 14 стран, включая Казахстан и Россию; Казахстан — 11 стран, включая Беларусь, Кыргызстан и Россию; Кыргызстан — 8 стран, включая Беларусь, Казахстан и Россию; Россия — 12 стран, нет стран ЕАЭС).

В государствах — членах ЕАЭС и в Союзе в целом также используются специальные механизмы приоритизации лекарственных средств для различных целей. Однако в отношении данного вопроса также усматривается отсутствие единства.

Так, на уровне ЕАЭС в декабре 2022 г. сформирован перечень лекарств, производство которых необходимо обеспечить в ЕАЭС, разработанный в целях реализации Плана мероприятий по повышению уровня обеспеченности государств ЕАЭС стратегически важными лекарственными препаратами и фармацевтическими субстанциями, производство которых должно быть обеспечено в ЕАЭС до 2024 г. В указанном Перечне предусмотрено более 800 МНН для лекарственных препаратов и более 500 наименований фармацевтических субстанций¹.

Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29 октября 2021 г. № 116 (в редакции Постановления Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 123) установлен Перечень стратегически важных лекарственных препаратов, который включает лекарственные препараты, относящиеся к порядку по 79 группам и подгруппам ATX, а также включенные в него по иным критериям².

Согласно п. 3 Положения о порядке и условиях осуществления государственной регистрации стратегически важных лекарственных препаратов, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 8 октября 2021 г. № 570, под стратегически важными лекарственными препаратами понимаются «лекарственные препараты, предназначенные для медицинского применения в условиях военных действий, возникновения чрезвычайной ситуации и для организации оказания медицинской помощи лицам, пострадавшим в результате чрезвычайных ситуаций, для предупреждения чрезвычайных ситуаций, профилактики и лечения заболеваний, представляющих опасность для окружающих, а также заболеваний и поражений, полученных в результате воздействия неблагоприятных химических, биологических, радиационных факторов»³. Перечень стратегически важных лекарственных препаратов определяется Министерством здравоохранения.

Согласно ст. 1 Кодекса Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения», «стратегически важные лекарственные средства и медицинские изделия — лекарственные средства и медицинские изделия, предназначенные для медицинского применения в условиях: военных действий и ликвидации их последствий; возникновения, предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций; угрозы возникновения, распространения новых особо опасных инфекционных заболеваний и ликвидации их последствий; профилактики, диагностики, лечения заболеваний и поражений, полученных в результате воздействия неблагоприятных хими-

¹ Рекомендация Коллегии ЕЭК от 20 декабря 2022 г. № 47 «О перечне лекарственных препаратов и фармацевтических субстанций (активных фармацевтических субстанций) для медицинского применения, производство которых рекомендуется обеспечить в Евразийском экономическом союзе до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/0b0/Proekt-Perechney-LP-i-FS.pdf> (дата обращения: 01.08.2025).

² Постановление Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 29 августа 2023 г. № 123 «Об изменении постановлений Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 17 ноября 2020 г. № 97 и от 29 октября 2021 г. № 116» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22340409> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 октября 2021 г. № 570 «О государственной регистрации стратегически важных лекарственных препаратов» [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100570> (дата обращения: 01.08.2025).

ческих, биологических, радиационных факторов, а также ликвидации их последствий; отсутствия или угрозы отсутствия лекарственных средств или медицинских изделий на рынках государств — членов Евразийского экономического союза в условиях введения ограничительных экономических мер в отношении хотя бы одного из государств-членов»¹. Необходимо подчеркнуть, что только в Республике Казахстан при нормативном определении стратегически важных лекарственных средств и медицинских изделий сделана отсылка на условия, связанные не только с национальной юрисдикцией, но и с государствами — членами ЕАЭС, что представляется весьма оправданным проинтеграционным подходом. Приказом и. о. министра здравоохранения Республики Казахстан от 3 марта 2023 г. № 35 утвержден Перечень стратегически важных лекарственных средств и медицинских изделий (включает порядка 4800 МНН)².

Пунктом 38 ст. 4 Закона Кыргызской Республики от 12 января 2024 г. № 13 «Об обращении лекарственных средств» также предусмотрено нормативное определение понятия «стратегически важные лекарственные средства и медицинские изделия». Их перечень определяется уполномоченным государственным органом в сфере здравоохранения³.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 6 июля 2010 г. № 1141-р (в редакции Распоряжения Правительства Российской Федерации от 1 августа 2020 г. № 2015-р) утвержден Перечень стратегически значимых лекарственных средств, производство которых должно быть обеспечено на территории Российской Федерации (содержит 215 МНН лекарственных средств)⁴.

Помимо этого, в Республике Армения и Республике Беларусь предусмотрено формирование перечней основных лекарственных средств.

Как отмечено в исследовании фармацевтического сектора ЕАЭС, проведенном Департаментом антимонопольного регулирования ЕЭК в 2025 г., обращение лекарственного препарата на рынках государств — членов ЕАЭС в условиях применения различающихся механизмов регулирования его цены в одном государстве-члене и отсутствия регулирования в другом может вести к возникновению ценовых диспаритетов для потребителей. В этой связи предложено проработать возможность формирования в рамках ЕАЭС модельного перечня лекарств для целей ценового регулирования и модельной методики расчета предельных цен производителя для обеспечения равного гарантированного уровня доступности лекарств для населения стран Союза⁵.

Принимая во внимание инициативы глав государств — членов ЕАЭС по включению государств-наблюдателей при Союзе в более активную практическую работу⁶, возможно было бы предложить участие в таком «пилотном проекте» также Республике Узбекистан и Исламской Республике Иран. Следует отметить, что в Иране в 2011 г. принят Закон «О ценах на фармацевтическую продукцию», устанавливающий референтное ценообразование. Цены на препараты рассчитываются с учетом цен на их аналоги

¹ Кодекс Республики Казахстан от 7 июля 2020 г. № 360-VI ЗРК «О здоровье народа и системе здравоохранения» [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360> (дата обращения: 01.08.2025).

² Приказ и. о. министра здравоохранения Республики Казахстан от 3 марта 2023 г. № 35 «Об утверждении Перечня стратегически важных лекарственных средств и медицинских изделий» [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2300032025> (дата обращения: 01.08.2025).

³ Закон Кыргызской Республики от 12 января 2024 г. № 13 «Об обращении лекарственных средств» [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-5251/edition/1638/ru> (дата обращения: 01.08.2025).

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 1 августа 2020 г. № 2015-р [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008040029> (дата обращения: 01.08.2025).

⁵ По данным исследования фармацевтического сектора ЕАЭС, проведенного Департаментом антимонопольного регулирования ЕЭК в 2025 г. Некоторые результаты см. подробнее: Максим Ермолович: «Создание общего рынка лекарств в ЕАЭС требует выравнивания уровня конкуренции через гармонизацию ценового регулирования» [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/maksim-ermolovich-sozdanie-obshchego-ryntka-lekarstv-v-eaes-trebuet-vygravnivaniya-urovnya-konkurentsi/> (дата обращения: 01.08.2025).

⁶ См. подробнее: Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в рамках заседания Высшего Евразийского экономического совета 27 июня 2025 г.: «Исходим из того, что механизмы углубленного сотрудничества союза с государствами-наблюдателями будут планомерно развиваться и позволят масштабировать евразийские проекты на более широкий интеграционный контур» [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/ucastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta> (дата обращения: 02.08.2025); Президент Республики Казахстан К.-Ж. К. Токаев в рамках заседания Высшего Евразийского экономического совета 25 мая 2023 г.: «Комиссии предстоит проработать возможность присоединения государств-наблюдателей к отдельным договорам в рамках Союза, а также возможность их участия в конкретных кооперационных и инфраструктурных проектах» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kazahstana-prinal-uchastie-v-zasedanii-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-254528> (дата обращения: 02.08.2025).

в странах-экспортерах и государствах, выбранных в качестве ориентира (Греция, Турция, Испания, страны Аравийского полуострова). При этом цена в Иране обязательно должна быть ниже [6; 7].

Система референтного определения уровня цен на лекарства, предусматривающая выбор не менее 10 референтных стран, относящихся к группе стран высокого, выше среднего или ниже среднего уровня доходов на душу населения, а также регистрацию предельных цен на каждое торговое наименование лекарственного средства, также запущена и в Узбекистане с 1 апреля 2025 г.¹

Заключение

В первой части настоящей статьи рассмотрены ключевые этапы эволюции и актуальное состояние системы регулирования фармацевтического сектора ЕАЭС. Во второй части статьи, которая будет опубликована в одном из последующих выпусков журнала, авторами обобщены практики обеспечения доступности лекарств для населения государств — членов ЕАЭС, а также рассмотрены опыт БРИКС и АСЕАН в части применимых в фармацевтической сфере регуляторных практик и сделаны соответствующие научно обоснованные выводы.

Список литературы

1. Ворона А. А., Губина М. А. Фармацевтический рынок ЕАЭС: тенденции и перспективы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 4. С. 43–54. EDN: OGCEZS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-43-54.
2. Князева И. В., Шкулова Е. А. Методологические подходы к разработке коммерческой политики фармацевтической компании с целью снижения антимонопольных рисков // Современная конкуренция. 2025. Т. 19, № 1. С. 52–77. EDN: RKTWEI. DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-1-52-77.
3. Ковалев В. С. Как построить справедливый миропорядок в Большой Евразии // Международная жизнь. 2023. № 2. С. 46–53. EDN: DZHAKAD.
4. Костин К. Б. Перспективы развития фармацевтического рынка в странах БРИКС // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 4 (118). С. 32–39. EDN: LEHYTK.
5. Максимов С. В., Рудая Т. Ю., Утаров К. А. Риск-ориентированный подход и фармацевтический комплаенс в сфере государственного надзора за незаконным оборотом медицинской продукции // Российский журнал правовых исследований. 2019. Т. 6, № 2 (19). С. 150–157. EDN: KTJIVY. DOI: 10.17816/RJLS18502.
6. Мамедьяров З. А. Фармацевтический сектор Ирана: состояние и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 7. С. 57–62. EDN: YLVNMT. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-57-62.
7. Zaboli P., Hashemi-Meshkini A., Varmaghani M. [et al.], Pharmaceutical Laws and Regulations in Iran: An Overview // Journal of Research in Pharmacy Practice. 2016. Jul-Sep; No. 5 (3). P. 155–161. DOI: 10.4103/2279-042X.185709.
8. Zhu Z., Zhang J., Xu Z. [et al.] Impacts of National Reimbursement Drug Price Negotiation on Drug Accessibility, Utilization, and Cost in China: A Systematic Review // International Journal for Equity in Health. 2025 Feb 4. No. 24 (1). P. 36. DOI: 10.1186/s12939-025-02390-w.

Об авторах:

Ковалёв Владимир Сергеевич, кандидат юридических наук, ответственный секретарь Центра конкурентного права и антимонопольного регулирования ЕАЭС, МГИМО МИД России; доцент кафедры

¹ Указ Президента Республики Узбекистан от 28 января 2025 г. № УП-13 «О дополнительных мерах по ускоренному развитию фармацевтической отрасли» [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/7345614> (дата обращения: 02.08.2025).

правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия);
 e-mail: v.s.kovalev@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-4094-1174

Максимов Сергей Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Департамента антимонопольного регулирования, Евразийская экономическая комиссия; главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук (Москва, Российская Федерация);
 e-mail: s.maksimov@eecommission.org; ORCID: 0000-0002-2416-9543

References

1. Vorona, A. A., Gubina, M. A. Pharmaceutical Market of the EAEU: Trends and Prospects of Development // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. No. 4. P. 43–54 (In Russ.). EDN: OGCEZS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-43-54.
2. Knyazeva, I., Shkulova, E. Methodological Approaches of a Pharmaceutical Company's Commercial Policy Development in Order to Reduce Antitrust Risks // Journal of Modern Competition. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 52–77 (In Russ.). EDN: RKTWEI. DOI: 10.37791/2687-0657-2025-19-1-52-77.
3. Kovalyov, V. S. Building a Just World Order in Greater Eurasia // International Affairs. 2023. Vol. 69, No. 2. P. 46–53 (In Russ.). EDN: DZHKAD.
4. Kostin, K. B. Development Potential of the Pharmaceutical Industry in BRICS Countries // Izvestiya of Saint Petersburg State University of Economics. 2019. No. 4 (118). P. 32–39 (In Russ.). EDN: LEHYTK.
5. Maksimov, S. V., Rudaya, T. Y., Utarov, K. A. Risk-Based Approach and Pharmaceutical Compliance in the Sphere of State Supervision of Illegal Circulation of Medical Products // Russian Journal of Legal Studies. 2019. Vol. 6, No. 2. P. 150–157 (In Russ.). EDN: K7JIVY. DOI: 10.17816/RJLS18502.
6. Mamedyarov, Z. Pharmaceutical Sector in Iran: Current Status and Prospects // World Economy and International Relations. 2018. Vol. 62, No. 7. P. 57–62 (In Russ.). EDN: YLVNMT. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-7-57-62.
7. Zaboli, P., Hashemi-Meshkini, A., Varmaghani, M. [et al.] Pharmaceutical Laws and Regulations in Iran: An Overview // Journal of Research in Pharmacy Practice. 2016. Jul–Sep. No. 5 (3). P. 155–161. DOI: 10.4103/2279-042X.185709.
8. Zhu, Z., Zhang, J., Xu, Z. [et al.] Impacts of National Reimbursement Drug Price Negotiation on Drug Accessibility, Utilization, and Cost in China: A Systematic Review // International Journal for Equity in Health. 2025 Feb 4. No. 24 (1). P. 36. DOI: 10.1186/s12939-025-02390-w.

About the authors:

Vladimir S. Kovalev, PhD in Jurisprudence, Executive secretary of the Centre for Competition Law and Antitrust Regulation of the Eurasian Economic Union at MGIMO-University; Associate Professor, Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia);
 e-mail: v.s.kovalev@my.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-4094-1174

Sergey V. Maksimov, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Department for Antitrust Regulation, Eurasian Economic Commission; Chief Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
 e-mail: s.maksimov@eecommission.org; ORCID: 0000-0002-2416-9543

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

ЕАЭС: достижения интеграции в социальной, культурной и научной сферах

Сердюков И. А.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия

e-mail: ia.serdyukov@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-0542-4682

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Целью работы является определение роли и места социального, культурного и научного аспектов в развитии евразийской интеграции. **Методология.** Методологическая основа исследования базируется на идеях неофункционализма, неореализма и геополитики. **Результаты.** Эмпирическая база исследования построена на документах, составляющих право ЕАЭС, и на официальных статистических данных ЕАЭС и национальных статистических агентств за период 2015–2025 гг. Проанализированы принятые на международном уровне нормативно-правовые акты, регулирующие сферу взаимоотношений между государствами — участниками интеграции в социальной, культурной и научной сферах. Проведен анализ социальной мобильности населения в рамках ЕАЭС, трудовой миграции, академической мобильности и некоторых количественных характеристик научного взаимодействия. **Выводы.** Сделан вывод о том, что геополитические условия и уровень развития государства представляются более значимыми факторами, влияющими на количественные показатели миграции. Указывается на тот факт, что достижения в социальном обеспечении трудящихся мигрантов из ЕАЭС имеют заметное влияние на динамику внутрисоюзной трудовой миграции. Приведен тезис о том, что культурный аспект евразийской интеграции исследован не достаточно глубоко. При этом культурно-научный аспект евразийской интеграции имеет значительные риски в лице конкурирующих программ из глобальных и региональных держав. В заключение указывается на тот факт, что достижения в рассматриваемых сферах евразийской интеграции носят преимущественно институциональный характер, а данные вопросы в долгосрочном периоде условно имеют потенциал к тому, чтобы стать ключевыми в повестке ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, научное сотрудничество, гуманитарное сотрудничество, миграция

Для цитирования: Сердюков И. А. ЕАЭС: достижения интеграции в социальной, культурной и научной сферах // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 108–116. EDN: OJMYID

ЕАЕУ: Achievements of Integration in Social, Cultural and Scientific Spheres

Igor A. Serdyukov

Patrice Lumumba International University of Peoples' Friendship, Moscow, Russia

e-mail: ia.serdyukov@yandex.ru

ORCID: 0009-0009-0542-4682

ABSTRACT

Aim and tasks. The purpose of the work is to determine the role and place of social, cultural and scientific aspects in the development of Eurasian integration. **Methods.** The methodological basis of the research

is based on the ideas of neofunctionalism, neorealism and geopolitics. **Results.** The empirical base of the study is based on the documents constituting the EAEU Law and on the official statistical data of the EAEU and national statistical agencies for the periods 2015–2025. The normative legal acts adopted at the international level regulating the sphere of relations between the participating states of integration in the social, cultural and scientific spheres are analyzed. The analysis of social mobility of the population within the Union, labor migration, academic mobility and some quantitative characteristics of scientific interaction is carried out. **Conclusions:** It is concluded that the geopolitical conditions and the level of development of the state seem to be more significant factors influencing the quantitative indicators of migration. It is pointed out that the achievements in the social security of migrant workers from the EAEU have a noticeable effect on the dynamics of intra-Union labor migration. The thesis is presented that the cultural aspect of Eurasian integration has not been studied deeply enough. At the same time, the cultural and scientific aspect of Eurasian integration has significant risks in the face of competing programs from global and regional powers. In conclusion, it is pointed out that the achievements in the considered areas of Eurasian integration are primarily institutional in nature, and these issues in the long term have the potential to become key on the EAEU agenda.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, scientific cooperation, humanitarian cooperation, migration

For citation: Serdyukov I. A. EAEU: Achievements of Integration in Social, Cultural and Scientific Spheres // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 108–116 (In Russ.).

EDN: OJMYID

Введение

В современных geopolитических реалиях, определяющихся процессами трансформации существующего миропорядка и формированием полицентричной международной системы, особую роль играют интеграционные образования. Это обуславливается их способностью выступать в качестве влиятельных субъектов и полюсов меняющейся системы глобального взаимодействия.

Исключительная роль Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз) обусловлена как географическими характеристиками входящих в его состав участников (России, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана), так и современной ситуацией противостояния не-западных государств западному миру, стремящемуся сохранить мировую монополию. В сложившихся условиях реализация мер по укреплению интеграционных основ стран евразийского пространства выступает необходимой предпосылкой их внутреннего развития и утверждения их статуса на международной арене. В качестве таких основообразующих областей на сегодняшний день выступают сферы культуры, науки и социального взаимодействия, формирующие цивилизационно-идеологический контекст прагматичным составляющим евразийской экономической интеграции. В этом контексте определение места и роли социального, культурного и научного аспектов в развитии евразийской интеграции выступает важной исследовательской целью этой статьи.

Для ее осуществления представляется необходимым решение двух ключевых задач.

1. Определить теоретические основы и нормативную базу использования социальной, культурной и научной сфер в основе интеграции ЕАЭС.
2. Выявить достижения этих сфер на основе показателей социального и политического взаимодействия.

Соответственно, *объектом* статьи являются процессы евразийской интеграции, а *предметом* — достижения интеграции ЕАЭС в социальной, культурной и научной сферах.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составило совмещение подхода неореализма, предполагающего приоритет национальных интересов и использование их для защиты государственных ресурсов,

и неофункционалистского подхода интеграции, определяющего в качестве основы для межгосударственного объединения не только экономические, но и культурные, социальные основы взаимодействия, а также утверждающего о том, что при достижении определенного уровня развития по одному аспекту интеграции существует большая вероятность ее развития в иных смежных направлениях — эффект «перелива» (англ. *spillover*).

В соответствии с обозначенными подходами в статье использовался комплекс методов. Среди них общенаучные принципы анализа, синтеза, систематизации, сравнения, а также методы социальных наук: структурно-диахронный, определивший рассмотрение интеграционной динамики социальной, научной и образовательной сфер ЕАЭС, и анализ нормативных документов и статистики ЕЭК.

Теоретическую базу статьи сформировали работы классиков геополитических концепций, определивших евразийских регион в качестве основы мировых политических процессов, а также современных авторов, изучавших интеграционные процессы ЕАЭС и место в них социальной, культурной и научной сфер.

Представление о том, что весь политический мир может быть разделен на две большие области, было сформировано одним из основателей геополитики Х. Маккиндером. Среди них он выделял «ЕвроАзию», включавшую в себя «осевое государство», в наибольшей степени совпадающее с территорией современной Российской Федерации, и «Внешний полумесяц», по внешнему периметру опоясывавший «ось» мира [10].

Также вклад в формирование представлений о территориальном разделении мира внес другой классик геополитики К. Хаусхофер. Согласно его видению, полюс суши (включавший Евразию) противопоставлялся полюсу моря. Важным в контексте этой статьи является предложенное автором представление о панидеях, в качестве которых могли выступать Пан-Европа, Пан-Азия, Пан-Африка, которые являлись бы основой, определяющей настоящее и потенциальное будущее мирового развития [15, с. 45]. Таким образом, в теоретических работах геополитиков обосновывалась не только территориальная дифференциация мира, но и ее идеальная составляющая, позволяющая предполагать значимость культурных и социальных факторов в современных международных интеграционных процессах.

Анализ современных научных исследований, посвященных рассмотрению одной из ключевых евразийских организаций — ЕАЭС, демонстрирует, что признание социокультурных факторов в качестве важных составляющих межгосударственного взаимодействия было осуществлено далеко не сразу. В. И. Пантин в своей работе пишет о том, что причинами использовавшихся изначально прагматико-экономических оснований евразийской интеграции выступали такие факторы, как доминировавшая на постсоветском пространстве в 1990–2000-х гг. «демонологизация», сочетавшаяся с представлением о том, что страны этого пространства и так имеют общее историческое прошлое, не нуждающееся в дополнительных идеальных основаниях [13, с. 20].

В ходе процессов евразийской интеграции подобные взгляды были пересмотрены. В теоретическом контексте это позволило исследователям разделить их на два значительных этапа. Первый, включивший 1994–2015 гг., характеризовался доминированием принципов экономического прагматизма. Второй, после 2015 г., определил осознание недостаточности этих принципов и включение в интеграционную повестку социокультурных составляющих [16, с. 261–277].

Результаты

В процессах прикладного нормативного формирования и развития ЕАЭС это нашло свое выражение во включении в Договор о создании ЕАЭС отдельных положений, регулирующих процессы гуманитарного сотрудничества¹. В частности, раздел XXVI в нем посвящен вопросам регулирования трудовой деятельности и миграции. В нем упоминаются такие важные вопросы, как обеспечение социальной защиты, получение медицинской помощи, а также взаимное признание государствами — членами ЕАЭС дипло-

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 08.09.2025).

мов об образовании. Примером частного упоминания научной сферы взаимодействия может служить текст Стратегии развития трансграничного пространства доверия, принятой на основе решения коллегии ЕЭК в 2016 г. Одной из обозначенных в ней задач выступает проведение членами ЕАЭС совместных научных исследований, необходимых для развития этого пространства¹.

При том что обозначенные положения документов носят локальный характер и не могут выступать доказательством признания членами ЕАЭС социогуманитарной сферы в качестве ключевой, они демонстрируют учет ее социальных и научно-образовательных составляющих в процессах регулирования межгосударственных взаимоотношений. В этом контексте наиболее весомым достижением можно считать более масштабное включение социально-экономических и социально-гуманитарных вопросов в число стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.², принятых Высшим Евразийским экономическим советом в 2020 г. Тот факт, что эти направления определяются в качестве значимых на текущий момент 2025 г. и последующую перспективу, подтверждается их упоминанием в декларации, определяющей приоритеты дальнейшего экономического развития ЕАЭС до 2030 и до 2045 г.³

Таким образом, с 2015 г. социальная, культурная и научная сферы, пусть и с определенными ограничениями, стали учитываться в качестве важных составляющих интеграционного развития ЕАЭС в рамках его нормативной сферы. Свидетельством того, что их учет предполагал не только стратегическое планирование, но и практическую имплементацию, может выступать подписание, например, таких документов, как «Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях»⁴, подписанное в 2023 г. и «Соглашение о пенсионном обеспечении»⁵, вступившее в силу в 2021 г.

Среди всего рассмотренного в первую очередь мы бы хотели обратить внимание на вопросы социально-экономического развития пространства ЕАЭС. Довольно интересная ситуация складывается в сфере миграционной политики и внутренней миграции ЕАЭС. До 2022 г. для каждой из стран было характерно колебание показателя миграции из стран ЕАЭС в пределах одних и тех же рамок из года в год, например, в Армению ежегодно переезжали на постоянное место жительства около 1000 чел. в год, в Казахстан — около 4000 чел., в Россию — почти 200 тыс.⁶ Прежде всего следует отметить, что существует довольно сильный дисбаланс между миграционной привлекательностью стран Союза. Так, довольно большие миграционные потоки, направленные в Россию, обусловлены тем, что, во-первых, российская экономика является самой крупной среди стран ЕАЭС; во-вторых, в России зафиксирован наибольший средний уровень заработной платы среди стран ЕАЭС⁷.

Тем не менее 2022 г. стал переломным для наблюдаемых тенденций, поскольку потоки миграции в союзные России страны резко увеличились (для отдельных стран данный показатель вырос почти в четыре раза), в то время как у России присутствует тенденция к спаду данного показателя (на 10% и 20% в 2022 г. и 2023 г. соответственно). Мы склонны считать, что данное явление связано в первую очередь не с успехами миграционной политики ЕАЭС, поскольку в 2021–2022 гг. не было кардинальных изменений в миграционном законодательстве ЕАЭС, как и не было реализовано новых проектов. Мы, равно как и ряд экспертов из союзных стран, склонны связывать данное явление скорее с началом специальной военной операции (СВО) на Востоке Украины, последовавшей за этим трансформацией geopolитической

¹ О Стратегии развития трансграничного пространства доверия [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/305/2475> (дата обращения: 06.09.2025).

² О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/368/5597> (дата обращения: 06.09.2025).

³ Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894> (дата обращения: 06.09.2025).

⁴ Соглашение о взаимном признании документов об ученых степенях в государствах — членах Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23bn0061/> (дата обращения: 06.09.2025).

⁵ Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564161102> (дата обращения: 06.09.2025).

⁶ Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. М., 2023. 498 с.

⁷ В 2023 году во всех странах ЕАЭС выросла зарплата [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-2023-godu-vo-vsekh-stranakh-eaes-vyrosla-zarplata/> (дата обращения: 07.09.2025).

обстановки в регионе [4, с. 111; 5, с. 187; 6, с. 187] и ужесточением национальной миграционной политики РФ, нежели с достижениями миграционной политики ЕАЭС.

Тем не менее, если взглянуть на показатели именно трудовой миграции, то здесь мы, бесспорно, можем видеть влияние деятельности ЕАЭС на протяжении всего периода существования. Так, например, показатели численности трудовой миграции росли из года в год по мере существования и работы ЕАЭС и ЕЭК¹. Вероятно, стимулом к тому послужило и развитие социально-экономической политики в рамках ЕАЭС. В 2022 г. гражданам ЕАЭС было назначено более 12 тыс. пенсий в Российской Федерации и еще 2 тыс. экспортировано; 39 пенсий было назначено в Казахстане и 7 экспортировано; 8 назначено в Республике Беларусь и 5 экспортировано; 30 назначено в Кыргызстане². Более того, в рамках государств — участников ЕАЭС была реализована система оказания медицинской помощи для трудящихся и членов из ЕАЭС [14, с. 357–367]. Таким образом на практике было реализована работа по социально-му обеспечению граждан, распространенная на все пространство ЕАЭС. Экспертами показано, что развитие системы пенсионного обеспечения является положительным стимулом для трудовой миграции [11, с. 67]. Действительно, более 62% опрошенных трудовых мигрантов из Киргизии планируют вернуться на родину после завершения трудовой деятельности в странах ЕАЭС [4, с. 111–112].

Таким образом, в том, что касается социальной, или, вернее, социально-экономической сферы интеграции, мы можем наблюдать достижения регулирования наднационального уровня — создание системы общего пенсионного обеспечения, приоритетного и льготного оказания медицинской помощи и успешно осуществленные меры стимулирования трудовой миграции. Тем не менее, опираясь на абсолютные и исторические статистические показатели по данному направлению, мы можем видеть, что наибольшее влияние на развитие данных сфер оказывают уровень развития национальной экономики и политическая ситуация в регионе.

Что касается культурной и научной сфер интеграции, то эксперты традиционно склонны рассматривать аспекты культурной и научной интеграции в привязке — открыто выделяя культурно-научную сферу интеграции [12] либо соединяя два данных понятия в ходе исследования [16]. Мы склонны видеть причиной этого тот факт, что интеграцию в сфере культуры проследить даже исторически представляется довольно трудо- и ресурсоемкой задачей, вследствие чего спектр литературы по данному вопросу ограничен и сводится либо к политико-публицистическим статьям о необходимости ее продвижения³, либо к работам, фокусирующим свое внимание на общности исторических и культурно-ценостных аспектов союзных обществ [12], либо к наиболее объективным и информативным, но в то же время наименее распространенным лингвистическим и социологическим исследованиям, как, например, работа армянско-российского коллектива авторов от 2022 г. [1] или социологические исследования данной тематики в Киргизии [4] и России [8].

Наиболее демонстративным и глубоко исследованным аспектом культурной (или, вернее, культурно-научной) интеграции является вопрос академической мобильности евразийской молодежи. Так же, как и в миграционном аспекте, здесь мы можем наблюдать разнонаправленные тенденции. Так, положительную динамику обучающихся из стран ЕАЭС за период 2018–2023 гг. (2022/2023 учебный год) продемонстрировали Армения (1263 чел. — 2018 г., 1411 чел. — 2022 г.) и Кыргызстан (4013 чел. — 2018 г., 5099 чел. — 2022 г.). В трех других государствах наблюдался отрицательный тренд. Так, в Беларуси в 2022/2023 учебном году обучалось 1598 студентов из стран ЕАЭС (на 6% меньше, чем в 2018 г.). В Казахстане этот показатель составил 1930 чел. (на 28% меньше, чем в 2018 г.). В РФ в 2022/2023 учебном году обучалось 79 890 студентов из стран ЕАЭС (на 10% меньше периода 2018 г.)⁴.

¹ Сведения о численности граждан государств — членов Евразийского экономического союза, въехавших в страну с 2012 по 2025 год [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/275/t8l4m1o11640pal03vsvooubr5g6ge35/Svedeniya-o-chislennosti-trudyashchikhsya-za-2012-god-_1-polugodie-2025-goda.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

² Жаднарова И. Россия назначила более 12 тысяч пенсий гражданам из стран ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2023/03/10/rossiya-naznachila-bolee-12-tysiac-pensij-grazhdanam-iz-stran-eaes.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 06.09.2025).

³ Диалог культур в ЕАЭС сделает экономическую интеграцию ближе к людям [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/dialog-kultur-v-eaes-sdelat-ekonomicheskuyu-integratsiyu-blizhe-k-lyudiyam/> (дата обращения: 31.08.2025); Тенденции культурной интеграция в ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17377> (дата обращения: 01.09.2025).

⁴ Статистический ежегодник Евразийского экономического союза; Евразийская экономическая комиссия. Москва, 2023. 498 с. С. 108–110.

Среди инициатив, продвигаемых на наднациональном уровне, следует выделить следующие. Во-первых, формирование новых институтов, таких как созданный при Председателе Коллегии ЕЭК в 2020 г. научно-технологический совет¹; подписанный в 2022 г. Меморандум о создании Евразийского сетевого университета и включение в его состав новых вузов².

Во-вторых, развитие культурной сферы обеспечивается в формате проведения совместных мероприятий, организуемых ЕАК, Евразийским банком развития, а также институтами и организациями стран — членов ЕАЭС. Их значимость для обеспечения культурно-гуманитарного базиса интеграции ЕАЭС также обосновывается исследователями [7, с. 18–26; 9, с. 351–355]. Среди последних примером наиболее масштабных мероприятий стоит назвать Евразийский форум «Интеграция» и Евразийский конгресс народной дипломатии, прошедшие в ноябре 2024 г.

Поднимая проблему интеграции в культурно-научных сферах, нельзя не обратить внимание на препятствия, которые возникают в данном поле. Наиболее заметным из них становится наличие конкурентных программ академической мобильности из третьих стран. Например, международные эксперты отмечают значительную важность европейской программы «Эразмус» не только как одну из наиболее значительных основ реформирования национальной системы образования Казахстана, но и как значимый транслятор ценностей между казахстанской и европейской культурами [3]. С другой стороны, довольно важным фактором является осуществление третьими странами политики т. н. «мягкой силы» в отношении стран ЕАЭС — например, через создание и развитие на пространстве союзных государств образовательных и культурных центров, что активно предпринимается Китайской Народной Республикой путем создания институтов Конфуция на постсоветском и евразийском пространстве [17].

Здесь следует заметить, что так же, как и в вопросах социально-экономического развития, мы можем заметить успехи наднациональной работы ЕАЭС, тем не менее наибольшие достижения диктуются также уровнем национального развития. В то же время для развития культурно-научной интеграции ЕАЭС существуют значительные препятствия в виде конкурирующих программ культурного и научного влияния третьих стран.

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, на основании которых мы бы хотели дать прогнозы и рекомендации дальнейшего развития социальной, культурной и научной сфер интеграции ЕАЭС.

Очевидно, что социально-гуманитарная сфера не будет, как и ранее, претендовать на статус доминирующей в евразийской интеграции. На сегодняшний день в качестве ее основной функции определяется обеспечение социокультурного фундамента, который будет и в дальнейшем укреплять и идеологически обосновывать процессы евразийской экономической интеграции.

Тем не менее работа по продвижению интеграции в социальной, культурной и научной сферах, во-первых, позволит сформировать более привлекательный образ ЕАЭС на региональной и международной арене и установить Евразийский регион как один из полюсов глобального развития не только в экономическом и геополитическом, но также и культурном направлении; во-вторых, имеет потенциал к стимулированию экономического развития стран путем решения таких существенных препятствий для более глубокой экономической интеграции, как, например, характерная для современного российского общества «мигрантофобия» [2].

В первую очередь мы продемонстрировали, что за период 2015–2025 гг. ключевым достижением интеграции в данных областях стало вынесение этих вопросов в стратегическую повестку развития евразийской интеграции, ряд из которых уже нашел практическое применение и успешно осуществляется:

¹ Положение о Научно-техническом совете при Председателе Коллегии Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: https://dev.eurasiancommission.org/upload/medialibrary/973/Polozhenie-o-NTS-22.05.2020_-160_ne-temnit_.pdf (дата обращения: 06.09.2025).

² В Евразийский сетевой университет включено еще четыре вуза из Казахстана и России [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-evraziyskiy-setevoy-universitet-vklyucheno-eshche-chetyre-vuza-iz-kazakhstan-i-rossii/> (дата обращения: 06.09.2025).

создание общей пенсионной системы, взаимное упрощение медицинского обслуживания для трудовых мигрантов, создание общих образовательных институтов и стимулирование академической мобильности. Однако, как демонстрирует статистика, на данный момент представляется довольно трудным сделать заключение об однозначной успешности или неуспешности подобных инициатив, так как государства-участники демонстрируют разнонаправленную статистическую динамику почти по всем направлениям.

Тем не менее в силу специфики международного развития, равно как и условий работы ЕАЭС, в данных сферах первичную роль играют национальные достижения и цели. Миграционные потоки склонны быть зависимыми от geopolитических условий развития того или иного государства и уровня экономического развития государства.

С другой стороны, на пространстве ЕАЭС все еще присутствует довольно значимое влияние извне — продукты проведения политики «мягкой силы» третьими странами, что в силу ограниченного внимания со стороны национальных и наднациональных акторов создает риски для дальнейшего углубления евразийской интеграции.

В этом контексте представляется необходимым осуществление ряда мер по развитию социальной, культурной и научной сфер, которые должны реализовываться ЕЭК и управляемыми институтами стран — членов ЕАЭС. Среди них:

- расширение числа отраслевых институтов в структуре управления ЕАЭС, направленных на развитие и решение вопросов каждой социально-гуманитарной сферы;
- разработка стратегий, а также ежегодных планов и программ их реализации, определяющих конкретные этапы и мероприятия по развитию каждой из рассмотренных сфер;
- увеличение финансирования, в частности, расходов на НИОКР, реализацию образовательных программ, а также привлечение иностранного инвестирования для развития этих сфер;
- активизация создания единого информационного пространства ЕАЭС, включая популяризацию его позитивного образа, создание информационных ресурсов, формирующих интерес к евразийской проблематике и направленных на создание общей евразийской идентичности и ценностей;
- активизация работы по организации культурных, академических, научных обменов, а также туристических программ, направленных на «смещение» интеграции на уровень обществ, а не элит.

Заключение

В качестве заключения данной работы следует сказать, что за последние десять лет сферы социального, культурного и научного взаимодействия в ЕАЭС характеризовались комплексом достижений. Данные достижения более всего заметны на институциональном уровне, в то время как статистические данные по большинству показателей не позволяют сделать каких-либо уверенных выводов относительно эффективности их имплементации. Наибольшие фактические и отслеживаемые изменения были достигнуты в социальной и научной сферах, в то время как сфера культурной интеграции на данный момент исследована недостаточно глубоко и требует более детальной проработки на академическом уровне.

При должном уровне дальнейшей проработки вопросов социального, культурного и научного сотрудничества в долгосрочной перспективе возможно формирование ЕАЭС как доминирующего культурно-гуманитарного регионального и, возможно, глобального, полюса. Однако на данный момент интеграция в данных сферах носит скорее вспомогательный и побочный характер, оставляя фокус национальных и наднациональных элит на вопросах экономики.

Список литературы

1. Алоян Ж. Л., Барсегян С. С., Савченко И. А. Русский язык в современной Армении: элементы компаративного обучения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 195–208. EDN: NYFAXR. DOI: 10.17223/15617793/483/22.

2. Андрианова Р. А. Мигрантофобия и ксенофобия как факторы формирования экстремистского поведения // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1 (10). С. 139–149. EDN: SLQRRF. DOI: 10.31249/snsn/2023.01.10.
3. Де Мартино М., Барнашов О. В., Алонци Р., Исидори Э. Программа «Эразмус» в европейском и многополярном образовательном пространстве // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. 2024. № 1 (146), С. 110–128. EDN: SVTZIK. DOI: 10.32523/2616-6887/2024-146-1-110-128.
4. Джуманалиева А. Т. Трудовая миграция: опыт изучения кыргызской миграции в России // Известия национальной академии наук Кыргызской Республики. 2023. № 4. С. 108–113. EDN: FPJXPW.
5. Евстратов А. Г. Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине // Архонт. 2022. № 3 (30). С. 85–90. EDN: GOINJE.
6. Кадырбек Ж. М., Кобландин К. И. Трудовая миграция в Центральной Азии: адаптация к новым геополитическим реалиям // Известия КазУМОИМЯ имени Абылай хана. Серия: Международные отношения и регионоведение. 2025. № 59 (1). С. 185–197. DOI: 10.48371/ISMO.2025.59.1.012.
7. Кришталь М. И., Щекотуров А. В. ЕС vs ЕАЭС: Молодежь российского эксклава о перспективах и барьерах международного сотрудничества // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 482. С. 18–26. EDN: BWSPYP. DOI: 10.17223/15617793/482/2.
8. Кублицкая Е. А. Интеграционные процессы ЕАЭС в оценках российских граждан // Наука. Культура. Общество. 2024. № 4. С. 96–111. EDN: BDTIKU. DOI: 10.19181/nko.2024.30.4.7.
9. Кузнецова Е. В. Гуманитарное сотрудничество молодежи ЕАЭС как ресурс евразийской интеграции // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : ежегодник / отв. ред. В. И. Герасимов. Вып. 2. Ч. 2. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. С. 351–355. EDN: ISWDEP.
10. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 162–169. EDN: EQVRYF.
11. Моссайко В. В. Международное регулирование пенсий в ЕАЭС: проблемы и перспективы развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 2. С. 63–74. EDN: KHPCCJ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-63-74.
12. Нургалым К., Куанышбаева З. Политические аспекты культурной интеграции на евразийском пространстве // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Социологические и политические науки. 2024. Т. 86, № 2. С. 50–64. EDN: AXESIE. DOI: 10.51889/2959-6270.2024.86.2.005.
13. Пантин В. И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 17–29. EDN: XAKLBP. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29.
14. Сулейманова Ф. О. Проблемы реализации права на медицинскую помощь трудящимся из государств — членов ЕАЭС в Российской Федерации // Ежегодник трудового права. 2021. № 11. С. 357–367. EDN: LAPWOF.
15. Хаусхофер К., Ратцель Ф. Теория «жизненного пространства» / перевод: И. Г. Усачев. М. : Алгоритм, 2019. 239 с. ISBN: 978-5-907120-30-3.
16. Худоренко Е. А., Константинова Е. А. Интеграционный потенциал ЕАЭС: образование, культура, инновации // Политическая наука. 2017. № 5. С. 261–277. EDN: YVWABZ.
17. Li Menglong, Sun Yue. The Current Status and Development Prospects of Confucius Institutes in Russia, Belarus and Ukraine // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2020. № 2. Р. 25–36. EDN: VTDIRK. DOI: 10.18101/2305-753X-2020-2-25-36.

Об авторе:

Сердюков Игорь Александрович, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (РУДН им. Патриса Лумумбы), кафедра сравнительной политологии (Москва, Россия);
e-mail: ia.serdyukov@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-0542-4682

References

1. Aloyan, Zh. L., Barseghyan, S. S., Savchenko, I. A. The Russian Language in Modern Armenia: Elements of Comparative Learning // Tomsk State University Journal. 2022. No. 483. P. 195–208 (In Russ.). EDN: NYFAXR. DOI: 10.17223/15617793/483/22.

2. Andrianova, R. A. Migrant phobia and xenophobia as factors of extremist behavior formation // Social Novelties and Social Sciences. 2023. No. 1 (10). P. 139–149 (In Russ.). EDN: SLQRRF. DOI: 10.31249/snsn/2023.01.10.
3. De Martino, M., Barnashov, O., Alonzi, R., Isidori, E. The “Erasmus” Programme in the European and Multipolar Educational Area // Bulletin of the L. N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. 2024. No. 1 (146). P. 110–128 (In Russ.). EDN: SVTJK. DOI: 10.32523/2616-6887/2024-146-1-110-128.
4. Djumanalieva, A. T. Labor Migration: Experience of Studying Kyrgyz Migration in Russia // News of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic. 2023. No. 4. P. 108–113 (In Russ.). EDN: FPJXPW.
5. Evstratov, A. G. Relocation of Russians to Armenia in the LIGHT of RF Special Operation in Ukraine // Arhont. 2022. No. 3 (30). P. 85–90 (In Russ.). EDN: GOINJE.
6. Kadyrbek, J. M., Koblandin, K. I. Labor Migration in Central Asia: Adaptation to New Geopolitical Realities // Bulletin of Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages. Series: International Relations and Regional Studies. 2025. No. 59 (1). P. 185–197 (In Russ.). DOI: 10.48371/ISMO.2025.59.1.012.
7. Krishtal, M. I., Shchekoturov, A. V. EU vs EAEU: Youth of the Russian Exclave on Prospects and Barriers of International Cooperation // Tomsk State University Journal. 2022. No. 482. P. 18–26 (In Russ.). EDN: BWSPYP. DOI: 10.17223/15617793/482/2.
8. Kublitskaya, E. A. The integration processes of the EAEU in the assessments of Russian citizens // Science. Culture. Society. 2024. Vol. 30, No. 4. P. 96–111 (In Russ.). EDN: BDTIKU. DOI: 10.19181/nko.2024.30.4.7.
9. Kuznetsova, E. V. Humanitarian Cooperation of the Youth of the EAEU as a Resource for Eurasian Integration // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation : Yearbook / ed. by V. I. Gerasimov. Iss. 2. Part 2. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2019. P. 351–355 (In Russ.). EDN: ISWDEP.
10. MacKinder, H. J. The Geographical Pivot of History // Polis. Political Studies. 1995. No. 4. P. 162–169 (In Russ.). EDN: EQVRYF.
11. Moseiko, V. V. International Regulation of Pensions in the EAEU: Problems and Development Prospects // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 2. P. 63–74 (In Russ.). EDN: KHPCCJ. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-63-74.
12. Nurgalym, K., Kuanyshbayeva, Zh. Political Aspects of Cultural Integration in the Eurasian Space // Bulletin of Abai KazNPU. Series of Sociological and Political sciences. 2024. Vol. 86, No. 2. P. 50–64 (In Russ.). EDN: AXESIE. DOI: 10.51889/2959-6270.2024.86.2.005.
13. Pantin, V. I. The Ideological Foundations of Eurasian Economic Integration // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22, No. 1. P. 17–29 (In Russ.). EDN: XAKLBP. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-1-17-29.
14. Suleymanova, F. O. Difficulties in Implementing the Right to Medical Care of the EAEU Member States Workers in the Russian Federation // Russian Journal of Labour & Law. 2021. No. 11. P. 357–367 (In Russ.). EDN: LAPWOF.
15. Haushofer, K., Ratzel, F. Theory of “living space” / transl.: I. G. Usachev. Moscow : Algorithm, 2019. 239 p. ISBN: 978-5-907120-30-3 (In Russ.).
16. Khudorenko, E. A., Konstantinova, E. A. Integration Potential of the Eurasian Economic Union: Education, Culture, Innovations // Political science. 2017. No. S. P. 261–277 (In Russ.). EDN: YVWABZ.
17. Li, Menglong, Sun, Yue. The Current Status and Development Prospects of Confucius Institutes in Russia, Belarus and Ukraine // BSU Bulletin. Humanities Research of Inner Asia. 2020. No. 2. P. 25–36. EDN: VTDTIK. DOI: 10.18101/2305-753X-2020-2-25-36.

About the author:

Igor A. Serdyukov, Postgraduate Student, Patrice Lumumba International University of Peoples’ Friendship, Department of Comparative Political Science (Moscow, Russia);
e-mail: ia.serdyukov@yandex.ru; ORCID: 0009-0009-0542-4682

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сердюков И. А., 2025

Трансформация политического медиапространства в странах Евразийского экономического союза

Колобова Е. Ю.

Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: jenechos@list.ru

ORCID: 0000-0002-9482-4734

РЕФЕРАТ

Трансформация политического медиапространства в ЕАЭС как непрерывный процесс обусловлена технологическим прогрессом, изменением законодательного регулирования медиасферы в государствах, меняющимися отношениями между правительствами, СМИ и общественностью. Глобальная цифровизация повлияла на способы доведения до общественности политических идей, повестки евразийской интеграции в государствах — членах ЕАЭС, а усиление государственного контроля над цифровыми массовыми коммуникациями подняло сложные вопросы, связанные с безопасностью и демократической подотчетностью. **Цель.** Проанализировать условия, проблемы и возможности процесса трансформации политического медиапространства в странах — участниках Евразийского экономического союза. **Задачи.** Выявить факторы влияния на трансформацию политического медиапространства в ЕАЭС, обозначить роль и важность социальных сетей и СМИ в коммуникативном взаимодействии политических структур на общественность, изучить уровень доверия к СМИ и преобладания языка в массовых коммуникациях при формировании информационных сообщений, общественное отношение к России в странах ЕАЭС в политическом медиадискурсе, исследовать вопрос возможности гармонизации законодательства о СМИ стран ЕАЭС. **Методология.** Методология исследования основана на структурном, сравнительном анализах, статистическом и логических методах исследования, контент-анализе открытых источников информации при изучении вопроса доверия к СМИ и отношения к евразийской интеграции у граждан ЕАЭС. **Результаты.** Выявлена необходимость создания единого медиапространства ЕАЭС, опирающегося на общие культурные, духовно-нравственные, исторические и цивилизационные ценности стран-участников, которые способствуют формированию имиджа ЕАЭС на мировой арене, созданию образа евразийской интеграции в медиасфере. Трансформация политического медиапространства в ЕАЭС связана с трендами, такими как: увеличение онлайн-аудитории; рост популярности социальных сетей, из которых запрещенные на территории России доминируют в других государствах — участниках ЕАЭС; приоритетность российского языка в медиа, несмотря на разное отношение к Российской Федерации у народов ЕАЭС; снижение доверия к традиционным СМИ; распространение в онлайн-среде дезинформации и фейковых новостей; отсутствие в новостных повестках систематизированной информации о деятельности ЕАЭС, ее важности и потенциале для граждан; отсутствие единого наднационального законодательного регулирования медиакоммуникаций. **Выводы.** Трансформация политического медиапространства в ЕАЭС отражает сложное взаимодействие государственного контроля, консолидации СМИ, технологических изменений, динамику цифровых медиа, внешнего влияния и вовлечения общественности в повестку интеграции стран ЕАЭС. Исследование показало ряд проблем и направлений их решения, связанных с процессом трансформации политического медиапространства в странах ЕАЭС: медиапотребление в странах ЕАЭС в основном переориентируется на цифровые СМИ, вытесняя традиционные за счет увеличения онлайн-аудитории, поэтому популярность социальных сетей необходимо использовать для взаимодействия политических структур и общественности;

важность гармонизации наднационального регулирования СМИ в странах ЕАЭС на основе формирования единой правовой базы информационной интеграции, а также повестки о важности интеграционных процессов, создания образа ЕАЭС и стран-участников. Ввиду неоднородности и противоречивости национальных медиарынков, различий в моделях массового информирования и медиапотребления интеграция медиапространства осложняется, поэтому целесообразно разработать единую стратегию разнопланового освещения интеграционных процессов в СМИ на основе системного метода изложения информации.

Ключевые слова: цифровые медиа, СМИ, медиапространство, медиасистемы, фейковые новости, информационная политика, социальные сети

Для цитирования: Колобова Е. Ю. Трансформация политического медиапространства в странах Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 117–128. EDN: OTWTEW

Transformation of the Political Media Space in the Countries of the Eurasian Economic Union

Evgenia Yu. Kolobova

St. Petersburg State Institute of Film and Television, Saint Petersburg, Russia

e-mail: jenechos@list.ru

ORCID: 0000-0002-9482-4734

ABSTRACT

The transformation of the political media space in the EAEU as an ongoing process is due to technological progress, changes in the legislative regulation of the media sphere in states, and changing relations between governments, the media and the public. Global digitalization has influenced the ways in which political ideas and the agenda of Eurasian integration are communicated to the public in the EAEU member states, and increased government control over digital mass communications has raised complex issues related to security and democratic accountability. **Aim.** To analyze the conditions, problems and opportunities of the process of transformation of the political media space in the member countries of the Eurasian Economic Union. **Tasks.** To identify the factors influencing the transformation of the political media space in the EAEU, to identify the role and importance of social networks and mass media in the communicative interaction of political structures with the public, to study the level of trust in the media and the predominance of language in mass communications in the formation of information messages, public attitudes towards Russia in the EAEU countries in the political media discourse, to explore the possibility of harmonizing legislation on mass media in the EAEU countries. **Methods.** The research methodology is based on structural, comparative analysis, statistical and logical methods of market research in the process of studying management mechanisms at the market and legislative levels of the advertising and media markets, content analysis of open sources of information in studying the issue of trust in the media and attitudes towards Eurasian integration among the citizens of the EAEU. **Results.** The necessity of creating a unified media space of the EAEU based on common cultural, spiritual, moral, historical and civilizational values of the participating countries, which contributes to shaping the image of the EAEU on the world stage, creating an image of Eurasian integration in the media sphere, is revealed. The transformation of the political media space in the EAEU is associated with such trends as: despite the digital inequality among the EAEU states, the online audience continues to increase; the growing popularity of social networks, of which banned in Russia, dominates in other EAEU member states.; the priority of language in the media remains with Russian, despite the different attitudes towards the Russian Federation among the peoples of the EAEU; a decrease in trust in traditional media; the spread of disinformation and fake news in the online environment; the lack of systematic information on the activities of the EAEU, its importance and potential for citizens; the lack of a unified

supranational legislative regulation of media communications. **Conclusions.** The transformation of the political media space in the EAEU reflects the complex interaction of state control, media consolidation, technological changes, the dynamics of digital media, external influence and public involvement in the agenda of integration of the EAEU countries. The study showed a number of problems and ways to solve them related to the process of transformation of the political media space in the EAEU countries: media consumption in the EAEU countries is mainly reorienting towards digital media, displacing traditional media by increasing the online audience; Therefore, the popularity of social networks should be used for interaction between political structures and the public; the need to harmonize supranational media regulation in the EAEU countries based on the formation of a unified legal framework for information integration, as well as the agenda on the importance of integration processes, creating an image of the EAEU and the participating countries. Due to the heterogeneity and inconsistency of national media markets, differences in models of mass information, and media consumption, the integration of the media space is complicated, so it is advisable to form a unified strategy for diverse media coverage of integration processes based on a systematic method of presenting information.

Keywords: digital media, mass media, media space, media systems, fake news, information policy, social networks

For citation: Kolobova E. Yu. Transformation of the Political Media Space in the Countries of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 117–128 (In Russ.). EDN: OTWTEW

Введение

Глобальная информатизация общества и развитие цифровых технологий способствовали повышению протекания социальных процессов, расширению аудитории, активному использованию информационным обществом новых медиа — мультимедийных многоканальных персонализированных интернет-ресурсов, а также быстрому формированию общественного мнения в онлайн-среде. В данных условиях осуществляется информационное взаимодействие государств — членов Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС): Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России. При этом стремление создать единое пространство политического и социального взаимодействия возможно на основе медиа [13].

Происходящий процесс трансформации политического медиапространства ЕАЭС связан с цифровизацией медиасреды и координацией медиасфер государств-участников.

Появление понятия «медиапространство» непосредственно связано с возросшей потребностью современного общества в непрерывном потоке информации. Данный термин относится к совокупной среде, в которой производится, распространяется и потребляется медиаконтент, влияющий на общественное мнение, политический дискурс, культурные нормы и социальное поведение [14]. Концепция выходит за рамки традиционных средств массовой информации (далее — СМИ) и включает цифровые пространства, онлайн-платформы и экосистемы социальных сетей.

Евразийские интеграционные процессы нуждаются в непрерывном информационном сопровождении, что создает заинтересованность в этом деле со стороны стран ЕАЭС. Кроме того, необходимость создания единого медиапространства и защита внутреннего коммуникационного пространства от внешнего воздействия обусловливаются рядом причин: доминирование американского информационного продукта, наличие информационно-коммуникационного разрыва между гражданами стран — участников ЕАЭС, национальная фрагментация информационного пространства.

Об укреплении медийного пространства и создании единой площадки на фоне гибридных, информационных войн говорят ведущие ученые и специалисты медиаиндустрии [8; 14]. Еще в 2014 г. на IX Белорусском международном медиафоруме «Партнерство во имя будущего» отмечалось, что фундаментальной задачей евразийской интеграции является формирование общего пространства гуманитарных ценностей, следовательно, единого информационного пространства [2]. В пример чаще приводят

опыт Европейского союза (далее ЕС), где активно развивается общеевропейская медиийная система [3] на социально-культурном, экономическом и законодательном уровнях, в то время как в ЕАЭС не выработана стратегия по наполнению информационного пространства и не обозначена структура, которая должна этим заниматься на профессиональном уровне¹.

Факторы влияния на трансформацию политического медиапространства в ЕАЭС

Страны ЕАЭС объединены доступом к интернету и информационно-коммуникационным технологиям, которые значительно облегчают обмен информацией, при этом медиасистемы государств долгое время развивались независимо. Создание единого медиапространства предполагает равный уровень развития медиаиндустрии в странах — участниках ЕАЭС и небольшую разницу в показателях цифрового разрыва между странами.

В современной Российской Федерации уровень проникновения онлайн-услуг возрастает с каждым годом, достигнув 92,2% в 2024 г. (рис. 1). Из всех стран — участников ЕАЭС в 2024 г. в наименьшей мере обеспечено интернетом население Армении, достигнув уровня только 80% по проникновению сети Интернет, в 2022 г. — 78,6% при 2,18 млн интернет-пользователей. Данные свидетельствуют о присутствии цифрового неравенства в ЕАЭС, разобщенности цифрового развития в целом, что снижает возможности активного политического коммуникативного воздействия на граждан для укрепления интеграционных процессов. Однако, по данным статистики (см. рис. 1), наблюдается тенденция увеличения онлайн-аудитории в странах ЕАЭС за счет внедрения и реализации на национальном и региональном уровнях мер по обеспечению доступа населения к интернету и цифровым платформам.

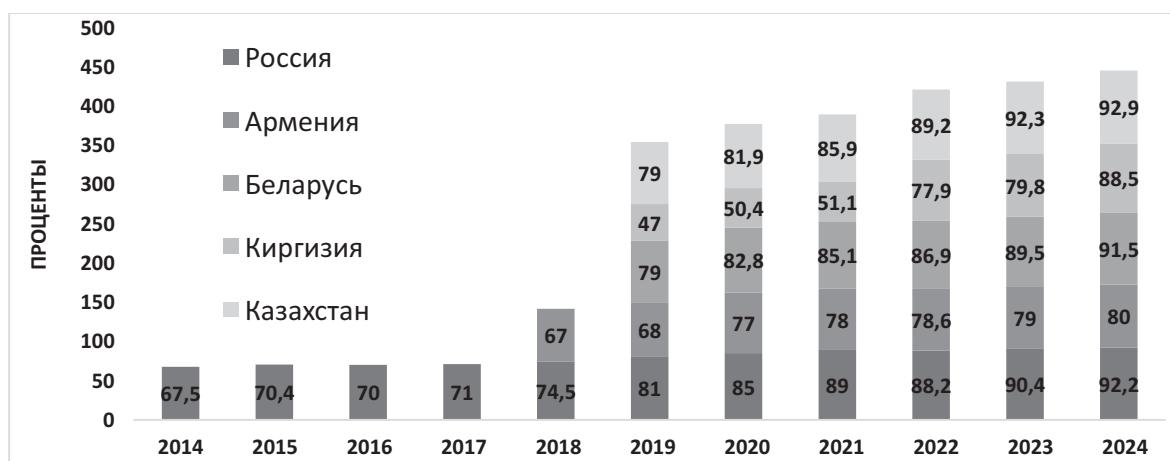

Рис. 1. Объем пользователей сети Интернет в странах ЕАЭС за 2014–2024 гг.

Fig. 1. The volume of Internet users in the EAEU countries for 2010–2024

Источник: составлено автором на основе данных: Цифровая экономика: 2024: крат. стат. сб. / В. Л. Абашкин [и др.]; Digital 2014–2025: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation> (дата обращения: 25.06.2025); Digital 2019–2025: Belarus. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-belarus> (дата обращения: 20.08.2025); Digital 2019–2025: Kyrgyzstan. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-kyrgyzstan> (дата обращения: 20.08.2025); Digital 2018–2025: Armenia. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-armenia> (дата обращения: 20.08.2025); Digital 2019–2025: Kazakhstan. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-kazakhstan> (дата обращения: 20.08.2025).

Помимо необходимости равного цифрового развития стран в ЕАЭС для создания единого медиапространства следует и ряд условий:

¹ Наталья Крек. Когда у евразийского сообщества будет своя информационная политика? [Электронный ресурс] // РИТМ Евразии. 16.12.2022. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2022-12-16--kogda-u-evrazijskogo-soobschestva-budet-svoja-informacionnaja-politika-63617> (дата обращения: 11.08.2025).

- рыночные механизмы управления рекламного и медийного рынков;
- особенности, присущие каждой медиасистеме страны, состояние коммуникационных режимов, которые позволяют адаптировать информационные продукты к интересам региональной аудитории [4];
- уровни развития медийного и рекламного рынков в странах-участниках и единого рынка в пространстве ЕАЭС;
- преобладание единого языка в массовых коммуникациях государств при формировании информационных сообщений;
- определение уровня доверия к СМИ.

Социальные сети и СМИ в медиапространстве ЕАЭС

При формировании определенного образа ЕАЭС не только в глобальном, но и в иностранном информационном пространстве важно учитывать активные каналы массовой коммуникации, в частности, недостаточно изученной оставалась растущая роль социальных сетей в медиапространстве ЕАЭС, поскольку традиционные СМИ отходят на второй план. В ЕАЭС лидирует по данному показателю Российской Федерации, где количество пользователей социальных сетей находится на стабильном уровне с 2023 г., составив 106 млн чел. на 144 млн чел. в 2024 г. (рис. 2).

В 2024 г. показатели пользователей социальных сетей значительно выровнялись по странам, однако в Республике Армения и Кыргызской Республике показатель самый низкий из представленных. При этом, согласно исследованию Internews, проведенному в 2023 г., цифровые платформы (социальные сети, подкасты и веб-сайты) являются одними из самых популярных источников информации в Армении¹. Это подчеркивает значительную важность социальных платформ в потреблении новостей.

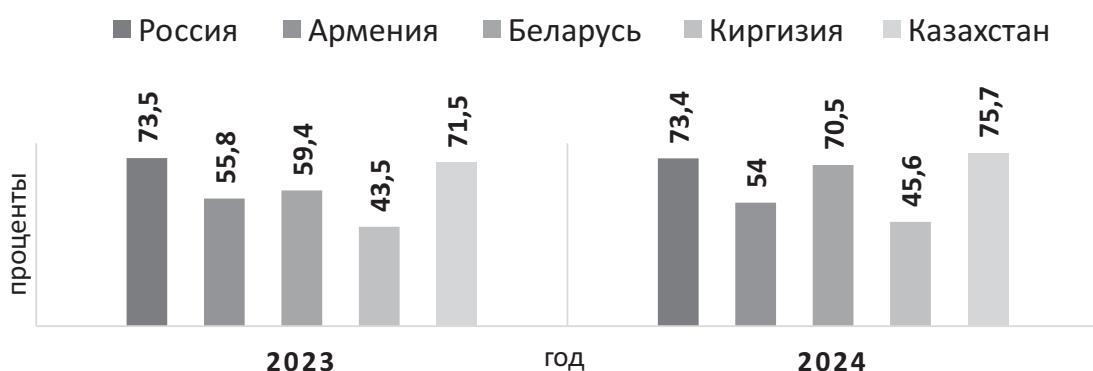

Рис. 2. Диаграмма динамики пользователей социальных сетей в России за период 2023–2024 гг.

Fig. 2. Chart of the dynamics of social network users in Russia for the period 2023–2024

Источник: составлено автором на основе данных: Цифровая экономика: 2024: крат. стат. сб. / В. Л. Абашкин [и др.];

Digital 2014–2025: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-russian-federation> (дата обращения: 25.06.2025);

Digital 2019–2025: Belarus. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-belarus> (дата обращения: 20.08.2025); Digital 2019–2025:

Kyrgyzstan. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-kyrgyzstan> (дата обращения: 20.08.2025); Digital 2018–2025: Armenia. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-armenia> (дата обращения: 20.08.2025); Digital 2019–2025: Kazakhstan. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-kazakhstan> (дата обращения: 20.08.2025).

Исследование показывает, что в медиапространстве ЕАЭС наблюдается рост популярности социальных сетей, которые остаются центром цифрового медиапотребления. Основным фактором выбора средства массовой коммуникации (далее — СМК) и перехода к социальным сетям выступает возможность открытого обсуждения новостей. При этом запрещенные в России социальные сети лидируют по

¹ Media Market. Analysis: Armenia. Zinc Network, 2024. 41 p.

посещаемости в других государствах — участниках ЕАЭС, особенно среди молодежи. Стоит учитывать также, что существуют и локальные сети, которые часто доминируют в определенных регионах по историческим, культурным или политическим причинам.

Специфика медиапространства связана с менталитетом народа, социально-экономическими и политическими факторами. Исследование приоритетного языка в медиа является необходимым при формировании единого медиапространства Союза. Русский язык представляется историческим базисом доверия и развития отношений между Российской Федерацией и другими странами ЕАЭС.

На практике основным фактором влияния на формирование политических установок евразийской аудитории обладают русскоязычные СМИ, ввиду сравнительно высокого уровня цифрового развития в России, и принадлежность инициативы интеграции от данного государства. Так, на основе ЕМИ (евразийского медиаиндекса) основная доля, как правило, приходилась на источники российского медиапространства. Данное обстоятельство подчеркивает важность российского политического видения, отраженного в СМИ, в ЕАЭС [7].

В Армении ввиду множества факторов выпуск оперативных новостей только на армянском языке был бы недостаточным для развития внешних связей Армении. Русскоязычные СМИ и информационные агентства Армении также информируют русскоязычное население Армении [1].

Несмотря на присутствие русскоязычных информационных каналов в странах ЕАЭС, в Кыргызстане, например, ограничивают объем телевещания и радиовещания на русском языке (который должен составлять не более 40%) на законодательном уровне. По новому закону «О государственном языке Кыргызской Республики» доля контента на государственном киргизском языке должна быть не менее 60%.

СМИ выступают ключевым элементом системы формирования имиджа интеграционных объединений, напрямую влияющим на реализацию на мировой арене интересов союзов и каждой из стран в отдельности [5]. Так, в медиапространстве стран ЕАЭС функционируют традиционные и цифровые СМИ, количество которых с каждым годом увеличивается, однако аудитория традиционных СМИ сокращается¹.

Гармонизация законодательства о СМИ стран ЕАЭС

Упоминание о необходимости коммуникативного взаимодействия указано в ст. 23 Договора о ЕАЭС, но механизмы законодательного регулирования информационных сфер прямо не прописаны.

Стоит отметить, что российский академик С. Ю. Глазьев в 2022 г. на медиафоруме «Евразийское медиапространство. Роль информационной политики в продвижении евразийских интеграционных проектов» отметил важность донесения до общественности через СМИ достижений, возможностей и перспектив евразийского партнерства, что возможно осуществить за счет информационного взаимодействия стран ЕАЭС. При этом ученый указал на невозможность формирования структуры в виде наднационального информационного агентства, поскольку ЕЭК не имеет права создавать дочерние структуры. Для этого С. Ю. Глазьев предложил создать Евразийский сетевой университет или Евразийскую киноакадемию как форму международного договора. Уже в 2024 г. начал работу первый евразийский сетевой университет «Евразия», а в 2025 г. сформирована Евразийская академия кинематографических искусств — организация, учрежденная Министерством культуры Российской Федерации и Российским Фондом культуры и направленная на поддержку, развитие и популяризацию кинематографа, стимулирование производства качественных и содержательных кинофильмов, транслирующих евразийские, национальные и иные общечеловеческие духовно-нравственные ценности.

Гармонизация законодательства о СМИ стран ЕАЭС необходима на национальном и наднациональном уровнях. Однако законодательство государств-участников отличается: некоторые страны устанавливают более жесткие рамки для деятельности СМИ по сравнению с другими. Так, в России, Беларуси, Кыргызстане (с 2025 г.) и Армении существуют ограничения по доле иностранного участия в деятельности

¹ РОМИР: популярность телевидения в IV квартале 2024 года выросла [Электронный ресурс] // ТАСС. 23.01.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22948307> (дата обращения: 04.07.2025).

СМИ, однако в законодательстве Казахстана таких условий нет. Кроме того, остаются открытыми вопросы по регулированию интернет-журналистики, выявлены расхождения даже в отношении понятийного аппарата, например, понятия «онлайн-медиа», «блогер» и их правовой статус остаются неясными [6].

В законодательстве Республики Беларусь не существует комплексного определения онлайн-медиа, закреплены только отдельные виды таких медиа: сайты, мессенджеры, интернет-ресурсы, аудиовизуальные сервисы и другие — в законе «О средствах массовой информации».

В Республике Армения в Законе РА № 3Р-14 от 14. 01. 2004 «О массовой информации» электронные СМИ упоминаются в перечислении каналов распространения только в ст. 3, а деятельность блогеров не регулируется специальными законами, поэтому подчиняется общим нормам законодательства, касающимся медиа и онлайн-платформ [5; 6].

В Республике Казахстан в 2023 г. вступил в силу закон РК № 18-VIIIЗРК «Об онлайн-платформах и онлайн-рекламе», который регулирует правоотношения в цифровом пространстве. В данном законе прописаны требования к защите несовершеннолетних, определено понятие «инфлюенсер (блогер)», обозначено обязательство блогеров регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей и маркировать представленную рекламу, также они несут ответственность за распространение ложной информации.

В Кыргызской Республике принят новый Закон КР от 06. 08. 2025 № 188 «О средствах массовой информации», который обязует регистрировать не только традиционные СМИ, но и интернет-платформы, включая сайты и блоги. В документе formalизованы понятия «сетевое издание», «редакционная политика», «общественный интерес». Новый закон теперь ограничивает участие иностранцев: иностранные граждане и юридические лица, а также компании с иностранным участием не могут владеть более 35% долей или акций в учредителях всех СМИ. По мнению журналистов, Киргизия осталась свободной для прессы, однако введенный закон ужесточил свободу слова и усилил давление на журналистов.

В Российской Федерации еще с 2014 г. правовой статус блогера закреплен в законодательстве¹. С 2024 г. по измененному законодательству² для борьбы с дезинформацией владельцы аккаунтов с аудиторией более 10 тыс. подписчиков для распространения рекламы на странице должны зарегистрироваться в Роскомнадзоре.

В условиях цифровизации национального медийного пространства необходимо выработать согласованные подходы стран — участников ЕАЭС к регулированию иностранного участия в СМИ и деятельности новых медиа. Гармонизация законодательства о СМИ в государствах — участниках ЕАЭС предполагает, например, разработку модельных законов, которые регулируют деятельность онлайн-медиа, и сближение требований к регистрации СМИ.

Доверие к СМИ и трансформация политического медиапространства стран ЕАЭС

Появление сети Интернет изменило большинство парадигм, которые до сих пор помогали описывать и понимать динамику публичной коммуникации в традиционной аналоговой среде масс-медиа. Если раньше общественные интересы и демократические новостные СМИ традиционно рассматривались как поддерживающие посредством предоставления актуальной, точной, нейтральной и хорошо изученной информации, то современные потребители стали более ответственно относиться к выбору канала массовой коммуникации, что отражают показатели по снижению доверия к официальным СМИ. Согласно исследованию РОМИР, в 2024 г. в России доверие к эфирному и кабльному телевидению значительно снижается³.

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» от 05.05.2014 № 97-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 28.10.2025).

² Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “О связи” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 303-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482565/ (дата обращения: 28.10.2025).

³ В январе 2025 года изменилась динамика медиапотребления россиян [Электронный ресурс]. URL: https://segment.ru/industrynews/v_yanvare_2025_goda_izmenilas_dinamika_mediapotrebleniya_sredi_rossiyan/ (дата обращения: 04.04.2025).

Национальное законодательное регулирование влияет на свободу слова и, следовательно, доверие к традиционным СМИ и другим онлайн-источникам информации. Эксперты подчеркивают¹, что напряженные отношения между правительством, политиками и журналистами способствовали падению доверия. Исследование Internews² отражает это мнение, показав, что только 6% армян считают новости, опубликованные в армянских СМИ, «заслуживающими доверия». 43% считают источник «в какой-то степени заслуживающим доверия», 24% армян считают его «ненадежным», и еще 23% считают его «в какой-то степени ненадежным». Это свидетельствует о кризисе доверия к средствам массовой информации.

С развитием медиапространства появляется новая дифференциация — информационная, основанная на обладании подавляющим большинством рядовых членов общества качественной и некачественной информацией. То есть формируется разрозненность в онлайн-среде ввиду подачи информации из различных источников: официальных и неофициальных. Как отмечала российский журналист, социолог, ученый и специалист в области проблем медиаэкономики Е. Л. Вартанова на XI Петербургском международном юридическом форуме, опытные журналисты столкнулись с проблемой конкуренции со стороны новых субъектов — пользователей социальных сетей, в отношении которых не работает не только законодательное, но и профессионально-этическое и профессионально-корпоративное регулирование, и которые, кроме того, имеют больший уровень доверия у аудитории, нежели аккредитованные официальные СМИ [5; 6].

Ряд зарубежных ученых [15] на основе уровней фактичности и обмана сформировали типологию определений поддельных новостей для различных типов информации: негативная реклама, пропаганда, манипулирование, фабрикация, новостная сатира и новостная пародия. В цифровой среде чаще всего происходит распространение дезинформации.

По мнению ученого С. В. Чугрова [12], именно в онлайн-пространстве существуют условия для манипулирования массовым сознанием, когда свобода выбора и самовыражения оказались в узком коридоре искаженной политической реальности. В Кыргызстане в социальных сетях фейковые новости в онлайн-ресурсах в основном транслируют негативные эмоции и формируют мотивацию определенного поведения с учетом интереса объекта и субъекта влияния, дезориентируя общественность. Именно поэтому в данной стране социальные сети стали решающими факторами организации различных массовых акций [11].

Доверие к цифровым медиа становится все более актуальной проблемой. Поэтому на выбор источников информации повлияли разные факторы. Так, по исследованиям медиахолдинга Rambler&Co, в России личное отношение к новостному ресурсу оказалось определяющим для 35% опрошенных участников, еще 20% ориентировались на известные медиабренды, а 4% следили за работой популярных журналистов³.

Общественное отношение к России стран ЕАЭС в политическом медиадискурсе

Россия играет ведущую роль в формировании медиапространства в ЕАЭС, часто используя как мягкую силу, так и экономические рычаги, оказывая влияние на общественное мнение, особенно в Казахстане и Армении. Главный радиочастотный центр (ФГУП «ГРЧЦ») Роскомнадзора — отраслевой экспертный центр в области ИТ и телекоммуникаций — контролирует все публикации на тему ЕАЭС не только в России, но и в других странах экономического союза. По данным исследования [10], в Киргизии сохраняется позитивный настрой к России, в Республике Беларусь и Казахстане больше нейтральных материалов, посвященных России.

Общественное мнение в Армении позитивно ориентировалось на деятельность России и на русских как на главного стратегического партнера. Вместе с тем с 2022 г. антироссийский дискурс в социальных

¹ Media Market. Analysis: Armenia. Zinc Network, 2024. 41 p.

² Там же.

³ Медиапотребление 2024. У пятой части россиян вкладки со СМИ открыты постоянно на протяжении всего года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sostav.ru/blogs/260202/55871?ysclid=m91tzifx1a621735724> (дата обращения: 04.04.2025).

сетях и некоторых СМИ Армении возрос [1], несмотря на то, что Россия является дружеским государством и главным гарантом национальной безопасности в регионе [8; 9].

Отношение к ЕАЭС у стран-участников, по данным исследования, сложилось такое, как и к России. В СМИ в Армении, Республике Беларусь и Казахстане преобладают нейтральная или негативная информация, при этом в Армении создается самый большой процент агрессивно-критических публикаций [10]. В Кыргызстане к Союзу относятся наиболее позитивно.

Выводы

На текущем этапе ЕАЭС стремится к созданию единого информационного пространства. Однако этот процесс возможен при устранении ряда недостатков. Исследование позволило выявить следующие проблемы и тенденции трансформации политического медиапространства в странах ЕАЭС.

1. Во всем медиапространстве ЕАЭС присутствуют фейковые новости и распространение дезинформации в современном медиапотреблении, национальные законодательства стран борются с этим явлением в различной степени.
2. Вытеснение традиционных медиа цифровыми СМК.
3. Доминирование социальных сетей как средство для получения информации.
4. Снижение уровня доверия к традиционным СМИ в ЕАЭС.
5. В государствах по-разному сформированы на законодательном уровне правовые нормы, касающиеся в особенности деятельности блогеров и электронных СМИ.
6. Интеграционные процессы в СМИ отражаются поверхностно и ориентированы только на официальные традиционные СМИ, что создает проблемы низкой информированности жителей стран о деятельности ЕАЭС.
7. Политическое медиапространство в ЕАЭС формируется внешними акторами, в частности, Россией, Европейским союзом и Китаем, который также играет все более важную роль в формировании медиасреды в ЕАЭС, особенно посредством экономических инвестиций и расширения СМИ. Китайские платформы и СМИ начали оказывать влияние на ландшафт цифровых медиа, особенно в таких странах, как Казахстан, где растет присутствие китайских СМИ.

Медиасистемы стран — участников ЕАЭС сталкиваются с глобальной цифровизацией и государственным влиянием на СМИ на законодательном уровне, хотя интернет предлагает возможности для более широкого участия общественности, правительства ужесточают надзор над цифровым медиапространством, чтобы сохранить политическую стабильность и контроль. Кроме того, интеграция медиапространства осложняется неоднородностью и противоречивостью медиарынка в странах ЕАЭС, различием в моделях массового информирования, медиапотребления на гетерогенном и социальных уровнях в зависимости от запросов.

Для координации медиасреды стран ЕАЭС предлагаются такие направления, как:

- процесс гармонизации наднационального регулирования СМИ в странах ЕАЭС должен основываться на формировании единой правовой базы, а также информационной повестки о важности интеграционных процессов, создания образа ЕАЭС и стран — участников Союза;
- создание межгосударственных медиаструктур помимо существующих: Евразийского сетевого университета «Евразия» и Евразийской академии кинематографических искусств. И последующее взаимодействие между медиаструктурами внутри Союза. Обмен мнениями и опытом способствует продвижению евразийских интеграционных процессов и более глубокому их пониманию со стороны общественности;
- определение форм и методов взаимодействия с традиционными и сетевыми СМИ;
- формирование единой стратегии разнопланового освещения интеграционных процессов в СМИ. Медиаресурсы при этом должны переходить от фрагментарного к системному методу изложения, актуализировать аналитическую составляющую в публикациях, учитывать национальные, культурные и политические различия аудитории;

- использование цифровых СМИ, социальных сетей для политической коммуникации, работа с блогерами для повышения у населения уровня доверия к источникам и предоставляемой объективной информации.

Заключение

Политическая коммуникация ЕАЭС как интеграционного объединения ориентирована на формирование единой цифровой информационной медиасреды, которая позволит укрепить позиции Союза на национальном и международном уровнях, обеспечив необходимую поддержку граждан и уменьшив влияние внешних информационных факторов.

На примере ЕАЭС можно отметить, что во многом именно от СМИ, цифровизации медийного пространства зависит развитие евразийской интеграции, поэтому интеграционную повестку в СМИ и цифровых медиа необходимо не только контролировать, но и обеспечивать, подготавливая информацию для медиа и повышая тем самым у граждан интерес и понимание важности и необходимости евразийской интеграции. Однако основной массив регулярных публикаций, посвященных ЕАЭС, ограничен и приходится на официальные мероприятия — саммиты лидеров входящих в Союз стран, двусторонние визиты.

Трансформация политического медиапространства ЕАЭС создает необходимость новых подходов к отражению тематики процесса взаимодействия Союза, внедрению единой наднациональной системы в формировании повестки евразийской интеграции, выбору приоритетных тем для освещения и каналов массовой коммуникации для донесения информации до граждан, раскрытию интеграционного потенциала ЕАЭС для формирования поддержки со стороны граждан.

Список литературы

1. Айвазян Д. С., Крылов А. Б., Погосян Г. А., Кривопусков В. В. Дружественность коммуникационного режима Армении: к вопросу о позициях СМИ и общества // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 1 (7). С. 94–111. EDN: QQFWGK. DOI: 10.53658/RW2023-3-1(7)-94-111.
2. Варданова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики. М. : МедиаМир, 2014. 280 с. ISBN: 978-5-91177-059-4.
3. Венидиктов С. В. Евразийское информационное пространство: унификация или координация? // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2016. Т. 2, № 1 (17). С. 60–65. EDN: VVHDGV. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-60-65.
4. Венидиктов С. В. Эффективность, открытость, множественность: медийная устойчивость Евразийского экономического союза // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 1. С. 65–73. EDN: XSANXV. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-65-74.
5. Вихрова О. Ю. Информационное сопровождение евразийской интеграции: освещение российскими СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2020. № 6. С. 136–158. EDN: JSFUBM. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.136159.
6. Вихрова О. Ю., Горлова Я. С. Особенности законодательного регулирования онлайн-медиа в странах Евразийского экономического союза // Вестник Моск. ун-та. Серия 10: Журналистика. 2024. Т. 49, № 4. С. 49–70. EDN: ACGRDK. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.4970.
7. Колобова Е. Ю. Политический PR в международных цифровых коммуникациях: опыт евразийского медиапространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 3. С. 122–132. EDN: XBYTCL. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-122-132.
8. Комлева В. В. Управляемость страновых коммуникационных режимов // Коммуникология. 2022. Т. 10, № 1. С. 139–154. EDN: FRZRKA. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154.
9. Крылов А. Б. Армения: до и после «бархатной революции» // Политические процессы на постсоветском пространстве: новые тренды и старые проблемы : коллективная монография / отв. ред. Э. Г. Соловьев, Г. И. Чуфрин. М. : ИМЭМО РАН, 2020. С. 110–124. EDN: ZIHAWA.

10. Савельева М. А. Образ России в СМИ стран ЕАЭС: медиаметрический анализ // Вестник Российской-го университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22, № 2. С. 222–230. EDN: EPSXEA. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-222-230.
11. Токсоналиева Р. М. Медиапространство Кыргызстана // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2021. № 25. С. 23–29. EDN: ZUNGZB.
12. Чугров С. В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 42–59. EDN: YJEEWL. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04.
13. Шарков Ф. И., Кириллина Н. В., Киреева О. Ф. Трансформация политического медиапространства в рамках ноосферной парадигмы (к 160-летию В. Вернадского) // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 182–191. EDN: VYLVSZ. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.13.
14. Dourish P. Culture and Control in a Media Space. Proceedings of the European Conference on Computer-Supported Cooperative Work, ECSCW 93. Amsterdam : Kluwer. 1993. DOI: 10.1007/978-94-011-2094-4_9.
15. Tandoc E. C., Lim Z. W., Ling R. Defining “Fake News”: A Typology of Scholarly Definitions // Digital Journalism. 2018. Vol. 6, No. 2. P. 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143.

Об авторе:

Колобова Евгения Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государствен-ный институт кино и телевидения, кафедра медиакоммуникационных технологий (Санкт-Петер-бург, Россия);
e-mail: jenechos@list.ru; ORCID: 0000-0002-9482-4734

References

1. Ayvazyan, D. S., Krylov, A. B., Poghosyan, G. A., Krivopuskov, V. V. The Friendliness of Armenia’s Communication Regime: Towards the Question of Media and Public Attitudes // Russia & World: Scientific Dialogue. 2023. No. 1 (7). P. 94–111 (In Russ.). EDN: QQFWGK. DOI: 10.53658/RW2023-3-1(7)-94-111.
2. Vartanova, E. L. Post-Soviet Transformations of Russian Media and Journalism. Moscow : MediaMir, 2014. 280 p. ISBN: 978-5-91177-059-4 (In Russ.).
3. Venidiktov, S. V. Eurasian Information Space: Unification or Coordination? // Research Result. Social Studies and Humanities. 2016. Vol. 2, No. 1 (17). P. 2–6 (In Russ.). EDN: VVHDGV. DOI: 10.18413/2408-932X-2016-2-1-60-65.
4. Venidiktov, S. V. Efficiency, Openness, Multiplicity: Media Sustainability of the Eurasian Economic Union // Bulletin of Perm University. Political Science. 2018. No. 1. P. 65–73 (In Russ.). EDN: XSANXV. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-1-65-74.
5. Vikhrova, O. Yu. Information Support for Eurasian Integration: Russian Media Coverage // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalista. 2020. No. 6. P. 136–158 (In Russ.). EDN: JSFUBM. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2020.136159.
6. Vikhrova, O. Yu., Gorlova, Ya. S. New Media Laws and Regulation in the Eurasian Economic Union Member States // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalista. 2024. Vol. 49, No. 4. P. 49–70 (In Russ.). EDN: ACGRDK. DOI: 10.30547/vestnik.journ.4.2024.4970.
7. Kolobova, E. Yu. Political PR in International Digital Communications: The Experience of the Eurasian Media Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 3. P. 122–132 (In Russ.). EDN: XBYTCL. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-122-132.
8. Komleva, V. V. The Manageability of Country Communication Regimes // Communicology. 2022. Vol. 10, No. 1. P. 139–154 (In Russ.). EDN: FRZRKA. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-139-154.
9. Krylov, A. B. Armenia: Before and after the “Velvet Revolution” // Political Processes in the post-Soviet Space: New Trends and Old Problems : Collective monograph / ed. by E. G. Soloviev, G. I. Chufrin. Moscow : IMEMO RAS, 2020. P. 110–124 (In Russ.). EDN: ZIHAWA.

10. Savelyeva, M. A. The Image of Russia in the Media of the EAEU Countries: The Mediametric Analysis // RUDN Journal of Political Science. 2020. Vol. 22, No. 2. P. 222–230 (In Russ.). EDN: EPSXEA. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-2-222-230.
11. Toksonalieva, R. M. Kyrgyzstan's Media Space // PR and Advertising in a Changing World: Regional Aspect. 2021. No. 2. P. 23–29 (In Russ.). EDN: ZUNGZB.
12. Chugrov, S. V. Post-truth: Transformation of Political Reality or Self-Destruction of Liberal Democracy? // Polis. Political Studies. 2017. No. 2. P. 42–59 (In Russ.). EDN: YJEEWL. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04.
13. Sharkov, F. I., Kirillina, N. V., Kireeva, O. F. Transformation of the Political Media Space within the Framework of the Noospheric Paradigm (to the 160th anniversary of V. Vernadsky) // Polis. Political Studies. 2023. No. 4. P. 182–191 (In Russ.). EDN: VYLVSZ. DOI: 10.17976/jpps/2023.04.13.
14. Dourish, P. Culture and Control in a Media Space. Proceedings of the European Conference on Computer-Supported Cooperative Work, ECSCW 93. Amsterdam : Kluwer, 1993. DOI: 10.1007/978-94-011-2094-4_9.
15. Tandoc, E. C., Lim, Z. W., Ling, R. Defining “Fake News”: A Typology of Scholarly Definitions // Digital Journalism. 2018. Vol. 6, No. 2. P. 137–153. DOI: 10.1080/21670811.2017.1360143.

About the author:

Evgenia Yu. Kolobova, PhD in Economics, Associate Professor, St. Petersburg State University of Film and Television, Chair of Media Communication Technologies (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: jenechos@list.ru; ORCID: 0000-0002-9482-4734

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Колобова Е. Ю., 2025

Роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана через призму его участия в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ

Суточкин Р. С.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

e-mail: ars.shamsh@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-8866-6076

РЕФЕРАТ

В условиях роста числа региональных и глобальных вызовов и угроз (украинский кризис, палеостинно-израильский конфликт, нестабильная социально-политическая обстановка в Афганистане, обострение трансграничной террористической опасности и т. п.) набирает обороты внешнеполитическая активность Республики Казахстан. В унисон доктринальным принципам, изложенными в Стратегии «Казахстан-2050» и Концепции внешней политики республики 2020 г., ускорилась кристаллизация конкретных закономерностей поведения Казахстана в отношении других стран и многосторонних объединений: проактивность, прагматизм и многовекторность. Поэтому интерес к изучению внешней политики Республики Казахстан в последнее время стремительно возрастает. Внимания при этом заслуживают не только политико-дипломатические усилия, но и их смысловое содержание, отраженное в документах стратегического планирования, определяющих траекторию развития отношений Астаны с субъектами мировой политики. Проактивную приверженность этого государства нормам международного права и институционализации многостороннего сотрудничества в условиях роста geopolитической напряженности подтверждает и тот факт, что в 2024 г. Казахстан председательствовал в рекордном количестве международных организаций, таких как ОДКБ, ШОС, СВМДА, МФСА, ИОПБ, ОТГ. Однако в статье объектами исследования станут СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, что обусловлено их стержневым значением в реализации выдвинутого Россией в 2015 г. проекта «Большое Евразийское партнерство». **Цель и задачи.** В рамках статьи предпринимается попытка проанализировать роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана в контексте деятельности этой страны в ЕАЭС, СНГ и ОДКБ, рассмотреть основные принципы формирования Большой Евразии, определить закономерности и траекторию современной внешней политики Казахстана в этом направлении, оценить подходы республики к интеграции в рамках ЕАЭС, ОДКБ и СНГ через призму Большого Евразийского партнерства. **Методология.** Применены эмпирический и теоретико-аналитический методы анализа. **Результаты.** Установлено, что деятельность Казахстана внутри указанных объединений опирается на его самовосприятие в качестве субрегиональной средней державы, а также на стремление получить максимальную выгоду от евразийской интеграции. **Выводы.** Для Казахстана проект «Большое Евразийское партнерство» является ключевым ориентиром в формировании общеконтинентальной сети взаимовыгодных интеграционных форматов, в том числе ЕАЭС, СНГ, ОДКБ.

Ключевые слова: Россия, Астана, Большая Евразия, «средняя держава», Центральная Азия, евразийская интеграция

Для цитирования: Суточкин Р. С. Роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана через призму его участия в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 129–138. EDN: PDJUZG

The Role of the Greater Eurasian Partnership Project in Kazakhstan's Politics through the Prism of Its Participation in the CIS, EAEU and CSTO

Ruslan S. Sutochkin

Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

e-mail: ars.shamsh@yandex.ru
ORCID: 0009-0003-8866-6076

ABSTRACT

Amid the increasing number of regional and global challenges and threats (Ukrainian crisis, Palestinian-Israeli conflict, unstable socio-political situation in Afghanistan, escalating cross-border terrorist dangers, etc.), the foreign policy of the Republic of Kazakhstan (RK) is gaining momentum. In consonance with the doctrinal principles outlined in the Strategy "Kazakhstan-2050" and the Concept of the RK foreign policy in 2020, the finalization of specific patterns of Kazakhstan's attitude towards other countries and multilateral associations has accelerated: proactivity, pragmatism and multi-vectorism. Therefore, interest in the study of Kazakhstan's foreign policy has been growing rapidly recently. Not only does the practical side of Kazakhstan's political and diplomatic efforts deserve attention, but also their semantic content represented in modern Kazakhstani strategic planning documents defining the trajectory of relations between Kazakhstan and other world politics actors should be examined. Kazakhstan's proactive commitment to the international law and institutionalization of multilateral cooperation under rising geopolitical tensions is also confirmed by the fact that in 2024 Kazakhstan chaired a record number of international organizations, such as the OTS, SCO, CICA, CSTO, IOFS, IFAS. However, the CIS, the CSTO and the EAEU will be scrutinized in this article, which is due to their pivotal role in the implementation of the Greater Eurasian Partnership (GEP) project put forward by Russia in 2015. **Aim and tasks.** The article attempts to analyze the role of the Greater Eurasian Partnership project in Kazakhstan's politics in the context of this country's activities in the EAEU, the CIS and the CSTO. To study the basic principles of the formation of the Greater Eurasia, to determine the regularities and trajectory of Kazakhstan's modern foreign policy, to assess Kazakhstani approaches to integration within the EAEU, CSTO and CIS from the perspective of the Greater Eurasian Partnership. **Methods.** empirical, theoretical and analytical methods were applied. **Results.** It was discovered that Kazakhstan's activities within the mentioned associations are based on its self-perception as a sub-regional middle power, along with its desire to get the most out of Eurasian integration. **Conclusion.** For Kazakhstan, the BEP project is a key guideline in the formation of a continent-wide network of mutually beneficial integration formats, including the EAEU, the CIS, and the CSTO.

Keywords: Russia, Astana, Big Eurasia, "middle power", Central Asia, Eurasian integration

For citation: Sutochkin R. S. The Role of the Greater Eurasian Partnership Project in Kazakhstan's Politics through the Prism of Its Participation in the CIS, EAEU and CSTO // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 129–138 (In Russ.). EDN: PDJUZG

Введение

Проект «Большое Евразийское партнерство» (далее — БЕП) в 2015 г. представил Президент России В. В. Путин, предложивший сформировать обширный интеграционный контур в Евразии на принципах равноправного и взаимовыгодного экономического сотрудничества с учетом рыночных, технологических и производственных особенностей стран региона. Кроме того, ставится задача гармонизации подходов евразийских государств вокруг значимых для них вопросов безопасности [8, с. 179], а также гуманитарных и социально-культурных связей.

Положительное отношение к БЕП Президент Республики Казахстан (далее — РК) К. К. Токаев озвучил еще в 2022 г. на Петербургском международном экономическом форуме¹. Причем основой этого проекта, по его словам, призвано стать СНГ.

Материалы и методы

Поскольку в работе применяется эмпирический метод анализа роли БЕП для Казахстана через исследование мотивов заинтересованности этой республики в интеграции в рамках СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, при подготовке статьи автором изучены коммюнике, заявления, интервью и стенограммы выступлений официальных лиц РК, руководства соответствующих многосторонних объединений, а также торговые и инвестиционные показатели их стран-участниц. Задействованный теоретико-аналитический метод опирается на системный, структурно-функциональный анализ, а также ретроспективный подход к оценке внешней политики Казахстана. В целях определения нынешнего положения Астаны в международных отношениях и роли ОДКБ, ЕАЭС и СНГ в ее политике использована совокупность теоретических приемов, предназначенных для выявления государств «среднего уровня»: позиционный, бихевиористский (поведенческий), конструктивистский и субъектный подходы. Уместным при исследовании поведения РК внутри межгосударственных объединений было применение теории функционализма Д. Митрани, которая предоставила возможность проследить эволюцию интеграции Астаны в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС и прояснила пути дальнейшего развития общеевразийского формата. Исторический метод заключался в детальном рассмотрении приоритетов и политики республики в ходе председательств в указанных организациях.

Результаты

Проект «Большое Евразийское партнерство»

Евразийское пространство предусматривает создание и модернизацию логистической инфраструктуры для обеспечения бесперебойного движения капиталов, товаров и услуг между европейскими и азиатскими странами. В этой связи «несущими опорами» БЕП признаются Международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг», предполагающий развитие торгово-хозяйственной кооперации на линии Севера и Юга, а также китайская инфраструктурная инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП), нацеленная на возведение трансъевразийских экономических коридоров между Востоком и Западом, в том числе при подключении логистических возможностей России и ее партнеров по ЕАЭС и СНГ.

Наличие у Москвы экономикоцентричного видения БЕП отражено в заявлении российского МИДа от 15 июня 2023 г. Указывается, что ядро Большой Евразии могут составить такие «дополняющие форматы», как МТК «Север — Юг» и китайский проект ОПОП [6, с. 71]. Кроме того, в документе задается ряд магистральных треков развития евразийского пространства: сеть межгосударственных инвестиционных и торговых соглашений, транспортная и экономическая взаимосвязанность, финансовое, энергетическое и цифровое измерения.

Идеологическая концепция Большой Евразии позиционируется в увязке с европейскими странами, охватывается пространство от Шанхая до Лиссабона². Установка на изоляцию от Запада отсутствует. Российским руководством подчеркивается заинтересованность в модернизации подходов к кооперации с ЕС на основе принципов равноправия и взаимной выгоды, к включению взаимодействия по линии ЕАЭС — ЕС в контур евразийского регионализма. Наметившийся в 2022 г. разворот в российской внешней политике также не изменил видения БЕП как платформы для экономического взаимодействия в широком географическом пространстве Европы и Азии. Скорее наоборот, геополитическая конфронтация

¹ Токаев: Казахстан положительно относится к созданию Большого Евразийского партнерства [Электронный ресурс] // ТАСС. 17.06.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14954993> (дата обращения: 29.10.2025).

² K. M. Barsky: Chapter 23. Greater Eurasian Partnership: Security Threats and Optimal Responses [Электронный ресурс] // ПИР-Центр. 15.04.2024. URL: <https://pircenter.org/en/editions/security-index-yearbook-chapter-23-third-decade-of-the-21st-century-promises-to-be-very-turbulent-on-a-new-global-order-and-its-nuclear-dimension/> (дата обращения: 29.10.2025).

ускорила кристаллизацию данной концепции. В мае 2022 г. Президент России отметил, что БЕП должно изменить политическую и экономическую архитектуру, стать гарантом безопасности и процветания на всем континенте с учетом многообразия моделей развития всех народов¹.

Анализ базовых принципов внешней политики Казахстана

При документальном анализе внешних ориентиров РК рельефно выделяется попытка Акорды² вписать «среднедержавные» и свои лидерские штрихи в субрегиональный геополитический дискурс. В Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг. признается статус Казахстана как «среднего регионального государства»³. В отношении состояния современной системы международных отношений в доктрине акцентируется ее высококонкурентный характер. В этих условиях, как подчеркивается авторами Концепции, Казахстану важно позиционировать себя ответственным и активным участником международного развития, использовать в полной мере весь свой внешнеполитический потенциал в области экономической и культурно-гуманитарной дипломатии, охраны окружающей среды, поддержания региональной и глобальной безопасности.

Из вышеприведенного анализа Концепции видно, что Казахстан уравнивает термины «средняя держава» и «ведущее региональное государство». В этой связи можно предположить, что Астана использует «среднедержавный» образ для упрочения своих субрегиональных позиций, действуя в соответствии с утверждением, что «средняя держава — это роль в поисках актера» [11, с. 827]. То есть статус державы «среднего уровня» является лишь ролью, которую в зависимости от конъюнктуры в мировой политике «примеривают» на себя государства и действуют согласно определенному сценарию. Для РК один из таких сценариев — активное участие в процессе евразийской интеграции. «Средней державой» Казахстан называет президент республики в своей концептуальной статье, вышедшей в мае 2024 г. на сайте Euronews⁴. К. К. Токаев не просто обосновывает этот статус РК, а подчеркивает его решающую роль в формировании и дальнейшем сохранении многостороннего мирового порядка.

Политика Казахстана в рамках ОДКБ, ЕАЭС и СНГ

Исходя из предположения, что Казахстан является субрегиональной «средней державой», рассмотрим поведение этой страны в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС с проекцией на БЕП. Для определения места этих объединений во внешнеполитических приоритетах РК следует изучить поведение Астаны в периоды ее председательств в разные годы.

В 2015 г. Казахстан сосредоточился на выстраивании равноправного и добрососедского партнерства государств — участников СНГ «в целях придания поступательной динамики развитию Содружества, обеспечения роста благосостояния народов государств-участников»⁵. Вместе с тем, несмотря на демонстрируемую приверженность общим целям, в своих приоритетах на период «шефства» в объединении РК настойчиво продвигала тезис о наличии у нее значительного транзитного потенциала, раскрытие которого в рамках СНГ, по замечанию руководства республики, должно способствовать росту взаимной торговли государств-участников. Казахстан видел в председательстве подспорье для реализации своих экономических приоритетов. Это также угадывается в призывах Астаны к активизации усилий стран-участниц по запуску международного автомобильного коридора «Западная Европа — Западный Китай» в рамках инициативы Пекина ОПОП.

В тот год РК также была сфокусирована на интенсификации экономической интеграции стран Содружества и работала над принятием Плана мероприятий по реализации третьего этапа (2016–2020 гг.)

¹ Первый Евразийский экономический форум [Электронный ресурс] // Президент России. 26.05.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68484> (дата обращения: 29.10.2025).

² Акорда — резиденция президента Республики Казахстан. Является штаб-квартирой Администрации Президента Казахстана.

³ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы [Электронный ресурс] // Сайт Акорды. 09.03.2020. URL: <https://www.akorda.kz/ru/legal Acts/decrees/o-konsepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody> (дата обращения: 29.10.2025).

⁴ Middle powers have the power to save multilateralism 28.05.2024 [Электронный ресурс] // Euronews. URL: <https://www.euronews.com/2024/05/28/middle-powers-have-the-power-to-save-multilateralism> (дата обращения: 29.10.2025).

⁵ Концепция председательства Республики Казахстан в Содружестве Независимых Государств в 2015 году [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. 2015. URL: <https://e-cis.info/page/3625/81009/> (дата обращения: 29.10.2025).

Стратегии экономического развития СНГ. Кроме того, за время своего председательства Казахстан провел ряд значимых с точки зрения продвижения торговой, промышленной и деловой кооперации заседаний Совета по промышленной политике государств — участников СНГ, Электроэнергетического Совета СНГ и Комиссии государств — участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях. Значимости данному направлению кооперации участников объединения придало создание в январе 2015 г. ЕАЭС. На Казахстан, в том числе как на государство — инициатора евразийской интеграции, легла основная ответственность по приведению разработанных в рамках СНГ проектов правовых актов в соответствие с правом Союза. Именно в 2015 г. из уст первого президента РК Н. А. Назарбаева прозвучали призывы к более тесному взаимодействию ЕАЭС и ШОС, а также по проекту «Экономический пояс Шелкового пути»¹.

Содержательная «вахта» Казахстана в СНГ в 2015 г. придала импульс выдвинутой Россией в этом же году инициативе БЕП. Несмотря на явное стремление РК повысить при помощи Содружества собственный логистический потенциал, международный статус (за счет антиядерных инициатив) и инвестиционную привлекательность, прослеживаемое совпадение интересов Москвы и Астаны по увязке своих региональных экономических и geopolитических инициатив с интеграционными проектами на постсоветском пространстве (СНГ, ЕАЭС и ШОС) сформировало широкий каркас будущего контура Большой Евразии.

К. К. Токаев по итогам казахстанского председательства в Содружестве подчеркнул вклад республики в реализацию задач Стратегии экономического развития СНГ до 2030 г. Наряду с этим он акцентировал казахстанские усилия по устранению барьеров в межрегиональной торговле, обернув этот очевидно экономический интерес в оболочку гуманитарных устремлений Астаны по обеспечению глобальной продовольственной безопасности. В продолжение этой мысли президент РК указал на приоритетное место МТК «Север — Юг» в целеполагании данного объединения².

Под председательством Казахстана в 2022 г. была принята Программа сотрудничества государств — участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насилиственными проявлениями экстремизма на 2023–2025 гг., а также начата подготовка документов по созданию институтов наблюдения при СНГ и статуса «партнера» Содружества. Инициативы Акорды по расширению взаимодействия с внешними игроками вписываются в традиционную приверженность Казахстана достижению более весомых политических позиций на глобальной арене. К тому же таким образом Казахстану было бы проще добиваться признания своих международных инициатив (создание Регионального центра ООН по целям устойчивого развития для Центральной Азии и Афганистана, повышения статуса Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), продвижение нужных резолюций в Генассамблее ООН и т. п.).

Подтверждением последовательности шагов Казахстана по консолидации экономического аспекта интеграции СНГ стала озвученная К. К. Токаевым на заседании Совета глав государств СНГ в октябре 2024 г. инициатива по созданию формата СНГ+ и проведению «Ярмарки Содружества», суть которой, по словам казахстанского лидера, заключается в организации торговых выставок на пространстве объединения «с приглашением ремесленников и аграриев всего Евразийского региона». Тут президент РК подчеркивает необходимость расширения торгово-экономического фокуса СНГ на всю Евразию, что совпадает с планами формирования БЕП. К тому же в своем выступлении он сделал упор на усиление взаимодействия в промышленности, таможенном регулировании, формировании новых логистических цепочек, цифровизации³.

¹ Выступление Президента Казахстана Н. Назарбаева на VIII Астанинском экономическом форуме [Электронный ресурс] // Сайт Акорды. 22.05.2015. URL: https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazahstana-nazarbaeva-na-viii-astaninskem-ekonomicheskem-forume (дата обращения: 29.10.2025).

² Токаев принял участие в неформальной встрече глав государств СНГ [Электронный ресурс] // Газета «Казахстанская правда». 07.10.2022. URL: <https://kazpravda.kz/n/tokaev-prinjal-uchastie-v-neformalnoy-vstreche-glav-gosudarstv-sng/?ysclid=m8crnfwm36129819916> (дата обращения: 29.10.2025).

³ Токаев предложил странам СНГ запустить программу «Ярмарка Содружества» [Электронный ресурс] // Zakon.kz. 08.10.2024. URL: <https://www.zakon.kz/politika/6451632-tokaev-predlozhil-stranam-sng-zapustit-programmu-yarmarka-sodruzhestva.html> (дата обращения: 29.10.2025).

Естественным базисом экономической составляющей евразийского партнерства является архитектура континентальной безопасности. Признавая высокое значение сферы военно-политического многостороннего сотрудничества, Казахстан уделяет особое внимание кооперации в рамках ОДКБ. При этом Астана является одной из наиболее инициативных государств — членов организации. В Военной доктрине РК 2017 г. в вопросах военного международного значения приоритетное место отведено именно этому объединению, в котором республика преследует задачи поэтапной технической модернизации своих войск, повышения боеспособности личного состава армии и модификации вооружения¹. Республика внесла весомый вклад в создание и развитие Коллективных сил оперативного реагирования, принятие Антинаркотической стратегии государств — членов ОДКБ на 2015–2020 гг. и формирование Коллективных авиационных сил.

В условиях сложной обстановки вблизи южных границ Центральной Азии Астана видит в ОДКБ эффективный институт для противодействия террористической угрозе. В этой связи в 2016 г. на площадке ГА ООН реализована инициатива РК о принятии универсального кодекса поведения по достижению мира, свободного от терроризма (поддержали более 70 государств).

В 2024 г. приоритеты председательства РК в ОДКБ несколько трансформировались, приобретя в большей степени именно антитеррористическую направленность. Повышенное внимание Астаны к кооперации в сфере безопасности продиктовано, как представляется, опасениями казахстанских властей перед активизацией терактов в стране. Так, например, январские события 2022 г. К. К. Токаев назвал «террористической атакой, направленной на подрыв государственного строя»². Очевидна заинтересованность Казахстана как «средней державы» в солидарном подходе к противодействию международному терроризму и религиозному радикализму, что стало одним из факторов, повлиявших на одобрение Астаной на заседании Совета министров иностранных дел (СМИД) Организации в Алматы в июне 2024 г. проекта решения «О целевой межгосударственной программе ОДКБ по укреплению таджикско-афганской границы».

Хотя публично на высшем уровне вопрос построения на базе БЕП архитектуры континентальной безопасности не провозглашается, в описании проекта этот аспект пунктирно все же вырисовывается, однако в качестве дополняющего экономическое измерение элемента. Разумеется, что для обеспечения устойчивого функционирования торговых транспортных маршрутов необходимы механизмы противодействия миграционным кризисам, предупреждению международного терроризма и религиозного экстремизма. В этой связи неотъемлемой частью Большой Евразии становятся Антитеррористический центр государств — участников СНГ и Секретариат ОДКБ по вопросам противодействия терроризму и экстремизму. Деятельное участие РК в формировании этих структур указывает на то, что логика формирования БЕП гармонично вписывается в установки Казахстана по стимулированию интеграции в рамках ОДКБ.

Ввиду значительной экономической «начинки» БЕП, центром притяжения евразийской интеграции в том числе воспринимается ЕАЭС. В основу концепции данного объединения заложены принципы равноправия, консенсуса и взаимной выгоды. Такой демократичный характер Союза является благодатной почвой для расширения и углубления пространства Большой Евразии.

Для Казахстана ЕАЭС является важнейшим вектором внешнеэкономической деятельности, который позволяет в полной мере раскрыть хозяйственный потенциал благодаря свободному обмену товарами, капиталом, рабочей силой и услугами с соседними странами. Товарооборот РК с партнерами за 10 лет существования этой группировки вырос на 60%. Сейчас доля ЕАЭС в общей торговле Казахстана составляет более 20%.

Касательно политики Казахстана в отношении ЕАЭС нельзя не отметить его сосредоточенность в большей степени на созвучных интересам республики экономических вопросах развития интеграции.

¹ Военная доктрина Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Сайт Акорды. 2017. URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/voennyyu-doktrinu-respubliki-kazakhstan (дата обращения: 29.10.2025).

² Токаев о январских событиях: Мы настаиваем, что это была террористическая атака [Электронный ресурс] // КазТАГ. 13.10.2023. URL: <https://kaztag.kz/ru/news/tokaev-o-yanvarskikh-sobytiyakh-my-nastaivaem-cto-eto-byla-terroristicheskaya-ataka> (дата обращения: 29.10.2025).

Так, РК не скрывает своего интереса в устраниении таможенных пошлин для повышения конкурентоспособности казахстанской продукции, получении доступа к газотранспортной инфраструктуре государств-партнеров и активизации международных торговых контактов объединения.

Усилия ЕАЭС по расширению торговых связей с другими субъектами мировой политики отвечают желаниям Астаны повысить свою роль на континенте. Ввиду наличия тесных экономических связей Казахстана с Китаем (основной торговый партнер — в 2024 г. товарооборот составил 30 млрд долл.) республика заинтересована в сближении объединения с этой страной и его сопряжении с проектами Поднебесной.

По утверждению ряда исследователей, перспективы Союза, развивающегося в соответствии с замыслом БЕП, будут естественно соприкасаться с китайскими общеконтинентальными инициативами. Исходя из вышеупомянутых казахстанских внешнеполитических приоритетов, Астана отдает предпочтение этому сценарию расширения ЕАЭС. Как указывает академик РАН С. Ю. Глазьев, «ЕАЭС строится на принципах Большого Евразийского партнерства и может предлагать разнообразные формы сотрудничества различным странам. Сопряжение ЕАЭС и ОПОП может рассматриваться как основа формирования Большого Евразийского партнерства» [2, с. 17]. При этом нельзя забывать и о рисках для РК от чрезмерного усиления экономического влияния Китая, который мог бы полностью вытеснить местный казахстанский бизнес с республиканского рынка. Отсюда следует, что участие в ЕАЭС и тесное сотрудничество с Москвой позволит Астане сохранить баланс в отношениях с крупными партнерами в Большой Евразии [3, с. 52].

В связи с континентальной закрытостью республики значимым системным фактором роста экономики Казахстана и расширения ее профиля является снижение логистических издержек. ЕАЭС, в частности, помогает решить задачу установления единых транспортных тарифов на центральноазиатском пространстве. Наряду с этим союзные договоренности о доступе к инфраструктуре и внутригосударственным тарифам стран-партнеров на перевозку грузов позволяют казахстанскому бизнесу сократить логистические расходы. Соответственно, повышается конкурентоспособность казахстанской продукции на зарубежных рынках.

Внутри ЕАЭС явственно проявляются «среднедержавные» черты политики Казахстана, который ориентирует свою дипломатию на минимизацию внутриорганизационных конфликтов. Как отмечает канадский исследователь Э. Купер, «средние державы» склонны выполнять роль катализаторов и медиаторов в международных отношениях [10, с. 232]. Ярким примером такого подхода могут служить посреднические действия РК в ходе так называемого «молочного конфликта» между Россией и Белоруссией в 2020 г., когда для защиты своих производителей Москва начала применять протекционистские меры против Минска вразрез принципам общего рынка. Конфликт возник на фоне того, что Беларусь значительно зависит от экспорта молочной продукции в Россию (доля белорусской молочной продукции на российском рынке может достигать 80 %), а Москва, ссылаясь на вопросы безопасности и соблюдения технических стандартов, начала применять меры, ограничивающие свободное перемещение этой продукции внутри ЕАЭС. В результате благодаря предложенному Астаной компромиссу удалось урегулировать разногласия: вместо отраслевого запрета Россия согласилась ограничить поставки только с конкретных предприятий, не соответствующих необходимым требованиям, тем самым сохранив общий режим свободного обращения белорусской молочной продукции между государствами — членами объединения.

Инвестиционный угол ЕАЭС также имеет весомое значение для Казахстана. Высшим Евразийским экономическим советом определено, что углубление интеграции в рамках Союза способствует привлечению внeregиональных прямых иностранных инвестиций (ПИИ), которые к 2030 г., по оценкам этой структуры, могут достичь 90 млрд долл. США [4, с. 49]. При этом акцент делается на инвестициях самих государств — членов объединения. Основным инвестором внутри ЕАЭС является Россия, за ней следует Казахстан, Беларусь и Армения. Однако ввиду схожести РФ и РК с точки зрения обеспеченности ресурсами, уровня образования и дохода на душу населения, мотивов для взаимных ПИИ у этих стран относительно немного. В этой связи площадка ЕАЭС привлекательна для РК как инструмент

привлечения инвестиций из третьих евразийских стран. С учетом этой заинтересованности Астана могла бы стать одним из двигателей совершенствования инвестиционного аспекта Союза, продвигая сотрудничество в области унификации положений о защите инвестиций, предоставления внешним инвесторам общих для ЕАЭС преференций и т. д.

Обсуждение

Казахстан, исходя из рассмотренных в исследовании приоритетов его председательства в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, осторожно внедряет интеграционные инициативы, избегая форсированного расширения кооперации в политической области, которая, по сути, не является центральной в процессе формирования Большой Евразии. Просматривается попытка руководства республики осуществить сопряжение своих национальных интересов со структурными региональными форматами, в том числе с СНГ, ЕАЭС и ОДКБ. А поскольку замыслом этого проекта является гармонизация региональных экономических объединений на универсальных принципах международной торговли [5, с. 69], Астану можно рассматривать в качестве одного из наиболее последовательных сторонников воплощения идеи БЕП. Кроме того, республика, отводя себе функции субрегионального актора, наиболее активно в Центральной Азии участвуя в ОДКБ, ЕАЭС и СНГ и стремясь диверсифицировать инвестиционные потоки в этот субрегион, может стать основным проводником интересов центральноазиатских стран при сопряжении упомянутых интеграционных объединений с ШОС, АСЕАН и другими многосторонними структурами Евразии.

В политическом плане РК также предстает гармоничным звеном рассматриваемых евразийских интеграционных процессов. Стремление республики найти точки соприкосновения со всеми векторами силы в условиях геополитического противостояния отвечает установке БЕП на вовлечение европейских государств в экономический каркас этого проекта. В вопросе сотрудничества интеграционных структур Европы и Азии «среднедержавный» нарратив Астаны также созвучен постулатам евразийского партнерства, поскольку, по мнению американского политолога Р. Кохейна, «средние державы» демонстрируют свою приверженность субрегиональным и региональным интеграционным процессам. Лидеры таких государств признают неспособность их стран достигать своих внешнеполитических целей в одиночку [13, с. 296]. А согласно утверждению исследователя Р. Хиггота, «средние державы» склонны к нейтральной роли в мировой политике, добросовестному соблюдению международного права и многостороннему подходу к решению глобальных проблем [12, с. 31]. Такой подход гармонирует с неконфронтационным характером БЕП.

Заключение

Формирование пространства Большой Евразии немыслимо без достижения внутренней целостности, подразумевающей совпадение интересов всех акторов, вовлеченных в этот процесс. Именно консенсусный характер этого проекта является основным залогом успеха его реализации. Для нахождения общего знаменателя важно анализировать подходы евразийских государств к идеи БЕП, оценивать уровень их вовлеченности в интеграционные потоки в Евразии. Казахстан с его проактивной политикой и претензией на лидерство в центральноазиатском масштабе заслуживает особого внимания.

Произведенный разбор подходов РК к СНГ, ЕАЭС и ОДКБ в целом позволяет утверждать, что эта страна стремится к созданию обширных, прежде всего, экономических связей на евразийском пространстве за счет потенциала данных объединений. В случае с ЕАЭС и СНГ Астана решает свои хозяйствственные и транспортно-логистические вопросы, а также повышает свою инвестиционную привлекательность. ОДКБ же позволяет Казахстану путем коллективных усилий купировать угрозы безопасности. Такое деяльное участие этой страны в региональных центростремительных процессах укладывается в логику

БЕП, предполагающего создание единого экономического, социокультурного пространства и обеспечение принципа неделимой безопасности.

Взгляд на деятельность РК в СНГ, ОДКБ и ЕАЭС в преломлении к общеконтинентальному формату интеграции позволяет сделать также вывод о совпадении логики России и Казахстана по использованию потенциала уже существующих постсоветских региональных структур для совершенствования международных маршрутов.

В процессе конструирования Большой Евразии Казахстан выступает в качестве объединяющего государства, который, участвуя в основных евразийских интеграционных структурах (СНГ, ЕАЭС и ОДКБ), благодаря своей равноудаленности оперирует множеством дву- и многосторонних соглашений, проявляет практический деятельный интерес к международным инициативам и проектам. Такое позиционирование Казахстана определяет БЕП в качестве основополагающего ориентира многовекторной внешней политики Астаны. Тем самым замыслы формирования общеконтинентального евразийского пространства удачно вписываются в канву внешнеполитических приоритетов республики, центральное место в которых, как подтверждается в статье, занимает развитие эффективной интеграционной сети в Евразии.

Список литературы

1. Болгова И. В., Никитина Ю. А. Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом // Современная Европа. 2019. № 5 (90). С. 13–23. EDN: IFVBZZ. DOI: 10.15211/soveurope520191322.
2. Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 1. С. 10–21. EDN: GXIUNF. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21.
3. Давыдова Ю. А., Каргаполова Е. В. Сотрудничество России и Казахстана как вектор евразийской интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 2. С. 51–59. EDN: BNCVBD. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-51-60.
4. Демина Ю. А. Приток прямых иностранных инвестиций в ЕАЭС: проблемы и перспективы // Экономические исследования и разработки. 2024. № 10. С. 49–56. EDN: PVHWDH.
5. Кефели И. Ф. Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 65–76. EDN: PCXPUJ.
6. Кулинцев Ю. В. Большое евразийское партнерство в системе региональных интеграционных процессов // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. С. 66–79. EDN: CDRRQD. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10004.
7. Лексин В. Н. Проект «Большая Евразия» и проблемы устойчивости сложившегося миропорядка // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. № 5-1. С. 196–200. EDN: VHWXPG.
8. Новиков Д., Горенкин К. Большая Евразия в условиях новой «холодной войны»: вызов или возможность? // Международные процессы. 2023. Т. 21, № 4 (75). С. 171–190. EDN: DXSEMD. DOI: 10.17994/IT.2023.21.4.75.5.
9. Осадчая Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. М. : Экон-Информ, 2021. 346 с. EDN: FJASSX. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021.
10. Cooper A., Higgott R., Kim R. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Vancouver : UBC Press, 1993. 240 p. ISBN: 9780774853736. DOI: 10.59962/9780774853736.
11. Cox R. W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // International Journal. 1989. Vol. 44, No. 4. P. 823–862. DOI: 10.2307/40202638.
12. Higgott R. A. Issues, Institutions and Middle-Power Diplomacy: Action and Agenda in the Post-Cold War Era // Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / ed. by Andrew F. Cooper. London : Macmillan Press, 1997. P. 25–45. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1_2.
13. Keohane R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. Spring 1969. Vol. 23, No. 2. P. 291–310. DOI: 10.1017/S002081830003160X.

Об авторе:

Суточкин Руслан Сафаевич, соискатель, Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД Российской Федерации (Москва, Россия), специальность «Международные отношения, глобальные и региональные исследования»;
e-mail: ars.shamsh@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-8866-6076

References

1. Bolgova, I., Nikitina, Y. Eurasian Economic Union at a Crossroads Between Integration and Sovereignty // Contemporary Europe. 2019. No. 5 (90). P. 13–23 (In Russ.). EDN: IFVBZZ. DOI: 10.15211/soveurope520191322.
2. Glazyev, S. Yu., Kefeli, I. F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 1. P. 10–21 (In Russ.). EDN: GXIUNF. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-10-21.
3. Davydova, Yu. A., Kargapolova, E. V. Cooperation between Russia and Kazakhstan as a Vector of Eurasian Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 2. P. 51–59 (In Russ.). EDN: BNCVBD. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-02-51-60.
4. Demina, Yu. A. Inflow of Foreign Direct Investment into the EAEU: Problems and Prospects // Economic Development Research Journal. 2024. No. 10. P. 49–56 (In Russ.). EDN: PVHWDH.
5. Kefeli, I. F. Geopolitical Aspects of the Initiatives and Projects Forming Greater Eurasian Partnership // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2019. No. 3. P. 65–76 (In Russ.). EDN: PCXPUJ.
6. Kulintsev, Yu. V. The Greater Eurasian Partnership in the System of Regional Integration Processes // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2020. No. 25. P. 66–79 (In Russ.). EDN: CDRRQD. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10004.
7. Leksin, V. N. The Greater Eurasia Project and Problems of Sustainability of the Established World Order // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. 2022. No. 5–1. P. 196–200 (In Russ.). EDN: VHWXPG.
8. Novikov, D., Gorenkin, K. Greater Eurasia in the New Cold War. Challenge or Opportunity? // International Trends. 2023. Vol. 21, No. 4 (75). P. 171–190 (In Russ.). EDN: DXSEMD. DOI: 10.17994/IT.2023.21.4.75.5.
9. Osadchaya, G. I. Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format. Moscow : Econ-Inform, 2021. 346 p (In Russ.). EDN: FJASSX. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021.
10. Cooper, A., Higgott, R., Kim, R. Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Vancouver : UBC Press, 1993. 240 p. ISBN: 9780774853736. DOI: 10.59962/9780774853736.
11. Cox, R. W. Middlepowermanship, Japan, and Future World Order // International Journal. 1989. Vol. 44, No. 4. P. 823–862. DOI: 10.2307/40202638.
12. Higgott, R. A. Issues, Institutions and Middle-Power Diplomacy: Action and Agenda in the Post-Cold War Era // Niche Diplomacy. Middle Powers after the Cold War / ed. by Andrew F. Cooper. London : Macmillan Press, 1997. P. 25–45. DOI: 10.1007/978-1-349-25902-1_2.
13. Keohane, R. Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics // International Organization. Spring 1969. Vol. 23, No. 2. P. 291–310. DOI: 10.1017/S002081830003160X.

About the author:

Ruslan S. Sutochkin, PhD Candidate, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Moscow, Russia), specialty “International relations, global and regional studies”;
e-mail: ars.shamsh@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-8866-6076

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Суточкин Р. С., 2025

специальность: 5.5.4

оригинальная статья / original paper

EDN: QRQXWQ

Механизмы совершенствования межпарламентского сотрудничества на постсоветском пространстве

Мохорова А. Ю., Черноземова Я. В.*, Демидова Е. Н.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: yanaa20@mail.ru

ORCID: 0009-0008-9981-1423

РЕФЕРАТ

В исследовании рассматривается потенциал межпарламентских институтов Организации Договора о коллективной безопасности, Содружества Независимых Государств и Евразийского экономического союза с точки зрения их вклада в формирование системы коллективной безопасности и стабильности в регионе в условиях глобальной трансформации. **Цель.** Исследование ключевых механизмов развития межпарламентского сотрудничества на постсоветском пространстве с последующей выработкой практических рекомендаций по их оптимизации. **Задачи:** анализ институциональной архитектуры и правовых основ ключевых межпарламентских институтов на постсоветском пространстве; выявление системных ограничений и вызовов, снижающих эффективность межпарламентского сотрудничества в сфере безопасности; определение потенциала и разработка конкретных предложений по институциональным реформам, направленным на повышение обязательности принимаемых решений. **Методология.** Использовались такие приемы и способы исследования, как анализ документов, лежащих в основе взаимодействия государств для обеспечения безопасности; сравнение полномочий межпарламентских институтов исследуемых объединений; институциональный подход для исследования межпарламентских структур как формальных институтов с правилами, нормами, процедурами и практиками; системный подход для рассмотрения межпарламентского сотрудничества как подсистемы более широкой системы международных отношений на постсоветском пространстве. **Результаты.** Исследование выявляет системные ограничения, препятствующие полной реализации мандатов межпарламентских институтов, такие как недостаточная обязательность принимаемых решений и различия в политических приоритетах стран-участниц вышеуказанных организаций. Практическая значимость исследования заключается в разработанном комплексе конкретных рекомендаций, направленных на качественное повышение эффективности межпарламентского сотрудничества. Среди ключевых предложений: усиление мониторинговых механизмов, развитие специализированных рабочих групп по актуальным угрозам, унификация стандартов наблюдательной деятельности и формализация подходов к оформлению итоговой отчетности. **Выводы.** Межпарламентские институты Евразии обладают значительным, но нереализованным потенциалом в сфере безопасности, усиление которого требует глубоких институциональных реформ. Ключевыми направлениями являются укрепление правового статуса принимаемых решений через механизмы обязательной ратификации и создание системы мониторинга, а также усиление координации с исполнительными органами власти. Реализация этих мер позволит создать устойчивую систему коллективной безопасности, способную адекватно реагировать на современные вызовы.

Ключевые слова: межпарламентские институты, евразийское пространство, постсоветское пространство, обеспечение безопасности, Парламентская Ассамблея ОДКБ, Межпарламентская Ассамблея СНГ

Для цитирования: Мохорова А. Ю., Черноземова Я. В., Демидова Е. Н. Механизмы совершенствования межпарламентского сотрудничества на постсоветском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 139–149. EDN: QRQXWQ

Mechanisms for Improving Interparliamentary Cooperation in the Post-Soviet Space

Anna Yu. Mokhorova, Yana V. Chernozemova*, Elena N. Demidova

St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: yanaa20@mail.ru

ORCID: 0009-0008-9981-1423

ABSTRACT

The study examines the potential of the inter-parliamentary institutions of the Collective Security Treaty Organization, the Commonwealth of Independent States, and the Eurasian Economic Union in terms of their contribution to the formation of a collective security and stability system in the region in the context of global transformation. **Aim.** The goal is to explore the key mechanisms for developing inter-parliamentary cooperation in the post-Soviet space, followed by the development of practical recommendations for their optimization. **Tasks.** The objectives include: analyzing the institutional architecture and legal framework of key inter-parliamentary institutions in the post-Soviet space; identifying systemic limitations and challenges that reduce the effectiveness of inter-parliamentary cooperation in the field of security; and identifying potential and developing specific proposals for institutional reforms aimed at increasing the binding nature of decision-making. **Methods.** The research methods used include the analysis of documents underlying the interaction between states to ensure security; the comparison of the powers of the IPAs of the studied associations; the institutional approach for studying inter-parliamentary structures as formal institutions with rules, norms, procedures, and practices; and the systemic approach for considering inter-parliamentary cooperation as a subsystem of the broader system of international relations in the post-Soviet space. **Results.** The study identifies systemic limitations that hinder the full implementation of the IPI's mandates, such as the lack of binding nature of the decisions made and the differences in the political priorities of the participating countries. The practical significance of the study lies in the development of a set of specific recommendations aimed at improving the effectiveness of inter-parliamentary cooperation. Key proposals include strengthening monitoring mechanisms, developing specialized working groups on current threats, unifying standards for monitoring activities, and formalizing approaches to reporting.

Conclusions. The inter-parliamentary institutions of Eurasia have significant but unrealized potential in the field of security, the strengthening of which requires deep institutional reforms. The key areas are strengthening the legal status of decisions through mandatory ratification mechanisms and creating a monitoring system, as well as strengthening coordination with executive authorities. Implementing these measures will create a sustainable collective security system that can adequately respond to current challenges.

Keywords: interparliamentary institutions, Eurasian space, post-Soviet space, ensuring security, CSTO Parliamentary Assembly, CIS Interparliamentary Assembly

For citation: Mokhorova A. Yu., Chernozemova Ya. V., Demidova E. N. Mechanisms for Improving Interparliamentary Cooperation in the Post-Soviet Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 139–149 (In Russ.). EDN: QRQXWQ

Введение

В условиях глобальной трансформации международных отношений и усиления геополитической конкуренции вопросы разработки эффективных механизмов совершенствования межпарламентского сотрудничества приобретают особую актуальность. В данном исследовании евразийское пространство рассматривается в контексте деятельности таких региональных организаций, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Содружество

Независимых Государств (СНГ). В эти международные объединения входит круг стран, исторически и культурно связанных фактом их существования на территории бывшего Советского Союза, что определяет специфику проблем, касающихся области безопасности. Взаимодействуя в этих структурах, государства стремятся согласовать различные формы международной активности для укрепления суверенитета и получения выгоды от сотрудничества. Развитие межпарламентских институтов (далее — МПИ) играет ключевую роль в формировании правовых основ сотрудничества и выработке согласованных подходов к решению общих проблем.

Целью является исследование ключевых механизмов совершенствования межпарламентского сотрудничества на постсоветском пространстве, оценка их эффективности и разработка практических рекомендаций по оптимизации взаимодействия в рамках существующих интеграционных структур.

Согласно Концепции внешней политики РФ (2023 г.), Россия стремится к формированию единого евразийского пространства, основанного на стабильности и взаимном доверии¹. В соответствии с ней органы государственной власти России придают важное значение формированию системы, обеспечивающей равную и неделимую безопасность для всех государств, входящих в рассматриваемые международные организации евразийского пространства. В развитии данного направления взаимодействия между странами региона был предложен проект «евразийской системы безопасности», который акцентирует усилия государств Евразии по следующим направлениям: военным, энергетическим, транснациональным [9].

Одним из векторов достижения необходимого уровня безопасности является институциональное развитие межпарламентского сотрудничества. Исследования показывают, что парламентская дипломатия играет ключевую роль в углублении интеграционных процессов на постсоветском пространстве. А. С. Миксюк [4, с. 764] выделяет следующие этапы развития межпарламентских структур в СНГ, включая: Межпарламентскую Ассамблею СНГ (МПА СНГ), Парламентскую Ассамблею ОДКБ (ПА ОДКБ), Межпарламентскую Ассамблею ЕврАзЭС. При этом отмечается, что отсутствие парламентского органа в ЕАЭС ограничивает взаимодействие, сводя его к двусторонним форматам [3, с. 21].

Парламентские институты рассматриваются авторами как необходимые инструменты обеспечения разнообразных граней безопасности. Так, в частности, А. В. Торопыгин и Е. В. Петрищев выделяют вклад ПА ОДКБ в решение вопросов гармонизации законодательства в области безопасности в условиях кризисных явлений [6; 8]. А. П. Хлопко обращает внимание на конкретные проблемы сотрудничества в рамках ПА ОДКБ, прежде всего, в аспекте реализации решений [10].

R. Pradhan и S. Kakoty рассматривают СНГ как формирующуюся модель региональной безопасности, подчеркивая его эволюцию от постсоветского формата к полноценной платформе взаимодействия [14]. В работе [13] поднимается вопрос о влиянии многостороннего парламентаризма в СНГ на региональную интеграцию.

Некоторые исследователи рассматривают межпарламентское сотрудничество в более глобальном контексте. Так, Л. Е. Ильичева и А. А. Лесников исследуют участие Российской Федерации в международных парламентских организациях, таких как ПА ОБСЕ (Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе), АИПА (АСЕАН) (Межпарламентская организация Ассоциации государств Юго-Восточной Азии), АПА (Азиатская парламентская ассамблея), ПАРЛАТИНО (Латиноамериканский парламент) и др. Они отмечают, что парламентские структуры стали важным инструментом продвижения национальных интересов [2]. А. Р. Eshonqulov и Ch. Vannarith обращают внимание на тенденцию возрастания влияния парламентов на международные отношения в последние десятилетия, выделяя их роль в разрешении конфликтов и устойчивом развитии [12; 16]. S. Stavridis констатирует растущий академический интерес к парламентской дипломатии, которая ранее изучалась преимущественно практиками [15]. Н. В. Ступаков отмечает, что МПА СНГ разработала более 600 модельных законов, способствующих унификации права в странах Содружества. Несмотря на их рекомендательный характер, они служат важным ориентиром для национальных законодателей [7, с. 20].

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Указом Президента Российской Федерации 31.03.2023 № 229) [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.06.2025).

Таким образом, из анализа результатов современных исследований вытекает, что дальнейшее развитие евразийской интеграции требует усиления межпарламентских механизмов, включая возможное создание парламентского органа ЕАЭС и повышение эффективности существующих структур.

Материалы и методы

В качестве методов исследования использовались такие приемы и способы исследования, как анализ документов, лежащих в основе взаимодействия государств для обеспечения безопасности; сравнение полномочий МПИ исследуемых объединений; институциональный подход для исследования межпарламентских структур как формальных институтов с правилами, нормами, процедурами и практиками; системный подход для рассмотрения межпарламентского сотрудничества как подсистемы более широкой системы международных отношений на постсоветском пространстве.

Рассмотрение евразийских межпарламентских институтов в аспекте поддержания необходимого уровня безопасности региона объективно необходимо для понимания возможных траекторий дальнейшего совершенствования межгосударственного взаимодействия, которые позволят решать проблемы противодействия наиболее острым вызовам современности.

Результаты

Межпарламентское сотрудничество в Евразии в рамках интеграционных объединений (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС) сталкивается с противоречием. С одной стороны, тесные экономические связи способствуют выработке совместных стратегий. С другой — несовершенство интеграционных механизмов и сложность согласования вопросов национальной безопасности препятствуют полной реализации этого потенциала.

В исследовании проведен сравнительный анализ организаций и деятельности парламентских структур, а также сложностей, с которыми они сталкиваются (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительный анализ МПА СНГ и ПА ОДКБ

Table 1. Comparative analysis of the IPA of the CIS and the PA of the CSTO

Показатель	Межпарламентская Ассамблея СНГ (МПА СНГ)	Парламентская Ассамблея ОДКБ (ПА ОДКБ)
Год образования	1992	2006
Учредительные документы	Соглашение (1992), Конвенция (1995), Регламент	Временное положение (2007), Регламент (2008)
Участники	8 стран: Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан и Узбекистан	6 стран: Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан. Наблюдатели: Сербия, Парламентское Собрание Союза Беларуси и России
Сессии	2 ежегодные (возможны внеочередные)	Не менее 2 раз в год
Руководящие органы	Совет МПА (главы парламентов), Председатель (избирается на 1 год)	Совет ПА ОДКБ, Председатель (избирается на 3 года, ротация)
Структура	Совет, Секретариат (Санкт-Петербург), 10 комиссий + 1 объединенная, Молодежная МПА	Совет, 3 комиссии (оборона, политика, соц.-эконом. вопросы), Секретариат (на базе МПА СНГ)
Принятие решений	Консенсус	Консенсус
Статус РФ	Член с 1992 г.	Член с 2006 г.
Квота делегаций РФ	Госдума — 43, Совет Федерации — 22	21 чел. (10 сенаторов + 11 депутатов)
Бюджет	Взносы стран-участниц	Долевое участие государств ОДКБ
Международный статус	Наблюдатель в ПА ОБСЕ, ПАЧЭС, МПС, ОИС; постоянный наблюдатель в Парламентском Собрании Союза Беларуси и России	Наблюдатель при ООН, МПС

Источник: составлено авторами на основе данных, представленных Государственной Думой Российской Федерации¹

¹ Международные парламентские организации [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/international/orgs/> (дата обращения: 15.06.2025).

Таким образом, можно сделать вывод, что ключевые различия межпарламентских институтов, действующих на территории евразийского пространства, заключаются в следующем: состав участников — в МПА СНГ входит восемь стран, в то время как в ПА ОДКБ шесть государств и четыре наблюдателя; к руководящим структурным подразделениям относятся — в МПА СНГ — Председатель, который избирается на год, в ПА ОДКБ Председатель избирается на три года с обязательной ротацией; Секретариат представляет в МПА СНГ самостоятельный орган, у ПА ОДКБ он действует на базе МПА СНГ; численность делегаций в МПА СНГ и ПА ОДКБ существенно различается, что повышает эффективность деятельности Парламентской Ассамблеи ОДКБ.

ПА ОДКБ — это парламентский орган военно-политического альянса. Его деятельность сосредоточена на вопросах коллективной безопасности и обороны и направлена на углубление интеграционных процессов в области коллективной безопасности, формирование единой международно-правовой базы ОДКБ и решение актуальных вызовов, включая урегулирование конфликтов и защиту прав человека. Ассамблея ОДКБ является важной площадкой для парламентского диалога в области формирования правовых основ коллективной безопасности, фокусируя свое внимание на военно-политическом сотрудничестве, что делает ее незаменимым инструментом противодействия современным угрозам.

МПА СНГ занимается более широким кругом вопросов, включая экономику, право и гуманитарное сотрудничество. Основной деятельностью Межпарламентской Ассамблеи СНГ является унификация национальных законодательств путем модельного законотворчества во всех сферах сотрудничества стран — членов Содружества для формирования правовых основ углубления интеграции. Модельные законы и рекомендации, изначально являвшиеся эффективным инструментом по сближению позиций стран, служат созданию единого правового пространства СНГ¹. За время работы Межпарламентской Ассамблеи принято около 600 модельных законов, рекомендаций и других документов². Модельное законотворчество МПА СНГ остается уникальным механизмом мягкой унификации права и важным элементом построения единого пространства доверия и сотрудничества, позволяющим сохранять суверенитет государств при движении к общим правовым стандартам.

При этом деятельность Межпарламентской Ассамблеи СНГ сталкивается с рядом системных проблем, ограничивающих ее эффективность. Ключевой вызов связан с добровольным характером исполнения принимаемых решений, что существенно снижает действенность разрабатываемых модельных законов и рекомендаций. Фактический уровень имплементации нормативных актов МПА СНГ в национальные законодательства остается невысоким.

Трудности создает разный скоростной характер интеграционных процессов среди государств-участников, что приводит к избирательному участию стран в отдельных инициативах. Ситуация усугубляется дублированием функций с ОДКБ, создающим конкуренцию правовых актов и рекомендаций.

Особую сложность представляет отсутствие действенных механизмов контроля за исполнением принятых решений, а также недостаточная координация с исполнительными органами Содружества. Финансовая зависимость Ассамблеи от взносов стран-участниц дополнительно ограничивает ее операционные возможности, в то время как ежегодный бюджет организации составляет лишь 5–7 млн долл.³

Эти системные ограничения требуют комплексного пересмотра форматов работы МПА СНГ, включая возможное создание «интеграционного ядра» из наиболее заинтересованных стран, цифровизацию процессов модельного законотворчества и разработку новых механизмов мониторинга исполнения принимаемых решений.

На деятельность Парламентской Ассамблеи ОДКБ влияют как внутренние факторы, так и внешние, связанные с вопросами международного сотрудничества. Различия в политических интересах

¹ 30 лет МПА СНГ [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств — участников СНГ. URL: <https://iacis.ru/iacis-30-years> (дата обращения: 21.06.2025).

² Михаил Кротов. «СНГ — проблемы, опыт, перспективы» [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. 25.03.2011. URL: <https://e-cis.info/page/3536/80573/> (дата обращения: 21.06.2025).

³ Контрольно-бюджетная комиссия Межпарламентской Ассамблеи СНГ обсудила вопросы финансирования организации [Электронный ресурс] // Официальный сайт МПА СНГ. URL: https://iacis.ru/novosti/postoyannye_komissii/kontrolno-byudzhetnaya_komissiya_mezhparlamentskoj_assamblei_sng_obsudila_voprosi_finansirovaniya_organizacii (дата обращения: 15.06.2025).

и приоритетах стран-участниц создают препятствия в работе организации. Особенно остро это проявляется в наблюдательной деятельности, которая осуществляется несистемно, без единых регламентирующих документов и преимущественно ограничивается электоральным мониторингом. Отсутствие четких критериев участия и недостаточно разработанные процедуры существенно снижают эффективность данного направления работы.

Не менее серьезные проблемы существуют и в сфере международного сотрудничества. Несмотря на регулярные контакты с различными организациями, взаимодействие осложняется отсутствием должного нормативного обеспечения партнерских отношений. В частности, отсутствие формализованной процедуры предоставления статуса партнера создает препятствия для интеграции новых участников.

Для решения этих проблем необходима унификация стандартов наблюдательной деятельности и формализация подходов к оформлению итоговой отчетности. Также крайне важно разработать четкий регламент, который бы определял основания, порядок рассмотрения и полномочия партнерских институтов [10, с. 183]. Реализация этих мер позволит повысить согласованность, прозрачность и предсказуемость процедур, что в конечном итоге усилит эффективность парламентской дипломатии государств — членов ОДКБ и укрепит ее роль в обеспечении коллективной безопасности на евразийском пространстве.

В отличие от других интеграционных объединений, ЕАЭС функционирует без межпарламентского института, что трансформируется из технической особенности в существенный барьер для углубления интеграции. Нынешняя модель, при которой контроль за соблюдением договоров осуществляется преимущественно постфактум через Суд ЕАЭС и национальные парламенты, демонстрирует свою ограниченность. Постепенное создание парламентского измерения — не столько вопрос политической амбициозности, сколько практическая необходимость для реализации потенциала Союза как действительно единого экономического пространства. Оптимальным представляется поэтапный подход, сочетающий укрепление существующих механизмов правовой гармонизации с осторожным развитием парламентского измерения интеграции.

В аспекте изложенного выше к факторам, которые могут позитивно повлиять на эффективность деятельности рассмотренных парламентских органов, можно отнести развитие межрегиональных связей, укрепление доверия и нахождение компромиссных решений межгосударственных проблем¹.

Обсуждение

Для современного этапа развития государственности ключевым условием стабильности является поддержание устойчивого уровня безопасности как объективного условия прогрессивного развития стран. Отдельные исследователи полагают, что «на сегодняшний день очевидно, что система коллективной безопасности постсоветского геополитического региона охвачена затяжным системным кризисом» [11, с. 121], в связи с чем ее формирование и обеспечение выступают важным элементом деятельности государств. Безопасность объективно присутствует при реализации интеграционных процессов, играющих важную роль на современной международной арене. Она базируется на создании условий военной, экономической, энергетической, информационной, экологической и социальной стабильности в каждом государстве. В условиях глобальных вызовов, таких как санкционное давление, киберугрозы, терроризм и экономическая нестабильность, решение данной проблемы требует скоординированных усилий как на национальном, так и на наднациональном уровнях.

Анализируя разные аспекты безопасности, следует отметить, что особенность современного этапа международного развития заключается в том, что ни одно государство не может самостоятельно обеспечить все аспекты безопасности, что делает необходимым развитие интеграционных механизмов и межгосударственного сотрудничества.

Для евразийского пространства характерным является то, что страны, входящие в СНГ, ОДКБ, ЕАЭС, сталкиваются с рядом однородных угроз, в том числе:

¹ Косачев К.: Парламентская дипломатия как инструмент открытого и честного диалога сейчас особенно важна [Электронный ресурс] // Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/138919/> (дата обращения: 15.06.2025).

- geopolитическая нестабильность — санкции, конфликты, влияние внешних игроков;
- экономические риски — неравномерное развитие стран-участниц, зависимость от сырьевого экспорта;
- трансграничные угрозы — терроризм, организованная преступность, незаконная миграция;
- технологические и информационные вызовы — кибератаки, цифровое неравенство.

Детерминированность и противоречивость современных международных отношений уже в силу своего полицентрического, разновекторного и многоуровневого характера диктуют необходимость новых концептуальных подходов и тактических решений, направленных на консолидацию и координацию усилий государственных и негосударственных акторов внешнеполитического поля¹.

Значимую роль в процессе усиления взаимодействия государств в настоящее время может играть эффективное использование различных граней парламентского измерения, что позитивно скажется на перспективах интеграционных процессов, ведь в последнее время многими авторами отмечается, что «парламентская дипломатия ... превратилась в неотъемлемый инструмент современного международного сотрудничества» [5, с. 143].

«Основным элементом для выработки и согласования коллективных позиций по вопросам мировой повестки дня в парламентской среде всегда являлось многостороннее межпарламентское сотрудничество» [1, с. 162]. На постсоветском пространстве сформировались две ключевые межпарламентские структуры — Парламентская Ассамблея ОДКБ и Межпарламентская Ассамблея СНГ, каждая из которых обладает уникальными характеристиками и выполняет особые функции в системе регионального взаимодействия. Эти институты, возникшие в разные периоды и в различных политических условиях, отражают эволюцию интеграционных процессов на территории бывшего Советского Союза. МПА СНГ, созданная в начале 1990-х гг., изначально задумывалась как механизм сохранения общего правового пространства новых независимых государств. За три десятилетия своего существования она трансформировалась из инструмента гармонизации законодательства в многофункциональную площадку для межпарламентского диалога, охватывающую широкий спектр вопросов от экономического сотрудничества до культурно-гуманитарного взаимодействия.

Парламентская Ассамблея ОДКБ появилась значительно позже — в 2006 г., что отражало потребность в специализированном парламентском измерении военно-политического сотрудничества. Ее создание было обусловлено необходимостью правового обеспечения деятельности Организации Договора о коллективной безопасности и придания дополнительной легитимности принимаемым решениям. Узкая специализация ПА ОДКБ на вопросах безопасности и обороны определила ее более четкие функциональные границы и высокую степень согласованности позиций стран-участниц по ключевым вопросам повестки дня.

Однако их потенциал сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, дефицит реальных полномочий у межпарламентских органов снижает их влияние на принятие решений. Во-вторых, различия в политических и правовых системах стран-участниц затрудняют согласование позиций. В-третьих, на фоне усиления geopolитической конкуренции (например, между Россией, Китаем и Западом) эффективность этих институтов зачастую упирается в противоречия между их членами.

Перспективы дальнейшего развития этих институтов связаны с поиском новых форматов взаимодействия, отвечающих современным вызовам региональной безопасности и экономической интеграции. Особое значение приобретает вопрос усиления координации между МПА СНГ и ПА ОДКБ, что позволило бы избежать дублирования функций и повысить общую эффективность парламентского измерения постсоветской интеграции. В этом контексте важным представляется развитие механизмов оперативного реагирования на возникающие угрозы и вызовы, а также совершенствование процедур мониторинга реализации принимаемых решений.

В условиях меняющейся geopolитики эволюция межпарламентских структур зависит от их способности адаптироваться, определять приоритеты и находить баланс между политикой и pragmatizmom.

¹ Мельник В. А. Современный словарь по политологии. Минск : Книжный Дом, 2004. 640 с. ISBN: 985-428-714-9.

Их роль — как площадок для диалога и источников права для разрешения споров — становится все важнее¹.

При этом международные парламентские институты в настоящее время действуют в политико-правовом пространстве СНГ и ОДКБ, «однако в рамках ЕАЭС приходится ограничиваться двусторонними межпарламентскими связями из-за отсутствия парламентского органа ЕАЭС» [3, с. 21].

Вопрос о создании Межпарламентской Ассамблеи ЕАЭС (МПА ЕАЭС) периодически поднимается, но пока остается на стадии обсуждения. В настоящее время взаимодействие парламентов стран-участниц (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия) осуществляется через: консультативные советы по вопросам интеграции при национальных парламентах; парламентские слушания и рабочие группы по гармонизации законодательства; двусторонние форматы (например, Парламентское Собрание Союза Беларуси и России).

Представляется оптимальным образовать межпарламентскую структуру государств, действующих в этом объединении, что позволит углубить интеграционные процессы, повысить эффективность гармоничного развития национальных правовых систем, одновременно ориентируясь на сходные подходы совершенствования социально-экономического взаимодействия.

Гармонизация законодательных установлений, которая может быть реально достигнута при плодотворной работе межпарламентских структур, позволит всем странам, входящим в ЕАЭС, достичь более высоких показателей экономической активности каждой из них.

Вместе с тем процесс гармонизации национального законодательства в рамках МПА ЕАЭС может охватить не только сферу хозяйственной активности стран-участниц, но и такое актуальное направление, как цифровизация всех важнейших процессов управления, осуществляемое государственными структурами. Кроме того, гармонизация законодательства в области экономического и технологического совершенствования объективно затрагивает социальную сферу.

Межпарламентские институты на постсоветском пространстве обладают значительным потенциалом для укрепления евразийской безопасности. Используя свой арсенал правовых, политических и военных инструментов, они могут согласовывать законодательства стран-участниц и контролировать выполнение межгосударственных договоров, углубляя тем самым интеграционные процессы.

Анализируя преимущества и позитивные аспекты международной активности государственных парламентских объединений, необходимо обратить внимание на то, что они создают более тесную взаимосвязь, на основании которой государства-участники, формирующие эти структуры, имеют больше возможностей для противостояния угрозам, свойственным современному развитию человеческой цивилизации. Одновременно они выступают в качестве весомого фактора, консолидирующего ресурсы и усилия государств на решение наиболее острых задач, к которым относится создание безопасных условий существования каждого гражданина в этих странах.

Заключение

Межпарламентские институты евразийского пространства обладают значительным, но не полностью реализованным потенциалом в обеспечении комплексной безопасности. В условиях нарастания глобальных вызовов их роль будет только возрастать. Для максимального использования этого потенциала необходимо провести глубокую институциональную реформу, усилить экспертно-аналитическую базу и наладить эффективное взаимодействие с другими элементами системы международной безопасности.

Для повышения эффективности межпарламентских структур в Евразии необходимо комплексное обновление форматов их работы, расширение полномочий и усиление координации с другими институтами регионального сотрудничества. Первостепенное значение имеет укрепление правового статуса принимаемых решений путем разработки механизмов их обязательной ратификации на национальном

¹ Правовые вопросы евразийской экономической интеграции. Материалы парламентских слушаний и «круглого стола» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/bZnkFRAhd9zeC5lImMtmrdyJfkTmAuAln.pdf> (дата обращения: 18.06.2025).

уровне и создания системы мониторинга реализации. Это позволит преодолеть существующий разрыв между декларативными документами и их практическим воплощением.

Важным направлением является адаптация рабочих форматов к современным вызовам. Следует усилить правовую гармонизацию, особенно в сфере обеспечения безопасности, включая разработку модельных законодательных актов и формирование общей базы правовых прецедентов.

Для достижения синергетического эффекта необходимо углубление координации с исполнительными органами власти, профильными ведомствами государств-участников и другими интеграционными объединениями.

Реализация этих мер позволит значительно повысить эффективность межпарламентского сотрудничества, обеспечив своевременное реагирование на вызовы, укрепление правового пространства и рост доверия между участниками.

Список литературы

- Гуськова Ю. В. О развитии институтов межпарламентского взаимодействия на восточном направлении российской внешней политики // Власть. 2024. Т. 32, № S4. С. 161–166. EDN: ACWIZU. DOI: 10.56700/t8759-2748-9161-x.
- Ильичева Л. Е., Лесников А. А. Парламентская дипломатия в обеспечении национальных интересов России // Власть. 2025. Т. 33, № 3. С. 118–126. EDN: WHNZQS. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-3-118-126.
- Кротов М. И., Середа А. А. Евразийский вектор — приоритет парламентской дипломатии России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 1. С. 16–28. EDN: CQTJTF. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-16-28.
- Миксюк А. С. Становление и развитие межпарламентских институтов на постсоветском пространстве // Беларусь в современном мире : Материалы XX Международной научной конференции, посвященной 100-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 29 октября 2021 года. Минск : Белорусский государственный университет, 2021. С. 759–765. EDN: YCPMXS.
- Очилова Д. Роль парламентской дипломатии в качестве инструмента международного сотрудничества // Междисциплинарный диалог науки и общества в эпоху экологических перемен. 2025. Т. 1, № 1. С. 133–144. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/dialogue-science/article/view/110486/112060> (дата обращения: 25.10.2025).
- Петрищев Е. В. Роль межпарламентского сотрудничества в совершенствовании нормативно-правовой основы деятельности ОДКБ // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 138–142. EDN: LHWJCJZ. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-5-138-142.
- Ступаков Н. В. Содружество независимых государств как универсальная платформа интеграционного развития государств постсоветского пространства // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2023. № 1. С. 16–24. EDN: LHECCA.
- Торопыгин А. В. Организация Договора о коллективной безопасности: реалии и перспективы кризисного реагирования // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 4. С. 149–156. EDN: MLUBLW. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-149-156.
- Трофимов А. В. Безопасность на пространстве Евразии: архитектура, которая объединяет // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 2 (89). С. 76–89. EDN: BITSOI. DOI: 10.52311/2079-3359_2025_2_76.
- Хлопко А. П. Сотрудничество государств — членов ОДКБ в рамках Парламентской Ассамблеи ОДКБ: проблемные аспекты // Управленческое консультирование. 2025. № 3. С. 174–186. EDN: ZCZJGD.
- Цыбаков Д. Л. Проблемы обеспечения коллективной безопасности постсоветского пространства в условиях международной эскалации // Проблемы постсоветского пространства. 2023. № 10 (2). С. 120–128. EDN: QPNDJP. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-2-120-128.
- Eshonqulov A. P. Institutional Mechanisms of Strengthening and Developing Interparliamentary Relations // Asian Journal of Multidimensional Research. 2023. Vol. 12, No. 6. P. 1–6. EDN: XVPXAY. DOI: 10.5958/2278-4853.2023.00074.5.

13. Aghaee S. D., Khademi G. Assessing Multilateral Parliamentarism in Eurasian Regional Integration // Central Eurasia Studies. 2022. Vol. 14, No. 2. P. 1–23. EDN: LLOZOM. DOI: 10.22059/jcep.2022.320811.449996.
14. Pradhan R., Kakoty S. Commonwealth of Independent States (CIS): An Emerging Model of Regional Security // Security Integration in the Post-Soviet Space and Collective Security Treaty Organization. Palgrave Macmillan, Singapore, 2024. P. 65–91. DOI: 10.1007/978-981-97-6445-7_4.
15. Stavridis S. Parliamentary Diplomacy: A Review Article // International Journal of Parliamentary Studies. 2021. Vol. 1, No. 2. P. 227–269. EDN: FUPCTJ. DOI: 10.1163/26668912-bja10027.
16. Vannarith Ch. Enhancing Parliamentary Diplomacy for Sustainable Development // 13th Asia-Europe Meeting (ASEM) Summit: Multilateral Cooperation for a Resilient, Sustainable and Rules-Based Future for ASEM, Jakarta: ERIA, Phnom Penh: ASEM13 and The Royal Government of Cambodia, 2021. P. 185–197. URL: https://www.eria.org/uploads/media/Books/2021-13th-Asia-Europe-Meeting/15_Ch.11_Sustainable-Development.pdf.

Об авторах:

Мохорова Анна Юрьевна, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа международных отношений (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: mokhorova@list.ru; ORCID: 0000-0001-9161-6959

Чернозёмова Яна Вадимовна, ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа международных отношений (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: yanaa20@mail.ru; ORCID: 0009-0008-9981-1423

Демидова Елена Николаевна, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа международных отношений (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: elena_demidova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9743-2672

References

1. Guskova, Yu. V. To the Development of Institutions of Interparliamentary Cooperation on the Eastern Direction of Russian Foreign Policy // *Vlast'*. 2024. Vol. 32, No. S4. P. 161–166 (In Russ.). EDN: ACWIZU. DOI: 10.56700/t8759-2748-9161-x.
2. Ilyicheva, L. E., Lesnikov, A. A. Parliamentary Diplomacy in Ensuring Russia's National Interests // *Vlast'*. 2025. Vol. 33, No. 3. P. 118–126 (In Russ.). EDN: WHNZQS. DOI: 10.24412/2071-5358-2025-3-118-126.
3. Krotov, M. I., Sereda, A. A. The Eurasian Vector as a Priority of Russia's Parliamentary Diplomacy // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17, No. 1. P. 16–28 (In Russ.). EDN: CQTJTF. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-01-16-28.
4. Miksiuk, A. S. Formation and Development of inter-Parliamentary Institutions in the post-Soviet Space // Belarus in the Modern World : Proceedings of the XX International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the Belarusian State University, Minsk, October 29, 2021. Minsk : Belarusian State University, 2021. P. 759–765 (In Russ.). EDN: YCPMXS.
5. Ochilova, D. The Role of Parliamentary Diplomacy as a Tool for International Cooperation // Interdisciplinary Dialogue of Science and Society in the Era of Environmental Change. 2025. Vol. 1, No. 1. P. 133–144. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/dialogue-science/article/view/110486/112060> (In Russ.).
6. Petrishchev, E. V. The Role of Interparliamentary Cooperation in Improving the Regulatory Framework of the CSTO's Activities // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 5. P. 138–142 (In Russ.). EDN: LHWCFZ. DOI: 10.24412/2414-3995-2024-5-138-142.
7. Stupakov, N. V. The Commonwealth of Independent States as a Universal Platform for the Integration Development of the post-Soviet States // International Cooperation of the Eurasian States: Politics, Economics, Law. 2023. No. 1. P. 16–24 (In Russ.). EDN: LHECCA.

8. Toropygin, A. V. Collective Security Treaty Organization: Realities and Perspectives of Crisis Response // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 4. P. 149–156 (In Russ.). EDN: MLUBLW. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-149-156.
9. Trofimov, A. V. Security Across the Eurasian Space: The Architecture that Unites // National Strategy Issues. 2025. No. 2 (89). P. 76–89 (In Russ.). EDN: BITSOI. DOI: 10.52311/2079-3359_2025_2_76.
10. Khlopko, A. P. Cooperation of the CSTO Member States within the Framework of the CSTO Parliamentary Assembly: Problematic Aspects // Administrative Consulting. 2025. No. 3. P. 174–186 (In Russ.). EDN: ZCZJGD.
11. Tsybakov, D. L. Problems of Ensuring Collective Security of the Post-Soviet Space in the Context of International Escalation // Post-Soviet Issues. 2023. No. 10 (2). P. 120–128 (In Russ.). EDN: QPNDJP. DOI: 10.24975/2313-8920-2023-10-2-120-128.
12. Eshonkulov, A. P. Institutional Mechanisms for Strengthening and Developing Interparliamentary Relations // Asian Journal of Multidimensional Studies. 2023. Vol. 12, No. 6. P. 1–6. EDN: XVPXAY. DOI: 10.5958/2278-4853.2023.00074.5.
13. Khademi, G., Agai, S. D. Assessment of Multilateral Parliamentarism in the Eurasian Regional Integration // Studies of Central Eurasia. 2022. Vol. 14, No. 2. P. 1–23. EDN: LLOZOM. DOI: 10.22059/jcep.2022.320811.449996.
14. Pradhan, R., Kakoti, S. The Commonwealth of Independent States (CIS): An Emerging Model of Regional Security // Integration of Security in the post-Soviet Space and the Collective Security Treaty Organization. Palgrave Macmillan, Singapore, 2024. P. 65–91. DOI: 10.1007/978-97-6445-7_4.
15. Stavridis, S. Parliamentary Diplomacy: An Overview Article // International Journal of Parliamentary Studies. 2021. Vol. 1, No. 2. P. 227–269. EDN: FUPCTJ. DOI: 10.1163/26668912-bja10027.
16. Vannarit, Ch. Strengthening Parliamentary Diplomacy in the Interests of Sustainable Development // 13th Asia-Europe Meeting (ASEM) Summit: Multilateral Cooperation for a Resilient, Sustainable and Rules-Based Future for ASEM, Jakarta: ERIA, Phnom Penh: ASEM13 and The Royal Government of Cambodia, 2021. P. 185–197. URL: https://www.eria.org/uploads/media/Books/2021-13th-Asia-Europe-Meeting/15_Ch.11_Sustainable-Development.pdf.

About the authors:

Anna Yu. Mokhorova, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Higher School of International Relations (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: mokhorova@list.ru; ORCID: 0000-0001-9161-6959

Yana V. Chernozemova, Assistant, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Higher School of International Relations (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: yanaa20@mail.ru; ORCID: 0009-0008-9981-1423

Elena N. Demidova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Higher School of International Relations (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: elena_demidova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9743-2672

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мохорова А. Ю., Черноземова Я. В., Демидова Е. Н., 2025

Интегративно-симбиотическая модель формирования основ коллективного цифрового суверенитета БРИКС

Ровчак А. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

e-mail: aurov2023@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование посвящено разработке модели многостороннего сотрудничества стран БРИКС в сфере обеспечения цифрового суверенитета объединения. Актуальность темы определяется ростом геополитической конкуренции в глобальном информационном пространстве и необходимостью укрепления коллективной субъектности для ответа на внешние вызовы и усиления роли БРИКС в формирующемся многополярной системе международных отношений. **Цель.** Концептуально обосновать интегративно-симбиотическую модель формирования основ коллективного цифрового суверенитета БРИКС как решение научной проблемы гармонизации разнородных национальных политик стран БРИКС в информационно-телекоммуникационной сфере. **Задачи.** Систематизировать теоретические подходы к исследованию цифрового суверенитета и выявить их ограничения; проанализировать национальные модели ключевых стран БРИКС для идентификации общих вызовов и противоречий; определить концептуальные основы, принципы и структуру интегративно-симбиотической модели; предложить практические механизмы ее имплементации в формируемую систему коллективного цифрового суверенитета. **Методология.** Модель построена с применением авторской трехуровневой теоретико-методологической комбинации компонентов сферного, доменного и векторного подходов. Теоретической основой послужили труды в области теории глобальной безопасности и подходы к управлению сложными социально-политическими системами. **Результаты.** Исследование выявило фундаментальное противоречие между объективной необходимостью стран БРИКС в выработке коллективной стратегии и невозможностью унифицировать их национальные информационные системы. В качестве решения разработана интегративно-симбиотическая модель, которая в отличие от существующих подходов предполагает механизм не унификации, а синергетического взаимодействия. Доказано, что эффективность модели зависит от способности комбинировать сильные стороны национальных практик. В рамках исследования разработаны конкретные механизмы реализации модели, включая создание постоянно действующего Совета по цифровому управлению БРИКС и учреждение Фонда цифровых инноваций. **Выводы.** Интегративно-симбиотическая модель является научно обоснованным и практически значимым инструментом для укрепления коллективного суверенитета БРИКС. Модель предполагает механизм не унификации, а гибкого симбиотического взаимодействия, основанного на синергии и взаимной выгоде. Предложены конкретные практические механизмы (Совет по цифровому управлению, Фонд цифровых инноваций), позволяющие гармонизировать национальные интересы, превращая гетерогенность объединения в стратегическое преимущество.

Ключевые слова: БРИКС, цифровой суверенитет, интегративно-симбиотическая модель, международная информационная безопасность, государственная политика, информационно-телекоммуникационная сфера

Для цитирования: Ровчак А. Ю. Интегративно-симбиотическая модель формирования основ коллективного цифрового суверенитета БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 150–160. EDN: QULKSK

An Integrative-Symbiotic Model for the Establishment of the Foundations of Collective Digital Sovereignty within BRICS

Aleksander Yu. Rovchak

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
e-mail: aurov2023@mail.ru

ABSTRACT

This study focuses on developing a model for multilateral cooperation among the BRICS countries to ensure the digital sovereignty of the alliance. The relevance of this topic is driven by the growing geopolitical competition in the global information space and the need to strengthen collective agency to respond to external challenges and enhance the role of BRICS in the emerging multipolar system of international relations. **Aim and tasks.** The purpose is to conceptually substantiate the integrative-symbiotic model of forming the foundations of BRICS collective digital sovereignty as a solution to the scientific problem of harmonizing the diverse national policies of the BRICS countries in the information and telecommunications sector. The objectives include: systematizing theoretical approaches to the study of digital sovereignty and identifying their limitations; analyzing the national reference models of key BRICS countries to identify common challenges and contradictions; defining the conceptual foundations, principles, and structure of the integrative-symbiotic model; and proposing practical mechanisms for its implementation in the emerging system of collective digital sovereignty. **Methods.** The work is based on a systemic approach, comparative-political analysis, and the modeling method. The model was constructed using the author's proprietary three-level analytical framework, which combines spheric, domain, and vector approaches. The theoretical basis was formed by works in the field of global security theory and approaches to the management of complex socio-political systems. **Results.** The study revealed a fundamental contradiction between the objective need for BRICS countries to develop a collective strategy and the impossibility of unifying their national information systems. As a solution, an integrative-symbiotic model has been developed, which, unlike existing approaches, offers a mechanism for synergistic interaction rather than unification. The study has proven that the effectiveness of the model depends on the ability to combine the strengths of national practices. The study has also developed specific mechanisms for implementing the model, including the establishment of a permanent BRICS Digital Governance Council and the creation of a digital innovation fund. **Conclusions.** The integrative-symbiotic model is a scientifically sound and practically significant tool for strengthening the collective sovereignty of BRICS. The model proposes a mechanism not of unification, but of flexible symbiotic interaction based on synergy and mutual benefit. Specific practical mechanisms (Digital Governance Council, Digital Innovation Fund) are proposed to harmonize national interests, turning the heterogeneity of the union into a strategic advantage.

Keywords: BRICS, digital sovereignty, integrative-symbiotic model, international information security, state policy, information and telecommunications sphere

For citation: Rovchak A. Yu. An Integrative-Symbiotic Model for the Establishment of the Foundations of Collective Digital Sovereignty within BRICS // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 150–160 (In Russ.). EDN: QULKSK

Введение

Глобальная цифровая трансформация выводит вопросы обеспечения суверенитета в информационно-телекоммуникационной сфере (ИТКС) на уровень ключевых факторов национальной безопасности. Для БРИКС достижение коллективного цифрового суверенитета является стратегическим приоритетом, необходимым для ответа на внешние вызовы и усиления роли объединения в формирующемся поликентричном мире.

Актуальность этой задачи обостряется в условиях продвижения западными странами инициатив, навязывающих значительные ограничения для объединения и требующих выработки альтернативных, суворенных подходов к глобальному цифровому управлению. Однако в ходе исследования выявлено научное противоречие — объективная необходимость реализации коллективной стратегии сталкивается с невозможностью унификации разнородных национальных моделей политики в ИТКС стран-участниц.

Несмотря на значительный объем исследований, посвященных обозначенной проблеме, в научной литературе сохраняется пробел. Работы, анализирующие цифровой суворенитет членов БРИКС, в числе которых исследования А. А. Игната, Е. С. Зиновьевой, Л. Белли, М. Цзяна, [2; 11], как правило, фокусируются на сравнительном анализе национальных моделей или общих вопросах гармонизации, но не предлагают комплексной модели для адаптации и синергии разнородного национального опыта. Анализ актуальных публикаций СМИ [9; 16] также показывает, что, несмотря на политические декларации о единстве, например, на Казанском саммите¹, на практике сохраняются барьеры, связанные с различными регуляторными практиками, что подтверждает отсутствие работающего механизма гармонизации. Таким образом, сохраняется научный пробел, связанный с недостатком подходов, которые позволили бы эффективно сочетать и взаимно усиливать особенности национальных моделей политики стран БРИКС в ИТКС для формирования коллективного цифрового суворенитета. Есть смысл обратиться к теоретико-методологическим концептам симбиотического подхода в сочетании с интегративными селекциями конструктивных элементов национальных практик.

Целью настоящей статьи является представление и концептуальное обоснование интегративно-симбиотической модели формирования основ коллективного цифрового суворенитета БРИКС.

Материалы и методы

Ключевым инструментом для конструирования интегративно-симбиотической модели послужила трехуровневая теоретико-методологическая комбинация компонентов сферного, доменного и векторного подходов: сферный подход подчеркивает взаимосвязанную, целостную природу цифровой среды; доменный концептуализирует ее как отдельную территорию, требующую особого режима управления; векторный подход указывает направленность и динамику государственной отраслевой политики. Совокупность методологических компонентов позволит странам БРИКС разрешать противоречия в проблемах регулирования цифровой сферы, цифровой интеграции и стратегического развития.

Информационную базу исследования составили официальные документы БРИКС: декларации саммитов и стратегии партнерства, а также нормативно-правовые акты, доктрины информационной безопасности и другие документы стратегического планирования стран-участниц.

Результаты

Анализ показал, что, несмотря на общие стратегические цели, национальные подходы стран БРИКС к обеспечению цифрового суворенитета значительно варьируются. Это делает невозможной их простую унификацию и формирует ключевое противоречие. Основным результатом исследования является разработка интегративно-симбиотической модели, предлагающей механизм гибкого синергетического взаимодействия, также определены практические механизмы ее имплементации в формируемый дизайн системы коллективного цифрового суворенитета БРИКС.

¹ Казанская декларация XVI саммита БРИКС. Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh020L3Hk.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

Обсуждение

Теоретические основы и концептуальные подходы к цифровому суверенитету

В условиях geopolитической конкуренции в глобальном информационном пространстве концепция цифрового суверенитета приобретает ключевое значение для обеспечения национальных интересов и безопасности государств. Данное понятие, находящееся в стадии научного осмысливания, отражает стремление государств сохранить и укрепить свою независимость в условиях, когда традиционные границы и механизмы государственного управления подвергаются эрозии под влиянием трансграничных информационных потоков и деятельности глобальных цифровых платформ [6, с. 490]. Для БРИКС особое значение приобретает достижение коллективного цифрового суверенитета. Под ним понимается способность государств-участников совместно и на основе согласованных подходов обеспечивать реализацию своих национальных интересов, формировать совместимую информационную инфраструктуру и коллективно продвигать общие позиции в глобальном цифровом пространстве.

Эволюция концепции цифрового суверенитета прошла путь от первоначального понимания ее преимущественно как технической проблемы (контроль над инфраструктурой, обеспечение кибербезопасности) к осознанию ее как фундаментального элемента государственной состоятельности в XXI в. Обеспечение цифрового суверенитета неразрывно связано с решением задач международной информационной безопасности (МИБ). Фундамент для понимания этой связи заложил М. Кастелье [3], описавший эрозию суверенитета в «сетевом обществе», в то время как И. Ф. Кефели [4] развивает этот подход, анализируя трансформацию самой системы глобальной безопасности под влиянием информационных технологий.

Для БРИКС фундаментальным является комплексный подход к МИБ, сочетающий ведущую роль государств и признающий важность участия всех акторов [5].

Сравнительный анализ национальных моделей политики в ИТКС в БРИКС

Несмотря на декларируемое единство целей, подходы к обеспечению цифрового суверенитета в ключевых странах БРИКС существенно различаются, что и формирует противоречие, которое делает невозможным простое копирование или унификацию политик в ИТКС.

Сравнительный анализ национальных моделей политики ключевых стран БРИКС наглядно демонстрирует глубину существующих различий, что подтверждает необходимость разработки более сложной и гибкой модели сотрудничества.

Китайская Народная Республика (КНР) демонстрирует наиболее последовательную и всеобъемлющую модель, приоритетом которой являются общественная стабильность, государственный контроль и национальная безопасность. Нормативную основу китайской модели составляют «Закон о кибербезопасности» (2017 г.)¹, «Закон о безопасности данных» (2021 г.)² и «Закон о защите персональной информации» (2021 г.)³. Ключевыми элементами китайской политики являются: курс на достижение полной технологической независимости в рамках стратегий «Сделано в Китае 2025»⁴ и поддержки национальных технологических гигантов, многоуровневая система фильтрации интернет-контента и жесткие требования по локализации данных.

Республика Индия формирует свою модель, представляющую собой уникальное сочетание рыночных механизмов, стимулирования экспорта интернет-технологий (ИТ) и построения государственной цифровой инфраструктуры при растущем внимании к защите данных граждан. Флагманской

¹ Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Effective June 1, 2017) [Электронный ресурс]. URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/Law/2016-12/05/content_2002046.htm (дата обращения: 12.03.2025).

² Закон КНР о защите персональных данных (中华人民共和国个人信息保护法, PIPL) от 20 августа 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE3YjY0NzJhMzAxN212NTZjYzlwNDAwNDQ%3D=&utm> (дата обращения: 17.03.2025).

³ Data Security Law of the People's Republic of China [Электронный ресурс] // Standing Committee of the National People's Congress. URL: https://www.nprc.org.cn/file_path/8104239e299443eea25ab77f5dc02e11.pdf (дата обращения: 18.04.2025).

⁴ Made in China 2025 [Электронный ресурс]. 2015. URL: https://cset.georgetown.edu/wp-content/uploads/t0432_made_in_china_2025_EN.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

инициативой является программа «Цифровая Индия» (2015 г.)¹, в рамках которой были созданы уникальные общественные цифровые инфраструктуры. Однако принятие в 2023 г. Закона о защите цифровых персональных данных (DPDP Act)² свидетельствует о значительном сдвиге в сторону укрепления суверенитета над данными.

Федеративная Республика Бразилия создала модель, которая носит выраженный правозащитный и мультистейххолдерный характер, где баланс интересов государства, бизнеса и общества играет центральную роль.

Краеугольным камнем бразильского законодательства является закон Marco Civil da Internet (2014 г.)³, закрепляющий такие фундаментальные принципы, как сетевая нейтральность, защита частной жизни и свобода выражения мнений. Этот подход дополняется Общим законом о защите данных (LGPD) (2018 г.)⁴, который устанавливает строгие правила обработки персональных данных. Бразилия также активно развивает собственную финансовую инфраструктуру.

Российская Федерация реализует суверенно-ориентированную модель, ключевыми элементами которой являются жесткое правовое регулирование, требующее локализации персональных данных и «приземления» иностранных ИТ-корпораций, а также активная политика импортозамещения для снижения технологической зависимости и поддержки отечественных разработчиков. В соответствии с Доктриной информационной безопасности РФ (2016 г.)⁵ и национальным проектом «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (2024 г.)⁶ российская модель соответствует задачам защиты критической информационной инфраструктуры (КИИ) и созданию устойчивого национального сегмента глобальной сети.

Южно-Африканская Республика (ЮАР), являясь одной из ведущих экономик Африки, формирует свою модель с акцентом на преодоление «цифрового разрыва», построение инклюзивного информационного общества и укрепление своей роли как технологического лидера на Африканском континенте. Ключевые документы, такие как «Белая книга о науке, технологиях и инновациях»⁷, нацелены на создание справедливой регуляторной среды, способствующей социально-экономическому развитию. Приоритетами для ЮАР являются расширение доступа к интернету, развитие цифровых навыков у населения и защита данных в соответствии с законом POPIA (2013 г.)⁸.

Данный сравнительный анализ наглядно показывает, что в рамках БРИКС существуют принципиально разные миры цифровой политики: государственно-центричный, правозащитный, суверенно-ориентированный и инклюзивный. Именно это фундаментальное противоречие доказывает, что оптимальным путем для БРИКС является не унификация, а создание гибкой, способной гармонизировать эти разные подходы, интегративно-симбиотической модели.

Интегративно-симбиотическая модель: концептуальные основы, принципы и структура

Под «интегративно-симбиотической моделью» в настоящем исследовании понимается система взаимовыгодного и адаптивного взаимодействия национальных отраслевых политик и цифровых экосистем

¹ Digital India Programme [Электронный ресурс]. URL: <http://india.gov.in/digital-india-programme> (дата обращения: 12.03.2025).

² Digital Personal Data Protection Act, 2023 (Act No. 22 of 2023) от 11 августа 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://egazette.gov.in/WriteReadData/2023/248045.pdf?utm> (дата обращения: 11.03.2025).

³ Lei № 12.965, de 23 de Abril de 2014. Estabelece princípios, garantias, direitos e deveres para o uso da Internet no Brasil [Электронный ресурс]. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2011-2014/2014/lei/l12965.htm (дата обращения: 17.03.2025).

⁴ Lei № 13.709, de 14 de Agosto de 2018. Lei Geral de Proteção de Dados Pessoais (LGPD) [Электронный ресурс]. URL: http://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2015-2018/2018/lei/l13709.htm (дата обращения: 22.04.2025).

⁵ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 12.03.2025).

⁶ Национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства» (НЭД) утвержден протоколом Президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 20 декабря 2024 г. № 12пр. [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacionalnyj-proekt-ekonomika-dannyyh-i-czifrovaya-transformaciya-gosudarstva> (дата обращения: 12.03.2025).

⁷ White book of science, technology and innovations [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/201912/white-paper-science-technology-and-innovation.pdf (дата обращения: 12.06.2025).

⁸ Republic of South Africa. Protection of Personal Information Act 4 of 2013. Government Gazette No. 37067, 26 Nov. 2013. 35 р. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justice.gov.za/legislation/acts/2013-004.pdf> (дата обращения: 09.06.2025).

стран-участниц, направленная на достижение коллективного цифрового суверенитета при сохранении и усилении суверенитета каждой из сторон. В отличие от моделей полной интеграции, предполагающих частичную передачу суверенитета наднациональным органам, что маловероятно для БРИКС [1], или моделей простой координации, данный подход акцентирует внимание на гибких, адаптивных механизмах сотрудничества.

Теоретически эта концепция может быть осмыслена через призму теории сложных адаптивных систем, раскрытой в работах зарубежных авторов [10; 12]. Применительно к БРИКС интегративно-симбиотическая модель предполагает, что взаимодействие национальных цифровых политик, рассматриваемых как компоненты более крупной системы, может привести к появлению новых, эмерджентных свойств на уровне всего объединения, таких как повышенная коллективная устойчивость к внешним угрозам и ускоренное технологическое развитие.

Идеи сетевого управления, представленные в трудах Р. Роудса, Я. Коиманна, А.-М. Слейтер [13; 15; 17] и Л. В. Сморгунова [7, с. 40], реализуемые при анализе горизонтальных форм координации между независимыми акторами, также могут служить теоретической опорой для понимания механизмов функционирования такой модели, поскольку БРИКС является не иерархической структурой, а сетью взаимодействующих суверенных государств. Концепции «мягкой интеграции» или «гибкой геометрии», раскрытое в исследованиях А. С. Милворда и А. Уорли-Лака [14; 18], могут быть отчасти релевантны для понимания возможностей дифференцированного участия стран БРИКС в реализации элементов модели.

Функционирование интегративно-симбиотической модели должно основываться на следующих принципах, вытекающих из специфики БРИКС как межгосударственного объединения и отраженных в его основополагающих документах: полное уважение суверенитета стран-участниц, добровольность и консенсус, взаимная выгода и равноправие, гибкость и адаптивность, открытость и инклюзивность. Наконец, все действия в рамках модели должны осуществляться в строгом соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права.

Структура интегративно-симбиотической модели предполагает координацию на нескольких уровнях. Национальный уровень выступает фундаментом, где каждая страна продолжает развивать собственную стратегию цифрового суверенитета. Уровень двусторонней координации служит «пилотной зоной» для отработки механизмов взаимодействия между отдельными странами БРИКС по конкретным проектам. Многосторонний уровень всего объединения является ключевым для реализации интегративно-симбиотической модели и включает:

- нормативно-концептуальные элементы, такие как разработка и принятие совместных деклараций, рекомендаций и дорожных карт;
- институциональные механизмы, которые подразумевают укрепление существующих форматов, таких как Рабочая группа БРИКС по безопасности в сфере использования ИКТ, и создание новых координационных и консультативных органов. В качестве такого органа мог бы выступить предлагаемый автором Совет по цифровому управлению БРИКС, ответственный за мониторинг и анализ, а также Фонд цифровых инноваций БРИКС для поддержки совместных проектов;
- совместные инфраструктурные и технологические проекты, направленные на создание общей или совместной цифровой инфраструктуры и разработку ключевых технологий;
- механизмы координации позиций на международных площадках для обеспечения согласованного подхода стран БРИКС к вопросам управления ИТКС и МИБ.

Имплементация через адаптацию национальных моделей: анализ российского опыта

Разработка интегративно-симбиотической модели предполагает анализ возможностей стран-участниц к ее наполнению. Российский опыт в ИТКС обладает как значительным потенциалом для адаптации, так и определенными ограничениями, которые необходимо учитывать при его имплементации в рамках БРИКС. Комплексный набор практик и подходов, основанный на сочетании технологического развития и защиты национальных интересов, позволяет рассматривать российскую политику в качестве референтной модели для анализа и адаптации. Под референтной моделью в данном контексте понимается

апробированная на национальном уровне система подходов, практик и институциональных решений, рассматриваемая как образец или основа для анализа и возможной адаптации другими субъектами.

Система кибербезопасности и защиты критической информационной инфраструктуры (КИИ) в России представляет собой комплексный и проработанный подход, заданный Федеральным законом «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹. Этот опыт представляет собой готовую модель прямого государственного регулирования и централизованного реагирования на инциденты, которая может быть адаптирована партнерами по БРИКС для защиты своих стратегических отраслей, таких как энергетика, транспорт и финансы.

Другим значимым сегментом российской практики является развитие электронного правительства. Этот опыт имеет высокий адаптационный потенциал для партнеров по БРИКС, так как позволяет существенно снизить транзакционные издержки для граждан и бизнеса. Ключевыми вызовами при адаптации являются различный уровень интернет-проникновения и цифровой грамотности в странах, а также необходимость технической и юридической локализации. Здесь открываются возможности для глубокой синергии: российский опыт в построении государственных цифровых платформ может быть интегрирован с индийскими системами идентификации и платежей, бразильской системой мгновенных платежей и китайскими технологиями «умных городов». Это может стать основой для гармонизации государственных услуг и создания совместимых протоколов для трансграничного взаимодействия.

Не менее важна политика импортозамещения, активно реализуемая в России. Комплекс предпринимаемых мер представляет собой готовый рецепт для ускоренного наращивания локальных технологических компетенций и поддержки национальных вендоров, что актуально для всех стран БРИКС, стремящихся снизить технологическую зависимость. Однако необходимо учитывать такие вызовы, как ограниченная емкость внутреннего рынка в некоторых странах, риск снижения конкуренции и качества продукции, а также потребность в долгосрочных государственных субсидиях. Потенциал для синергии заключается в объединении российского опыта с китайской стратегией «двойной циркуляции» и индийской схемой поощрения производства для создания совместных фондов локализации и научно-исследовательских кластеров.

Формализованный механизм адаптации и калибровки политики

Для перехода от общих принципов к практической гармонизации в интегративно-симбиотическую модель заложен векторный математический аппарат.

Цифровой потенциал страны представляется в виде вектора $B_{\text{страны}} = (b_1, b_2, \dots, b_n)$ по b_n измерениям (связь, человеческий капитал, инновации и т. д.), а параметры государственной политики в ИТКС — в виде другого вектора $P = (p_1, p_2, \dots, p_m)$. Цель — адаптировать $P_{\text{России}}$ к новому вектору отраслевой политики $P_{\text{страны}}$, который лучше подходит для контекста целевой страны. Чтобы зафиксировать влияние политики на цифровой потенциал страны, вводится функция отображения ϕ . Функция ϕ отражает то, как изменения в политике влияют на изменение цифрового потенциала. Например, если ϕ линейна, она может иметь вид:

$\Phi(B_{\text{страны}}) = A(P_{\text{России}}) + P_{\text{страны}}$, где A является матрицей преобразования, отражающей влияние политических мер на цифровые показатели, а $P_{\text{страны}}$ является базовым вектором, учитывающим исходные условия.

Это предположение может упростить анализ, хотя во многих реальных сценариях ϕ может быть нелинейной.

Ключевым элементом является контур пилотного внедрения и обратной связи: адаптированная политика тестируется в ограниченном масштабе, что позволяет получить реальные данные для уточнения модели и параметров, снижая риски полномасштабного внедрения. Этот формализованный подход позволяет превратить обмен опытом из набора разрозненных практик в системный, измеримый и калибруемый процесс.

Апробация модели: потенциал и вызовы реализации

Главное преимущество модели — укрепление коллективной субъектности БРИКС и способности совместно противодействовать внешнему давлению. Координация позиций на международных пло-

¹ Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201707260023.pdf> (дата обращения 16.03.2025).

щадках позволяет более эффективно отстаивать интересы объединения. Вызовом остаются различия во внешнеполитических приоритетах и риски внешних попыток расколоть БРИКС. Модель смягчает эти риски за счет фокуса на прагматичных, взаимовыгодных проектах и принятия решений на основе консенсуса, что сужает поле для разногласий.

Модель способствует снижению общей зависимости от внешних технологий и консолидации ресурсов для совместных научных изысканий. Создание Фонда цифровых инноваций позволяет решать проблему недостатка финансирования. Основным вызовом здесь является сильный разрыв в технологических уровнях и риск доминирования одной-двух стран. Принцип гибкости и модульности модели позволяет каждой стране участвовать в проектах, соответствующих ее уровню, создавая многоскоростную кооперацию и предотвращая технологическую маргинализацию.

Сотрудничество в рамках модели ведет к повышению устойчивости национальных сетей и более эффективному совместному реагированию на угрозы ИБ. Главным барьером является недостаточный уровень доверия для обмена чувствительной информацией. Модель предполагает поэтапное выстраивание доверия через создание общих институтов и начало сотрудничества с обмена неконфиденциальными данными.

Модель стимулирует рост цифровой экономики через расширение общего рынка и развитие трансграничных услуг. Однако существует вызов в виде внутренней конкуренции. Модель предлагает механизмы согласования интересов и совместного привлечения инвестиций, направляя конкуренцию в конструктивное русло.

Гибкая модель является преимуществом для БРИКС. Однако это же порождает вызов — трудности многосторонней координации. Модель решает эту проблему через создание постоянно действующих, но не наднациональных, а координационных структур и использование «мягкого права» (модельные законы, рекомендации) для постепенной гармонизации. Как отмечает А. В. Шевченко, дипломатическое обеспечение международной безопасности требует поиска антикризисных моделей [8, с. 15], и предложенные институты могут стать частью такой модели для цифровой сферы.

Таким образом, интегративно-симбиотическая модель не игнорирует существующие проблемы, включая асимметрию потенциалов, а предлагает прагматичный путь их разрешения, основанный на поиске взаимных выгод и уважении суверенитета, что является единственным возможным форматом для БРИКС.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало, что формирование коллективного цифрового суверенитета БРИКС сталкивается с фундаментальным противоречием между общими стратегическими целями и глубокой гетерогенностью национальных подходов его членов. В качестве ответа на этот вызов в статье представлена и концептуально обоснована интегративно-симбиотическая модель, обладающая научной новизной и практической значимостью.

Ее ключевое преимущество состоит в том, что она, в отличие от традиционных подходов, предлагает механизм не унификации, а гибкого синергетического взаимодействия. Разработанная модель является научно обоснованным и практически значимым инструментом для формирования основ коллективного цифрового суверенитета БРИКС. Адаптация и имплементация российской референтной модели в ИТКС в качестве одного из ключевых компонентов модели способствует повышению субъектности всего объединения в цифровой среде.

Результаты исследования и предложенная модель позволяют сформулировать практические рекомендации, адресованные государственным органам Российской Федерации, вовлеченным в реализацию политики в БРИКС (МИД России, Минцифры России, Совет Безопасности РФ), а также профильным экспертно-аналитическим структурам объединения. Для имплементации модели и детализации «алгоритма совместных действий» предлагаются следующие шаги.

1. Институционализация сотрудничества — создание предложенного Совета по цифровому управлению БРИКС как постоянно действующей координационной площадки¹. Актуальность этого шага подтверждается недавними практическими инициативами [16].
2. Финансовое обеспечение — формирование Фонда цифровых инноваций БРИКС для совместного финансирования НИОКР и пилотных проектов в области ИИ, 6G и кибербезопасности.
3. Гармонизация «мягкого права» — использование площадки Совета для разработки модельных законов и рекомендаций БРИКС, опираясь на опыт стран объединения.
4. Формирование общего технологического пространства — создание Единого реестра доверенного программного обеспечения БРИКС, используя российский опыт. Это снизит технологическую зависимость и упростит взаимный доступ на рынки.
5. Укрепление коллективной безопасности — формирование BRICS-CERT — совместного центра реагирования на киберинциденты, используя российские наработки в области информационной безопасности.

Таким образом, реализация данной модели способна не только укрепить безопасность и технологический потенциал каждой из стран-участниц, но и повысить коллективную субъектность БРИКС, превращая объединение в одного из ключевых и ответственных архитекторов более справедливого, инклюзивного и безопасного глобального цифрового пространства.

Список литературы

1. Бордачев Т. В., Суслов Д. В. Авангард Мирового большинства: новая идентичность БРИКС при неизменном базисе // Российское председательство в БРИКС-2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Специальный выпуск. М. : МИД РФ. Редакция журнала «Международная жизнь», 2024. С. 78–91. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/brics2024/BRICS2024_rus.pdf.
2. Зиновьева Е. С., Игнатов А. А. БРИКС в глобальном режиме ИКТ-безопасности // Международные процессы. 2023. Т. 21, № 4. С. 104–132. EDN: AVLWZW. DOI: 10.17994/IT.2023.21.4.75.2.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкарата. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с. ISBN: 5-7598-0069-8.
4. Кефели И. Ф. Асфатроника: На пути к теории глобальной безопасности. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2020. 228 с. ISBN: 978-5-89781-676-7. EDN: JSTIQP.
5. Лавров С. В. Обращение к читателям // Российское председательство в БРИКС-2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Специальный выпуск. М. : МИД РФ. Редакция журнала «Международная жизнь», 2024. С. 6–7. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/brics2024/BRICS2024_rus.pdf.
6. Панова В. В. Глобальное управление без глобального объединения // Российское председательство в БРИКС-2024: Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности. Специальный выпуск. М. : МИД РФ. Редакция журнала «Международная жизнь», 2024. С. 34–45. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/brics2024/BRICS2024_rus.pdf.
7. Сморгунов Л. В. Сетевой анализ публичной политики : учебник / под. ред. Л. В. Сморгунова. М. : РГ-Пресс, 2013. 320 с.
8. Шевченко А. В. Дипломатическое обеспечение международной безопасности: поиск антикризисных моделей // Право и современные государства. 2022. № 2-3. С. 13–20. EDN: CYJRJF. DOI: 10.14420/ru.2022.2-3.2.
9. Belli L., Gaspar W. B., Singh Jaswant S. Data Sovereignty and Data Transfers as Fundamental Elements of Digital Transformation: Lessons from the BRICS Countries // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 55. DOI: 10.2139/ssrn.4903196.

¹ Sesona Mdlokovana. BRICS' AI Cooperation [Электронный ресурс] // The Star. 04.08.2025. URL: <https://thestar.co.za/news/politics/2025-08-04-brics-ai-cooperation/> (дата обращения: 07.09.2025).

10. *Holland J. H.* Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. NY : Addison-Wesley, 1995. 185 p. ISBN: 0-201-40793-0. DOI: 10.1177/027046769701700420.
11. *Jiang M., Belli L.* Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance. Cambridge : Cambridge University Press, 2025. 314 p. DOI: 10.1017/9781009531085.
12. *Kauffman S. A.* The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution. New York : Oxford University Press, 1993. 728 p. ISBN: 9780195079517.
13. *Kooiman J. (ed.)*. Modern Governance: New Government-Society Interactions. London : Sage Publications, 1993. 288 p. ISBN: 978-0803988910.
14. *Milward A. S.* The European Rescue of the Nation-State. Routledge, 1992. ISBN: 0415111331.
15. *Rhodes R. A. W.* The New Governance: Governing without Government // Political Studies. 1996. Vol. 44, No. 4. P. 652–667. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb01747.x.
16. *Sánchez-Cacicero A.* India's Digital Public Infrastructure: a Success Story for the World? Institut Montaigne. 16.12.2024. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/indias-digital-public-infrastructure-success-story-world>.
17. *Slaughter A.-M.* A New World Order. Princeton University Press, 2004. 341 p. ISBN: 0691116989.
18. *Warleigh-Lack A.* Flexible Integration: What Is It and What Does It Mean for the EU? Sheffield : Sheffield Academic Press, 2002. 144 p. ISBN: 0826460933.

Об авторе:

Ровчак Александр Юрьевич, аспирант, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт права и национальной безопасности, факультет национальной безопасности (Москва, Россия);
e-mail: aurov2023@mail.ru

References

1. Bordachev, T. V., Suslov, D. V. The Vanguard of the World Majority: A New BRICS Identity with an Unchanged Basis // The Russian BRICS Chairmanship in 2024: Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security. Special Issue. Moscow : Russian Foreign Ministry. Editorial Board of the International Affairs Journal, 2024. P. 78–91. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/brics2024/BRICS2024_rus.pdf (In Russ.).
2. Zinovieva, E. S., Ignatov, A. A. The Role of BRICS in the International ICT Security Regime // International Trends. 2023. Vol. 21, No. 4. P. 104–132 (In Russ.). EDN: AVLWZW. DOI: 10.17994/IT.2023.21.4.75.2.
3. Castells, M. The Information Age: Economy, Society and Culture / Russian transl. ed. by O. Shkaratan. Moscow : HSE Publishing House, 2000. 608 p. ISBN: 5-7598-0069-8 (In Russ.).
4. Kefeli, I. F. Asphatronics: Towards a Theory of Global Security. St. Petersburg : North-West Institute of Management of RANEPA, 2020. 228 p. ISBN: 978-5-89781-676-7 (In Russ.). EDN: JSTIQP.
5. Lavrov, S. V. Address to the Readers // The Russian BRICS Chairmanship in 2024: Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security. Special Issue. Moscow : Russian Foreign Ministry. Editorial Board of the International Affairs Journal, 2024. P. 6–7. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/brics2024/BRICS2024_rus.pdf (In Russ.).
6. Panova, V. V. Global Governance without a Global Union // The Russian BRICS Chairmanship in 2024: Strengthening Multilateralism for Just Global Development and Security. Special Issue. Moscow : Russian Foreign Ministry. Editorial Board of the International Affairs Journal, 2024. P. 34–45. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/brics2024/BRICS2024_rus.pdf (In Russ.).
7. Smorgunov, L. V. Network Analysis of Public Policy. Moscow : RG Press, 2013. 320 p. (In Russ.).
8. Shevchenko, A. V. Diplomatic Support of International Security: Search for Anti-Crisis Models // Law and Modern States. 2022. No. 2–3. P. 13–21 (In Russ.). EDN: CYJRJF. DOI: 10.14420/ru.2022.2-3.2.

9. Belli, L., Gaspar, W. B., Singh, Jaswant S. Data Sovereignty and Data Transfers as Fundamental Elements of Digital Transformation: Lessons from the BRICS Countries // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 55. DOI: 10.2139/ssrn.4903196.
10. Holland, J. H. Hidden Order: How Adaptation Builds Complexity. NY : Addison-Wesley, 1995. 185 p. ISBN: 0-201-40793-0. DOI: 10.1177/027046769701700420.
11. Jiang, M., Belli, L. Digital Sovereignty in the BRICS Countries: How the Global South and Emerging Power Alliances Are Reshaping Digital Governance. Cambridge : Cambridge University Press, 2025. 314 p. DOI: 10.1017/9781009531085.
12. Kauffman, S. A. The Origins of Order: Self-Organization and Selection in Evolution. New York : Oxford University Press, 1993. 728 p. ISBN: 9780195079517.
13. Kooiman, J. (ed.). Modern Governance: New Government-Society Interactions. London : Sage Publications, 1993. 288 p. ISBN: 978-0803988910.
14. Milward, A. S. The European Rescue of the Nation-State. Routledge, 1992. ISBN: 0415111331.
15. Rhodes, R. A. W. The New Governance: Governing without Government // Political Studies. 1996. Vol. 44, No. 4. P. 652–667. DOI: 10.1111/j.1467-9248.1996.tb01747.x.
16. Sánchez-Cacicero, A. India's Digital Public Infrastructure: A Success Story for the World? Institut Montaigne. 16.12.2024. URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/expressions/indias-digital-public-infrastructure-success-story-world>.
17. Slaughter, A.-M. A New World Order. Princeton University Press, 2004. 341 p. ISBN: 0691116989.
18. Warleigh-Lack, A. Flexible Integration: What Is it and What Does It Mean for the EU? Sheffield: Sheffield Academic Press, 2002. 144 p. ISBN: 0826460933.

About the author:

Aleksander Yu. Rovchak, PhD Student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Law and National Security, Faculty of National Security (Moscow, Russia);
e-mail: aurov2023@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ровчак А. Ю., 2025

Участие российской газовой компании в проектах, реализуемых в рамках государственно-частного партнерства (на примере ПАО «Газпром»)¹

Веселова Д. Н^{1,*}, Пономарев М. Ю.²

¹Санкт-Петербургский государственный университет; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; АНО ВО «Университет при МПА ЕврАзЭС», Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: daria-vorontchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

²Дирекция Филиальной сети ПАО «Банк Санкт-Петербург», Санкт-Петербург, Россия

РЕФЕРАТ

Цель. Изучить участие ПАО «Газпром» в российских проектах государственно-частного партнерства. **Методология.** Институциональный подход, анализ документов, кейс-стади, обобщение и синтез. **Результаты.** В статье рассмотрены конкретные примеры реализации модели участия в капитале и контрактной модели государственно-частного партнерства ПАО «Газпром». Приоритетной моделью является модель участия в капитале, что подтверждается контрольным пакетом акций компании в руках у государства и выражается в значительной поддержке государства ПАО «Газпром» путем гарантирования выгодного положения на высокодоходном рынке, предоставления крупных кредитов со стороны банков с государственным участием, обеспечения привлекательных налоговых условий для работы в перспективных сегментах экономики и заключения прибыльных контрактов с органами публичной власти. Однако компания вынуждена брать на себя социальные обязательства в виде проведения газификации на территории всей страны, что в определенной степени приносит ущерб ее собственной экономической эффективности. При этом ПАО «Газпром» в проектах ГЧП может выступать и как публичный, и как частный партнер. **Выводы.** Ключевым проблемным вопросом для ПАО «Газпром» остаются взятые на себя обязательства по газификации страны, которые требуют от компании инвестиций и при этом характеризуются низкой рентабельностью. Способами решения данной проблемы могут выступать привлечение иных газовых компаний к реализации проектов газификации в рамках ГЧП; обеспечение рентабельности проектов газификации для самого ПАО «Газпром» путем предоставления последнему налоговых льгот или увеличения экспортных поставок газа на Азиатско-Тихоокеанский рынок, что также обеспечит доступ к газу регионы Сибири и Дальнего Востока; сокращение программы газификации за счет оптимизации энергопотребления и развития альтернативных источников, таких как сжиженный природный газ и сжиженный углеводородный газ.

Ключевые слова: газовая отрасль, государственно-частное партнерство, модель участия в капитале, контрактная модель, газификация, азиатские рынки

Для цитирования: Веселова Д. Н., Пономарев М. Ю. Участие российской газовой компании в проектах, реализуемых в рамках государственно-частного партнерства (на примере ПАО «Газпром») // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 161–171. EDN: QVXNHR

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00975, <https://rscf.ru/project/25-28-00975/>.

The Participation of the Russian Gas Company in Projects of a Public-Private Partnership (the Example of Gazprom PJSC)

Darya N. Veselova^{a,*}, Mikhail Yu. Ponomarev^b

^a St. Petersburg State University; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management; AN HEO "University associated with IA EAEC", Saint Petersburg, Russia

* e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6674-0357

^b Branch Network Directorate of Bank Saint Petersburg PJSC, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

Aim. To explore participation of "Gazprom" PJSC in Russian public-private partnership projects.

Methods: institutional approach, document analysis, case study, generalization and synthesis. **Results.**

The article examines specific examples of the implementation of the capital participation model and the contractual public-private partnership of "Gazprom" PJSC. The model of participation in capital is the priority model, which is confirmed by the state's controlling stake in the company and is expressed in significant state support for "Gazprom" PJSC by guaranteeing an advantageous position in the high-yield market, providing large loans from banks with state participation, ensuring attractive tax conditions for work in promising segments of the economy and concluding profitable contracts with public authorities. However, the company has to take on social obligations in the form of gasification of whole country, which to a certain extent harms its own economic efficiency. At the same time, "Gazprom" PJSC can be both a public and a private partner in PPP projects. **Conclusions.** The key problem for "Gazprom" PJSC remains the commitments it has made to gasify the country, which require investments from the company and are characterized by low profitability. The ways to solve this problem may be to involve other gas companies in the implementation of gasification projects within the framework of PPP; to ensure the profitability of gasification projects for "Gazprom" PJSC itself by providing the latter with tax breaks or increasing export supplies of gas to the Asia-Pacific market, which will also provide access to gas for regions of Siberia and the Far East; to reduce the gasification program by optimizing energy consumption and developing alternative sources such as liquefied natural gas and liquefied petroleum gas.

Keywords: gas industry, public-private partnership, capital participation model, contractual public-private partnership, gasification, Asian markets

For citation: Veselova D. N., Ponomarev M. Y. The Participation of the Russian Gas Company in Projects of a Public-Private Partnership (the Example of Gazprom PJSC) // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 161–171 (In Russ.). EDN: QVXNHR

Введение

Государственно-частное партнерство (далее — ГЧП) является достаточно молодым явлением как для мировой практики, так и для российских реалий. В 1990-е гг. новый инструмент государственной политики «частная финансовая инициатива» стала для Великобритании новым успешным способом управления государственной собственностью, дав толчок схожим формам взаимодействия государства и бизнеса по всему миру.

В России понятие ГЧП долгое время не находило законодательного закрепления. Впервые термин ГЧП в России был закреплен на региональном уровне в Законе Санкт-Петербурга от 25.12.2006 № 627-100 «Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах»¹, ныне недействующем.

¹ Об участии Санкт-Петербурга в государственно-частных партнерствах : закон Санкт-Петербурга от 25.12.2006 № 627-100 (ныне не действует) [Электронный ресурс] // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/7913043/> (дата обращения: 02.09.2025).

Современный подход законодателя к определению ГЧП выражен в Федеральном законе от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. Определение, предложенное в федеральном законе, рассматривает ГЧП в узком смысле как экономическое соглашение с особым субъектным составом. Региональный закон предлагал широкое понимание ГЧП как особой системы взаимодействия государства и бизнеса в рамках достижения национальных целей развития.

В целом государственно-частное партнерство в РФ можно определить как институт государственно-го управления, используемый в целях эффективной реализации общественно значимых проектов и имеющий воплощение в виде юридически оформленных долгосрочных соглашений публичного и частного партнера о совместном финансировании и распределении рисков по вопросам управления инфраструктурными объектами и государственной собственностью.

Существуют три основные модели ГЧП: модель организации (участие государства ограничено, основная роль отводится регламентации и контролю, созданию инвестиционной среды: особых экономических зон, технопарков, промышленных кластеров); модель участия в капитале (государство участвует в реализации проектов на правах хозяйствующего субъекта через слияние капитала с частным партнером в различных организационно-правовых формах); договорная (контрактная) модель (предполагает максимальную вариативность в распределении рисков за счет разнообразия заключаемых соглашений: специальный инвестиционный контракт, контракт жизненного цикла, офсетный контракт, концессионное соглашение, соглашение о государственно-частном партнерстве). Преобладающей моделью в России является договорная. Однако имеются исключения, и ПАО «Газпром» тому пример.

Для газовой отрасли России и лидера в газовой промышленности ПАО «Газпром» (412,6 млрд м³, 70% добычи газа в РФ, крупнейшая газовая компания в мире) ГЧП является не только механизмом взаимодействия с государством, но и необходимой формой существования отрасли, стратегическое значение которой в рамках достижения национальных целей развития закреплено на уровне высших программных документов государства, что связано с историческими особенностями развития отрасли после распада СССР, а именно попыткой приватизации с последующей реставрацией и сохранением решающей доли участия государства. Однако ГЧП в большей степени выгодно государству, учитывая масштабный проект газификации страны, но не всегда представляет экономический интерес для предприятий газовой отрасли. В этой связи полагаем, что следует предусмотреть новые условия и механизмы в ГЧП, которые приносили бы профит обеим сторонам договоренностей.

Цель исследования

Цель исследования — изучить участие ПАО «Газпром» в проектах государственно-частного партнерства и предложить меры по его дальнейшему развитию.

Вопрос участия ПАО «Газпром» в проектах ГЧП остается не до конца изученным. Большое число исследований в России посвящено развитию ГЧП в целом и вопросу развития газовой отрасли в стране. Так, крупные исследования, посвященные феномену ГЧП, проводились В. Г. Варнавским (одна из первых российских монографий по вопросу) [1, с. 312], С. В. Масловой и В. В. Ереминым (подробно раскрывают юридические аспекты ГЧП в РФ) [4, с. 141–158]. Эволюция газовой отрасли в России подробно разобрана С. А. Правосудовым [5, с. 291], вкладу газовой отрасли в экономику и бюджет страны посвящены работы В. В. Смирнова [7, с. 68–78], В. А. Крюков исследует проблему обеспечения энергетической безопасности в газовой сфере [3, с. 41–61], С. А. Караганов занимается оценкой перспектив новых рынков для предприятий газовой отрасли [2, с. 221–229]. Однако вкладу и опыту ПАО «Газпром» в развитие механизма ГЧП в России не уделено внимания в научных работах.

¹ О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (дата обращения: 02.09.2025).

Методы и методология

Автором был использован институциональный подход при описании опыта ПАО «Газпром» в ГЧП и такие научные методы, как анализ документов и кейс-стади. Так, изучались документы РФ, посвященные ГЧП, и проблемные ситуации, связанные с участием ПАО «Газпром» в проектах ГЧП в России. Также были использованы общенаучные методы: обобщение и синтез.

Результаты исследования

Контрактная модель преобладает в проектах ГЧП в России. Между тем в структуре ГЧП-отношений, практикуемых в России, особое место занимает модель участия в капитале. Наглядные цифры приводят исследователи И. И. Смотрицкая и Н. Д. Фролова: «если в 2000 году индекс государственной собственности Российской Федерации составлял 31,2% ВВП, то к 2019 году он вырос до 53,1%, а выручка 18 крупнейших акционерных обществ с государственным участием за 2019 год составила более 10,4 трлн рублей. В опубликованном рейтинге российских компаний (РБК 500), подготовленном по итогам 2020 года, отмечается, что в российской десятке крупнейших компаний только четыре частные» [8, с. 60].

ПАО «Газпром» — это хозяйственное общество, которое на основании пп. д) п. 9) ч. 1 ст. 2 ФЗ № 69 «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» входит в перечень организаций с публичным участием¹. Держателем контрольного пакета акций компании (50,23%) является государство, действующее в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом (38,37% акций), АО «Роснефтегаз» (10,97%) и АО «Росгазификация» (0,89%)². Последние два являются обществами, контролируемыми РФ.

Указанное положение дает возможность государству единолично принимать решения по ключевым вопросам, связанным с деятельностью компании (например, решение о выплате дивидендов), однако это далеко не единственный и не самый часто используемый способ влияния. Куда более эффективным способом реализации интересов государства в части управления компанией является проведение его представителей в совет директоров, отвечающий за разработку ключевых направлений развития компании и принятие соответствующих стратегий.

Совет директоров ПАО «Газпром» состоит из десяти человек. Трое из них являются заместителями высших государственных должностей (Д. Н. Патрушев — Заместитель Председателя Правительства РФ, бывший министр сельского хозяйства; А. В. Новак — Заместитель Председателя Правительства РФ, бывший министр энергетики; Д. В. Мантуров — первый заместитель Председателя Правительства РФ, министр промышленности и торговли), один является Специальным представителем Президента РФ по взаимодействию с Форумом стран — экспортёров газа (В. А. Зубков), еще двое возглавляют государственные высшие учебные заведения (В. Г. Мартынов — ректор Российской государственного университета нефти и газа имени И. М. Губкина; И. А. Максимцев — ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета). Таким образом, более половины состава совета директоров либо напрямую являются представителями государства, либо имеют с ним тесные связи.

Ввиду этого встает вопрос о приоритетах развития компании, которые, учитывая руководящий состав, могут не отвечать логике экономических стимулов деятельности предприятия. И. И. Смотрицкая и Н. Д. Фролова раскрывают эту проблему в контексте оценки факторов качества корпоративного управления: совет директоров имеет отрицательное влияние на показатели эффективности экономической деятельности в компаниях с концентрацией государственной собственности. Это объясняется формальным характером деятельности органа в текущих условиях управления — заслушиванием отчетов менеджмента компании и голосованием по директивам Правительства [8, с. 75–76]. Х. П. Харчилава дает дополнительный взгляд на проблему: сотрудники, фактически осуществляющие управление компанией,

¹ О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации : федеральный закон Рос. Федерации от 01 апреля 2020 г. № 69-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 14 (часть I). Ст. 1999.

² Структура акционерного капитала ПАО «Газпром» [Электронный ресурс] // ПАО «Газпром»: офиц. сайт. 2025. URL: <https://www.gazprom.ru/investors/stock/structure/> (дата обращения: 02.09.2025).

не являются бенефициарами эффективности собственной деятельности и могут действовать в смежных собственных интересах [10, с. 89]. В контексте ПАО «Газпром» указанная проблема может возникать при расстановке приоритетов финансирования. Так, например, министр промышленности и торговли будет настаивать на ускоренной реставрации изношенной инфраструктуры, а бывший министр энергетики — на увеличении пропускной способности трубопроводного транспорта. Вопросы экономической целесообразности, имеющие решающее значение в обеспечении эффективности деятельности компании, в указанном разрезе будут отведены на второй план.

Помимо присутствия государственных служащих в органах управления ПАО «Газпром», в перечень направлений корпоративной политики компании включаются отношения с органами государственной власти и местного самоуправления, степень влияния данного направления на деятельность компании самим предприятием оценивается как наивысшая¹. За реализацию данного направления отвечает Департамент по взаимодействию с органами исполнительной и законодательной власти Российской Федерации и Комиссия по региональной политике ПАО «Газпром».

Так, механизмами реализации сотрудничества являются подписание соглашений с регионами РФ (в 2021 г. соответствующее соглашение было подписано с Ямало-Ненецким автономным округом; предметом сотрудничества на региональном уровне является создание благоприятных экономических, правовых и социальных условий осуществления хозяйственной деятельности, охрана окружающей среды, поддержка традиционных форм деятельности коренных народов) [9, с. 52], участие в мероприятиях, проводимых властными структурами (участие в парламентских слушаниях, форумах, заседаниях круглых столов и рабочих групп, проводимых органами исполнительной власти, экспертиза законопроектов и разработка предложений; например, представители компании принимают участие в заседаниях рабочей группы по энергетическим вопросам Государственного совета РФ, рабочей группы Министерства строительства РФ [9, с. 52]), а также участвуют в федеральной программе газификации.

Характерной чертой компаний с государственным участием является выполнение ими комплексных задач национального развития, зачастую в ущерб экономическим показателям эффективности компании [10, с. 89]. В случае с ПАО «Газпром» такой задачей является масштабная газификация российских регионов.

Специалисты отмечают низкий уровень рентабельности проектов газификации — около 17% от общего количества проектов являются экономически оправданными, подавляющее же большинство реализуется на социальных основаниях [12, с. 4102]. Причины такого положения связаны с большой протяженностью РФ (наибольшая незакрытая потребность в газификации в субъектах восточной части страны, проекты газификации здесь неразрывно связаны с разработкой новых месторождений, так, программа газификации Иркутской области появилась только в 2025 г. с началом разработки Ковыктинского месторождения²), конкуренцией с другими видами топлива (чаще — уголь; преимущественно в отдаленных регионах — Тюменская, Архангельская области) [6, с. 94].

Тем не менее газификация осуществляется в силу выполнения государственных обязательств по обеспечению энергетической безопасности, большей экологичности природного газа по сравнению с другими видами топлива и формирования в долгосрочных целях внутреннего рынка потребления газа, не подверженного санкционному давлению. Инвестиции ПАО «Газпром» в проекты газификации за период 2021–2025 гг. составили 526 млрд руб. при существующих потребностях, согласно экспертным подсчетам, в 1–1,9 трлн руб. [6, с. 96].

Реализующаяся с 2021 г. схема газификации связана с деятельностью созданного на основании Постановления Правительства РФ от 13.09.2021 № 1550³ единого оператора газификации (ЕОГ). Им

¹ Взаимодействие с заинтересованными сторонами [Электронный ресурс] // ПАО «Газпром»: офиц. сайт. 2019. URL: <https://sustainability.gazpromreport.ru/2019/our-report/interaction/> (дата обращения 02.09.2025).

² Ковыктинское месторождение [Электронный ресурс] // ПАО «Газпром»: офиц. сайт. 2025. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/kovyktinskoye/> (дата обращения 02.09.2025).

³ Об утверждении Правил взаимодействия единого оператора газификации, регионального оператора газификации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов публичной власти федеральных территорий, газотранспортных организаций, а также газораспределительных организаций, привлекаемых единственным оператором газификации или региональным оператором газификации, при реализации мероприятий межрегиональных и региональных программ газификации жилищно-коммунального хозяйства, промышленных и иных организаций : постановление Правительства РФ от 13 сентября 2021 г. № 1550 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 38. Ст. 6644.

стало АО «Газпром газораспределение» (на 100% дочерняя компания ПАО «Газпром»). После чего в 67 субъектах РФ были пересмотрены и утверждены постановлениями Правительства региональные программы газификации на период 2021–2030 гг., в которых разработаны генеральные схемы газификации с пообъектными календарными планами, согласованными с ЕОГ. Ранее ПАО «Газпром» осуществляло строительство магистральных и межпоселковых газопроводов, в то время как строительство региональных и внутрипоселковых отводов было возложено на местные власти и потребителей, что создавало дополнительное препятствие в части согласования — нередко случались эпизоды, когда газопровод был подведен, а газораспределительные сети оказывались не готовы, равно как и потребители, что создавало дополнительные препятствия в обеспечении доходности проектов [6, с. 95]. В рамках принятых документов региональный филиал АО «Газпром газораспределение» становится участником-соисполнителем программы и может в качестве публичного партнера на основании ФЗ № 223¹ привлекать местные компании через заключение договора подряда как на весь комплекс работ (проектирование-строительство-эксплуатация, т. н. газификация «под ключ», осуществляемая, например, АО «Краснодаргазстрой»), так и на отдельные этапы (договор на проектирование, заключенный с ООО «Севтранспроект» в Архангельске), при этом вкладывая собственные средства и средства головной организации ПАО «Газпром».

Основной сложностью, связанной с выполнением ПАО «Газпром» обязательств по газификации страны, является недостаток инвестиций. Раскроем возможные меры в рамках совершенствования механизма ГЧП в газовой отрасли в России для решения проблемы.

1. Привлечение иных газовых компаний к реализации проектов газификации в рамках ГЧП. Исследователи усматривают данную возможность, отмечая, что потенциал рентабельности подобных проектов выше в силу облегченных условий формирования цены на газ для сторонних производителей и указывают, что предварительно должна производиться оптимизация затрат и оптимальный выбор населенных пунктов для газификации [6, с. 97–98].

В действующем законодательстве предусмотрен механизм реализации проектов газификации в рамках контрактной модели ГЧП. Ст. 4 ФЗ № 115 относит объекты газоснабжения к объектам, по которым может быть заключено исключительно концессионное соглашение (КС)², п. «в» ст. 5 и п. «л» ст. 6 Постановления Правительства РФ от 13.09.2021 № 1550 указывают на существование объектов газификации, не находящихся в собственности единого оператора.

Газификация регионов совместными усилиями государства и частных партнеров реализуема уже сейчас, однако большинство проектов в этой сфере не являются целесообразными с экономической точки зрения. Для того, чтобы проект газификации имел возможность выйти на показатели рентабельности, в регионе должен выполняться ряд критериев:

а) наличие организации, способной сформировать полный цикл реализации (от проектирования до ввода в эксплуатацию, обслуживания и реконструкции) объектов газификации в рамках региона (организации, которые в текущих условиях осуществляют газификацию «под ключ» — например, АО «Краснодаргазстрой»);

б) наличие альтернативных источников газа (в рамках КС концессионер сможет окупить вложения только через долгосрочную эксплуатацию объекта, т. е. реализацию газа), к ним относятся биржевой газ, газ, купленный по квоте у ПАО «Газпром» или полученный у нефтяных игроков в регионах дислокации (ПАО «Татнефть», ПАО «Лукойл»);

в) высокая плотность населения (оценка существующих проектов дает понять, что альтернативный выбор объектов газификации при текущем уровне затрат, количества и длины газопроводов в зависимости от региона мог бы дать прирост в 2–14 раз числа людей, имеющих доступ к газу [6, с. 98]);

¹ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : федеральный закон Рос. Федерации от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.

² О концессионных соглашениях : федеральный закон Рос. Федерации от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

г) наличие кластера промышленных предприятий в регионе (в условиях перекрестного субсидирования именно они обеспечивают основную прибыль газовых компаний, в то время как обеспечение газом жителей, наоборот, имеет потенциал обременения);

д) наличие другого крупного газового игрока, помимо ПАО «Газпром» (в таком случае газификация региона осуществляется для обеспечения нужд самого предприятия);

е) политическая воля властей региона (необходима для обеспечения эффективности конкурсных процедур, исключения случаев лоббирования).

Предложенный перечень не предполагает одновременное соблюдение всех указанных критерий, однако необходимо выполнение как минимум двух-трех. При соотнесении предлагаемых условий с перечнем регионов, в которых проблема газификации наиболее актуальна, можем предположить, что Краснодарский край (организация, осуществляющая полный цикл газификации, высокая плотность населения), Республика Татарстан (промышленный кластер, альтернативные источники газа (ПАО «Татнефть»)), Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ (месторождение газа, деятельность ПАО «Новатэк») могут стать регионами, перспективными в части рентабельности проектов газификации.

2. Обеспечение рентабельности проектов газификации для самого ПАО «Газпром».

Прирост инвестиций в проекты газификации может быть обеспечен за счет реинвестирования средств ПАО «Газпром», полученных путем увеличения доли рентабельных проектов газификации. Здесь актуально предложение относительно льгот по уплате налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) для новых объемов поставок газа, поскольку существующая оценка структуры цен на газ от различных производителей дает понять, что именно эта составляющая в среднем в два раза превышает соответствующий показатель других компаний и формирует до трети цены на газ [6, с. 98]. Изменения, вносимые в налоговое законодательство в 2023–2025 гг., о которых будет написано ниже, также демонстрируют, что именно эта часть затрат наиболее гибка и подвержена изменению со стороны публичных властей. Соответственно, улучшенное налоговое положение компаний может стать дополнительным источником обеспечения рентабельности ее проектов, однако реализация рассматриваемого сценария невозможна без обеспечения приоритета экономической эффективности работы компании в рамках государственного участия в капитале, т. е. без решения проблемы восприятия со стороны публичной власти средств компании в качестве «второго бюджета страны».

Альтернативный сценарий достижения доходности газификации для ПАО «Газпром» связан с переориентацией экспортных поставок газа на Азиатско-Тихоокеанский рынок. Представители «Газпрома» не раз заявляли, что процесс газификации регионов Восточной части России будет связан с крупными экспортными проектами [6, с. 93]. Сложившаяся конъюнктура газового рынка такова, что газопровод «Сила Сибири», расположенный в восточной части страны, является ключевым как для поставок газа новому основному импортеру — Китаю, так и для доступа к газу регионов Сибири и Дальнего Востока. Это создает редкое для страны окно возможностей — импульс промышленного производства в регионе и реструктуризацию его топливно-энергетического комплекса (в том числе за счет имеющегося опыта строительства газовых котельных на базе КС, о чем будет написано ниже).

3. Сокращение программы газификации за счет оптимизации энергопотребления и развития альтернативных источников (сжиженный углеводородный газ (СУГ) и сжиженный природный газ (СПГ)).

Часть затрат на газификацию связана с вводом в эксплуатацию нового жилого фонда. Газовое топливо является источником для тепловой и электрической энергии. Сбалансированное потребление в смежных отраслях косвенным образом снижает и газовую потребность. В этих условиях было бы разумным шагом включить ПАО «Газпром» на правах ресурсоснабжающей организации в список участников региональных программ развития энергетики и ЖКХ (в текущих условиях компания является участником подпрограммы газификации, но не имеет аналогичного статуса в подпрограмме энергосбережения и повышения энергетической эффективности¹), что позволило бы, например, расширить практику установки в домохозяйствах «умных» счетчиков, тем самым снизив общий размер субсидируемых затрат на энергетику.

¹ Государственная программа Архангельской области «Развитие энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Архангельской области : постановление Правительства Архангельской области от 15 октября 2013 г. № 487-пп [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/462608457?marker> (дата обращения: 02.09.2025).

Развивающийся рынок продуктов переработки газа (СУГ и СПГ) в текущих условиях преимущественно ориентирован на экспортные поставки. Наращивание производства в данных отраслях можно законодательно обременить обязательством передачи части продукта на нужды обеспечения газом тех регионов, в которых трубопроводная газификация недоступна по тем или иным причинам.

Таким образом, существует как минимум три альтернативы для дальнейшего решения вопроса обеспечения населения страны энергией и экономической стабильности ПАО «Газпром» и учета его интересов.

Для обеспечения устойчивости компании, реализующей такие масштабные проекты преимущественно социальной направленности, государством были предусмотрены меры поддержки.

1. ПАО «Газпром» является монополистом в части трубопроводного экспорта газа, а также владельцем и оператором единой системы газоснабжения.

2. ПАО «Газпром» становится получателем субсидий, кредитуется крупными банками, а также является главным выгодоприобретателем в части отдельных изменений налогового законодательства. В газовом комплексе указанные меры поддержки применяются при реализации проектов СПГ. Так, в стадии строительства с 2021 г. находится крупнотоннажный комплекс по переработке этаносодержащего газа и производству СПГ в районе Усть-Луга Ленинградской области. Объединение в формате единой площадки производства СПГ и этана компания позиционирует в качестве практической реализации новой экономической модели комплексной монетизации углеводородных запасов¹. Для реализации данного проекта ВЭБ.РФ в 2021 г. выделил крупный кредит в размере 166 млрд руб.²

В 2024 г. в Налоговый кодекс РФ были внесены изменения³, которые: а) отменили ежемесячную надбавку в 50 млрд руб. к НДПИ для ПАО «Газпром» (надбавка действовала с 1 января 2023 г., увеличивая размер уплаты налога для компании на 600 млрд руб. ежегодно); б) обеспечили нулевую ставку НДПИ на газ, используемый для производства аммиака и водорода, на всей территории Арктической зоны РФ (ПАО «Газпром» владеет восемью малотоннажными СПГ-комплексами в регионе, эксперты сходятся во мнении, что в условиях санкционных барьеров в развитии сектора СПГ эти мощности могут быть пере-профилированы для производства указанных продуктов⁴).

ПАО «Газпром» в лице дочерних предприятий АО «Газпром теплоэнерго» (и его региональных отделений) заключает КС на создание/реконструкцию и эксплуатацию газовых котельных в Московской, Вологодской и Псковской областях. Всего за период 2014–2025 гг. было заключено 14 КС сроком на 20–25 лет и общим объемом инвестиций около 63,5 млрд руб.⁵ Все соглашения заключены с единственным участником конкурса (АО «Газпром теплоэнерго») и реализуются преимущественно за счет его средств как концессионера. В отчете контрольно-счетной палаты за 2024 г. подчеркивается, что ООО «Газпром теплоэнерго МО» является одним из основных получателей субсидий в регионе в области теплоснабжения (25% от общего объема), самым крупным поставщиком тепловой энергии (50% от общего объема), реализующим этот ресурс по самым высоким тарифам⁶. Сама компания оценивает опыт участия в КС как положительный, отдельно отмечая роль поправок в законодательство, расширяющих финансовое участие в проектах концедента⁷.

¹ Комплекс по переработке этаносодержащего газа и производству СПГ в Ленинградской области [Электронный ресурс] // ПАО «Газпром»: офиц. сайт. 2025. URL: <https://www.gazprom.ru/projects/lnq-leningrad/> (дата обращения: 02.09.2025).

² Газпромбанк и ВЭБ.РФ выдадут бридж-кредит на 166,4 млрд рублей на ГПЗ в Усть-Луге [Электронный ресурс] // ТАСС: офиц. сайт. 07.10.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12599899> (дата обращения: 02.09.2025).

³ О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон Рос. Федерации от 29 октября 2024 г. № 362-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 45. Ст. 6693.

⁴ Тихонов С. Новые проекты по производству СПГ в России не будут заморожены из-за санкций [Электронный ресурс] // Российская газета: офиц. сайт. 19.10.2024. URL: <https://rg.ru/2024/10/19/s-gaza-na-gaz.html> (дата обращения: 02.09.2025).

⁵ Реестр концессионных соглашений, заключенных в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (на 31 декабря 2023 года) [Электронный ресурс] // Министерство энергетики РФ: офиц. сайт. URL: https://economy.gov.ru/material/departments/d22/gosudarstvenno_chastnoe_partnerstvo/monitoring_proektov_v_sfere_gchp/ (дата обращения: 02.09.2025).

⁶ Информационный сборник контрольно-счетной палаты Московской области [Электронный ресурс] // Научно-методический и аналитический журнал. 2024. № 4 (54). 23 с. URL: https://ksp.mosreg.ru/sites/default/files/info_pdf/sbornik_454.pdf (дата обращения: 02.09.2025).

⁷ Частно-государственное партнерство [Электронный ресурс] // АО «Газпром теплоэнерго»: офиц. сайт. 2025. URL: <https://www.gpte.ru/activities/thermal-engineering/public-private-partnership/> (дата обращения: 02.09.2025).

Вместе с этим нельзя не отметить сохраняющуюся в секторе предприятий с государственным участием проблему взаимодействия с органами публичной власти, связанную с нерыночным способом распоряжения капиталом компании. Органы публичной власти, отвечающие за выработку внутренней политики и обеспечение финансирования, в отдельных эпизодах склонны считать средства компании «вторым бюджетом страны» [11, с. 14] и манипулировать их распределением. Так, в 2023 г. государственные акционеры ПАО «Газпром» отказались от выплаты дивидендов, одновременно с этим для компании был повышен НДПИ на сумму, компенсирующую размер дивидендов для государства. Таким образом, средства компании были реинвестированы при сохранении текущих объемов поступлений в государственный бюджет, и тем затронуты интересы миноритариев, от соблюдения которых в значительной степени зависит положение компании на фондовой бирже.

Заключение

Основной особенностью ПАО «Газпром» в рамках ГЧП является его способность выступать в роли как публичного, так и частного партнера. Так, в рамках реализации программы по газификации регионов ПАО «Газпром» на правах исполнителя программы заключает договоры с местными организациями, а в рамках КС с Московской областью на правах частной стороны становится участником конкурсной процедуры. Модель участия в капитале при этом остается преобладающей в рамках партнерства. Действуя в рамках публичной формы государственного капитализма, компания, с одной стороны, пользуется значительной поддержкой государства в виде обеспечения монопольного положения на высокодоходном рынке, предоставления крупных кредитов со стороны банков, обеспечения привлекательных налоговых условий для работы в перспективных отраслевых нишах и заключения выгодных контрактов с органами публичной власти, а с другой, вынуждена брать на себя социальные обязательства в виде больших нерентабельных инфраструктурных проектов и обеспечивать приоритет отдельных целей национального развития в ущерб собственной экономической эффективности.

Выполняемый ПАО «Газпром» в рамках ГЧП проект газификации сталкивается с масштабной нехваткой инвестиций. Существует возможность привлечения усилий частных партнеров, но для этого в регионах должен соблюдаться ряд условий, связанных с доступом к альтернативным источникам газа, наличием необходимого уровня потребления и деятельностью организаций с полным циклом проектов газификации.

Альтернативным решением для отрасли и ПАО «Газпром» может стать реинвестирование средств самой компании за счет снижения налогового бремени, что затруднительно в условиях существующей публичной формы государственного капитализма, а также участие ПАО «Газпром» на базе опыта КС в реструктуризации топливно-энергетического комплекса регионов восточной части страны в условиях переориентации экспортных поставок.

Общему снижению потребности в газификации может способствовать включение ресурсоснабжающих компаний в региональные программы энергоэффективного потребления и расширение обязательств компаний, занимающихся переработкой газа, по снабжению регионов России альтернативными источниками газификации.

Список литературы

1. Варнауский В. Г. Государственно-частное партнерство. М. : ИМЭМО РАН, 2009. Т. 1. EDN: AEXGIG.
2. Караганов С. А., Козылов И. С. Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23, № 1. С. 221–229. EDN: FXGAOO. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229.
3. Крюков В., Шмат В. Развитие нефтегазохимии в России: новые вызовы, новые тренды // Энергетическая политика. 2023. № 9 (188). С. 41–61. EDN: LRKPK. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_9188_40.
4. Маслова С. В., Еремин В. В. Проблемы правового регулирования государственно-частного партнерства в российских правовых исследованиях до и после принятия Федерального закона о государ-

- ственno-частном партнерстве. Часть первая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 1. С. 141–158. DOI: 10.21638/spbu14.2023.109.
5. *Правосудов С. А. Нефть и газ: деньги и власть.* М. : Товарищество научных изданий КМК, 2017.
 6. *Семикашев В. В., Гайворонская М. С. Анализ текущего состояния и перспективы газификации России на период до 2030 г.* // Проблемы прогнозирования. 2022. № 1 (190). С. 91–100. DOI: 10.47711/0868-6351-190-91-100.
 7. *Смирнов В. А. Экономическое обоснование стратегии газовой промышленности на основе последовательной смены перспективных очагов освоения ресурсов газа* // Российский внешнеэкономический вестник. 2007. № 2. С. 68–78. EDN: JYLINA
 8. *Смотрящая И. И., Фролова Н. Д. Качество корпоративного управления в компаниях с государственным участием: эмпирические оценки* // Этап: Экономическая теория, анализ, практика. 2022. № 4. С. 59–85. EDN: YUTBZE. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-59-85.
 9. *Таджибова Л. Н. Социальные аспекты взаимодействия крупных компаний с органами государственной власти* // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 2. С. 51–54. EDN: IOAMVY. DOI: 10.23672/SAE.2023.11.60.001.
 10. *Харчилава Х. П., Боттаев А. Ю. Корпоративное управление в компаниях с государственным участием* // Управление. 2017. № 1 (15). С. 88–92. DOI: 10.12737/24706.
 11. *Черных С. Государственный капитализм в России: теория, практика и современные тенденции* // Общество и экономика. 2021. № 2. С. 5–17. DOI: 10.31857/S020736760013633-5.
 12. *Шманев С. В. Газификация в России: проблемы и перспективы* // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15, № 6. С. 4093–4108. DOI: 10.18334/epp.15.6.123231.

Об авторах:

Веселова Дарья Николаевна, кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет политологии, кафедра российской политики; старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений; преподаватель ФСПО, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Северо-Западный институт управления; доцент, АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС», юридический факультет, кафедра гражданско-правовых дисциплин (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6674-0357

Пономарев Михаил Юрьевич, политолог, старший эксперт, Дирекция Филиальной сети ПАО «Банк Санкт-Петербург» (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: mikh.ponomarev2013@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-4847-6678

References

1. Varnavsky, V. G. Public-private Partnership. Moscow : IMEMO RAS, 2009. Vol. 1 (In Russ.). EDN: AEXGIG.
2. Karaganov, S. A., Kozylov, I. S. Eastern Turn 2.0, or “Siberization” of Russia // Russia in Global Affairs. 2025. Vol. 23, No. 1. P. 221–229 (In Russ.). EDN: FXGAOO. DOI: 10.31278/1810-6439-2025-23-1-221-229.
3. Kryukov, V., Shmat, V. Development of the Petrochemical Industry in Russia: New Challenges, New Trends // Energy Policy. 2023. No. 9 (188). P. 41–61 (In Russ.). EDN: LRKPKF. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_9188_40.
4. Maslova, S. V., Eremin, V. V. Problems of Legal Regulation of Public-Private Partnership in Russian Legal Studies before and After the Adoption of the Federal Law on Public-Private Partnership. Part one // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2023. No. 1. P. 141–158 (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu14.2023.109.
5. Pravosudov, S. A. Oil and Gas: Money and Power. Moscow : Partnership of Scientific Publications KMK, 2017 (In Russ.).

6. Semikashev, V. V., Gaivoronskaya, M. S. Analysis of the Present State and Prospects of Gasification in Russia for the Period up to 2030 // Studies on Russian Economic Development. 2022. Vol. 33, No. 1. P. 65–72 (In Russ.). DOI: 10.47711/0868-6351-190-91-100.
7. Smirnov, V. A. Economic Justification of the Gas Industry Strategy Based on the Consistent Change of Promising Centers of Gas Resource Development // Russian Foreign Trade Bulletin. 2007. No. 2. P. 68–78 (In Russ.). EDN: JYLINA.
8. Smotritskaya, I. I., Frolova, N. D. Quality of Corporate Governance in Companies with State Participation: Empirical Assessments // Stage: Economic Theory, Analysis, Practice. 2022. No. 4. P. 59–85 (In Russ.). EDN: YUTBZE. DOI: 10.24412/2071-6435-2022-4-59-85.
9. Tadzhibova, L. N. The Title of the Article: Social Aspects of Interaction between Large Companies and Public Authorities // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2023. No. 2. P. 51–54 (In Russ.). EDN: IOAMVY. DOI: 10.23672/SAE.2023.11.60.001.
10. Kharchilava, H. P., Bottaev, A. Yu. Corporate Governance in Companies with State Participation // Management. 2017. No. 1 (15). P. 88–92 (In Russ.). DOI: 10.12737/24706.
11. Chernykh, S. State Capitalism in Russia: Theory, Practice and Modern Trends // Society and Economy. 2021. No. 2. P. 5–17 (In Russ.). DOI: 10.31857/S020736760013633-5.
12. Shmanev, S. V. Gasification in Russia: Problems and Prospects // Economy, Entrepreneurship and Law. 2025. Vol. 15, No. 6. P. 4093–4108 (In Russ.). DOI: 10.18334/epp.15.6.123231.

About the authors:

Darya N. Veselova, PhD in Political Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Political Science, Department of Russian Politics; Senior Research, St. Petersburg State University, Faculty of International Relations; Lecturer, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, North-West Institute of Management, Faculty of Secondary Professional Education (Saint Petersburg, Russian Federation); Associate Professor, ANPO of Higher Education “University under the IPA EurAsEC”, Faculty of Law, Department of Civil Law Disciplines (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: daria-voronchikhina@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6674-0357

Mikhail Yu. Ponomarev, Political Scientist, Senior Expert, Branch Network Directorate of Bank Saint Petersburg PJSC (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: mikh.ponomarev2013@yandex.ru; ORCID: 0009-0005-4847-6678

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Веселова Д. Н., Пономарев М. Ю., 2025

БРИКС как новый центр силы в глобальном здравоохранении: вызовы и перспективы

Арсентьева И. И.

Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия

e-mail: airen1@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4145-8790

РЕФЕРАТ

Пандемия COVID-19 повысила значимость вопросов здравоохранения в международной повестке дня. Однако Всемирная организация здравоохранения, в сферу ответственности которой входит борьба с глобальным распространением заболеваний, переживает серьезный кризис. В этой связи становятся актуальными переговорные платформы, дополняющие функции организации и позволяющие государствам координировать свою политику в данной сфере. **Цель и задачи.** Целью настоящего исследования является выявление факторов, способствующих и препятствующих превращению группы БРИКС в новый центр силы в глобальном здравоохранении. Достижение данной цели предполагает последовательное решение следующих задач: проследить генезис проблематики здравоохранения в повестке дня БРИКС; охарактеризовать инициативы группы в данной сфере в до-пандемийный период; выявить изменения, произошедшие во время пандемии COVID-19; проанализировать влияние расширения БРИКС на глобальную повестку дня в области здравоохранения.

Методология. Работа построена на междисциплинарном подходе, способствующем комплексному рассмотрению предмета исследования. Широко использовался анализ источников — документов Всемирной организации здравоохранения, деклараций саммитов БРИКС и встреч министров здравоохранения стран-участников, правительственный материалов, выступлений официальных должностных лиц, статистических данных, экспертных оценок и т. д. **Результаты.** Выделены этапы разработки группой БРИКС инициатив в сфере здравоохранения. Охарактеризованы ключевые достижения и проблемы каждого этапа. Определена значимость вакцинной дипломатии во внешней политике «евразийского ядра» группы — России, Индии, Китая (треугольник РИК). Выявлены возможности и ограничения роста влияния формата «БРИКС плюс» на глобальную повестку в области здравоохранения. **Выводы.** На основании полученных результатов сделан вывод о том, что роль БРИКС в глобальном здравоохранении зависит, с одной стороны, от стремления участников группы воплотить свои взгляды и политическую волю в конкретные действия, с другой — от структуры мирового порядка, формирование которого происходит в настоящее время.

Ключевые слова: глобальное здравоохранение, БРИКС, встречи министров здравоохранения, пандемия, вакцинная дипломатия, расширение БРИКС

Для цитирования: Арсентьева И. И. БРИКС как новый центр силы в глобальном здравоохранении: вызовы и перспективы // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 172–181. EDN: QZCSUF

BRICS as a New Center of Power in Global Health: Challenges and Prospects

Irina I. Arsentyeva

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

e-mail: airen1@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4145-8790

ABSTRACT

The COVID-19 pandemic has increased the importance of health issues on the international agenda. However, the World Health Organization, responsible for combating the global spread of diseases, is facing a serious crisis. In this regard, negotiation platforms are becoming necessary to complement the WHO's functions and allow States to coordinate their policies in this area. **Aim and tasks.** The study aims to identify the factors contributing to and hindering the BRICS emergence as a new center of power in global health. It presumes consistent accomplishment of the following tasks: tracing the genesis of health issues on the BRICS agenda; characterizing the BRICS health initiatives in the pre-pandemic period; identifying changes that occurred during the COVID-19 pandemic; and analyzing the impact of the BRICS expansion on the global health agenda. **Methods.** The study relies on an interdisciplinary approach that promotes a comprehensive analysis of the research issue. The primary sources are WHO's documents, declarations of BRICS summits and health ministers' meetings, government materials, speeches by officials, statistical data, expert assessments, etc. **Results.** The stages of BRICS health initiatives are highlighted. The key achievements and challenges of each stage are described. The importance of vaccine diplomacy in the foreign policy of the group's "Eurasian core" — Russia, India, and China (the RIC triangle) — is revealed. The opportunities and limitations for increasing the influence of "BRICS plus" format on global health agenda are identified. **Conclusions.** Based on the results of the study, it is concluded that the role of BRICS in global health depends, on the one hand, on the desire of the group's members to translate their vision and political will into concrete actions, and on the other hand, on the emerging world order.

Keywords: global health, BRICS, health ministers' meetings, pandemic, vaccine diplomacy, BRICS expansion

For citation: Arsentyeva I. I. BRICS as a New Center of Power in Global Health: Challenges and Prospects // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 172–181 (In Russ.). EDN: QZCSUF

Введение

Глобальное здравоохранение как область науки и практики имеет своей целью улучшение здоровья всех людей. Управление данной областью традиционно относится к компетенции Всемирной организации здравоохранения (далее — ВОЗ), в сферу ответственности которой входит международный режим борьбы с глобальным распространением заболеваний, а также к деятельности нескольких организаций с более узкими мандатами: Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИД, Глобального альянса по вакцинам и иммунизации (далее — ГАВИ), Глобального фонда по борьбе со СПИДом, туберкулезом и малярией (далее — Глобальный фонд)¹. Однако в последние десятилетия появляются работы, посвященные возрастающей роли в глобальном здравоохранении новых центров силы, в том числе международных клубов — G7, G20, БРИКС [8; 12]. Эти клубы, несмотря на неформальный статус, обладают значительным политическим и экономическим влиянием, поэтому их инициативы в области здравоохранения могут воздействовать как на глобальные программы, так и на приоритеты других акторов международных отношений.

Оценки группы БРИКС, в которую до 2024 г. входили Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика (далее — ЮАР), достаточно противоречивы. С одной стороны, признается, что страны «пятерки» имеют потенциал для усиления влияния в глобальном здравоохранении: улучшая свои системы здравоохранения и помогая в этом другим развивающимся странам, они играют важную роль в решении глобальных проблем; группа представляет собой потенциальный источник новых ресурсов для преобразования глобального здравоохранения [6; 8]. С другой стороны, перспективы БРИКС как единого блока вызывают вопросы, о чём свидетельствуют и опросы экспертов [9; 10; 15]. Некоторые

¹ Kickbusch I., Nikogosian N., Kazatchkine M., Kormany M. A Guide to Global Health Diplomacy [Электронный ресурс] // Graduate Institute of International and Development Studies. 18.02.2021. URL: <https://www.graduateinstitute.ch/sites/internet/files/2021-02/GHC-Guide.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

авторы не исключают сценарий, при котором участники объединения окажутся не просто неспособными к сотрудничеству и координации своих действий, но и будут препятствовать усилиям развитых стран, ставя под угрозу согласованные на международном уровне принципы и нормы [7]. В этом контексте становятся востребованными дальнейшие исследования роли БРИКС в глобальном здравоохранении, что особенно актуально в контексте произошедшего в 2024–2025 гг. расширения группы.

Также актуальность исследования определяется необходимостью предотвращения глобальных вспышек инфекционных заболеваний, наподобие COVID-19. В мае 2025 г. Всемирная ассамблея здравоохранения (далее — ВАЗ) приняла «историческое соглашение» по борьбе с пандемиями¹, разработкой которого ВОЗ занималась более трех лет. Однако мировое сообщество ожидает сложный процесс согласования деталей и последующей ратификации как минимум 60 странами, что при самом оптимистичном сценарии произойдет не ранее 2028 г. Но и в этом случае, по словам главного государственного санитарного врача Российской Федерации А. Ю. Поповой, соглашение не оправдает ожиданий стран Глобального Юга, поскольку в нем отсутствуют четкие обязательства и содержатся оговорки, допускающие интерпретацию в рамках национальных правовых систем². В этой связи становятся востребованными переговорные платформы, которые позволяют развивающимся государствам участвовать в выработке повестки дня в области глобального здравоохранения. Другими словами, необходимы «инновационные структуры, выходящие за рамки модели “командования и контроля” ВОЗ» [14, р. 4].

Целью статьи является выявление факторов, способствующих и препятствующих превращению группы БРИКС в новый центр силы в глобальном здравоохранении.

Источниковой базу работы составляют нормативные документы ВОЗ, декларации саммитов БРИКС и встреч министров здравоохранения стран-участников³, правительственные материалы, выступления официальных должностных лиц, статистические данные, экспертные оценки. Исследовательский вопрос находится на стыке ряда дисциплин: общественного здравоохранения, теории международных отношений, политологии, экономики, права и т. д. Поэтому работа построена на междисциплинарном подходе, способствующем комплексному рассмотрению предмета исследования. Также применяется сравнительный метод, позволяющий выявить отличия политики БРИКС от западных стран и проследить эволюцию подходов к решению проблем здравоохранения внутри самой группы. Использование прогностического метода с опорой на выявленные в ходе исследования закономерности дает возможность предположить варианты развития ситуации в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Отправной точкой анализа выступает 2011 г., поскольку именно тогда здравоохранение вошло в повестку дня БРИКС. В целях систематизации материала выделяются (с известной долей условности) три этапа сотрудничества: начальный, или допандемийный (2011–2019 гг.); пандемийный (2020–2022 гг.), постпандемийный (с 2023 г. по настоящее время). Ключевые события и инициативы каждого этапа будут охарактеризованы в соответствующих разделах статьи. Также будет рассмотрена вероятность усиления роли формата «БРИКС плюс» в глобальном здравоохранении и очерчены перспективные векторы дальнейших научных изысканий.

Инициативы БРИКС в допандемийный период

Впервые здравоохранение появлялось в повестке дня БРИКС в год председательства Китая. Итогом работы III саммита, прошедшего в апреле 2011 г. в городе Санья и ознаменовавшегося принятием в группу ЮАР, стала декларация, подчеркивающая необходимость интенсификации диалога в сфере здравоохранения, в частности, в борьбе с ВИЧ/СПИД. Документ содержит план действий, где в новые обла-

¹ 124 голоса «за» при 11 воздержавшихся, включая Россию. См.: World Health Assembly Adopts Historic Pandemic Agreement to Make the World More Equitable and Safer from Future Pandemics [Электронный ресурс] // World Health Organization. 20.05.2025. URL: <https://www.who.int/news-item/20-05-2025-world-health-assembly-adopts-historic-pandemic-agreement-to-make-the-world-more-equitable-and-safer-from-future-pandemics> (дата обращения: 18.06.2025).

² Попова указала на оговорки в соглашении о борьбе с пандемиями [Электронный ресурс] // ТАСС. 10.06.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/24183317?ysclid=mb6ac54lo900648741> (дата обращения: 20.06.2025).

³ Именно эти встречи являются ключевым механизмом взаимодействия в сфере здравоохранения. По их результатам принимаются совместные декларации, в которых фиксируются направления сотрудничества и закрепляются принятые решения.

сти сотрудничества включена встреча министров здравоохранения стран-участников. На мероприятии, прошедшем в июле того же года в китайской столице, ключевым вопросом стало расширение доступа населения развивающихся стран к качественным и недорогим лекарствам. В принятой по итогам встречи Пекинской декларации признается ведущая роль ВОЗ, но в то же время подчеркивается необходимость ее реформирования, чтобы, с одной стороны, повысить эффективность, прозрачность и подотчетность, с другой — укрепить системы здравоохранения развивающихся стран, в том числе посредством передачи технологий производства лекарств и товаров. Этому, как отмечается в документе, будет способствовать продвижение БРИКС в качестве платформы координации действий по актуальным вопросам здравоохранения¹.

Выступая на встрече, тогдашний гендиректор ВОЗ М. Чэнь подчеркнула важность новой диалоговой платформы и отметила наиболее значимые достижения каждой из стран «пятерки». По ее словам, БРИКС представляет собой блок государств со свежим и энергичным подходом к глобальному здравоохранению и огромным потенциалом для его продвижения в правильном направлении — сокращении значительных разрывов в показателях здоровья и обеспечении большей справедливости при распределении выгод от медицинского прогресса².

В 2012 г., в преддверии 2-й министерской встречи, эксперты стран БРИКС подготовили доклад, в котором признавалось, что поддержка глобальных усилий в области здравоохранения сдерживается внутренними проблемами участников объединения. В то же время подчеркивалось, что они представляют собой потенциальный источник инноваций: их подходы, определяясь собственным опытом, мировоззрением и интересами, будут отличаться от подходов традиционных доноров³.

На встрече министров, прошедшей в январе 2013 г. в Нью-Дели, круг вопросов для обсуждения расширился. Были созданы рабочие группы по пяти пунктам повестки дня: 1) стратегические технологии в сфере здравоохранения для борьбы с инфекционными заболеваниями (под руководством Бразилии); 2) медицинские технологии (под руководством России); 3) укрепление системы эпиднадзора за состоянием здоровья (под руководством Индии); 4) поиск и разработка новых лекарственных средств (под руководством Китая); 5) снижение факторов риска неинфекционных заболеваний, профилактика, укрепление здоровья и всеобщий охват услугами здравоохранения (под руководством ЮАР) [5].

Идея перестройки глобального здравоохранения на основе новых ценностей и принципов начала привлекать внимание исследователей. При этом некоторые западные авторы задавались вопросом: почему относительно стабильные в экономическом плане страны БРИКС не увеличивают финансовые обязательства перед ВОЗ, ГАВИ, Глобальным фондом? Это, по их мнению, ставит под сомнение стремление группы к глобальному лидерству [14]. Другие эксперты, как бы отвечая на эти сомнения, обращали внимание на незаинтересованность стран БРИКС в простом предоставлении финансовых средств. Вместо этого они выбрали путь обеспечения доступа к лекарственным препаратам и медицинским изделиям, а также передачи технологий их производства [9]. Исходя из этого, можно говорить о том, что ключевая особенность БРИКС с самого начала заключалась в сотрудничестве по линии Юг — Юг, т. е. в позиционировании себя как объединения развивающихся стран, которые «делятся передовым опытом и помогают другим странам обеспечивать самоподдерживающийся рост»⁴.

К 2020 г. прошло девять встреч министров здравоохранения. С 2012 г. к ним добавились встречи, которые проводятся во время сессий ВАЗ с участием постоянных представителей стран БРИКС в ВОЗ и по итогам которых выпускаются совместные коммюнике⁵. На этих встречах обсуждались проблемы,

¹ BRICS Health Ministers' Meeting: Beijing Declaration (Beijing, China, July 11, 2011) [Электронный ресурс] // BRICS Information Centre. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/110711-health.html> (дата обращения: 25.06.2025).

² WHO Director-General Addresses First Meeting of BRICS Health Ministers [Электронный ресурс] // World Health Organization. 11.07.2011. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/who-director-general-addresses-first-meeting-of-brics-health-ministers> (дата обращения: 27.06.2025).

³ Shifting Paradigm: How the BRICS are Reshaping Global Health and Development [Электронный ресурс]. New Delhi: Global Health Strategies Initiatives, 2012. URL: https://www.hst.org.za/publications/NonHST%20Publications/ghsi_brics_report.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ Ibid. P. 87.

⁵ BRICS Countries Meeting on the Sidelines of World Health Assembly 2012 [Электронный ресурс] // Permanent Mission of India in Geneva. 22.05.2012. URL: <https://pmindiaun.gov.in/pressrelease/MTU> (дата обращения: 07.07.2025).

характерные для стран с низким и средним уровнем дохода: борьба с инфекционными заболеваниями, обеспечение доступа к лекарствам, всеобщий охват услугами здравоохранения. Еще одним важным направлением стала традиционная медицина. Однако едва ли можно говорить о существенных практических результатах. Скорее были намечены контуры сотрудничества: разделение сфер ответственности, обмен эпидемиологическими данными и т. д.

В этой связи приходится признать справедливость оценок, данных в 2013–2014 гг., но сохранявших актуальность на протяжении всего первого этапа: «Страны БРИКС взяли на себя ряд важных обязательств по реформированию глобального здравоохранения, но если они хотят стать чем-то большим, чем запоминающаяся аббревиатура, необходимо начать претворять эти коллективные обязательства в жизнь» [7, р. 1]; «высокие темпы институционализации диалога... не нашли отражения в практических результатах для системы глобального управления в области здравоохранения» [4, с. 110].

Инициативы БРИКС в период пандемии

Пандемия и вызванный ею социально-экономический кризис сместили фокус внимания группы на борьбу с инфекционными заболеваниями. В апреле 2020 г. Новый банк развития утвердил программу экстренной помощи своим членам — странам БРИКС, каждая из которых получила кредит в размере 1 млрд долл. для борьбы с инфекцией и смягчения ее последствий.

В 2020–2022 г. саммиты БРИКС и встречи министров здравоохранения проходили в цифровом формате. В ходе совещаний стороны (в первую очередь Китай) подчеркивали недопустимость политизации пандемии. Основным направлением сотрудничества выступал обмен информацией и опытом. Так, на 10-й министерской встрече, прошедшей в ноябре 2020 г. под председательством России, обсуждались наиболее эффективные национальные практики борьбы с коронавирусом. По итогам встречи был опубликован «Обзор передовых мер, предпринимаемых странами БРИКС по противодействию распространению COVID-19»¹. Одно из ключевых положений министерской декларации, вошедшее в Московскую декларацию XII саммита БРИКС, касалось обязательства «принимать меры для обеспечения распространения вакцины, когда она будет доступна, среди населения всего мира на справедливой и равноправной основе и по приемлемой цене»². Другими словами, члены группы выступили за то, чтобы сделать вакцины против COVID-19 глобальным общественным благом. Позднее страны БРИКС неоднократно призывали к временному отказу от патентов для организации бесперебойных поставок.

Следует отметить, что именно страны БРИКС, вернее, «евразийское ядро» группы — Россия, Индия, Китай (треугольник РИК), активно прибегали в своей внешнеполитической деятельности к вакциной дипломатии [2], хотя в начале пандемии многие эксперты прогнозировали, что основными производителями и экспортёрами антковидных вакцин после их изобретения станут США и КНР.

Россия первой в мире зарегистрировала свои вакцины от коронавируса (в августе и октябре 2020 г.), но они не были рекомендованы ВОЗ для экстренного применения. Тем не менее в 2021 г. наша страна вошла в пятерку крупнейших производителей и экспортёров вакцин, произведя почти 233 млн доз, из которых 93,4 млн были экспортированы (2,6% мировых поставок)³. В общей сложности за 2021–2022 гг. Россия экспорттировала 102,4 млн доз (из них 2,2 млн были безвозмездно переданы более чем 20 странам).

Индия, которую называют «аптекой мира», приступила к поставкам в январе 2021 г., через несколько дней после старта вакцинации внутри страны. Сначала она действовала в соответствии со своей доктриной «Соседи прежде всего» (Neighbourhood First Policy), затем начала поставки за пределы Азии в рамках

¹ BRICS Countries Measures Taken in the Field of Healthcare to Counter the Spread of the Coronavirus Disease (COVID-19) [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения Российской Федерации. 16.11.2020. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2020/11/16/15434-v-preddverii-sammita-briks-opublikovana-deklaratsiya-ministrov-zdravoohraneniya-briks-i-obzor-peredovykh-mer> (дата обращения: 15.07.2025).

² Московская декларация XII саммита БРИКС (17 ноября 2020 г.) [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://en.kremlin.ru/supplement/5581> (дата обращения: 23.07.2025).

³ Здесь и далее приведены данные совместного проекта Всемирной торговой организации и Международного валютного фонда по состоянию на 31 мая 2022 г. См.: WTO–IMF COVID-19 Vaccine Trade Tracker [Электронный ресурс] // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/tratop_e/covid19_e/vaccine_trade_tracker_e.htm (дата обращения: 25.07.2025).

инициативы «Вакцина Майтри»¹. В 2021 г. Индия заняла третье место в мире после Китая и Евросоюза по производству вакцин — почти 1,57 млрд доз (15,6% общемирового производства), из которых 72,8 млн были экспортированы, к лету 2022 г. на экспорт пришлось свыше 140 млн доз.

Китай, называя свои действия в период пандемии самой интенсивной и широкомасштабной гуманитарной операцией в национальной истории², стал в 2020 г. крупнейшим экспортером медицинских товаров, а в 2021 г. произвел 4,52 млрд доз вакцин (45% от общемировых показателей), из которых почти 1,49 млрд составил экспорт (40,6% мировых поставок). По данным китайской стороны, за все время пандемии было отправлено в 119 стран около 2 млрд доз вакцин (328 млн составили пожертвования) и налажено совместное производство с 15 странами, в том числе с партнером по БРИКС Бразилией³.

Таким образом, страны РИК, обеспечивая вакцинами развивающиеся страны, внесли значительный вклад в глобальное здравоохранение в период пандемии⁴, но действовали (как, впрочем, и остальной мир) преимущественно индивидуально: «Ограниченные коллективные усилия свидетельствуют о неготовности к совместному преодолению кризиса, несмотря на продолжающееся сотрудничество в области здравоохранения» [13, р. 541]. Тем не менее в марте 2022 г. состоялось открытие виртуального Центра БРИКС по исследованию и разработке вакцин. В том же году произошло событие, которое, на наш взгляд, потенциально способно изменить роль БРИКС в глобальном здравоохранении: был дан старт дискуссии о расширении группы, что нашло отражение в Пекинской декларации XIV саммита БРИКС.

Инициативы БРИКС в постпандемийный период

С 2023 г. саммиты и министерские встречи БРИКС вернулись к привычному формату работы. Среди совместных мероприятий в секторе здравоохранения отметим Международный экспертный форум по ядерной медицине, прошедший в июле 2023 г. в России и объединивший свыше 200 участников. В итоговой резолюции предлагалось сформировать рабочую группу по ядерной медицине и разработать нормативную базу для перевозки радиофармацевтических препаратов. Эти предложения были рассмотрены на встрече министров здравоохранения в южноафриканском Дурбане и вошли в итоговую декларацию прошедшего в Йоханнесбурге XV саммита БРИКС, где была достигнута окончательная договоренность о расширении группы.

В 2024 г., когда председателем БРИКС стала Россия, было проведено более 250 мероприятий, в том числе в сфере здравоохранения. Так, в феврале прошло первое заседание рабочей группы по ядерной медицине. В июне участники прошедшего в Санкт-Петербурге I Международного форума по ядерной медицине БРИКС обсудили актуальные вопросы разработки радиофармпрепараторов и внедрения технологических решений в области радиофармацевтики. Выступая на церемонии открытия, министр здравоохранения России М. А. Мурашко заявил, что инициативы БРИКС могут стать основой глобальной архитектуры здравоохранения⁵.

На октябрьской встрече министров здравоохранения, прошедшей в Москве, большое внимание вновь уделялось ядерной медицине, а также цифровому здравоохранению и телемедицине. Обсуждались вопросы функционирования Центра вакцин, учреждения Медицинской ассоциации БРИКС, формирования комплексной системы раннего предупреждения рисков возникновения массовых инфекционных заболеваний.

В Казанском саммите БРИКС в качестве полноправных членов приняли участие Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Эфиопия. В январе 2025 г. членом группы стала Индонезия. Еще

¹ В переводе с санскрита *maitri* — дружелюбие, дружба, добросердечность.

² Fighting COVID-19: China in Action (White Paper 2020) [Электронный ресурс] // The State Council of the PRC. 07.06.2020. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202006/07/content_WS5edc559ac6d066592a449030.html (дата обращения: 05.08.2025).

³ Tracking China's COVID-19 Vaccine Distribution [Электронный ресурс] // Bridge Beijing. URL: <https://bridgebeijing.com/our-publications/our-publications-1/china-covid-19-vaccines-tracker/> (дата обращения: 08.08.2025).

⁴ Это было критически важно в первые месяцы после появления вакцин, поскольку Евросоюз не мог обеспечить спрос, а США приступили к поставкам во второй половине 2021 г., стремясь сначала завершить вакцинацию своих граждан (за это их обвиняли в «вакцинном национализме»).

⁵ Михаил Мурашко: Медицинские инициативы БРИКС могут стать основой для глобальной архитектуры здравоохранения [Электронный ресурс] // Министерство здравоохранения Российской Федерации. 20.06.2024. URL: <https://minzdrav.gov.ru/news/2024/06/20/21529-mihail-murashko-meditsinskie-initiativy-briks-mogut-stat-osnovoy-dlya-globalnoy-arkhitektury-zdravooхранeniya> (дата обращения: 11.08.2025).

девять — Белоруссия, Боливия, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Уганда, Узбекистан — получили статус государств-партнеров, что дает возможность участвовать во многих мероприятиях и стать в будущем полноправными членами объединения.

На 15-й встрече министров, прошедшей в июне 2025 г. в Бразилии, обсуждались детали Партнерства по ликвидации социально обусловленных заболеваний. Тогда же перечень государств-партнеров вырос до десяти за счет Вьетнама, что закреплено в декларации XVII саммита БРИКС, прошедшего в июле в Рио-де-Жанейро, и свидетельствует о сохранении курса на расширение.

Существуют разные оценки этого процесса. Многие эксперты, в первую очередь из стран БРИКС, оценивают происходящее в целом позитивно, хотя и не отрицают возможные риски. Так, российский политолог Ал. А. Громыко отмечает, что увеличение численности любой межгосударственной организации порождает сложности процедурного и содержательного характера. Однако, по его мнению, в случае БРИКС пока превалируют положительные моменты, в том числе более устойчивые внутренние балансы, компенсирующие естественный асимметричный вес России, Индии и Китая [3, с. 18]. Китайские ученые пишут о перспективах роста дискурсивной силы [11], под которой понимается способность создавать глобальные нарративы, определять международную повестку дня, внедрять свои ценности в мировую практику. Некоторые западные аналитики выражают опасение, что БРИКС способна подорвать мировой порядок; другие полагают, что амбиции участников объединения преувеличены, а их попытки создать альтернативы существующим международным институтам сталкиваются с потенциально непреодолимыми проблемами, среди которых — рост сопротивления со стороны Запада, обострение разногласий между членами группы, их внутренние проблемы¹.

В основном оценки касаются экономических и политических аспектов расширения БРИКС. На наш взгляд, не менее важна сфера здравоохранения, что станет предметом рассмотрения в следующем разделе.

Перспективы формата «БРИКС плюс»

Развивающиеся страны все более активно участвуют в глобальном здравоохранении, однако изменить ориентированную на развитые страны модель управления возможно лишь коллективными действиями, в том числе в рамках БРИКС. Саммиты и встречи министров здравоохранения группы свидетельствуют о наличии политической воли к таким действиям. Однако сотрудничество во многом продолжает оставаться на уровне встреч и деклараций. В значительной степени это обусловлено самой природой БРИКС — клубным форматом, который, с одной стороны, привлекает новых участников, создавая неформальную диалоговую платформу с пространством для маневров между конкурирующими интересами. С другой стороны, возникают вопросы об эффективности достигнутых договоренностей и, как следствие, звучат предложения по институционализации взаимодействия, что актуально и для сектора здравоохранения, который нуждается в более конкретных регулятивных органах, механизмах финансирования и т. д.

Выработка единых позиций осложняется непростыми отношениями КНР и Индии [13]. К тому же Пекин имеет другие структуры, которые позволяют ему усиливать позиции в глобальном здравоохранении. Прежде всего, это проект «Шелковый путь здоровья» [1], а также ряд механизмов в рамках региональных форумов Китай — Африка, Китай — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Китай — Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Расширение БРИКС, увеличивающее вес группы в мировой политике в целом и глобальном здравоохранении в частности, одновременно усложняет обеспечение сплоченности. Также необходимо учитывать, что во многих странах, ставших членами и партнерами объединения, остро стоят проблемы, связанные со здоровьем и его социальными детерминантами (не случайно в 2025 г. на встрече министров здравоохранения основное внимание уделялось социально обусловленным заболеваниям). В этой

¹ Ferragamo M. What Is the BRICS Group and Why Is It Expanding? [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. 26.06.2025. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/what-brics-group-and-why-it-expanding> (дата обращения: 30.08.2025).

связи можно прогнозировать, что уже в ближайшее время формат «БРИКС плюс» столкнется с новыми вызовами, включая трудности с координацией многосторонних инициатив в области здравоохранения.

Тем не менее есть исследования, где даются в целом позитивные прогнозы¹. Мы также считаем, что основания для оптимистичного сценария развития ситуации в среднесрочной и долгосрочной перспективе имеются. Сформулируем некоторые тезисы, каждый из которых задает вектор дальнейших научных исследований:

- члены БРИКС, будучи развивающимися странами, имеют схожие задачи в области общественного здравоохранения, что создает устойчивую основу для сотрудничества. К тому же некоторые из них добились заметных успехов в реформировании национальных систем здравоохранения, а значит, могут делиться своим опытом с другими участниками группы;
- страны БРИКС, несмотря на внутригосударственные и внутригрупповые сложности, объединяют общая цель глобального масштаба, своего рода политический проект — построение более справедливого многополярного мира и усиление дискурсивной силы развивающихся стран в различных сферах, в том числе в глобальном здравоохранении. Данная цель нашла отражение и в названии XVII саммита — «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления»;
- на участников объединения приходится более 45% населения Земли, а его совокупная экономическая мощь не уступает G7. Это позволяет говорить о потенциальной возможности переформатирования глобального здравоохранения, где долгое время доминировал западный дискурс помощи, который в настоящее время с трудом, но все же вытесняется дискурсом сотрудничества и взаимной выгоды;
- системный кризис ВОЗ и предстоящий выход США из организации образуют «зазор» в глобальном управлении здравоохранением, который стремится заполнить другие акторы, в том числе группа БРИКС, позиционирующая себя выразителем интересов Глобального Юга²;
- участники БРИКС являются членами ВОЗ, поэтому могут использовать группу как диалоговую площадку для согласовывания спорных вопросов и выработки единой позиции, в том числе по «пандемийному соглашению». К тому же сама ВОЗ трансформируется, о чем, в частности, говорит тот факт, что с 2006 г. ее возглавляют граждане КНР и Эфиопии, а обе эти страны в настоящее время являются членами БРИКС;
- усиление позиций членов БРИКС на мировом фармацевтическом рынке. Прежде всего, речь идет о Китае и Индии, которые быстро развиваются в сфере патентных заявок и промышленных поставок (что в то же время усиливает конкуренцию между ними). С большой долей вероятности они будут использовать БРИКС как переговорную площадку для заключения новых контрактов;
- высокий потенциал членов БРИКС в научной сфере, во многом определяющей возможности влияния на глобальное здравоохранение. Особо выделим отечественную науку, которая в условиях недавней пандемии в очередной раз продемонстрировала свою конкурентоспособность, а также инициативную роль российской стороны в продвижении в рамках БРИКС таких инновационных направлений сотрудничества, как ядерная медицина и радиофармацевтика;
- присоединение к БРИКС в качестве государства-партнера Кубы, которая с 1960-х гг. использует медицинскую дипломатию как краеугольный камень своей внешней политики. По нашему мнению, обращение к кубинскому опыту способно придать новый импульс сотрудничеству в сфере здравоохранения.

¹ Elliott E. BRICS(+) and the Future of Global Health: Building Materials in a Multipolar World [Электронный ресурс] // The International Health Policies Newsletter. 13.06.2025. URL: <https://www.internationalhealthpolicies.org/featured-article/brics-and-the-future-of-global-health-building-materials-in-a-multipolar-world/> (дата обращения: 25.08.2025); BRICS+: New Global Health Is Possible [Электронный ресурс] // Progressive International. 17.07.2025. URL: <https://progressive.international/wire/2025-07-17-brics-new-global-health-is-possible/en/> (дата обращения: 25.08.2025).

² Некоторые авторы в этой связи заявляют о наступлении постамериканской эры в глобальном здравоохранении. См.: Ramakrishnan L. BRICS and the Rewriting of Global Health Diplomacy in a Post-US Era [Электронный ресурс] // Observer Research Foundation. 31.07.2025. URL: <https://www.orfonline.org/research/brics-and-the-rewriting-of-global-health-diplomacy-in-a-post-us-era> (дата обращения: 25.08.2025).

Заключение

Увеличение областей сотрудничества и рост числа участников БРИКС оказывают влияние на существующие и формирующиеся механизмы глобального управления. Включение здравоохранения в повестку дня группы не только создает диалоговую платформу для совместного решения проблем, но и отвечает ожиданиям других развивающихся стран, увеличивая тем самым количество потенциальных членов. Однако рост дискурсивной силы БРИКС в глобальном здравоохранении зависит, с одной стороны, от стремления участников группы воплотить свои взгляды и политическую волю в конкретные действия, с другой — от структуры мирового порядка, формирование которого происходит в настоящее время.

В заключение еще раз акцентируем внимание на том, что усиление роли объединения в глобальном здравоохранении подразумевает не замену ВОЗ, а дополнение ее функционала. Это нашло отражение и в итоговой декларации XVII саммита БРИКС, где подтверждается роль организации как руководящего и координирующего органа по международной работе в области здравоохранения (особенно в периоды кризисов и чрезвычайных ситуаций), подчеркивается необходимость укрепления ее мандата, возможностей и механизмов финансирования, а также выражается намерение содействовать предстоящим переговорам по «пандемийному соглашению». В то же время на примере БРИКС мы можем проследить, как новые центры силы стремятся переосмыслить мировое развитие на основе отличных от Запада идей и ценностей. Ключевой вопрос заключается в том, приведут ли эти процессы к формированию многополярного мира или нас ждет новая bipolarность, когда два враждебных лагеря не смогут вести конструктивный диалог ни в сфере здравоохранения, ни в других областях.

Список литературы

1. Арсентьева И. И. Курс на здоровье: китайская инициатива «Пояс и путь» в условиях пандемии COVID-19 // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16, № 1. С. 101–110. EDN: EWPIHS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-101-110.
2. Арсентьева И. И. Трансформация медицинской и вакцинной дипломатии в эпоху COVID-19 // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15, № 5. С. 182–207. EDN: CPRWJL. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207.
3. Громыко Ал. А. БРИКС — конкурентные преимущества и вызовы развития (к председательству России в БРИКС в 2024 году) // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. № 4. С. 13–19. DOI: 10.15211/analytics42420241319.
4. Ларионова М. В., Рахмангулов М. Р., Шелепов А. В., Сахаров А. Г. Формирование повестки дня БРИКС в сфере здравоохранения // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9, № 4. С. 102–125. EDN: RMHOGV.
5. Barbosa da Silva J., Desiraju K., Matsoso P. [et al.]. BRICS Cooperation in Strategic Health Projects // Bulletin of the World Health Organization. 2014. Vol. 92, Iss. 6. P. 388. DOI: 10.2471/blt.14.141051.
6. Harmer A., Buse K. The BRICS — a Paradigm Shift in Global Health? // Contemporary Politics. 2014. Vol. 20, Iss. 2. P. 127–145. DOI: 10.1080/13569775.2014.907988.
7. Harmer A., Xiao Y., Missoni E., Tediosi F. “BRICS without Straw”? A Systematic Literature Review of Newly Emerging Economies’ Influence in Global Health // Globalization and Health. 2013. Vol. 9. DOI: 10.1186/1744-8603-9-15.
8. Huang Y. Emerging Powers and Global Health Governance: The Case of BRICS Countries // Oxford Handbook of Global Health Politics / ed. by C. McInnes, K. Lee, J. Youde. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 301–324.
9. Kickbusch I. BRICS’ Contributions to the Global Health Agenda // Bulletin of the World Health Organization. 2014. Vol. 92, Iss. 6. P. 463–464. DOI: 10.2471/blt.13.127944.
10. Kirton J., Kulik J., Bracht C. Generating Global Health Governance through BRICS Summity // Contemporary Politics. 2014. Vol. 20, Iss. 2. P. 146–162. DOI: 10.1080/13569775.2014.907990.
11. Liu Z., Wang Z., Xu M. [et al.]. The Priority Areas and Possible Pathways for Health Cooperation in BRICS Countries // Global Health Research and Policy. 2023. Vol. 8, Iss. 36. DOI: 10.1186/s41256-023-00318-x.
12. McBride B., Hawkes S., Buse K. Soft Power and Global Health: The Sustainable Development Goals (SDGs) Era Health Agendas of the G7, G20 and BRICS // BMC Public Health. 2019. Vol. 19. DOI: 10.1186/s12889-019-7114-5.
13. Papa M., Verma R. Scenarios for BRICS Evolution in Light of the India–China Conflict // Global Policy. 2021. Vol. 1, Iss. 4. P. 539–544. DOI: 10.1111/1758-5899.13010.
14. Sridhar D., Brolan C.E, Durrani S. [et al.]. Recent Shifts in Global Governance: Implications for the Response to Non-Communicable Diseases // PLoS Medicine. 2013. Vol. 10, Iss. 7. P. 1–6. DOI: 10.1371/journal.pmed.1001487.

15. Tediosi F., Finch A., Procacci C. [et al.]. BRICS Countries and the Global Movement for Universal Health Coverage // *Health Policy and Planning*. 2016. Vol. 31, Iss. 6. P. 717–728. DOI: 10.1093/heapol/czv122.

Об авторе:

Арсентьева Ирина Ильинична, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия); e-mail: airen1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4145-8790

References

1. Arsentyeva, I. I. The Route to Health: China's Belt and Road Initiative in COVID-19 Pandemic // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2022. Vol. 16, No. 1. P. 101–110 (In Russ.). EDN: EWPIHS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-01-101-110.
2. Arsentyeva, I. I. Transformations of Medical and Vaccine Diplomacies in the COVID-19 Era // *MGIMO Review of International Relations*. 2022. Vol. 15, No. 5. P. 182–207 (In Russ.). EDN: CPRWJL. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-5-86-182-207.
3. Gromyko, Al. A. BRICS — Competitive Advantages and Further Challenges (to the Chairmanship of Russia in BRICS in 2024) // *Analytical Papers Institute of Europe RAS*. 2024. No. 4. P. 13–19 (In Russ.). DOI: 10.15211/analytcs42420241319.
4. Larionova, M. V., Rakhmangulov, M. R., Shelepop, A. V., Sakharov, A. G. BRICS: Emergence of Health Agenda // *International Organisations Research Journal*. 2014. Vol. 9, No. 4. P. 102–125 (In Russ.). EDN: RMHOGV.
5. Barbosa da Silva, J., Desiraju, K., Matsoso, P. [et al.] BRICS Cooperation in Strategic Health Projects // *Bulletin of the World Health Organization*. 2014. Vol. 92, No. 6. P. 388. DOI: 10.2471/blt.14.141051.
6. Harmer, A., Buse, K. The BRICS — a Paradigm Shift in Global Health? // *Contemporary Politics*. 2014. Vol. 20, No. 2. P. 127–145. DOI: 10.1080/13569775.2014.907988.
7. Harmer, A., Xiao, Y., Missoni, E., Tediosi, F. "BRICS without Straw"? A Systematic Literature Review of Newly Emerging Economies' Influence in Global Health // *Globalization and Health*. 2013. Vol. 9. DOI: 10.1186/1744-8603-9-15.
8. Huang, Y. Emerging Powers and Global Health Governance: The Case of BRICS Countries // *Oxford Handbook of Global Health Politics* / ed. by C. McInnes, K. Lee, J. Youde. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 301–324.
9. Kickbusch, I. BRICS' Contributions to the Global Health Agenda // *Bulletin of the World Health Organization*. 2014. Vol. 92, No. 6. P. 463–464. DOI: 10.2471/blt.13.127944.
10. Kirton, J., Kulik, J., Bracht, C. Generating Global Health Governance through BRICS Summity // *Contemporary Politics*. 2014. Vol. 20, No. 2. P. 146–162. DOI: 10.1080/13569775.2014.907990.
11. Liu, Z., Wang, Z., Xu, M. [et al.] The Priority Areas and Possible Pathways for Health Cooperation in BRICS Countries // *Global Health Research and Policy*. 2023. Vol. 8, No. 36. DOI: 10.1186/s41256-023-00318-x.
12. McBride, B., Hawkes, S., Buse, K. Soft Power and Global Health: The Sustainable Development Goals (SDGs) Era Health Agendas of the G7, G20 and BRICS // *BMC Public Health*. 2019. Vol. 19. DOI: 10.1186/s12889-019-7114-5.
13. Papa, M., Verma, R. Scenarios for BRICS Evolution in Light of the India–China Conflict // *Global Policy*. 2021. Vol. 1, No. 4. P. 539–544. DOI: 10.1111/1758-5899.13010.
14. Sridhar, D., Brolan, C.E, Durrani, S. [et al.] Recent Shifts in Global Governance: Implications for the Response to Non-Communicable Diseases // *PLoS Medicine*. 2013. Vol. 10, No. 7. P. 1–6. DOI: 10.1371/journal.pmed.1001487.
15. Tediosi, F., Finch, A., Procacci, C. [et al.] BRICS Countries and the Global Movement for Universal Health Coverage // *Health Policy and Planning*. 2016. Vol. 31, No. 6. P. 717–728. DOI: 10.1093/heapol/czv122.

About the author:

Irina I. Arsentyeva, Doctor of Science (Political Science), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg, Russia); e-mail: airen1@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-4145-8790

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Арсентьева И. И., 2025

Доступ к ресурсно-сырьевой базе в оценке позиций государств на международных сырьевых рынках: опыт становления нефтяной отрасли Саудовской Аравии

Бушуев Е. С.

независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: bushuev88@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель. В работе анализируется возможность доступа государств к национальной и зарубежной сырьевым базам в контексте оценки позиций ключевых игроков на международных сырьевых рынках на примере нефтяной промышленности Саудовской Аравии. **Методы.** В исследовании применяется междисциплинарный подход, метод сравнительного анализа и статистический метод. **Результаты.** В статье рассмотрены основные вызовы, с которыми Вашингтон и Эр-Рияд столкнулись на пути получения доступа к нефтяной ресурсно-сырьевой базе Саудовской Аравии. Факторологической базой исследования стал анализ опыта возникновения и развития нефтяной отрасли в Саудовской Аравии. **Выводы.** 1. Четырьмя условиями доступа государств к ресурсно-сырьевой базе являются наличие собственных месторождений или возможность использования ресурсов на чужой территории, наличие капиталов, технологий и мощной армии. 2. В зависимости от возможностей доступа стран к сырьевой базе все государства можно классифицировать как слабые с низким потенциалом получения и удержания доступа, слабые с высоким потенциалом, сильные государства с низким потенциалом освоения и удержания ресурсов и, наконец, самодостаточные страны. 3. С точки зрения возможностей доступа к собственным нефтяным ресурсам Саудовская Аравия продемонстрировала высокую зависимость от США в вопросах доступа к технологиям разведки и добычи природных ископаемых, обеспечения безопасности и — на ранних этапах становления — в вопросе доступа к финансовым капиталам.

Ключевые слова: сырьевой рынок, сырьевые ресурсы, базовые товары, стратегия, внешняя политика, geopolитика, эмбарго, нефть, Саудовская Аравия

Для цитирования: Бушуев Е. С. Доступ к ресурсно-сырьевой базе в оценке позиций государств на международных сырьевых рынках: опыт становления нефтяной отрасли Саудовской Аравии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 4. С. 182–192. EDN: UBUELK

Access to a Raw Resources Base as a Factor in Assessing the Position of States in International Commodities Markets: A Case of Forming the Oil Industry of Saudi Arabia

Evgeny S. Bushuev

Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

e-mail: bushuev88@yandex.ru

ABSTRACT

Aim. The author studies options of states access to a national and foreign raw resources base in the context of assessing key players positions in international commodities markets on the example of the oil industry of Saudi Arabia. **Methods.** This study adopts interdisciplinary approach, uses the method of comparative analysis, and statistical method. **Results.** The main challenges which Washington and

Riyadh encountered on the path of getting access to the oil resources base of Saudi Arabia have been considered in the article. An evidence base of this research has been represented by the case of rise and development of the Saudi Arabian oil industry. **Conclusions.** 1. The four conditions to get access to a raw resources base for states are their own fields or an option to use fields in the territory of other countries, financial capitals, technologies and strong armies. 2. Depending on their chances of getting access to a raw resources base all states can be classified as the following: (a) weak countries with a low potential for getting and holding an access, (b) weak countries with a high potential, (c) strong countries with a low potential for using and holding their resources, (d) self-sufficient countries. 3. From the viewpoint of its capacities to get access to its raw resources base Saudi Arabia showed that on the path of development of its national energy industry it had a high dependence on the USA in accessing to technologies of exploration and production of national resources, security, and at the earliest stage — to financial capitals.

Keywords: commodities, raw resources, raw materials, strategy, foreign policy, geopolitics, embargo, oil, Saudi Arabia

For citation: Bushuev E. S. Access to a Raw Resources Base as a Factor in Assessing the Position of States in International Commodities Markets: A Case of Forming the Oil Industry of Saudi Arabia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 4. P. 182–192 (In Russ.). EDN: UBUELK

I. Введение, материалы и методы

На протяжении всей мировой истории международная торговля была и остается одним из наиболее действенных способов накопления государственных ресурсов. Экономическая мощь существенно укрепляет государственную репутацию, способствует приобретению политического влияния и за счет организованного распределения приобретаемых финансовых средств становится фундаментом для реализации действенной внутренней и внешней политики. Понимание этих базовых правил старо как мир, а потому и в наши дни санкции и другие способы ограничения международной торговли широко применяются многими странами для ослабления своих geopolитических оппонентов.

С самых первых дней ведения специальной военной операции на территории Украины Российской Федерации испытывает беспрецедентный уровень санкционного давления со стороны западных стран и их союзников. Они открыто декларируют собственные намерения нанести нашей стране «стратегическое поражение»¹, в то время как ограничение возможностей Москвы по получению экспортной выручки для финансирования военных действий четко транслируется в качестве важного элемента их стратегии. Наиболее крупной в стоимостном выражении статьей российского экспорта выступают так называемые сырьевые или базовые товары (подробнее о последних см.: [1, с. 150–151, 9, с. 1–30; 10, с. 15–17; 11, с. 5–8;]), среди которых особо выделяются нефть и газ, на которые в сумме с другими минеральными продуктами приходится около 265 млрд долл.² или 61% от общей экспортной выручки России в 2024 г.³ В этой связи именно российская международная торговля нефтью и газом оказывается одним из наиболее значимых объектов зарубежных атак, способных существенно ослабить финансовые ресурсы Кремля для проведения самодостаточной внешней политики.

Усиление устойчивости позиций Российской Федерации как одного из крупнейших экспортёров базовых товаров к различного рода санкционным атакам и торговым ограничениям невозможно без

¹ Президент Польши А. Дуда публично утверждал, что цель внешней политики Польши заключается в приведении России к стратегическому поражению [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Польши. URL: <https://www.president.pl/news/polands-foreign-policy-seeks-russias-strategic-defeat-andrzej-duda-says,70232> (дата обращения: 07.09.2025).

² Сопоставимые данные приводит финский Центр исследования энергетики и чистого воздуха (CREA), сообщающий о том, что выручка российских компаний от экспорта нефти, газа, угля и нефтепродуктов составила в том же 2024 г. 242 млрд евро [Тихонов С. Три страны обеспечили компаниям из РФ 74% выручки от экспорта нефти, газа и угля [Электронный ресурс] // Российская газета. 25.02.2025. URL: <https://rg.ru/2025/02/25/pritok-deneg.html> (дата обращения: 16.11.2025)] или, при среднем кросс-курсе 1,08, по данным ЕЦБ на 2024 г., 261,4 млрд долл.

³ Российский экспорт и импорт в 2024 году: сырье доминирует, Азия поддерживает стабильность [Электронный ресурс] // СП-Кард. 24.03.2025. URL: <https://spcard24.ru/novosti/tpost/hky7jhly1-rossiiskii-eksport-i-import-v-2024-godu> (дата обращения: 07.09.2025).

разработки проактивной стратегии, которая на текущее время находится лишь на стадии формирования. В рамках решения этой практической и в высшей степени актуальной государственной задачи требуется анализ позиций всех ключевых игроков международных сырьевых рынков в целом и рынка нефти в частности — их целей, сильных сторон и стратегических уязвимостей, стратегий, политик и их результатов [1, с. 151]. Если основные цели государств на международном рынке сырьевых товаров уже были рассмотрены в отдельной публикации автора [1, с. 148–155], то данная работа открывает цикл публикаций о стратегических уязвимостях (в случае их успешного купирования — сильных сторонах) государств на сырьевых рынках.

Бесперебойное функционирование глобального сырьевого рынка требует соблюдения шести условий: 1) наличие доступа к ресурсно-сырьевой базе, 2) возможность отправки добытого или приобретенного сырья на производственные площадки для получения базовых материалов последующих переделов, 3) беспрепятственный выход на рынки сбыта, 4) определение приемлемой для поставщика и покупателя цены, 5) транспортная инфраструктура для доставки товаров на рынки сбыта, включая свободные и безопасные маршруты и подходящие для перевозки транспортные средства, 6) работающая инфраструктура для проведения международных оплат за поставленную продукцию. Невыполнение хотя бы одного из перечисленных условий ведет к неминуемым сбоям в цепочке поставок базовых товаров, а потому при анализе позиций государств на международном сырьевом рынке справедливо выделять их сильные и слабые стороны, определяемые отсутствием или наличием проблем в отношении каждого из перечисленных пунктов¹.

В тех случаях, когда эти зоны закрыты или, говоря иначе, укреплены, справедливым представляется определять их как сильные стороны игроков, в иных случаях речь будет идти о слабых сторонах. Поскольку ни одна действенная стратегия не может быть построена без анализа сил и слабостей всех участвующих игроков, исследуемые в данной публикации зоны уязвимости определяются как стратегические, а их изучение должно осуществляться в качестве одного из первых шагов при рассмотрении текущих стратегий и разработке новых.

Цель настоящей публикации — анализ возможностей доступа государств к национальной и зарубежной сырьевым базам в контексте оценки позиций ключевых игроков на международных сырьевых рынках — достигается через решение трех задач: 1) формирование исходной рабочей гипотезы о ключевых условиях доступа государств к ресурсно-сырьевой базе, 2) тестирование изложенных допущений на фактологическом материале становления и развития нефтяной отрасли Саудовской Аравии до сланцевой революции в США, 3) формирование предварительной классификации государств в контексте характерных для них возможностей доступа к ресурсно-сырьевой базе.

Своим текущим положением значимого игрока на глобальной шахматной доске Саудовская Аравия обязана в первую очередь своей нефтяной промышленности, позволяющей Эр-Рияду занимать второе место по добычи нефти в мире (10,8 млн баррелей нефти в день в 2024 г.² при доказанных запасах в 267 млрд баррелей³, концентрирующихся главным образом в месторождениях Гавар, Хурайс, Саффания и Абкайк (также известно как Букайк)). Вопреки активной работе над внедрением в жизнь государственной программы «Видение 2030» по диверсификации экономики (об этом см. официальный сайт программы⁴, а также [2, с. 162–168]), порядка 90%⁵ бюджета и 50%⁶ ВВП королевства по-прежнему обеспечены нефтяным бизнесом, флагманом которого является саудовская корпорация Saudi Aramco.

¹ Тезис о шести базовых условиях для бесперебойного функционирования глобальных сырьевых рынков является экспертым заключением автора. Он основан на профессиональном опыте автора в международной торговле в лесопромышленной отрасли и подкреплен оценками широкого круга экспертов из ЛПК, металлургической и нефтехимической отраслей.

² Energy Institute–2025. 74th edition of Statistical Review of World Energy. P. 21.

³ Energy Institute 2025. 7th edition of Statistical Review of World Energy. 11-21.

Energy, oil & gas magazine. 6 Countries with the Largest Crude Oil Reserves in the World [Электронный ресурс]. 25.06.2025. URL: <https://energy-oil-gas.com/news/6-countries-with-the-largest-crude-oil-reserves-in-the-world/#:~:text=Saudi%20Arabia%20E%80%93%20Strategic%20Reserves%20and,billion%20barrels%20as%20of%202024> (дата обращения: 5.09.2025).

⁴ Saudi Arabia. Vision 2030 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en> (дата обращения: 15.11.2025).

5 Kapoor P. The top 10 oil-producing fields in Saudi Arabia [Электронный ресурс]. 12.01.2024. URL: <https://www.oilandgasmiddleeast.com/news/the-top-10-oil-producing-fields-in-saudi-arabia> (дата обращения: 15.11.2025).

⁶ Magdy M., Bercetçi J. Saudi Economy Grows Most Since Early 2023 on Oil Supply Rise // Bloomberg. 30.10.2025 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-10-30/saudi-economy-grows-the-most-since-early-2023-on-oil-supply-rise> (дата обращения: 16.11.2025).

На протяжении своего становления и развития национальная нефтяная индустрия королевства существенно видоизменилась с точки зрения портфолио клиентов и структуры своих рынков сбыта. Возникнув как американское предприятие, обслуживающее в первую очередь интересы западных экономик (даже в 2000 г. Эр-Рияд занимал второе место среди крупнейших поставщиков нефти в США — 1,6 млн баррелей в день¹, или 48% от общего объема импорта²), на 2022 г. ведущими покупателями саудовской нефти стали КНР (24% от общей выручки королевства от продажи нефти, или 56 млрд долл.), Япония (15%, или 34 млрд долл.) и Индия (14%, или 33 млрд долл.), в то время как на США пришлись скромные 7%, или 17 млрд долл.³ (в 2024 г. США импортировали из Саудовской Аравии лишь 336 тыс. баррелей нефти в день, или скромные 3,5% от общего объема своего импорта⁴, в то время как из Канады, например, было закуплено 4,6 млн баррелей нефти в день⁵, или 55%).

Текущее положение Саудовской Аравии на международном нефтяном рынке во многом зависит от Пекина как ключевого покупателя саудовской нефти, а также от политики других значимых экспортёров, таких как США и Россия (Москва ведет активную работу по совместному с Эр-Риядом и другими членами ОПЕК регулированию квот на добычу нефти в рамках формата «ОПЕК+»). Эти факторы будут отдельно рассмотрены в последующих публикациях автора, посвященных таким условиям, как доступ к рынку сбыта и ценообразование.

Данная публикация намеренно ограничивает рассматриваемый период временем до 2014–2015 гг., поскольку последующие события в нефтяной отрасли требуют особого внимания и будут затронуты в отдельной публикации автора. Текущее исследование намеренно не ставит перед собой амбициозной задачи всестороннего изложения истории развития нефтяной промышленности Саудовской Аравии. Эта задача успешно решена, среди прочих⁶, в работах Д. Ергина [3] и Э. Р. Уолд [7]. Вместе с тем вопрос сильных и слабых сторон государств на сырьевых рынках в целом и на нефтяном рынке в частности, по информации автора, еще не становился предметом отдельного исследования.

Данное исследование фокусируется исключительно на первом условии функционирования международных сырьевых рынков, а потому вопросы переработки сырья, развития конкретных региональных и отраслевых рынков сбыта (включая фактор КНР в нефтяной отрасли Саудовской Аравии), ценообразования (включая фактор ОПЕК+), логистики и инфраструктуры финансовых оплат не раскрываются в настоящей публикации вовсе или затрагиваются сугубо фрагментарно, поскольку представляют собой отдельные стратегические уязвимости или сильные стороны государств и заслуживают отдельных исследований.

Если говорить о рассматриваемом в данной работе примере становления нефтяной индустрии Саудовской Аравии, то, насколько известно автору, специальные исследования, целенаправленно фокусирующиеся на проблемах доступа Эр-Рияда к ресурсной базе, отсутствуют (отсылки к отдельным упоминаниям этой темы в доступной литературе представлены далее по тексту работы). Отдельно следует подчеркнуть, что работа не ставит своей целью или задачей решение проблем Саудовской Аравии в указанной сфере, — здесь лишь констатируются конкретные вызовы, с которыми Эр-Рияд столкнулся в рамках рассматриваемых этапов становления и развития нефтяной отрасли.

¹ Petroleum imports into the United States in selected years from 1985 to 2024, by main source country [Электронный ресурс] // Statista, 2025. URL: https://www.statista.com/statistics/201844/us-petroleum-imports-by-country-since-1985/?srsltid=AfmBOopkudY2jD87uYTFsIZoOwioNXeBPVJV19_jSeExpELUVEvxJxa (дата обращения: 16.11.2025).

² Общий объем импортированной нефти в США в 2000 г. составил 3,3 млн баррелей [U.S. Energy Information Administration. Petroleum & Other Liquids [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/leafhandler.ashx?n=pet&s=mcrimus1&f=m> (дата обращения: 16.11.2025)].

³ Saudi Arabia Oil Exports valued at \$211.54 billion in 2023 [Электронный ресурс] // Tradeimex. 04.08.2024. URL: [https://www.tradeimex.in/blogs/saudi-arabia-oil-exports#:~:text=Saudi%20Arabia%20has%20several%20key,Thailand%20\\$4.54%20billion%20\(1.93%25\)](https://www.tradeimex.in/blogs/saudi-arabia-oil-exports#:~:text=Saudi%20Arabia%20has%20several%20key,Thailand%20$4.54%20billion%20(1.93%25)) (дата обращения: 16.11.2025).

⁴ В 2024 г. США импортировали 8,42 млн баррелей нефти в день [How much Oil does the US import? US Petroleum Imports by Country 2024–25 [Электронный ресурс]. 12.08.2025. URL: <https://www.usimportdata.com/blogs/us-petroleum-imports-by-country-2025> (дата обращения: 16.11.2025)].

⁵ Statista, 2025.

⁶ Среди публикаций русскоязычных авторов см. также: Бахтина О. Нефтяная отрасль промышленности Саудовской Аравии [Электронный ресурс]. 15.04.2020. URL: <https://neftegaz.ru/analisis/history/542575-neftyanaya-otrasl-promyshlennosti-saudovskoy-aravii/> (дата обращения: 16.11.2025).

В исследовании применяется междисциплинарный подход для исследования вопросов на стыке международных отношений, отраслевой экономики и исследования рынков, статистический метод — для изучения количественных данных по запасам, объемам производства и экспорта, а также для анализа доли рынков, метод сравнительного анализа — для сопоставления экспортных показателей ведущих игроков и емкости рынков крупнейших импортеров. Использованные материалы указаны в примечаниях и списке литературы.

II. Обсуждение

1. Доступ к ресурсно-сырьевой базе и формулировка рабочей гипотезы

Все базовые товары справедливо классифицировать на чисто сырьевые продукты, продающиеся сразу после добычи или сбора — до переработки (например, сырая нефть или железная руда), и базовую продукцию последующих переделов (например, нефтепродукты или сталь). В обоих случаях первым и наиболее критическим условием организации деятельности сырьевых рынков является предоставление государствам физического доступа к ресурсно-сырьевой базе.

Рабочей гипотезой данной публикации является утверждение о том, что государства, имея неравный доступ к сырьевым ресурсам и неравные преимущества по получении такого доступа в иностранных юрисдикциях, имеют принципиально разные (сильные и слабые) позиции на международных сырьевых рынках и могут, исходя из этого принципа, по-разному классифицироваться. Инструменты получения доступа к сырьевой базе также могут быть предварительно формализованы в рамках рассмотрения конкретного фактологического материала становления и развития профильных отраслей в государствах, занимающих ведущие позиции на каждом конкретном товарном рынке.

Как было продемонстрировано выше, рынок нефти имеет одно из приоритетных значений для экономической устойчивости России, а потому стратегия обеспечения устойчивости Москвы именно на этой нише определяется как одна из первостепенных задач. Ее разработка невозможна без глубокого понимания позиций ключевых игроков на рынке, включая главных поставщиков нефти на мировой рынок, и их потенциальные стратегические уязвимости (или, в случае их полного купирования, стратегические преимущества), первая из которых — доступ к ресурсно-сырьевой базе.

2. Становление нефтяной отрасли в Саудовской Аравии в контексте получения доступа к сырьевой базе до сланцевой революции в США

Яркой иллюстрацией уязвимости государств от нехватки собственной ресурсно-сырьевой базы является положение многих западных стран на протяжении почти всего XX в. Одной из стратегий по решению этой проблемы был поиск новых источников нефти за рубежом, в частности, на Ближнем Востоке. Приход иностранных компаний в указанный регион был достаточно естественным явлением, поскольку арабы на тот момент не обладали надлежащей отраслевой экспертизой и передовыми технологиями для нефтяной отрасли [7, с. 90]. Кроме того, у этих стран не было тех финансовых средств, которые были необходимы для запуска столь масштабных проектов.

В 1938 г. американская Standard Oil of California¹ находит в Саудовской Аравии первые перспективные месторождения и в рамках регулярно пересматриваемых условий концессии [7, с. 22, 31, 35, 40–41, 75–77, 80–81, 84, 95–96] обеспечивает королевство существенными доходами от деятельности американского предприятия. В период с 1940-х по 1970 г. американцы проводят достаточно одностороннюю и ультимативную ценовую политику [10, с. 44–45], что вызывает предсказуемое недовольство со стороны владеющих месторождениями государств и в условиях характерных для 1960-х гг. низких цен [7, с. 128]² приводит к учреждению ОПЕК. С 1970-х гг. участники этого картеля с лидирующей ролью Эр-Рияда планомерно достигают собственных целей, успешно перехваты-

¹ Позднее к ней присоединяются еще три американские корпорации — Texaco, Standard Oil of New Jersey и Standard Oil of New York.

² Гидченко А. Уроки кризисов мировой торговли // Эксперт. 21–27 ноября 2022 г. № 47 (1276). С. 33.

вая у западных держав инициативу в определении цен¹ [7, с. 171, 177–178] и агрессивно наращивая собственные доли в работающих на их территории западных нефтяных компаниях [7, с. 189–190; 10, с. 62–63; 12, с. 98, 100]².

Опыт Саудовской Аравии демонстрирует успешное извлечение выгод из партнерства с американцами. Помимо получения западной экспертизы и технологий нефтедобычи, благодаря американцам саудиты открыли путь для развития в королевстве критической и современной инфраструктуры (подробнее об этом см.: [7, с. 43–45, 57]). Все проекты реализовывались на сугубо прагматичной основе — это были американские инвестиции в их собственный бизнес, а также один из шагов в политике укрепления глубоких отношений с королевской семьей. Также все время совместного партнерства саудиты успешно развиваются собственные компетенции в нефтяной отрасли [7, с. 194–195] и приобретают передовые зарубежные активы. В частности, в 2017 г. они приобрели крупную американскую нефтеперерабатывающую компанию Motiva Enterprises [7, с. 198].

На протяжении большей части XX в. Саудовская Аравия и монархии Персидского залива в целом представляли для США регион особого стратегического значения именно в связи с наличием там обширных нефтяных месторождений. Долгое время США воспринимали нефтяную отрасль Саудовской Аравии как один из важнейших факторов, воздействующих на мировую экономику [8, с. 435]. В первые послевоенные десятилетия они вполне могли компенсировать нехватку импортных энергоресурсов увеличением добычи на собственных территориях [7, с. 168–169]. Тем не менее даже до истощения месторождений Техаса в 1970-е гг. Вашингтон нуждался в ближневосточной нефти в рамках обеспечения энергобезопасности стран западного лагеря в период холодной войны в целом — для послевоенного экономического возрождения Западной Европы, заправки самолетов ВВС США и их союзников во время войны в Корее, а также для поддержки флота ВМС США в Персидском заливе [7, с. 183].

Нефтяной кризис 1973–1974 гг. обнажил как энергетическую уязвимость всего западного лагеря, включая Японию, так и все возрастающее влияние Саудовской Аравии и других арабских стран на промышленные экономики западного мира [7, с. 180]. В условиях нарастающего глобального спроса на нефть [7, с. 168–169] страны — члены ОПЕК выбрали действительно удачный момент для перехвата у западных компаний контроля над ценовой политикой и акциями нефтяных компаний.

Именно в 1970-е гг. экономический рост в Америке достиг уровня, когда внутренний спрос на энергию превысил возможности ее внутреннего производства, — в то время США не могли полностью обеспечивать топливом не только своих союзников, но и себя [5, с. 317]. Именно поэтому США на протяжении всего периода существования нефтяной промышленности королевства продолжали воспринимать эту страну и регион в целом как сферу своих жизненно важных интересов.

Действительно, возможность добычи и экспорта нефти с Ближнего Востока зависит не только от наличия западной экспертизы и технологий, но также от возможности обеспечивать военную безопасность Ближнего Востока [5, с. 333]. В случае вывода вооруженных сил США с территории стран Персидского залива арабские страны останутся один на один с Ираном, что в случае войны создаст угрозу для 26,5 млн баррелей нефти в сутки [5, с. 335]. Риск перекрытия поставок через Ормузский пролив может заблокировать около 21 млн баррелей нефти в сутки, экспортруемых из данного региона, включая около 6–7 млн баррелей нефти в день из Саудовской Аравии [5, с. 336–337].

Со времени начала сотрудничества в сфере добычи нефти Саудовская Аравия стремилась к укреплению не только экономических, но и военных связей между двумя странами [7, с. 212]. Когда США приняли активное участие в разделе Палестины, приведшем к появлению государства Израиль в 1948 г., арабские соседи давили на короля Абд аль-Азиза, призывая его прервать сотрудничество с США. Однако король не хотел лишаться денег от американских нефтяников, хотя и опасался возможного вторжения

¹ Введя эмбарго на поставку нефти поддерживающим Израиль западным державам в ходе Арабо-израильской войны 1973 г. и воспользовавшись истощением техасских месторождений в США, страны ОПЕК успешно провели повышение цен с 3,89 долл. за баррель в 1973 г. до 6,87 долл. в 1974 г. [U.S. Energy Information Administration. Petroleum & Other Liquids [Электронный ресурс]. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/LeafHandler.ashx?n=pet&s=f000000_3&f=a (дата обращения: 02.11.2025)].

² К 1981 г. Саудовская Аравия довела свою долю в акциях Агамко до 51%.

соседей, в связи с чем просил Государственный департамент США помочь с защитой границ королевства [7, с. 35].

Важно подчеркнуть, что, даже лишившись возможности самостоятельно определять цены на ближневосточную нефть и продав часть акций компаний Aramco саудитам, Дж. Картер продолжал называть этот регион зоной американских жизненных интересов и напрямую заявлял о готовности применить военную мощь США в случае угрозы для Эр-Рияда [4, с. 210–211]. В 1990 г. у Вашингтона появилась возможность на деле продемонстрировать силу собственных гарантит. 2 августа 1990 г. Ирак ввел войска в граничащий с Саудовской Аравией Кувейт. Принимая во внимание возможность последующего вторжения иракских войск в Саудовскую Аравию, американцы в рамках операции «Щит в пустыне» в качестве сдерживающего фактора осуществили переброску собственных войск на территорию королевства [7, с. 206–209]. Примечательно, что все топливо для ВС США обеспечивалось компанией Aramco за счет бюджета Саудовской Аравии [7, с. 212], а развернутые силы впоследствии остались на территории королевства в виде военной базы «Принц Султан», которая использовалась американцами в ходе операций в Афганистане в 2001 г. и в Ираке в 2003 г. [7, с. 212].

По мнению большинства исследователей, во многом военная безопасность Саудовской Аравии по-прежнему зависит от США [6, с. 165]. Действительно, хорошо осознавая значимость текущего положения Эр-Рияда в системе глобальной энергетической безопасности, Вашингтон предпочитает сохранение статус-кво в королевстве, держа на его территории собственные военные базы, готовя местные кадры для армии и обеспечивая эту страну поставками военной техники [8, с. 209].

Вместе с тем вооруженные силы Саудовской Аравии остаются довольно слабыми и до сих пор сильно зависят от США [6, с. 165]. В этой связи заслуживают упоминания технические недостатки вооруженных сил Саудовской Аравии во время войны в Йемене, такие как проблемы со связью по линии земля — воздух и проблемы с системами лазерного наведения [8, с. 59], а также серьезные сложности с межведомственной координацией. Последние ярко проявили себя в сентябре 2019 г., когда, вопреки давно указываемым американцами уязвимостям нефтеперерабатывающей инфраструктуры, саудиты пропустили организованный йеменскими хуситами удар дронами и крылатыми ракетами по заводу в Абкайке.

Поскольку министерство внутренних дел, министерство обороны и спецслужбы находились под контролем разных элитных групп, боровшихся за свои сферы влияния, они недостаточно активно обменивались доступной им информацией, а имевшиеся на вооружении у саудовской армии зенитно-ракетные комплексы Patriot не могли быть оперативно приведены в состояние боевой готовности из-за отсутствия достаточно хорошо подготовленных специалистов [8, с. 432–435]. Наличие американских гарантит безопасности, очевидно, является одной из причин того, почему саудиты не спешат решать целый спектр проблем в своей армии [8, с. 436]. В настоящий момент Эр-Рияд расходует на оборону порядка 10% собственного ВВП [8, с. 155], но по-прежнему применяет недостаточные усилия по обучению собственных военнослужащих эффективно применять закупленную из-за рубежа военную технику [8, с. 58–59].

Тем не менее утверждения о том, что Саудовская Аравия перекладывает обеспечение безопасности королевства на американцев [6, с. 169] и отказывается от военного лидерства в регионе [8, с. 202–203], едва ли по-прежнему актуальны. Отчасти причина тому кроется все в той же ситуации на мировом рынке нефти, где интересы Вашингтона и Эр-Рияда расходятся все больше. При этом, как это продемонстрировано выше, длительное время США успешно удерживали ведущие позиции в Саудовской Аравии, поскольку стратегически зависели от доступа к саудовским нефтяным ресурсам (в настоящее время королевство, наряду с США и Россией, входит в список трех ведущих производителей и экспортеров нефти — в 2023 г. Саудовская Аравия экспорттировала 7 млн баррелей сырой нефти и 1,3 млн баррелей нефтепродуктов в день¹). В обмен США предоставляли королевству свои капиталы, профессиональную экспертизу и передовые технологии собственной нефтяной отрасли.

Венцом этого сотрудничества стали гарантии военной безопасности и тесная военно-техническая кооперация между странами. После получения необходимых капиталов и перехвата управления над

¹ US Energy Information Administration. Country Analysis Brief: Saudi Arabia [Электронный ресурс]. С. 12. 04.10.2024. URL: https://www.eia.gov/international/content/analysis/countries_long/Saudi_Arabia/pdf/Saudi-Arabia.pdf (дата обращения: 31.08.2025).

корпорацией саудиты по-прежнему нуждались в США — в их собственной экспертизе и передовых технологиях в области разведки и добычи [10, с. 44–45], а также в военной поддержке. В ответ саудиты продолжали считаться с США по широкому спектру вопросов нефтяных поставок. По сути, американцы, утратив контроль над компанией Aramco, сохранили доступ к саудовской нефти и присутствие в саудовской нефтяной отрасли за счет собственных технологий — как гражданских, так и военных.

В этой связи особого внимания заслуживает получение Эр-Риядом статуса главного союзника США вне НАТО (major non-NATO ally) в ноябре 2025 г. Став двадцатым членом этого клуба стран, королевство наряду с Израилем и Катаром расширило собственные возможности по получению доступа к военным технологиям, поставкам оборудования, возможностям размещать связанные с армией США запасы на собственной территории. Данное решение принято Вашингтоном на фоне официального визита наследного принца Саудовской Аравии Мохаммеда бин Салмана в США, сопровождавшегося подтверждением планов о поставке королевству истребителей F-35 и танков, а также заявленным намерением усилить сотрудничество в целом ряде гражданских сфер. В частности, Саудовская Аравия увеличит инвестиции в экономику США с 600 млрд долл. до 1 трлн долл., между двумя странами также планируются масштабные сделки в сфере мирного атома, искусственного интеллекта, редкоземельных металлов и полупроводниковых чипов¹.

Таким образом, рассмотренный фактологический материал позволяет утверждать, что позиции ведущих игроков на международном рынке нефти существенно отличаются по целому списку критериев. Помимо таких очевидных факторов, как объем доказанных запасов и себестоимость добычи, устойчивость их нефтяной промышленности зависит от доступа к технологиям и капиталам, а также от возможности обеспечивать безопасность месторождений.

Начав поиск нефти на Ближнем Востоке, США уже имели развитую нефтяную промышленность. В то время политика Вашингтона была продиктована в первую очередь не растущим внутренним спросом, но желанием обеспечить топливом союзников и собственные вооруженные силы на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Успех США в создании нефтяной отрасли Саудовской Аравии был в значительной степени обеспечен привнесением передовых американских технологий, готовностью инвестировать собственный капитал и предоставлять королевству гарантии безопасности.

Растущий мировой спрос на нефть 1970-х гг. изменил баланс сил и потребовал от США компенсировать неудовлетворенный внутренний спрос саудовской нефтью. В связи с возрастающей зависимостью Вашингтона от Эр-Рияда, а также на фоне общей тенденции на национализацию западных нефтяных компаний США были вынуждены постепенно уступить саудитам право самостоятельно определять ценовую политику и планомерно осуществляли продажу акции компании Aramco королевству. В обмен на вынужденные уступки в адрес Саудовской Аравии американцам удалось сохранить доступ к остро необходимой нефти. За это США остались ключевым поставщиком технологий для нефтяной отрасли королевства и гарантом его безопасности.

С точки зрения Вашингтона сотрудничество американцев с Эр-Риядом позволяет выделить по крайней мере два этапа в контексте доступа к саудовским нефтяным месторождениям. Первый продолжался до начала 1970-х гг., когда американцы владели учрежденной ими нефтяной компанией на территории королевства, самостоятельно определяли ценовую политику и рынки сбыта. Второй — после 1970-х гг., когда саудиты постепенно выкупили акции нефтяной компании у американцев, взяли контроль над ценовой политикой и маршрутами поставки добываемых ими энергоресурсов.

Обладая масштабными запасами нефти на своей территории, Саудовская Аравия до начала мирового углеводородного кризиса 1973 г. не имела профильной экспертизы, технологий и капиталов для самостоятельного создания собственной нефтяной промышленности. Ее возникновению королевство

¹ Kluth A. The US Is Treating the Saudis as It Should Treat NATO [Электронный ресурс] // Bloomberg. 17.11.2025. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2025-11-17/saudi-arabia-security-deal-should-preserve-us-strategic-ambiguity> (дата обращения: 22.11.2025); Manchester J. Trump designates Saudi Arabia as major non-NATO ally in defense agreement [Электронный ресурс] // The Hill. 18.11.2025. URL: <https://thehill.com/policy/defense/5612069-trump-designates-saudi-arabia-as-major-non-nato-ally-in-defense-agreement/> (дата обращения: 22.11.2025); Manuel R. US Designates Saudi Arabia as 20th Major Non-NATO Ally [Электронный ресурс] // The Defense Post. 21.11.2025. URL: <https://thedefensepost.com/2025/11/21/us-saudi-non-nato-ally/> (дата обращения: 22.11.2025).

целиком обязано США. Затем Эр-Рияд успешно воспользовался экономической и политической конъюнктурой для постепенного взятия под контроль американской компании Агамко и превращения последней в крупнейшую корпорацию по капитализации в мире.

Технологии и безопасность все еще остаются уязвимыми сторонами Саудовской Аравии, а потому и в будущем будут использоваться Вашингтоном для влияния на политику Эр-Рияда, стремящегося уравновесить влияние США китайскими технологиями (сервисные подразделения китайских нефтяных корпораций Sinoppec, CNPC, COOEC и Zhongman Petroleum and Natural Gas Group на текущий момент активно работают на территории королевства). Главным конкурентным преимуществом королевства является самая низкая себестоимость на уровне 4–5 долл. за баррель¹. В настоящее время, наращивая объем добычи и тем самым снижая мировые цены до планки в 60 долл. за баррель, Саудовская Аравия имеет уникальные возможности оставить американцев вне игры и, как следствие, вернуть себе существенную долю на рынке.

III. Заключение и результаты

Рассмотренный выше материал позволяет сделать два вывода и подтвердить ранее сформулированную автором гипотезу.

I. Доступ к ресурсно-сырьевой базе был и навсегда останется стратегически необходимым условием выживания любого самодостаточного государства. Возможность получения физического доступа к сырьевым ресурсам предопределяется четырьмя условиями:

- а) наличием у государства собственных месторождений или доступа к источникам сырья на чужой территории;
- б) доступом к капиталу для финансирования проектов по добыче природных ресурсов;
- в) передовыми технологическими решениями по разведке и добыче сырья в кратчайшие темпы и экономически оптимальным образом;
- г) мощными вооруженными силами, способными обеспечить безопасную добычу сырья как на собственной территории, так и в государстве стратегического партнера, чьи точки доступа к ресурсной базе могут быть подвержены угрозам аннексии или разрушения в интересах сторонних игроков.

II. По принципу возможностей доступа к сырьевой базе все государства можно классифицировать на четыре типа. Одно и то же государство при этом может относиться к различным группам в зависимости от конкретного сырьевого товара и исторического периода.

1. Слабые государства с низким потенциалом получения и удержания доступа — это страны без достаточной для удовлетворения внутренних потребностей сырьевой базы и без инструментов получения и удержания доступа к ресурсам на территории других стран. В работе намеренно не рассмотрены примеры государств, которые не владеют ни одним из выше указанных преимуществ. В их случае отсутствие прямого доступа к сырьевой базе и инструментов получения такого доступа в других странах является очевидной стратегической уязвимостью. Эта уязвимость может быть частично компенсирована сильными позициями в других нишах международных отношений, а также — в рамках все того же базового товара — преимуществами в сферах обрабатывающей промышленности, рынков сбыта, ценообразования, логистики и инфраструктуры для банковских транзакций.
2. Слабые государства с высоким потенциалом получения и удержания доступа — это страны без достаточной сырьевой базы, но обладающие одним или несколькими инструментами получения и удержания доступа к ресурсам. Благодаря наличию мощной армии такие страны могут провести аннексию территорий богатых ресурсами государств или предложить таким странам гарантии безопасности, технологии разведки и добычи ресурсов, а также капитал, необходимый для реализации профильных проектов. С 1970-х гг. по 2014–2015 гг. под данную классификационную группу подпадали США, полностью не закрывавшие собственные потребности в нефти внутренними ресурсами,

¹ Opec oil 'price war' will halt shale boom, say US producers, 2025. 14.08.2025 [Электронный ресурс] // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/e3bc8d6b-0b07-4416-bbe1-52704ae0e07b> (дата обращения: 4.09.2025).

но импортировавшими нефть из Саудовской Аравии, предоставляя королевству за это возможности опираться на американские вооруженные силы, капитал и технологии.

3. Богатые государства с низким потенциалом самостоятельного освоения и удержания ресурсов — это страны с сырьевой базой, лишенные одного или нескольких условий для эффективного освоения и удержания ресурсов. За счет партнерств с зарубежными игроками государства, владеющие ресурсами, получают инвестиции и технологии для поиска месторождений и добычи сырья, а также протекцию, гарантирующую, что эти богатые ресурсами территории не будут разрушены или изъяты третьими странами в рамках захватнических военных кампаний. К этой группе, в частности, относится и Саудовская Аравия. Эр-Рияд со временем существенно расширил собственные возможности по самостоятельному финансированию проектов по разведке месторождений и добыче, но остался зависим от Вашингтона в части технологий и обеспечения безопасности.
4. Богатые государства, самостоятельно осваивающие и удерживающие ресурсы, — это страны, обладающие всеми четырьмя условиями: месторождениями, удовлетворяющими внутренний спрос, капиталом для финансирования разведки и разработки сырьевой базы, технологиями эффективного производства ресурсов и обороноспособностью для защиты последних. В период до 1970-х гг. и начиная с 2014–2015 гг. по настоящее время, к этой категории относятся США, являющиеся мировым лидером по военной мощи, технологиям разведки и добычи нефти и наличию капитала для финансирования профильных проектов¹.

Список литературы

1. Бушуев Е. С. Международный рынок сырьевых товаров как операционная среда геополитического противоборства: классификация целей и исторические иллюстрации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 148–155. EDN: BAQMDR.
2. Виноградов Р. Ф. Фактор новой власти Саудовской Аравии в саудовско-американских отношениях. «Саудовское Видение — 2030» // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 162–168. EDN: ZITRRN.
3. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М. : Альпина-Паблишер, 2011. 944 с. ISBN: 978-5-9614-1252-9.
4. Ергин Д. Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющие климат, и столкновение наций. М. : Альпина-Паблишер, 2022. 443 с. ISBN: 978-5-907394-27-8.
5. Зейхан П. Конец мира — это только начало. Экономика после краха глобализации. М. : Альпина Паблишер, 2024. 664 с. ISBN: 978-5-9614-8248-5.
6. Тюкаева Т. И. Ближний Восток и Северная Африка. Стабилизация не снимает проблем // Россия и мир в 2020 году. Контуры тревожного будущего / под ред. А. О. Безрукова, А. А. Сущенцова. М. : Эксмо, 2015. 384 с. С. 156–185.
7. Уолд Э. Р. Saudi, INC. История о том, как Саудовская Аравия стала одним из самых влиятельных государств на геополитической карте мира. М. : Альпина Паблишер, 2019. 272 с. ISBN: 978-5-9614-2066-1.
8. Хоун Б., Шек Дж. Нефть и кровь: Беспощадная борьба наследного принца Саудовской Аравии за мировое господство, М. : Альпина Паблишер, 2025. 464 с. ISBN: 978-5-9614-9182-1.
9. Bain C. Guide to Commodities. Producers, Players and Prices; Markets, Consumers and Trends. Second Edition. London : The Economist Newspaper Ltd, 2021. 288 p. ISBN: 1788166027.
10. Blas J., Farchy J. The World for Sale. Money, Power, and the Traders who Barter the Earth's Resources. Oxford University Press, 2021. 416 p. ISBN: 0197651534, 9780197651537.
11. Kell K. The Secret Club that Runs the World. Inside the Fraternity of Commodity Traders. London : Penguin Random House UK, 2014. 304 p. ISBN: 9780670922673.
12. O'Sullivan E. The New Gulf — How Modern Arabia is Changing the World for Good. Dubai : Motivate Publisher, 2009. 346 p. ISBN: 9781860632297.

¹ В статье намеренно не рассматривается более поздний период сланцевой революции в США 2014–2015 гг., поскольку эта тема будет раскрыта в последующей публикации автора.

Об авторе:

Бушуев Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: bushuevevg88@yandex.ru

References

1. Bushuev, E. S. International Commodities Market as an Operational Environment for Geopolitical Rivalry: Classification of Goals and Historical Illustrations // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 148–155 (In Russ.). EDN: BAQMDR.
2. Vinogradov, R. F. Factor of Ingoing Administration of Saudi Arabia in the Saudi-American Relations. Saudi Vision 2030 // Administrative Consulting. 2017; No. 8. P. 162–168 (In Russ.). EDN: ZITRRN.
3. Yergin, D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power. Moscow : Alpina-Publisher, 2011. 944 p. ISBN: 978-5-9614-1252-9 (In Russ.).
4. Yergin, D. H. The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations. Moscow : Alpina-Publisher, 2021. 443 p. ISBN: 978-5-907394-27-8 (In Russ.).
5. Zeihan, P. The End of the World is Just the Beginning. Mapping the Collapse of Globalization. Moscow : Alpina Publisher, 2024. 664 p. ISBN: 978-5-9614-8248-5 (In Russ.).
6. Tyukaeva, T. I. The Middle East and Northern Africa. Stabilization Does not Take off Problems // Russia and the World in 2020. Contours of the Worrying future / ed. by A. O. Bezrukov, A. A. Sushentsov. Moscow : Exmo, 2015. 384 p. P. 156–185 (In Russ.).
7. Wald, E. R. Saudi Inc.: The Arabian Kingdom's Pursuit of Profit and Power. Moscow : Alpina Publisher, 2019. 272 p. ISBN: 978-5-9614-2066-1 (In Russ.).
8. Hope, B., Scheck, J. Blood and Oil: Mohammed bin Salman's Ruthless Quest for Global Power. Moscow : Alpina Publisher, 2025. 464 p. ISBN: 978-5-9614-9182-1 (In Russ.).
9. Bain, C. Guide to Commodities. Producers, Players and Prices; Markets, Consumers and Trends. Second Edition. London : The Economist Newspaper Ltd, 2021. 288 p. ISBN: 1788166027.
10. Blas, J., Farchy, J. The World for Sale. Money, Power, and the Traders who Barter the Earth's Resources. Oxford University Press, 2021. 416 p. ISBN: 0197651534, 9780197651537.
11. Kelly, K. The Secret Club that Runs the World. Inside the Fraternity of Commodity Traders. London: Penguin Random House UK, 2014. 304 p. ISBN: 9780670922673.
12. O'Sullivan, E. The New Gulf — How Modern Arabia is Changing the World for Good. Dubai : Motivate Publisher, 2009. 346 p. ISBN: 9781860632297.

About the author:

Evgeny S. Bushuev, PhD in History, Independent researcher (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: bushuevevg88@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Бушуев Е. С., 2025

Таджикистан в СНГ: направления, достижения и перспективы сотрудничества

10 октября 2025 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин, завершая трехдневное пребывание в Республике Таджикистан, в ответах на вопросы представителей средств массовой информации, в частности, особо отметил современное понимание роли Содружества Независимых Государств: «...мы живем в тех условиях, которые исторически сложились, и должны жить не только в этих условиях, но и смотреть, как нам обустроить это пространство, как нам двигаться дальше и не утратить конкурентные преимущества, которые возникли в результате создания на пространствах бывшего СССР единой логистики, единой кооперации в промышленности, единого культурного кода... Какими бы ни были большими различия в культуре самых разных народов бывшего Советского Союза, но какой-то единый морально-нравственный код советского человека все-таки был. И это тоже имеет определенное значение. И сохранение всего того, что досталось от Советского Союза, — эту задачу СНГ и призвано решать»¹. И решать сообща со всеми бывшими союзными республиками СССР — такова социальная диалектика. В этом году Республика Таджикистан отмечает 34-летие со дня вступления в СНГ. Если на начальном этапе после обретения независимости для Таджикистана членство в СНГ было важным этапом международной интеграции, то на современном этапе СНГ выступает в качестве одной из основных площадок для укрепления сотрудничества между его участниками по политическим, экономическим, социальному и гуманитарным вопросам².

Таджикистан является членом семи уставных органов Содружества, включая Советы глав государств, правительства и министров, и активно участвует в деятельности более восьмидесяти отраслевых структур СНГ³. Страна стремится к модернизации системы СНГ, укреплению экономических связей и созданию устойчивой правовой базы сотрудничества.

За годы членства Таджикистан проявил себя как активный сторонник укрепления мира, стабильности и безопасности в регионе, участвуя в совместных программах по борьбе с терроризмом, экстремизмом, наркотрафиком и другими современными угрозами. Душанбе неоднократно выступал инициатором диалога между странами СНГ и служил площадкой для проведения важных международных встреч. Республика Таджикистан играет ключевую роль в обеспечении безопасности и стабильности государств — участников СНГ, обеспечивая безопасность самой протяженной и сложной южной границы СНГ — с Афганистаном (более 1300 км).

Таджикистан заинтересован в развитии торговых, транспортно-логистических и энергетических отношений со странами СНГ и активно участвует в реализации проектов в этих областях. СНГ служит площадкой для реализации соглашений о свободной торговле, координации таможенной политики и других интеграционных инициатив.

В этом контексте трудовая миграция остается важным фактором, связывающим экономику Таджикистана с рынками труда других стран СНГ.

Особое внимание уделяется также гуманитарной сфере, включая развитие образования, науки, культуры и молодежных обменов. Совместные программы СНГ способствуют укреплению связей между людьми и сохранению общего культурного пространства. Таджикистан активно участвует в гуманитарных проектах СНГ, включая студенческие обмены, научные и культурные программы, а также содействие формированию единого историко-культурного пространства. Именно в Душанбе в мае 2006 г. Решением

¹ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов [Электронный ресурс] // Сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78186> (дата обращения: 16.10.2025).

² О сотрудничестве Республики Таджикистан в рамках СНГ [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/148/tadzhikistan-i-sodruzhestvo-nezavisimykh-gosudarstv> (дата обращения: 16.10.2025).

³ Там же.

Совета глав правительств Содружества был создан Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества (МФГС)¹.

В этом контексте решением глав государств в 2015 г. город Куляб, а в 2018 году город Душанбе были объявлены культурными столицами Содружества, что способствовало укреплению культурного и гуманитарного потенциала этих городов, творческому обмену с государствами — участниками СНГ, в том числе содействию в улучшении инфраструктуры, стимулированию обмена опытом в сфере туризма. Также в рамках данной программы в этих городах был проведен ряд культурно-гуманитарных мероприятий, научных конференций, спортивных соревнований.

Гуманитарные инициативы Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона постоянно находят поддержку среди руководителей государств стран — участников СНГ. В частности, 22 февраля 2008 г. на неформальной встрече глав государств — участников Содружества Независимых Государств было единогласно принято очередное предложение Главы государства Таджикистан Эмомали Рахмона об объявлении 2008 г. Годом литературы и чтения. Следует отметить, что в том же году по предложению Таджикистана в рамках празднования 1150-летия со дня рождения великого таджикского поэта Абуабдулло Рудаки, которое проходило под эгидой всемирной культурной организации ЮНЕСКО, состоялся III Форум творческой и научной интеллигенции государств — участников СНГ².

Таджикистан неоднократно председательствовал в Содружестве Независимых Государств и внес значительный вклад в совершенствование деятельности организации. В период председательства Республика Таджикистан продвигала вопросы региональной безопасности, экономических связей, цифрового развития и устойчивого будущего. Так, 5 октября 2007 г. в Душанбе на очередной встрече глав государств СНГ было принято решение о создании Совета руководителей миграционных органов государств — участников СНГ и подписаны документы по вопросам взаимодействия правоохранительных органов и силовых структур в сфере безопасности и обороны, включая борьбу с терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, различными преступлениями и правонарушениями. На заседании Совета глав государств СНГ 3 сентября 2011 г. были обсуждены более десяти важных вопросов, в том числе: аналитический доклад «Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу», Соглашение об увековечении памяти о мужестве и героизме народов государств — участников СНГ в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, Соглашение об организации действий дежурных по противовоздушной обороне сил государств — участников СНГ при получении информации о захвате (угоне) воздушного судна, План основных мероприятий по реализации Концепции дальнейшего развития СНГ и другие³.

28 сентября 2018 г. в Душанбе в третий раз прошло заседание Совета глав государств Содружества Независимых Государств, на котором заметно расширился круг принимаемых решений, в частности, о Конвенции СНГ о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях, о Соглашении о Сотрудничестве государств — участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, а также Заявление глав государств — участников Содружества Независимых Государств о Всемирных играх кочевников, Заявление глав государств — участников СНГ по случаю 90-летия Чингиза Айтматова и др.⁴

С 1 января 2025 г. Председательство в СНГ перешло к Республике Таджикистан⁵, которая в тесном взаимодействии с государствами-участниками и Исполнительным комитетом продолжила комплексную

¹ О сотрудничестве Республики Таджикистан в рамках СНГ [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/148/tadzhikistan-i-sodruzhestvo-nezavisimykh-gosudarstv> (дата обращения: 16.10.2025).

² Газета «Джумхурият». 26.02.2008. № 27. URL: <https://jumhuriyat.tj/> (На тадж. яз.).

³ Газета «Садои мардум». 06.09.2011. №114. URL: <https://sadoimardum.tj/> (На тадж. яз.).

⁴ Газета «Садои мардум». 29.09.018. №118. URL: <https://sadoimardum.tj/> (На тадж. яз.); Сайт Президента Республики Таджикистан [Электронный ресурс]. URL: https://president.tj/event_by_theme/international_structures/cis/16921 (дата обращения: 16.10.2025).

⁵ Концепция председательства Республики Таджикистан в Содружестве Независимых Государств в 2025 году [Электронный ресурс] // Сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств. URL: <https://eccis.org/img/news/28765/6772be667db92.pdf> (дата обращения: 16.10.2025); План мероприятий по реализации Концепции председательства Республики Таджикистан в Содружестве Независимых Государств в 2025 году [Электронный ресурс] // Сайт Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств. URL: <https://eccis.org/img/page/19350/67dc16a7050cb.pdf> (дата обращения: 16.10.2025).

работу по эффективной реализации намеченных целей. В период председательства были проведены десятки мероприятий различного уровня и формата. Приоритетное внимание было уделено процессу совершенствования деятельности Организации, расширению торгово-экономического взаимодействия, развитию транспортно-логистической взаимосвязанности и цифровой интеграции. Соответствующее внимание уделялось укреплению сотрудничества в сфере безопасности, в частности, вопросам борьбы с рисками и угрозами безопасности. Деятельность Таджикистана в качестве председателя в целом была нацелена на достижение практических результатов в развитии сотрудничества в рамках Содружества.

В итоговом документе заседания Совета глав государств СНГ (10 октября 2025 г.) особое внимание было уделено вопросам политического сотрудничества, связанного с учреждением «Содружества Независимых Государств плюс» и предоставлением Шанхайской организации сотрудничества статуса Наблюдателя при СНГ, что свидетельствует о близости целей и принципов обеих организаций, общности их позиций по ключевым вопросам международной повестки. Оба объединения привержены равному и полному соблюдению общепризнанных принципов и норм международного права¹.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон по решению Правления Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ за укрепление мира, дружбы, сотрудничества и взаимопонимания между народами СНГ, за плодотворную деятельность по сближению и взаимообогащению национальных культур, за вклад в развитие науки, образования и просвещения награжден медалью «За заслуги в развитии гуманитарного сотрудничества»².

Таким образом, за тридцать четыре года участия в развитии СНГ Республика Таджикистан зарекомендовала себя как надежный партнер, активно способствующий развитию взаимопонимания и взаимовыгодного сотрудничества. Участие в СНГ остается важным направлением внешней политики Таджикистана и фактором стабильности на всем постсоветском пространстве. Таджикистан подтвердил свою активную роль в политике, экономике и гуманитарном сотрудничестве. Членство в СНГ позволило стране укрепить политическую и экономическую стабильность, участвовать в совместных проектах и инициативах, развивать культурные и образовательные связи с другими постсоветскими и прочими странами.

Тридцать четыре года членства в СНГ свидетельствуют о том, что Таджикистан является активным, ответственным и значимым участником интеграционных процессов, внося существенный вклад в укрепление международной стабильности и сотрудничества на евразийском пространстве. Республика Таджикистан является конкретным примером сохранения традиций Русского мира на постсоветском пространстве и ответственного выбора приоритетов в многополярном мироустройстве.

Рухсора Расулзода

канд. полит. наук, Академия государственного управления
при Президенте Республики Таджикистан
e-mail: rukhsoraniyozi@gmail.com

¹ Итоги заседания Совета глав государств СНГ (10 октября 2025 года) [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: https://eccis.org/news/30919/itogi_zasedaniya_soveta_glav_gosudarstv_sng (дата обращения: 16.10.2025).

² Президент Таджикистана награжден медалью МФГС [Электронный ресурс] // Сайт Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ. URL: <https://eccis.org/news/30916> (дата обращения: 16.10.2025).

Публикации в журнале «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2025 г.			
ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	№ 1	Глазьев С. Ю. Какой должна быть роль институтов развития в новом мирохозяйственном укладе	с. 9
	№ 2	Глазьев С. Ю. Союзное государство как оптимальная форма нового мирохозяйственного уклада	с. 9
	№ 3	Глазьев С. Ю. О прогнозировании социально-экономического развития Союзного государства России и Беларуси	с. 9
	№ 4	Глазьев С. Ю. О перспективах развития Союзного государства	с. 9
ГЛАВНОЕ	№ 1	Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Союзное государство на новом этапе экономической и социально-политической интеграции	с. 11
	№ 1	Кефели И. Ф., Когут В. Г., Нурышев Г. Н. Перспективы укрепления геополитического контура Союзного государства	с. 19
	№ 2	Баева Л. В. Аксиология Победы в Великой Отечественной войне: культурно-историческая память в России и странах Запада	с. 12
	№ 2	Козьменко Ю. С. Морские и континентальные контуры геополитического статуса современной России	с. 23
	№ 3	Межевич Н. М., Хлутков А. Д. Экономический суверенитет России в контексте тенденций развития мировой и европейской экономики	с. 11
	№ 4	Кефели И. Ф. Судьба России — от поддержания политического равновесия в Европе к «собирателю» Большой Евразии	с. 11
ЭКОНОМИКА	№ 1	Абдихамитов Д. К., Медведева Ю. М. Роль энергетических рынков ЕАЭС в реализации экономических интересов Казахстана	с. 32
	№ 1	Мосейко В. В., Головацкая В. С. Развитие института самозанятых в Казахстане и России	с. 44
	№ 1	Куклина Е. А., Борщева Е. Д. Развитие форм организации туризма в КНР на основе пространственного подхода: имплементация опыта России	с. 56
	№ 1	Перышкин М. О. Влияние иноязычного населения Эстонии на развитие высокотехнологичных услуг	с. 71
	№ 1	Гореловская М. Д. Перспективы развития рынков газового конденсата и сжиженного углеводородного сырья	с. 85
	№ 2	Бойко И. В. Взаимная торговля стран БРИКС в логике интеграционного взаимодействия	с. 33
	№ 2	Зубова Л. В. Рискоустойчивость международной производственной кооперации стран БРИКС	с. 44
	№ 2	Ягъя Т. С., Баранова Л. Ю. К вопросу о внедрении искусственного интеллекта в Германии	с. 56
	№ 2	Гетман А. Г., Голубкова Е. А. Актуальные вопросы технического регулирования в ЕАЭС в условиях легализации параллельного импорта товаров	с. 67
	№ 3	Жиряева Е. В., Зверев А. А. Цели сотрудничества России и Китая по развитию Северного морского пути: позиция государств и бизнеса	с. 20
	№ 3	Маматов Н. Д., Орёл А. А., Бондаренко А. В., Ворона А. А. Цифровая трансформация международной торговли в Кыргызстане	с. 31
	№ 3	Карпенко К. А., Зубова Л. В. Модель управления рискоустойчивостью и рискоемкостью на предприятиях оборонно-промышленного комплекса при производстве продукции двойного назначения	с. 42
	№ 3	Миэда А. К. Влияние конгрессно-выставочной деятельности на современное экономическое развитие России	с. 55
	№ 4	Крылова А. А. Региональные меры поддержки инвестиционных проектов: проблемы и решения	с. 22
	№ 4	Мосейко В. В. Особенности национального регулирования самозанятых в странах ЕАЭС	с. 34
	№ 4	Куклина Е. А. Арктический макрорегион в потоке времени и смыслов (к вопросу международного арктического сотрудничества)	с. 47
	№ 4	Гвоздева М. А., Баринова В. А., Леваков П. А. Трансформация туризма в парадигме устойчивого развития	с. 59
ПРАВО	№ 1	Агамагомедова С. А. Публичный правопорядок: евразийское измерение	с. 98
	№ 1	Перевалов Д. В. Гармонизация законодательства о безопасности в рамках Союзного государства	с. 109
	№ 1	Алексеев Г. В., Харина О. Н. Правовое регулирование взаимодействия государства и международных журналистских организаций в евразийском медиапространстве	с. 118
	№ 1	Галицкая Н. В. Космическое право на распутье коммерческой экспансии космического пространства	с. 130
	№ 2	Дроздова М. А. Единая терминология для международных перевозок в рамках ЕАЭС	с. 78
	№ 2	Ларютина И. А., Ларютина А. С. Правовые формы международной экономической интеграции	с. 86
	№ 2	Игнатьев М. А., Федосов И. В. Особенности таиландского законодательства о праве обладания собственностью на недвижимость	с. 96
	№ 3	Сергевнин С. Л., Алексеев Г. В., Калкэй Е. И. Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с Интерполом в контексте борьбы с киберпреступностью	с. 68
	№ 3	Дроздова М. А. Единое транспортное пространство ЕАЭС: от деклараций к механизму правовой конвергенции	с. 80
	№ 4	Сергевнин С. Л., Алексеев Г. В., Павлов Т. М. Современная концепция агрессии и правовые принципы урегулирования региональных вооруженных конфликтов	с. 71

	№ 4	Игнатьев А. С. Проблемы единого (единообразного) толкования нормативных положений в рамках единой правовой системы Союзного государства	с. 82
	№ 4	Агамагомедова С. А. Правовое регулирование государственного контроля и надзора: евразийская повестка	с. 90
	№ 4	Ковалёв В. С., Максимов С. В. Фармацевтический сектор как драйвер технологической независимости ЕАЭС, БРИКС, АСЕАН: вопросы проконкурентного правового регулирования (Часть 1)	с. 98
ПОЛИТИКА	№ 1	Николаенко А. В., Куркина Е. Н. Поворот России на Восток: перспективы сотрудничества со странами Большой Евразии	с. 141
	№ 1	Колесникова М. А. Динамика развития политических и экономических отношений Турции и Индии в рамках Большого евразийского пространства	с. 150
	№ 1	Щербань А. В. Политика обеспечения информационной безопасности в государствах — членах ШОС	с. 159
	№ 1	Баранов Н. А., Берете Бакари Блонд. Политические партии Гвинейской Республики в формировании внешнеполитического курса страны: евразийский акцент	с. 171
	№ 2	Андреева В. И., Васильева Н. А. Политическая активность России в достижении целей устойчивого развития	с. 106
	№ 2	Крупина А. А. Человеческий капитал как драйвер развития стран Большого Евразийского партнерства	с. 118
	№ 2	Белая Е. К., Кашина М. А. Политика привлечения иностранных студентов странами Северо-Восточной Азии	с. 131
	№ 2	Михеева Н. М., Богатуров Д. С. Основные тенденции развития миграционной ситуации в Республике Крым в период 2014–2021 гг.	с. 144
	№ 2	Величко А. И. Реализация молодежной политики в условиях цифровизации Союзного государства России и Беларуси	с. 157
	№ 2	Харитонова Н. И., Шебанов А. В. Интеграционные стратегии Союзного государства России и Беларуси: практика политического взаимодействия	с. 169
	№ 2	Лю И., Степанов С. А. Сравнительный анализ политики зеленых умных городов в России и Китае на основе SWOT-анализа	с. 180
	№ 3	Торопыгин А. В., Киселёва А. А. Мировая проблема недостатка воды: кейс Центральной Азии	с. 91
	№ 3	Кожухова К. Е. Генезис и доктринальные черты стратегической культуры России	с. 103
	№ 3	Van Минцюнь, Погодин С. Н. Сравнительный анализ социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме	с. 113
	№ 3	Чжан Цзинкай, Лбова Л. В. Deepseek (AI) в рамках концепта китайского технологического национализма XXI в.	с. 123
	№ 3	Чмырева В. А. Турецкий фактор на пространстве ЕАЭС: конкурентное сотрудничество с позиции интересов России	с. 137
	№ 3	Бушуев Е. С. Международный рынок сырьевых товаров как операционная среда geopolитического противоборства: классификация целей и исторические иллюстрации	с. 148
	№ 4	Сердюков И. А. ЕАЭС: достижения интеграции в социальной, культурной и научной сферах	с. 108
	№ 4	Колобова Е. Ю. Трансформация политического медиапространства в странах Евразийского экономического союза	с. 117
	№ 4	Суточкин Р. С. Роль проекта «Большое Евразийское партнерство» в политике Казахстана через призму его участия в СНГ, ЕАЭС и ОДКБ	с. 129
	№ 4	Мохорова А. Ю., Черноземова Я. В., Демидова Е. Н. Механизмы совершенствования межпарламентского сотрудничества на постсоветском пространстве	с. 139
	№ 4	Ровчак А. Ю. Интегративно-симбиотическая модель формирования основ коллективного цифрового суверенитета БРИКС	с. 150
	№ 4	Веселова Д. Н., Пономарев М. Ю. Участие российской газовой компании в проектах, реализуемых в рамках государственно-частного партнерства (на примере ПАО «Газпром»)	с. 161
	№ 4	Арсентьева И. И. БРИКС как новый центр силы в глобальном здравоохранении: вызовы и перспективы	с. 172
	№ 4	Бушуев Е. С. Доступ к ресурсно-сырьевой базе в оценке позиций государств на международных сырьевых рынках: опыт становления нефтяной отрасли Саудовской Аравии	с. 182
ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА	№ 1	Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о гарантиях безопасности в рамках Союзного государства	с. 183
	№ 2	Волкова О. А., Исаков В. Б., Волчков В. Ю., Тюрин И. А. Молодежь стран — членов ЕАЭС объединяется для со-действия здоровому долголетию	с. 190
	№ 3	Кефели И. Ф., Березовская Р. А. IX Международный Невский форум: итоги работы	с. 158
	№ 3	Глазьев С. Ю. Рецензия на научный доклад «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС»	с. 161
	№ 3	Выходец Р. С., Межевич Н. М. Рецензия на монографию «Россия и евразийская интеграция в многополярном мире»	с. 164
	№ 4	Расулзода Р. Таджикистан в СНГ: направления, достижения и перспективы сотрудничества	с. 193

2025. Том 19, № 4

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
eijournal@ranepa.ru

Корректоры
Е. В. АНТОНОВА,
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНКО

Дата выхода в свет 30.12.2025.

Подписано к печати: 15.12.2025

Формат 84×108 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,375. Тираж 50 экз.

Заказ № ЕИ4/2025.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Распространяется бесплатно.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д.61
Тел. (812) 335-94-72

Контент доступен под лицензией
Creative Commons Attribution 4.0

Правила для авторов

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

“EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS” is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal’s partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。